

В печать
3.05.2011
 (Нелина Елена)

Мои собаки

Повести для подростков и взрослых,
которые любят животных

если возможно,
то внесите, пожалуйста,
правку на стр. 4 (3 испр.)

Москва
НО «ИЦ «Москвоведение»
2011

Эти повести отмечены премиями:

**Первой премией Всероссийского конкурса
на лучшую книгу о животных 2004 г.**

**Первой премией международного конкурса
им. А. Толстого 2005 г.**

**Международной премией им. С. Михалкова
«Облака» 2009 г.**

ЛЕОНИД СЕРГЕЕВ

МОИ СОБАКИ

САМЫЙ ДРУЖЕЛЮБНЫЙ ПЁС НА СВЕТЕ

ЖЕЛЕЗНЫЙ ДЫМ

МОЯ ПРЕКРАСНАЯ ПОДРУЖКА

*Повести для подростков
и взрослых, которые любят
животных*

Рисунки автора

УДК 821.161.1-31/32 Сергеев
ББК 84 (2Рос=Рус) 6-4
С32

Иллюстрации, оформление и макет Л. Сергеева

Сергеев Л.А.

С32 Мои собаки : Повести для подростков и взрослых, которые любят животных. — М. :
НО «ИЦ «Москвоведение», 2011, — 384 с. : ил.
ISBN 978-5-905118-02-9

Это высоконравственные и гуманные повести. Они призывают к доброжелательным отношениям между людьми, к заботе о природе и животных. Повести отличаются самобытной интонацией, лирическим тоном и юмором.

В книгу вошли три повести: «Самый дружелюбный пёс на свете», «Железный Дым» и «Моя прекрасная подружка».

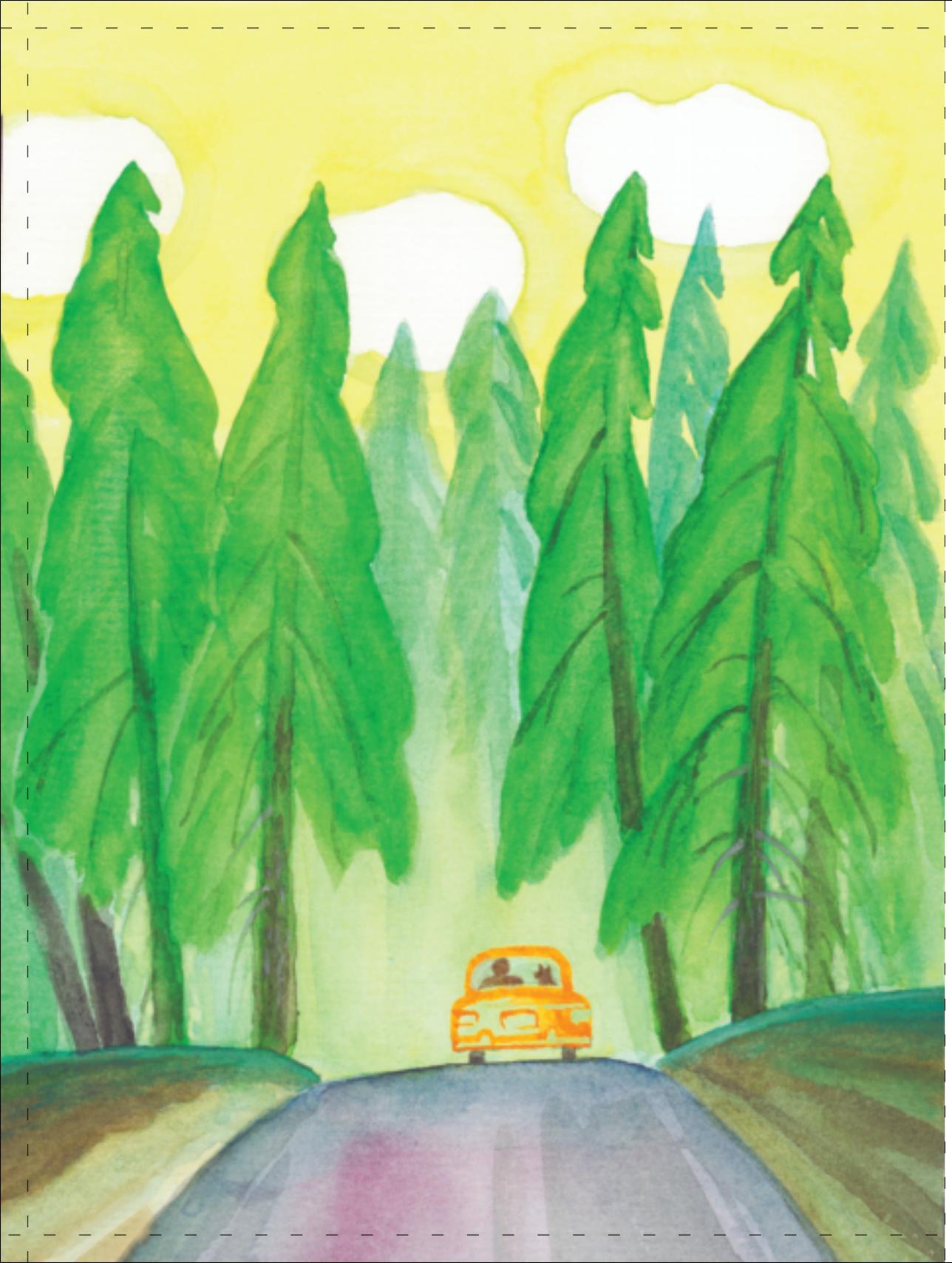
УДК 821.161.1-32/32 Сергеев
ББК 84 (2Рос=Рус) 6-4

ISBN 978-5-905118-02-9

© Сергеев Л.А., текст, иллюстрации, 2011
© НО «ИЦ «Москвоведение», 2011

САМЫЙ ДРУЖЕЛЮБНЫЙ ПЁС НА СВЕТЕ

Предисловие

Я собачник до мозга костей, то есть всю жизнь живу с собаками и могу авторитетно заявить: умнее и преданнее животных на свете нет. Конечно, и среди собачьей братии попадаются отдельные дураки и порядочные хамы, но таких единицы, и, как правило, это разные избалованные «декоративные аристократы» и сторожевые псы, которым с малолетства прививают ненависть ко всему, что движется.

А вот бездомные дворняги — те все без исключения смышлёные и добродушные. Они хотят кому-нибудь принадлежать, тянутся к человеку, ищут себе хозяина, а их шпыняют все, кому не лень, да ещё собаколовы отлавливают. И что ж удивительного, что некоторые из них дичают и озлобляются. Зато уж если кто приручит такую собаку, в награду получит невероятную всепрощающую любовь и самоотверженную преданность.

Англичане проводили опыт: отобрали десять собак различных пород, в том числе и обыкновенных ничейных дворняг, и предложили им задачи. Не математические, разумеется, а задачи на сообразительность. Весьма сложные задачи — примерно такие, которые задают дошкольникам, показывая разные предметы и составляя картинки из кубиков. И вот эти сложные задачи дворняги решили быстрее всех. Породистые собаки тоже решили, но всё же после того, как поломали голову. А дворняги это сделали моментально.

Да что там! Мой беспородный пёс Челкаш умнее многих моих приятелей — он понимает и чувствует не меньше, чем они все, вместе взятые, и уж гораздо больше, чем каждый из них в отдельности.

Глава первая, в которой кое-что объясню

Он всегда в прекрасном настроении — рот растянут в улыбке, в глазах веселье; у него горячие чувства ко всем без разбора, он всех принимает в друзья, всем даёт лапу, ко всем лезет целоваться. Мы уже семь лет живём в одной квартире, но каждое утро он приветствует меня с такой радостью, словно мы не виделись несколько месяцев.

Бывает, на меня навалются неприятности, но увижу его сияющую мордашу и думаю — ничего, не расклеюсь, ведь у меня есть надёжный друг, с ним не пропаду. Бывает, прихватят болезни, но обниму его, поглажу, чмокну в прохладный нос — и болезни отступают; честное слово, он излучает какую-то лечебную энергию. С ним никогда не бывает скучно — у него целое море жизненных сил. Таков мой пёс Челкаш, самый дружелюбный на свете.

Эта повесть о нашем с Челкашом путешествии. Представьте себе старый «Запорожец», который катит по просёлочным дорогам Подмосковья. За рулём машины сидит мужчина средних лет, рядом, на месте штурмана, восседает собака, тоже среднего, собачьего, возраста. Мужчина спокойно крутит «баранку», насвистывает лёгкий мотивчик, пёс тихонько подвывает, но время от времени выдаёт лай, что значит — Сбавь скорость, впереди препятствие! Или просто хмыкает — Дальше ровный участок, поддай газку! Как вы догадались, шофёр легковушки — это я, а штурман — мой лохматый друг Челкаш.

Сразу предупреждаю — не подумайте, что наше путешествие было такой беспечной поездкой, что мы только любовались пейзажами, набивали себя вкусной деревенской едой, что всюду встречали ликующее гостеприимство и нас не покидали тёплые чувства. Конечно, всё это было, но было и другое, когда мы попадали в жуткие передряги, а то и вовсе находились в двух шагах от гибели, но, смею вас уверить, в такие моменты мы не теряли самообладания и с честью выходили из всех ситуаций. Не стану скромничать — мы с Челкашом бывалые путешественники, стреляные воробы, пять лет ходили на байдарке по разным речкам и всего испытали сполна, нас ничем не удивишь, мы закалённые, выносливые, находчивые и так далее.

Однажды я подумал — что мы так привязались к байдарке, всё ходим по речкам да по речкам, пора сменить транспорт, тем более что у моего брата есть «Запорожец» — своего рода домишко на колёсах, с откидными сиденьями-лежаками, с печкой, со своим электричеством и радиоприёмником. Имея такое средство передвиже-

ния, как машина, не надо таскать тяжеловесные рюкзаки, отпадает надобность в палатке, спальнях мешках — откинул сиденья и отдыхай сколько хочешь.

Я поделился своими мыслями с Челкашом, и он с жаром поддержал мою идею, даже лизнул меня в щёку, как бы говоря — Ты придумал нечто гениальное.

В общем, мы решили совершить сухопутное путешествие — прокатиться на «Запорожце» по Подмосковию, пофотографировать ландшафты, набраться впечатлений.

Это была захватывающая поездка со множеством приключений. Сейчас обо всём расскажу и, в отличие от путешественников, которые многое преувеличивают, а то и просто врут, расскажу всё так, как было на самом деле.

Глава вторая. Всеобщий любимец

Челкаша я купил на Птичьем рынке. Он был еще трёхмесячным щенком коричневого окраса с жёлтыми подпалинами на груди и белыми отметинами на всех четырёх лапах — природа не пожалела красок для его экстерьера. Его держал на верёвке подвыпивший мужчина в форме пожарного. Щенок топтался на месте, вертел головой в разные стороны, всем улыбался, выказывая немыслимое дружелюбие. Он мне сразу понравился — весёлый такой пузан.

Я подошёл ближе. Щенок неистово завилал хвостом и вдруг, с визгом, бросился ко мне. Он прыгал вокруг меня, плясал от восторга, радовался так, словно встретил ближайшего родственника, словно мы знакомы ещё с того времени, когда он был сосунком.

— Он тебя сразу принял за хозяина, — пожарный торопливо сунул мне в руки верёвку: — Бери, дешево отдам! Хороший кобель будет, хоть и беспородный. Охранять будет. Оценилась собака при нашей пожарной части, все щенки здоровые и жуть какие умные...

Действительно, Челкаш оказался на редкость сообразительным. Уже через два—три дня, чтобы сходить в туалет, он подбегал к входной

двери и поскуливал — просился во двор. А когда мы возвращались с прогулки, подолгу вытирал лапы о коврик.

Сейчас-то, после прогулки в дождливые, слякотные дни, он сразу идёт в ванную и задирает то одну, то другую лапу, чтобы я отмывал их и вытирал — такой чистюля. Он вообще следит за своим внешним видом: постоянно подходит к зеркалу в коридоре, разглядывает себя и так и сяк; заметит взбитую шерсть — прилизывает, обнаружит травинку — отряхивается. А если я нечаянно смахну на пол пепел от сигареты, сердито забурчит и не успокоится, пока я не замету пепел и не извинюсь перед ним.

Спустя месяц Челкаш уже выполнял все команды и вообще понимал около сотни слов.

Ко всему, у него обнаружился отличный слух — по шагам в коридоре он безошибочно определял, кто подходит к двери: если кто-либо из моих друзей — гавкает отрывисто и то высоко (значит, друг весельчак), то низко (значит, друг из числа мрачноватых), если

мой брат — поднимает радостный лай, если какая-нибудь моя приятельница — заливается переливчатым воем и прыгает, как козёл (очень любит женщин, особенно красивых, благоухающих духами). По тому, как Челкаш лает, я всегда точно знаю, кто звонит в дверь.

Сейчас внешне Челкаш довольно крупный представитель беспородного собачьего племени. У него блестящая коричнево-чёрная шерсть, умные глаза и лёгкий незлобивый характер; во дворе его называют не иначе, как «добрым и ласковым». Действительно, он со всеми приветлив, ко всем подходит, кто его ни позовёт, готов к любому идти в гости. За все свои семь лет он ни разу не рыкнул ни на одного человека, не показал зубы ни одной собаке. Он вообще благородный миротворец — чуть где начнут ссориться мальчишки или затеют драку собаки, протискивается меж противников и мотает головой — мол, перестаньте! Как вам не стыдно!

И всякую несправедливость Челкаш воспринимает чрезвычайно остро. Например, однажды дворник Иннокентий стал отгонять кошек от помойки — посчитал, что именно они вытащили из контейнера пакеты с объедками, а накануне мы с Челкашом видели, что пакеты кинули рабочие со стройки. Заметив, что Иннокентий гонит кошек метлой, Челкаш пришёл в страшное волнение, затоптался на месте, бросил в сторону дворника осуждающий взгляд и негодуя буркнул.

Что и говорить, Челкаш высокоморальный пёс. Его любят и взрослые, и дети, и все животные во дворе. Даже пёс Агат, который слишком много из себя воображает. Он живёт в элитном доме и презирает собак из наших пятиэтажек. Выходя из своего подъезда, Агат надменно и грозно осматривает двор — только и ищет, кому бы «набить морду». Даже кот-здоровяк Федя из бойлерной — бандит из бандитов, который бросается на всех своих сородичей и на всех собак; его мясом не корми, только дай подраться. Представляете, что творится, когда встречаются Агат с Федей?! То-то и оно — страшная драка! Но Челкаша эти драчуны уважают — при встрече Агат подмигивает моему другу и виляет хвостом, а Федя, в знак почтения, непременно наклонит огромную, с кастрюлю, башку.

Особенно Челкаша любит маленький трусливый кобелёк Тобик; он по пятам ходит за моим другом и рядом с большим Челкашом чувствует себя уверенней. И Челкаш любит Тобика; их связывает братская любовь.

Обычно взрослые собаки не играют с щенками и вообще избегают общения с ними — не то, что являются приверженцами суровых методов воспитания, просто требуют уважительного отношения к своему возрасту. Челкаш исключение — он с удовольствием играет с молодёжью. Случается, щенки входят в раж и прямо-таки виснут на моём друге: один вцепится в загривок, другой — в заднюю лапу, третий — в хвост, но он всё терпит, только изредка «стряхивет» нападающих, чтобы перевести дух.

Ну а собаки-подростки все до одного любят Челкаша и во всём подражают ему.

Нельзя не отметить также, что по натуре Челкаш эстет — любит всё красивое: из игрушек превыше всего ценит резинового барана с роскошными рогами-завитушками, предпочитает лежать на коврике с орнаментом, а не на простой холщёвой подстилке, и с удовольствием слушает мелодичную музыку (особенно вальсы и арии из оперетт), а во время прогулки подолгу любит цветы и бабочками. Он немало сентиментальный и тонкий, интеллигентный, несмотря на дворовое происхождение.

Недавно один мотоциклист-лихач на наших глазах сбил трясогузку. Обычно весёлый, Челкаш вдруг сник, а потом и заплакал. Его горе было очень велико; он долго обнюхивал птаху, теребил лапой — пытался оживить, но потом вздохнул и выразительно посмотрел на меня — мол, похорони бедолагу честь-честью.

Ну, и конечно, будучи общительным, Челкаш безмерно любит компании. Когда у меня собираются приятели, он веселится хоть куда! И всё старается быть в центре внимания — крутится волчком, демонстрирует акробатические прыжки, с разинутой пастью бегаёт от одного приятеля к другому, всем протягивает лапу, всех пытается лизнуть в лицо.

Если приятели приходят с жёнами, то Челкаш вертится около женщин; в их обществе корчит из себя светского льва — выпячивает грудь, держит хвост трубой, с важным видом гарцует взад-вперед, принохивается к духам, закатывает глаза, причмокивает — он актёр тот ещё! — в умении кого-то изображать ему не откажешь.

Иногда в компании мы фотографируемся, делаем групповой портрет. Взведём камеру на треноге и быстро собираемся в кучу. И Челкаш тут как тут — забежит впереди всех и скалится в объектив. Очень любит фотографироваться и, по-моему, не прочь сняться в кино, стать кинозвездой.

На прогулках при встрече с собачниками Челкаш прежде всего подбегает и здоровается с хозяином собаки, а уж потом со своим хвостатым сородичем. Челкаш познакомил меня со всеми владельцами собак в наших домах, многие из них стали моими друзьями.

Глава третья. Огнеборец

Только в одном случае мой друг проявляет строгость — когда дело касается огня. У него врождённый исключительный нюх на огонь, поскольку он ещё в детстве нанюхался дыма и копоти (от одежд пожарных и пожарных машин) и насмотрелся плакатов с языками пламени и наслушался разговоров о пожарах по неосторожности и умышленных поджогах. Короче, как только Челкаш заметит где-нибудь открытый огонь или просто учует запах гари, сразу поднимает сердитый лай. Стоит мне закурить, как он подбегает, делает губы дудкой и дует на сигарету (случалось, втайне от меня и выкидывал зажигалки в помойное ведро). Когда на кухне я включаю газовые горелки, он недовольно бурчит и, пока я готовлю еду, контролирует все мои действия и всё время принохивается — вдруг что-то подгорит! Случается, по моему недосмотру, действительно что-то подгорает, так он устраивает такой концерт, что соседи сбегаются. Почему-то Челкаш уверен, что я, растяпа, рано или поздно спалю нашу квартиру, а может, даже и весь дом.

Разумеется, и выходя на прогулку, Челкаш первым делом зорко осматривает всё дворовое пространство — не видно ли где дымка! Как-то дворник Иннокентий запалил кучу опавшей листвы — мой друг тут же сморщил лоб, подбежал и, задрвав лапу, пустил на костёр фонтан.

Ну а уж если Челкаш услышит сирену пожарной машины, я с трудом удерживаю его на поводке — он непременно должен мчаться на пожар.

— Челкаш настоящий пожарник, — говорят ребята во дворе.

— Огнеборец, — кивает дворник Иннокентий. — Приходится жечь листву, когда он, настырный, сидит дома.

В прошлые годы, бывало, ребята шутки ради поджигали бумагу у помойки — специально, чтобы Челкаш её «тушил», но потом я пресёк эти штучки, объяснил ребятам, что мой друг сильно волнуется в подобные моменты и у него может случиться нервный срыв. А такое у животных бывает, дружья, такое бывает! Ведь животные, как и люди, все переживают: так же огорчаются и радуются, так же любят и хотят быть любимыми — каждая собака и кошка, каждая птица, каждый мышонок.

Глава четвёртая.

Самая маленькая из всех машин

«Запорожца» брат предоставил нам, не поморщившись. Поглаживая свою машинешку (жёлтого цвета), он сказал:

— «Запорожец» старенький — потрескивает, позвякивает, но бежит как надо. Я зову его Малыш. Береги его, он — моё единственное богатство, не считая, конечно, жены. Машинка хорошая, неприхотливая. Да что я говорю, сам убедишься! Но учти, автолюбители относятся к ней небрежно, называют «горбатой», «мыльницей», на дороге так и норовят обогнать, подрезать, обдать грязью. Не обращай на это внимание, помни три «Д» — Дай Дорогу Дураку!

Слова брата полностью подтвердились, как только я отъехал от его дома. Какой-то шофёр грузовика, обгоняя «Запорожца», крикнул:

— Эй, малявка! Не мешайся под колёсами! Возьми к обочине!

Ну а когда с сухим треском, в облаке выхлопного газа, я въехал в наш двор и припарковался среди «Жигулей» и иномарок, то услышал и более неприятные словечки. Было воскресенье, и автолюбители копались в своих машинах, но увидев меня, вылезавшего из «Запорожца», с невероятной поспешностью забросили работу и обступили мой автотранспорт. Послышались насмешки:

- Груда железок! Консервная банка, а не машина! Ведро с гайками!
- Иметь такую колымагу — только выбрасывать деньги на ветер, — сказал владелец новенькой восьмёрки.

— Металлолом на колёсах! — авторитетно заявил владелец иномарки. — Ни солидности, ни комфорта!

Даже дворник Иннокентий обозвал «Запорожец» «неказистой керосинкой».

Не скрою, было обидно это слышать, но я стойко перенёс все оскорбления в адрес Малыша и спокойно сказал:

— Зато машинка малогабаритная. На любом пятаке развернёшься, по любой тропе прокатишь. И она самая лёгкая из всех легковушек — если где застрянешь, любой подросток вытолкнет. И она самая дешёвая и самая экономичная — в два раза меньше пьёт бензина, чем ваши машины. Меня «Запорожец» вполне устраивает.

Автовладельцы хмыкнули, пожалы плечами и вернулись к своим машинам, а я пошёл за Челкашом, чтобы продемонстрировать ему наше новое транспортное средство.

Понятно, Челкашу Малыш понравился; ему вообще нравится всё, что связано со мной: все мои вещи, все мои работы (к ним относится с трепетом), все мои привычки (кроме курения, разумеется), всё, что я готовлю и, конечно, все мои приятели. С сияющей мордой мой друг посидел за рулем (даже немного покрутил его) и на своем «штурманском» сиденье, и на заднем, а выпрыгнув из салона, «пометил» бампер Малыша и гордо посмотрел на автолюбителей, давая понять, что Малыш лучше всех машин в нашем дворе.

Чтобы Челкаш ещё больше освоился в Малыше, я решил дать пару кругов по двору. И вот, выписывая круги, я вдруг понял ещё одно преимущество «Запорожца» перед другими машинами — его двигатель находился сзади, и газы не попадали в салон — для чувствительного носа Челкаша это было как нельзя кстати.

Закончив катание, мы с Челкашом уже были уверены, что Малыш лучше всех машин не только в нашем дворе, но и во всём мире. С этого момента Малыш стал для нас не просто механическим устройством, а живым существом, которое мы кормили бензином и машинным маслом, протирали и гладили и, конечно, разговаривали с ним.

Естественно, пока мы кружили по двору, Челкаш оценил моё шофёрское мастерство. Он вообще уверен, что я могу всё, и считает

меня умнее всех моих приятелей. Но приятели почему-то так не считают и частенько разговаривают со мной как с дураком. Например, когда я сообщил им, что собираюсь проехать на «Запорожце» по деревням, они назвали мой план «глупейшим из глупейших». Особенно на меня набросился писатель, автор исторических романов Михаил Никитич Ишков:

— Ты что, спятил?! Ты что, не знаешь, что наши сельские дороги не дороги, а направления?! Там сплошные ухабы, бездонные лужи, там только на танке ездить. Твой драндулет застрянет на первом же километре. И что ты в деревнях не видел? Навоза хочешь понюхать? Лучше поезжай по «Золотому кольцу», там история России и гостиницы приличные.

Но, понятно, мы с Челкашом не отказались от своего плана.

Глава пятая. **Мы собираемся в путь-дорогу**

Прежде всего сообщу, что Челкаш находчивый и умелый — можно сказать, мастер на все лапы: он может принести любую вещь или отнести её, куда ему укажешь, умеет открывать двери (в том числе и за ручку на себя), умеет развязывать всякие узлы (даже морские), включать и выключать карманный фонарик и немного играть на гитаре. Ко всему, он прекрасно ориентируется на местности, с ним нигде не заблудишься, он всегда найдёт обратную дорогу — по-моему, у него внутри имеется какой-то компас. Но главное, у него лёгкий, весёлый характер, а такой спутник в путешествии, сами понимаете, незаменим.

Если вам интересно, перечислю, что мы взяли с собой в поездку; если не интересно, — эту главу пропустите и сразу читайте следующую, в которой наше путешествие началось.

Итак, на следующий день я погрузил в багажник Малыша канистру с бензином, топорик, котелок, чайник и фонарик. Перед сиденьем «штурмана» разместил пакет с алюминиевой посудой, двухлитровую бутылку воды и карту Подмосковья. Под своё сиденье (как и положе-

но), запихнул огнетушитель. А на заднее сиденье положил байковое одеяло, две простыни и подушку (чтобы спать по-человечески); туда же пристроил аптечку, фотоаппарат, два пакета продуктов, кое-что из своей одежды и пирог, который нам испекла на дорогу соседка. Эта сорокалетняя дамочка ищет себе мужа, а этажом выше живу я — пятидесятилетний холостяк, и, ясное дело, она время от времени задаривает меня пирогами, а Челкаша котлетами.

Как вы догадываетесь, соседка хочет составить с нами своё счастье. Но мы не хотим составлять своё счастье с ней. И Челкаш, и я всегда горячо благодарим соседку за её кулинарные изделия, с аппетитом уминаем пироги и котлеты, но относимся к соседке только как к доброй женщине, не больше. Мы оба дорожим своей свободой, мы счастливы вдвоём. Яснее ясного, если в нашей квартире поселится женщина, она взбаламутит всю нашу жизнь, всё переделает по-своему, всё перевернёт вверх дном — знаем мы этих женщин!

Но я отвлёкся. Значит так, пока я укладывал вещи в машину, Челкаш облизывался в предвкушении нашей поездки и с большим вниманием следил, чтобы я ничего не забыл — прежде всего банки с тушёной. Он остался доволен тем, как я равномерно распределил груз, только под конец ему показалось, что на заднем сиденье я всё же немного небрежно раскидал вещи — впрыгнув в машину, он разложил их поаккуратней и покрасивей (аптечку вытащил на видное место — к заднему стеклу, где, кстати, облюбывал себе уголок маленький паук. Про этого пассажира ещё скажу).

Вы, конечно поняли — Челкаш это проделал, чтобы было ясно, что мы не какие-то легкомысленные автотуристы, а серьёзные путешественники.

К сожалению, этого не поняли автолюбители нашего двора. Как и накануне, они обступили Малыша и начали едко посмеиваться, а узнав, что мы отправляемся в путешествие, попросту стали на меня наседать:

— Красивая идея, но невыполнимая, на такой малолитражке далеко не уедешь!

— Она развалится через десяток километров!

— У вас будут сплошные поломки!...

Челкаш, видя, что я хмурюсь, пытался сгладить ситуацию — крутился перед автолюбителями, старался их задобрить, хотел сказать, что мы неунывающие, находчивые и справимся с поломками, но автолюбителей уже охватили неуправляемые фантазии:

— Оглохните от тарахтения!

— Растрясёт — кишки вылезут наружу!

Особенно старался дворник Иннокентий. Он прямо-таки давил на меня:

— Ты, Леонид, вроде, приличный мужик. Удобный в общении (он всех делит на «удобных в общении» и «не удобных»), и вдруг эта несерьёзная затея... Да и в твоём возрасте ездить на такой «керосинке» не престижно.

И это говорил он, у которого даже велосипеда нет. Он давил на меня страшно. В конце концов я не выдержал:

— Слушай, Иннокентий, ну что ты в самом деле. «Престижно — не престижно!» Чхать я хотел на престижность. Главное, чтобы машина была простая и удобная.

А про себя я подумал: «Какое дурацкое слово «престижность». Сейчас многие, ради этой самой «престижности», строят дорогие дачи, покупают иномарки — так самоутверждаются те, у кого мало-вато за душой. Ну зачем огромная дача? Балы, что ли, устраивать? И зачем огромная иномарка, если большую часть времени едешь в ней один?!

В общем, мы покидали наш двор не в лучшем настроении. Даже сейчас, вспомнив поучения автолюбителей, я немного расстроился и, простите, забыл сказать главное. Чтобы лишний раз не нервировать Челкаша — не разводить костры для приготовления пищи — я взял в поездку маленький туристический примус (бензин-то не надо с собой таскать). Примус очень удобная штука — работает в любую погоду, хоть в ливень, и не стреляет в лицо искрами, и жужжит как-то уютно — ну что я рассказываю, сами знаете не хуже меня.

**Глава шестая,
в которой наше путешествие началось.
Авария. Встреча с лесным великаном**

Нам с Челкашом не нравятся чётко спланированные путешествия, когда заранее знаешь, где остановишься, что тебя будет окружать, кого встретишь. Мы любим неизведанные места, неожиданные встречи. Именно поэтому я решил просто проехать Московскую область по окрестности, начиная с Ленинградского шоссе; решил особо не спешить, останавливаться в интересных местах, ночевать где придётся; думал, недели нам хватит. Челкаш, разумеется, поддержал мои намётки.

Мы выехали со двора во второй половине дня. Перед отъездом автолюбители всё же пожелали нам «Счастливого пути», а дворник Иннокентий, засмеявшись, выдал напутствие:

— Не гони сто, а живи сто!

До шоссе мы добирались около часа — машин было тьма-тьмуца, и плелись они впритык, как цепочка муравьев. В пригороде стало по-свободней. Описывать пригород не стану — вы наверняка там бывали. Напомню лишь, что дома там цвета горелого печенья и одинаковые, будто кто-то делал куличи. И то тут, то там на обочине валялся мусор; иногда прямо рядом с мусорным контейнером — такое впечатление, что кому-то было лень сделать несколько лишних шагов. Чистоплотный Челкаш бурно возмущался — Дикость! Таких нахалов штрафовать надо!

Когда въехали в область, дома стали разнообразней, с палисадниками и садами, в которых созревали яблоки, груши, сливы, а перед домами старушки продавали «дары огородов». Чуть не забыл — была середина июля, и погода стояла жаркая, не удушливо жаркая, но всё-таки пекло основательно; Челкаш постоянно высовывал голову наружу, чтобы обдувал встречный ветерок.

Асфальтовое покрытие было отличным, и Малыш катил без натуги. Нас обгоняли не только легковушки, но и грузовики — на их задних бортах красовались надписи, вроде таких: «Я люблю ГАИ». Или предупреждение: «Не прижимайся ко мне, я не люблю целоваться!».

Но попадались и оскорбительные: «Чайник! Не мешай работать!». На одной иномарке шофёр-остряк написал: «Осторожно! В багажнике тёща!». А на другой, запылённой, было выведено: «Это не грязь, а загар».

Я слушал музыку и размышлял: «Машина — лучший способ передвижения; чувствуешь каждую выемку на дороге, каждый порыв ветра; заметишь красивое место — какое-нибудь озеро с ивами — поезд пронесётся, а ты свернул, посидел у воды, в тени деревьев, поразмышлял о том о сём». Единственно, чего хотелось бы на наших дорогах — чтобы их украшали рекламные щиты примерно такие: «Ещё пять километров и около шоссе появится река. Там песчаный пляж, вы сможете искупаться, позагорать». Или: «Потерпите! Через два километра будет кафе, где вас ждут приветливые официантки и вкусный обед!». Согласитесь, такая реклама скрашивает поездку, поднимает настроение.

Челкаш рассматривал дачные посёлки, которые появлялись чуть в стороне от шоссе, изредка прищёлкивал языком, оборачивался

и подмигивал мне — явно выбирал дачу, которую купим, когда разбогатеем.

Ближе к вечеру мы оказались на границе области и свернули на узкую дорогу в западном направлении. И здесь внезапно прямо перед носом нашей машины появился какой-то бесшабашный пёс — он выскочил из-за кустов и побежал через дорогу.

Я нажал на педаль тормоза, крутанул руль к обочине, и... мы полетели в кювет. Раздался грохот, Малыш три раза перевернулся, но снова встал на колеса, уткнувшись в кустарник.

— Ты жив? — обратился я к Челкашу — он каким-то странным образом оказался на заднем сиденье вверх лапами.

— Живее не бывает, — откликнулся мой друг, стряхивая с себя постельные принадлежности; он, как всегда, улыбался, в его глазах не было и тени страха.

Хотите верьте, хотите нет, но всё у нас обошлось не только без переломов и вывихов, но даже и без ушибов. Мы вылезли из машины, и Челкаш стал облаивать виновника аварии — тот стоял на противоположной стороне дороги и, разинув пасть, пялился на нас — похоже, подумал, что мы каскадёры и кувыркались, чтобы его повеселить.

— Дуралей! — бросил я ему в сердцах. — Надо смотреть по сторонам, когда выходишь на дорогу! Чуть не отправил нас на тот свет!

Пёс виновато поджал хвост и затрусил к ближайшему дому.

«Судя по всему, Малыша не уважают не только люди, но и животные» — подумал я, осматривая нашу машину.

Малыш легко отделался: только треснула одна из фар и чуть помялась крыша. А ведь могло быть и хуже, верно?

— Крепкий орешек наш Малыш, — сказал я Челкашу, запуская движок.

— Ага! — кивнул Челкаш. — И мы крепкие.

В общем, мы выехали на дорогу и, как ни в чем не бывало, продолжили путь. Кстати, дорога по-прежнему была ровной, без трещин и рытвин, Малыша совершенно не трясло и не сносило к обочине — можно было бросить руль и подремать, но, понятно, я этого не делал,

да и Челкаш не позволил бы, он крайне осторожный. К тому же, он ещё в детстве дал клятву преданности мне и нёс ответственность за мою жизнь — ведь каждая собака, у которой есть хозяин, считает себя прежде всего телохранителем.

Уже темнело, когда, миновав несколько деревень, мы очутились в редколесье.

— Отличное место для ночёвки, — проговорил я.

Челкаш понял меня с полуслова и указал лапой на светлевшую впереди просеку, где стелился туман — верный признак хорошей погоды на следующий день.

Мы тихо ехали в узком коридоре меж тонких деревьев. Неожиданно Челкаш прищурился, подался вперёд и фыркнул — посреди просеки что-то росло, что-то красивое, похожее на персиковое дерево. «Около него и расположимся», — подумал я. Но по мере приближения дерево стало утолщаться, пока не превратилось в огромный баобаб. Я затормозил. И тут произошло невероятное — дерево вдруг закачалось и двинулось на нас! У меня по спине пробежали мурашки, а Челкаш вздрогнул, высунул голову из салона и забурчал, пытаясь остановить истукана. Но где там! Баобаб и не думал отступать. Я включил заднюю передачу, Малыш попятился. А дерево всё насаждает, уже наклонило толстые ветви, готовясь разбить лобовое стекло Малыша — оно явно нацелилось нас сокрушить, стереть в порошок. И что оно на нас ополчилось?! Приглядевшись, я вдруг заметил, что ветви дерева без листьев, а под ними... два больших глаза!

— Да это же лось! — вырвалось у меня.

В двух шагах от Малыша, действительно, стоял могучий лось — должно быть, он весил полтонны, не меньше — и трудно представить, что от нас осталось бы, вздумай этот исполин растоптать Малыша. Но лось только обнюхал машину и скрылся за деревьями.

Похоже, в тот день встреча с лесным великаном была последним гвоздём программы, которую нам уготовила судьба; во всяком случае больше неприятности на наши головы не сваливались. Мы спокойно поужинали, устроили в Малыше постель и легли спать.

Кстати, в городе мы обычно укладываемся спина к спине, но если слегка повздорим, что случается крайне редко (раз в год Челкаш за что-либо обижается на меня или я на него), то спим «валетом», ну а в минуты наивысшего дружелюбия — в обнимку. В ту ночь мы спали спина к спине.

Глава седьмая, в которой у Челкаша открылся талант художника

Я проснулся от дождя — он громко барабанил по крыше Малыша; но, приподнявшись, я обнаружил, что никакого дождя нет — наоборот, сквозь деревья в лицо светило яркое восходящее солнце, а по кузову Малыша... разгуливают птицы! Их было огромное множество, всех пород и расцветок — видимо, они слетелись со всего леса — ясное дело, не каждый день увидишь в лесу такое механическое чудо. Заметив меня, птицы стали через стёкла с любопытством рассматривать мою заспанную физиономию, но, как только, зевая и растирая глаза, встал Челкаш, тут же вспорхнули — не иначе, приняли моего друга за свирепого хищника.

Мы вылезли из Малыша. Я ополоснул лицо из бутылки с водой и стал на примусе готовить рисовую кашу.

Челкаш всегда начинает утро с гимнастики; не изменил себе и в этот раз: потянулся, сделал несколько приседаний, побегал для разминки взад-вперед по просеке, затем вновь залез в машину, сложил постель и вообще навёл в салоне порядок — я же говорил, он аккуратист, каких поискать.

После завтрака я сфотографировал место нашей ночёвки (сами понимаете, Челкаш не упустил возможность сняться на фоне редколесья); мы выехали на дорогу и помчали навстречу восходящему солнцу. Как все путешественники, мы хотели заглянуть за горизонт, увидеть что-то новое, неизвестное.

Ближе к полудню стало слишком жарко, друзья, слишком жарко. Только когда мы подъехали к Верхнерузскому водохранилищу, потянуло прохладой.

Перед нами открылась потрясающая картина: сверкающая на солнце гладь воды, на противоположном берегу не просто деревья, а зелёные терема, и под ними, точно детские кубики, светлые домишки. К этому времени Малыш уже тянул не так резво, как утром — в общем, просил передышки. Для несведущих в технике поясню. Дело в том, что у «Запорожца» нет водяной рубашки — то есть, он охлаждается только воздухом и в жаркие дни немного перегревается. Зато в холодную погоду работает лучше всех машин, поверьте мне — лучше всяких иномарок.

Ну так вот, подъехали мы, значит, к водохранилищу и вытаращили глаза на открывшийся пейзаж.

— Красотища! — вымолвил Челкаш. (Я же говорил, его тонкая натура не может не отметить прекрасное).

— В самом деле, потрясающий вид, — согласился я. — Не хватает только музыки.

Точно по волшебству, музыка тут же появилась — от домов, стоящих за берёзами на нашем берегу, донёлся петушиный хор. Я взял фотоаппарат, мы вылезли из Малыша и направились в сторону деревни.

Мы шли по тропе среди высоких берёз; то и дело останавливались — я делал снимки, Челкаш обнюхивал цветы, рассматривал жуков на кочках — он без меры любопытный, во всё суёт свой нос. Сейчас-то он знает, что не всё ползущее и летающее безопасно, а в молодости не раз попадал впросак. Помню, как-то стал ловить осу — подумал, обычная муха. Ну оса и ужалила его. Нос Челкаша распух и превратился в малиновый кабачок. Дня три мой друг страдал от боли, и я делал ему примочки.

Так вот, мы шли по тропе и внезапно увидели художника — парня, голого по пояс, в панаме. Он сидел на пригорке перед этюдником и писал водохранилище. Мы подошли поближе, но не очень близко, чтобы не спугнуть вдохновение художника. Парень заметил нас и махнул рукой:

— Подходите, не стесняйтесь, мне зрители не мешают, — и, когда мы подошли, спросил: — Как, ничего?

На мой взгляд, этюд был замечательным, и я искренне сказал:

— Красиво.

— Во всяком случае, реалистичный этюд, согласны? — парень отложил кисть. — Ведь есть красота — это то, что естественно. А есть красивость — это всё показное, нарочитое... По большому счёту, там, где нет реализма, правды, там обязательно есть уродство. Ну, то есть, я хочу сказать — искусство, в котором нет любви к природе, к человеку — разрушительно... Настоящий художник никогда не хитрит, не ловчит, у него вообще нет таких черт, как хитрость, притворство, согласны?

Я кивнул, но тут же вспомнил сразу нескольких приятелей, первоклассных художников и хитрецов — будь здоров! Я уже открыл рот, чтобы возразить парню, но... вокруг была слишком прекрасная природа, и затевать спор расхотелось. Странное дело — почему-то среди красоты хочется говорить только о хорошем, и кажется, что вообще в жизни хорошего гораздо больше, чем плохого, вы заметили?

Парень встал, представился Володей, достал из брюк сигареты, предложил мне закурить. Покуривая, мы спустились к воде.

— Сейчас полно всяких формалистов, — сказал Володя. — Смотришь на их картины — какие-то квадратики, загогулины. Некоторые говорят: «Это гениально!». Чепуха! Лев Николаевич Толстой говорил: «Великие произведения искусства потому и великие, что понятны всем».

Я с готовностью согласился и с парнем, и с Львом Николаевичем.

— Хотя, — парень вдруг засмеялся, — формалисты со своей красивостью нужны — после них особенно ценишь реалистов, согласны?

Я подтвердил, что всё жизненное, правдивое мне гораздо интересней самой захватывающей выдумки.

— Потому вот и катаюсь по Подмоскovie со своим другом, — заключил я и, обернувшись, показал на Челкаша, а он... он сидел перед этюдником и, высунув язык от усердия, что-то старательно выводил лапой на работе художника.

Мы подбежали к нему и ахнули — на этюде темнели отпечатки лап. Челкаш так увлёкся, что я с трудом оттащил его от этюдника.

— Ты что делаешь?! Кто тебя просил?! Всю работу испортил! — я и смеялся, и отчитывал «новоиспечённого художника».

Парень тоже смеялся:

— Решил подрисовать что-то. Ничего, сейчас исправим. Не ругайте его, не такая уж провинность с его стороны.

А Челкаш и не чувствовал себя провинившимся, он чувствовал себя обиженным — он не любит, когда над ним смеются (как и многие люди, кстати).

В общем, в тот день Челкаш открылся в новом качестве, и по возвращении в Москву, чтобы поощрить его склонность к творчеству, я купил ему гуашь. С того дня он рисовал каждый день; я открывал банки с краской и стелил на полу лист бумаги, и он начинал рисовать: поочерёдно окунал лапу в банки и выводил на бумаге разноцветные линии; когда они пересекались, получалось нечто таинственное. Закончив очередную «картину», Челкаш на трёх лапах скакал в ванную, и я тщательно отмывал его лапу-«кисть». А его «картину» вешал на стену.

Скоро Челкаш натворил столько «картин», что квартира превратилась в галерею. Приятелям я подробно объяснял тайный смысл творений Челкаша.

— Ладно врать-то! — возмущались приятели. — Если занялся абстрактной живописью, так и скажи! Нечего всё валить на Челкаша.

Челкаш возмущался — выходил на середину комнаты и гавкал, подтверждая, что именно он, а не кто иной, автор «картин». В конце концов приятели ему поверили — все, кроме писателя-историка Михаила Никитича Ишкова.

— Не верю, хоть лопни! — кричал писатель.

Пришлось Челкашу при нём продемонстрировать своё мастерство. Он выдал одну из лучших своих «картин» — что-то очень похожее на водохранилище, где «подправил» этюд художника. Писатель-историк был ошеломлён и сразу купил эту «картину» за довольно приличную сумму — на десять котлет Челкашу. Ну да ладно, хватит об этом, вернусь на водохранилище.

Глава восьмая. В деревне

Так вот, извинившись за «живопись» Челкаша, я спросил у художника Володи, есть ли в деревне магазин — хотел купить в дорогу конфет (у нас с Челкашом общее пристрастие к сладкому).

— Магазин есть, но не знаю, как он работает. Я только вчера приехал. Живу в Волоколамске, а здесь у меня мать.

Мы с Челкашом пошли в деревню и у первого дома встретили девочку — она подзывала к себе котёнка, сидевшего на заборе.

— Привет! Как жизнь? — обратился я к ней.

— Хорошо, — девочка погладила Челкаша, который с бурной радостью подбежал к ней.

— Твой котёнок?

— Нет. Я хочу его спрятать от Полкана, он выбежал со двора. Он кошконенавистник. А котёнок Муркин. Мурка в продмаге живёт, — девочка махнула в конец деревни.

Так мы узнали местонахождение магазина и по пути к нему встретили, по всей видимости, «кошконенавистника» — пса непонятной масти, обладателя тёмной гривы. Он изображал хозяина деревни — гордо задрал голову, величественной походкой обходил дворы и кого-то высматривал. Увидев Челкаша, нахмурился, но тут же вильнул хвостом — я же говорил, Челкаш прямо излучал дружелюбие.

Купить что-либо мы не смогли — на двери магазина висела записка: «Перерыв с 12—16 часов». Мы направились к Малышу, но в середине деревни нас окликнул мужчина в ковбойке:

— Можно вас на минутку?

Когда я подошёл, мужчина попросил:

— Помогите, пожалуйста, поставить бревно, — он показал на свежо-ошкуранный кругляк, лежащий у недостроенного сруба; бревна были пахучие, с прожилками смолы, будто сливочные, как пирожные «Наполеон».

— Собираете второй дом? — поинтересовался я.

— Нет, берите выше. Баньку! Вы, небось, горожанин. У вас ванная, душ, но это так — поплескаться, а русская банька для здоровья, так-то.

Я большой любитель баньки. Да вот помощник в отъезде. Сын с женой в город поехали, а мы с дочуркой при хозяйстве, — мужчина показал на палисадник, где босоногая девчонка раскачивала качели с куклой.

На «раз, два, три» мы с мужчиной подняли кругляк и поставили на сруб.

— Ну вот, венец замкнули, спасибочко! — вздохнул мужчина. — Потом обошью сруб изнутри доской из осины, и банька будет у-у! Поддам парку, от досок запах у-у!.. Несведущие говорят: «Осина не горит без керосина». А я вам скажу — осина самое полезное дерево... Ею чистят и самовар, и печку. Пару полешек положил — и нагар счищает.

Мужчина ещё раз поблагодарил меня и пожал лапу Челкашу, который пялился на сруб, причмокивал и пускал слюну от восторга.

— Вот закончу баньку, приезжайте. Попаритесь, потом на себя ведро холодной воды ба-бах! — сразу годков десять скинете.

— Если окажемся в этих местах, обязательно к вам заглянем, — сказал я, и мы с Челкашом затопали по дороге. Сделали несколько шагов и услышали:

— Дядя! — к нам бежала дочь любителя банного дела; подбежала и протянула мне яблоко, а Челкашу баранку.

Я горячо поблагодарил девчущку за угощение; Челкаш собрался лизнуть ей руку, но пока грыз баранку, девчущка убежала.

Я уже говорил, что Челкаш со всеми излишне ласков, всем навязывает свою дружбу — и не только людям, но и животным. Такой у него характер и стиль общения.

Как известно, открытому ко всем человеку достаётся немало неприятностей. То же самое и собаке. Выходя из деревни, Челкаш увидел гусей, заулыбался и, в расчете на отзывчивость птиц, направился к ним виляющей походкой; и поплатился за своё дружелюбие — гусак принял враждебную позу, грозно загоготал и ущипнул Челкаша за хвост — возможно, решил, что мой друг хочет увести одну из его гусынь.

Потом Челкаш заметил поросёнка — тот лежал в луже и похрюкивал от удовольствия. В знак особого расположения Челкаш лизнул толстяка в ухо, но тот не оценил душевный порыв моего друга — вскочил и помчался к дому.

И всё же Челкаш подружился с одним представителем деревенской живности — с индюком. Даже подвёл его ко мне и попросил прокатить своего нового друга на Малыше.

— Пожалуйста! — я открыл дверь машины, но индюк попятился — испугался.

В общем, мы покидали деревню в благодушном настроении, не считая синяка на моей ноге — в какой-то момент меня сзади боднул козёл. Не знаю, что на него нашло, чем я ему не понравился? Возможно, принял меня за иностранного шпиона, ведь я время от времени кое-что фотографировал. А может, как блюститель нравственности, посчитал, что у меня чересчур легкомысленные брюки (я был в шортах), а на спине моей майки была и вовсе оскорбительная для него надпись: «Не будь козлом!». Понятно, майку с такой надписью я никогда бы не купил — её подарил мне писатель-историк Ишков, подарил перед нашей поездкой, сказав:

— Майка — предупреждение нахальным водителям, её надпись читается через стекло. Учти, не будешь её носить — обидишь меня смертельно!

Глава девятая. Дарья и Фёдор Фомич

Запустив двигатель Малыша, мы поехали вдоль водохранилища по петляющей утрамбованной дороге; километров через пять на обочине увидели голосующую молодую женщину с двумя пустыми ведрами. Я притормозил.

— Подбросите до деревни? — послышался усталый голос.

Челкаш тут же перебрался на заднее сиденье, уступая женщине «место штурмана», а я проговорил:

— О чём речь?! Рады вас подбросить. Мы всё равно катаемся просто так. Набираемся впечатлений, фотографируем красоты.

— А я ходила на шоссе, продавала садовую ягоду, да что-то притомилась, — глубоко вздохнув, сказала женщина, когда я запихнул её вёдра в багажник, и мы тронулись. — Сегодня мало проезжающих, но я всё продала. Оберег помог, — она достала из кармана маленький мешочек. — Здесь особые травы. У меня дома есть ещё такой сбор, я вам вынесу. Обычно женщину с пустыми вёдрами никто не подвозит. Плохая примета. А вы подвозите.

— Я не верю в приметы, — храбро заявил я.

— Но в оберег все верят. Он приносит удачу.

— Очень вам благодарен, но я и в талисманы не верю, — дальше я развил свою теорию о том, что есть внушаемые люди, которым дай гвоздь и скажи — он приносит счастье, и они поверят. А есть невнушаемые, вроде меня, которые надеются только на свои силы.

Я давал женщине понять, что являюсь сильным, мужественным, несгибаемым и не нуждаюсь ни в каких магических штучках-дрючках. Неожиданно моё красноречие прервал Челкаш, он многозначительно кашлянул — Возьми! Не помешает! Мой доверчивый друг оказался внушаемым.

До деревни наша пассажирка немного рассказала о себе: зовут Дарья, живёт с отцом-фронтовиком, сын учится в институте в Твери, муж погиб три года назад на стройке.

— ...Он был работающий, непьющий, весёлый, — вздохнула Дарья. — Подруги завидовали мне... Теперь говорят: «Ты хотя бы недолго была счастливой, а некоторые не бывают и за всю жизнь». И то правда, я была счастливой.

— И ещё будете. Вы молодая, красивая.

— Нет, уже не молодая. А красивой бываю по субботам, когда принаряжаюсь и хожу в клуб смотреть фильмы.

Мы въехали в небольшую деревню (судя по количеству домов, все её жители уместились бы в одном автобусе) и остановились около дома Дарьи. Перед домом плотный старик, прихрамывая, ходил вокруг инвалидной мотоколяски, что-то подкручивал, подтягивал.

— Отец, — пояснила Дарья. — Подождите меня, я сейчас, — взяв вёдра, которые я достал из багажника, она исчезла в доме.

Челкаш подбежал к старику, растянул пасть в улыбке, завертел хвостом.

— Что, парень, решил помочь мне? — хрипловато обратился старик к Челкашу, а меня поприветствовал: — Моё почтение москвичу. Вижу по номеру «Запорожца», из столицы нашей родины. Ты как нельзя кстати, подсобика малость.

Я подошёл, представился.

— Фёдор Фомич, — назвалса старик. — Не могу пожать твою добрую руку — видишь, весь в солидоле. Спасибо, что Дашу мою подбросил. Подержи-ка вот здесь пассатижами, да расскажи, как сам-то?

Я всё больше входил в роль подсобного рабочего; даже подумал: «Если дело так пойдёт и дальше, к концу поездки стану мастером на все руки». Помогая старику, я рассказал о цели нашей поездки. Фёдор Фомич выслушал и сказал, понизив голос:

— Такой, как у тебя, «Запорожец» мне ведь тоже должны были дать. С ручным управлением, как инвалиду. У меня после ранения пальцы на ступне ампутировали. Но в медкомиссии сказали: «Ступня на сантиметр больше, чем положено для получения «Запорожца». Дали вот коляску. Знал бы, сам сантиметр оттяпал, — Фёдор Фомич засмеялся. — Но, честно говоря, мне и этой коляски хватает. Только она, каналья, бензина много жрёт. Как Ванька влаголюбивый.

— Кто это? — спросил я.

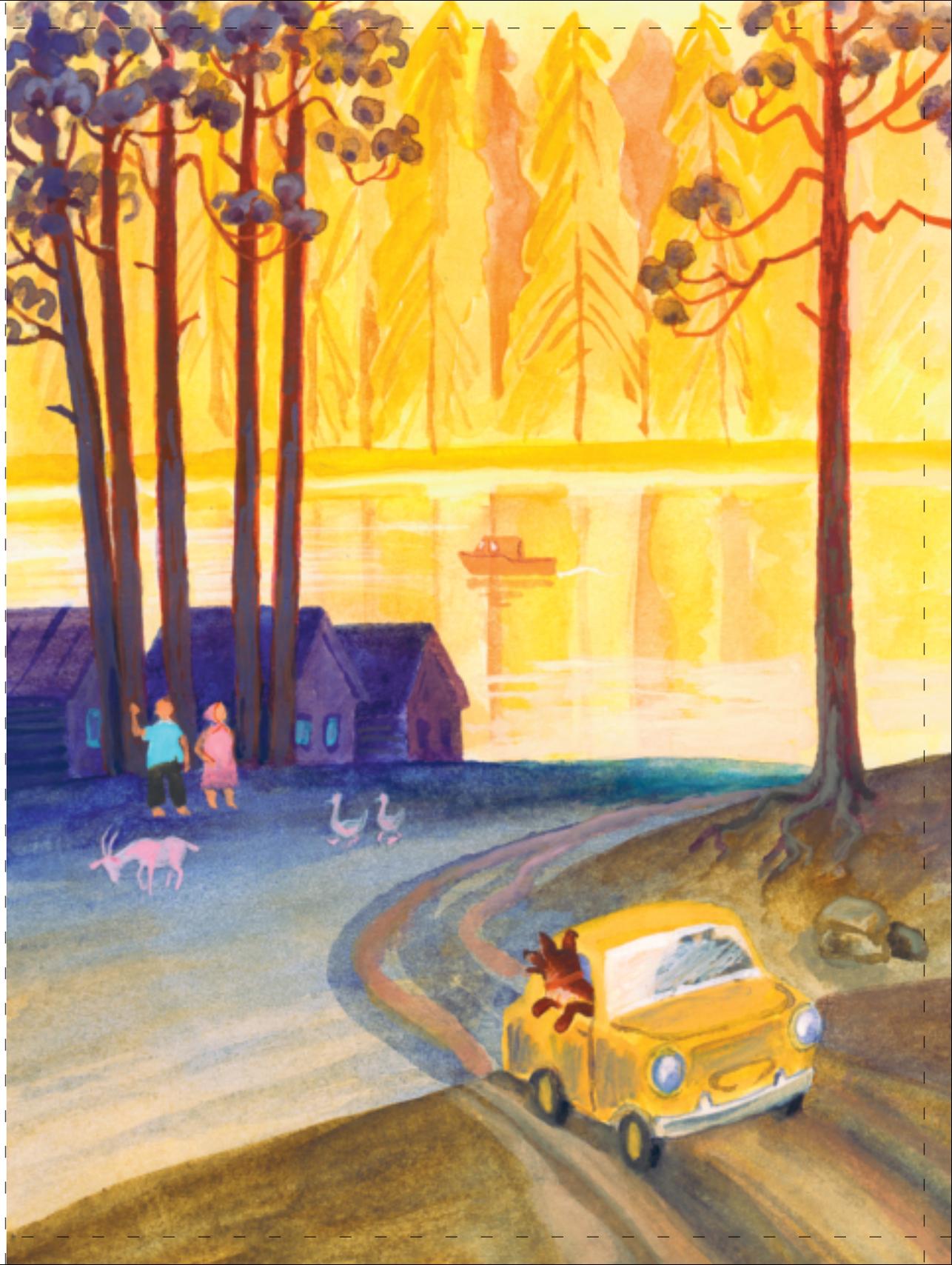
— А вон он в горшке, — Фёдор Фомич кивнул на террасу, где виднелся невзрачный цветок. — По кастрюле воды в день пьёт.

Челкаш, который до этого внимательно слушал старика, взглянул на «Ваньку» и прищёлкнул языком — Лихо!

Лицо Фёдора Фомича было в морщинах и складках, но глаза искрились, а на губах играла улыбка — от него нельзя было оторвать взгляд. Сами знаете, есть такие люди — через пять минут общения попадаешь под их влияние. Фёдор Фомич был именно таким.

Вернулась Дарья и протянула мне такой же мешочек с травами, какой носила с собой. Я принялася.

— Спасибо! Пахнут сладко. Буду его беречь.

— Вот что. Мы с папой сейчас будем обедать, и я вас без обеда не отпущу. Пойдёмте!

Я начал было отказываться, но Челкаш потянул меня за рукав — Пойдём, чего там! Я уже проголодался!

— Без обеда никак нельзя, — сказал Фёдор Фомич. — Сейчас сложу инструмент и за стол, но вначале к рукомойнику.

Дарья накрыла стол на террасе и поставила перед отцом и мной по тарелке свекольника, а Челкашу вынесла на крыльцо миску пшённой каши с мясом, которую он быстро умял и с восхищением стал рассматривать «Ваньку».

За обедом Фёдор Фомич продолжил разговор о «Запорожце», который ему не дали.

— ...Но куда писать не буду, не стану ничего просить. У меня, понимаешь ли, есть своя стариковская гордость, — говорил он с прежней улыбкой, давая понять, что старость надо встречать с достоинством.

На второе Дарья подала пшённую кашу с тыквой и кисель из смородины. В общем, я еле встал из-за стола и долго благодарил Дарью за обед, а потом сходил за фотоаппаратом и сделал снимок гостеприимных хозяев на фоне их дома.

Челкаш к этому времени уже нёс вахту в тени Малыша, но, увидев, что я фотографирую хозяев, тут же подбежал и встал между ними, и кивнул мне, чтобы я снял ещё раз. Пообещав выслать фотокарточки (и позднее, разумеется, выслал), я распрощался с Фёдором Фомичом и Дарьей, завёл Малыша, и мы покинули деревню; Челкаш, высунувшись из окна, ещё долго махал лапой в сторону дома наших новых знакомых.

Глава десятая.

Две молнии

Несмотря на позднее время, было ещё светло, дул тёплый ветерок, но дул как-то обманчиво — то с одной стороны, то с другой. Вскоре этот тёплый ветерок надул холодные тучи: вначале серые, затем

бурые и в конце концов над дорогой появились чёрные, тяжёлые, набухшие от воды. Дождь не заставил себя ждать и хлынул сразу, без всякой подготовки, без предупреждающих капель. Я включил «дворники» и сказал Челкашу:

— А вообще-то куда нам спешить? Можно подумать — за нами гонятся разбойники. Давай подыскивай место для стоянки. Отдохнём после бурного дня, послушаем музыку, не возражаешь?

Челкаш замотал головой и стал пристально смотреть по сторонам; но местность тянулась безрадостная; за пятьдесят километров мы так и не увидели более-менее уютного места; назад проносились рабочие посёлки, какие-то фермы, мосты; потом дорога потянулась через болотистую равнину. Внезапно Челкаш насторожился, а в следующую секунду и я увидел, что параллельно нам над болотами в тумане плывёт огненный шар величиной с футбольный мяч.

— Шаровая молния! — пробормотал я и прибавил газа. — Ещё, чего доброго, врежется в нас!

Сами понимаете, соседство такой страшной штуковины вселяет не очень-то приятные ощущения.

Но молния и не собиралась отставать, наоборот — приблизилась к нам на критическое расстояние, Малыш её притягивал, словно магнит. Сквозь сетку дождя уже чётко виднелись крутящиеся искры на поверхности шара. Я резко затормозил, в надежде, что шар пронесётся вперёд, но где там! Он, злодей, закружил вокруг нас, да ещё — к нашему ужасу — с каждым разом сужал виток. Светящаяся бомба явно вознамерилась нас взорвать, спалить дотла. Не скрою, меня охватил нешуточный страх; Челкаша тоже забила дрожь — шаровую молнию мы видели впервые. И всё же мне удалось от неё избавиться. Я выбрал момент, когда она оказалась сзади нас, и резко дал газу, и... мы вырвались из смертельного круга. Молния в растерянности так и осталась висеть над дорогой. Челкаш лизнул мне руку, давая понять, что я совершил нечто героическое. Впрочем, он считает, что я вообще всё могу.

Наконец дорога углубилась в лес. К этому времени дождь уже разыгрался вовсю, а тут ещё на асфальте появились заплаты и вмятины —

дорога напоминала лоскутное одеяло; потом «одеяло» кончилось, и дальше мы покатали по глинистой колее в рытвинах и буграх — настоящем танкодроме; Малыш то и дело подпрыгивал и дёргался, словно ему давали пинка. «И когда у нас повсюду сделают отличные дороги? — подумал я, — ведь дороги — это лицо страны!»

Мы въехали в сосновый бор и сразу почувствовали густой запах смолы и хвои. Остановились на ровной низине; Челкаш заикнулся про ужин, но вдруг тёмное небо разорвала молния — уже обычная, зигзагообразная — и тут же ударил гром, да так, что Малыша подбросило, а верхушка стоящей невдалеке тонкой сосны запылала, точно бочка с керосином. Челкаш открыл дверь машины, выскочил наружу и заорал не своим голосом. Он то подбегал к сосне, то возвращался и просто требовал от меня сделать что-нибудь.

Я знал, что дождь вскоре потушит пламя, но, чтобы успокоить друга, взял топорик и стал подрубать сосну. Вскоре она рухнула; при падении пламя сбилось, в воздух поднялся сноп искр — через минуту всё погасло. Но Челкаш ещё долго нервничал, пыхтел и фыркал, даже дождь не мог его успокоить.

Понятно, пока я возился с сосной, а Челкаш носился и надрывал глотку, мы промокли до костей. Я-то сразу переоделся в машине, а Челкаша пришлось вытирать полотенцем и специально для него включать печку. Ну а потом мы уминали бутерброды, слушали музыку и радовались своему передвижному жилищу, его удобствам и особенно непромокаемой крыше.

Грозу пронесло, но дождь продолжался. Он лил всю ночь. Нас это не очень огорчило — как известно, именно в дождь особенно крепко спится — монотонный шум убаюкивает лучше любой колыбельной.

Глава одиннадцатая. Катастрофа на мосту

Проснулись мы посреди озера — за ночь низина превратилась в огромный водоём — наверняка, издали Малыш, у которого в воде скрывались колёса, выглядел перевернутой лодкой, а ещё вернее —

жёлтым надувным матрасом. Спросонья, ничего не разглядев за запотевшими стёклами, я открыл дверь, шагнул и очутился по колено в воде.

Дождь кончился, в лесу стоял утренний прохладный полумрак; вокруг Малыша плавали лягушки, некоторые пытались запрыгнуть на нашу машину.

Вслед за мной Челкаш тоже хотел было вылезти, но раздумал и гавкнул — Надо завести Малыша и выбираться на возвышение!

Я последовал совету друга и вставил ключ в замок зажигания. Но Малыш закапризничал. Точнее, несколько раз чихнул, кашлянул, поплевал из выхлопной трубы и смолк. Стало ясно — он готов работать, но в его механизмы попала вода, и ему надо время, чтобы обсохнуть; он прямо говорил: «Господа путешественники, я всё же машина, а не катер».

Челкаш прыгнул в воду, подплыл к Малышу со стороны двигателя и, встав на задние лапы, передними упёрся в кузов машины. И выразительно посмотрел на меня. Я понял его и пристроился рядом; шлёпая по воде, кряхтя и сопя, мы покатали Малыша к «берегу», то есть к насыпи дороги. Когда выкатили и отдышались, стали готовить завтрак.

Над лесом поднялось солнце — точнее, некий бледный диск — утро было облачное, пасмурное, хмурое. И, собственно, настроение у нас было неважноецкое; даже неисправимый оптимист Челкаш улыбался как-то натянуто.

Если вы думаете, что, после того, как мы перекусили, у нас поднялось настроение и всё вокруг окрасилось в радужные тона, то ошибаетесь. К тому же, грунтовую дорогу, по которой нам предстояло ехать, сильно размыло, и я уже представлял трудности в пути.

Движения на той районной дороге почти не было, но всё же два грузовика проехали.

— Они-то проедут по любой хляби, любым колдобинам, а каково будет нам, — сказал я Челкашу, запуская движок Малыша.

Челкаш только хмыкнул — дескать, чего тут говорить — И мы поедем!

Он-то считает меня искусным водителем, можно сказать — асом, лучшим из лучших. Каким-то странным образом он и мне это внушил, но в тот день моя самоуверенность была наказана.

Мы действительно проехали по размытой дороге; правда, два раза выталкивали Малыша из глубоких луж, и однажды, когда застряли в скользкой яме, пришлось подкладывать под колёса ветки. А остановились мы перед бревенчатым мостом через речку Песочная. Несмотря на красивое название, река выглядела устрашающе — никакого песка на её берегах не было, от затяжного дождя она вышла из берегов и затопила всё, что можно было затопить.

Мост представлял собой обычный дощатый настил, который под напором течения просто-напросто ходил ходуном. Наблюдательный Челкаш это заметил сразу и буркнул, предупреждая меня об опасности — мол, здесь и твоё высокое мастерство не поможет. Он, благо-разумный, никогда зря не рискует, но я решил проскочить, подумал — «Грузовики-то проехали». И невдомёк мне было, что грузовики могли прокатить и в объезд или знали местный брод. А если и проехали, то намного раньше, когда вода ещё не была такой высокой, а течение таким мощным. Короче, я бросил Челкашу:

— Не преувеличивай опасность! — и направил Малыша на мост.

Мы уже миновали середину моста, как вдруг раздался треск, и настил вместе с Малышом рухнул в бурлящий поток.

Некоторое время мы, точно на плоту, неслись вниз по течению реки, но потом доски под нами стали проседать и одна за другой расходиться, а Малыш всё больше погружаться в воду.

Сами знаете, есть трусливые люди, которые в подобные мгновения просто опускают руки и закрывают глаза. Я не из их числа, страх не сковал мои мышцы, но, если говорить начистоту, всё же я немного растерялся — не знал, что делать. Даже с опытными путешественниками такое, друзья, бывает; бывает, поверьте. Но Челкаш в этот драматический момент проявил себя блестяще: положил мне лапу на плечо и внятно произнёс — Без паники! Сейчас нас прильёт к берегу или мы сядем на мель!

Между тем река, похоже, решила с нами разделаться — Малыш стал быстро наполняться водой и вскоре пошёл ко дну. Мы с Челкашом одновременно вытянули шеи и дышали в воздушной подушке у потолка Малыша. Я успел заметить, что за стёклами вода потемнела, и к нам сплываются рыбы. Потом почувствовал удар о дно, и сразу за стёклами поднялось мутное облако песка.

— Давай вылезать, набери побольше воздуха! — сказал я Челкашу, открывая дверь.

Мы выскочили из воды, словно надувные шары, и сразу дунули к берегу.

На берегу, среди высокой травы, отряхнувшись, Челкаш стал ози- раться в поисках жилья — надо было кого-то звать на помощь, вытаскивать Малыша. Трава была очень высокой, и Челкашу приходилось подпрыгивать, чтобы разглядеть округу. К нашему огорчению, вокруг не было не только строений, но и вообще никаких признаков человеческой деятельности.

Я снял куртку, чтобы выжать из неё воду, и обнаружил в карманах сигареты, зажигалку и дорожную карту. Понятно, от сигарет осталась

труха, зажигалка не работала, но карта имела вполне сносный вид, только немного измялась, будто из неё делали бумажного голубя. Развернув её, я увидел, что до ближайших деревень три—четыре километра от моста (уже бывшего). С одной стороны находились Глуховка и Бородавкино, с другой — Волосково. Я усмехнулся — названия деревень как нельзя лучше подчёркивали ситуацию: места были глухие, на прибрежных кустах висели бородавки и только что мы были на волосок от гибели.

Глава двенадцатая.

Тракторист Паша и спасение Малыша

Для Челкаша четыре километра — расстояние для лёгкой пробежки. А мне, как вы догадываетесь, пришлось попотеть, тем более что утренняя хмарь так и не развеялась и дышалось тяжело. Больше часа мы шлёпали по размытой дороге среди бугров, поросших дикими травами. Потом показались дома и огороды с пугалами; в каждом огороде виднелось по два—три, довольно нарядных, пугала; они трещали трещотками, гремели консервными банками.

— Видал, как приветствуют нас? — обратился я к своему другу. — Здесь появление нового человека и новой собаки — событие.

Челкаш кивнул и вдруг, завивая хвостом, побежал к огороду, где было целых четыре пугала. «Его дружелюбие не знает границ, решил познакомиться поближе с «Матрёнами» и «Ванями» — подумал я, но приглядевшись, заметил, что два пугала вовсе не пугала, а старик со старухой, которые застыли с мотыгами в руках и смотрят на нас во все глаза. Переступая через кочаны капусты, я направился к ним вслед за Челкашом.

Поздоровавшись, я рассказал старикам о нашем бедственном положении и спросил, есть ли в деревне тракторист, чтобы вытащить нашего утонувшего Малыша.

— Тракторист есть. Паша. Вон его изба, — старуха показала на дом, рядом с которым стояло особенно огромное пугало — в красной рубахе с чугуном вместо головы — оно звенело бутылками.

— Паша в нашей Глуховке главный человек, — пояснил старик. — Он в бездорожье куда хочешь довезёт. Он парень что надо. Не только вашего Малыша, он кого хочешь вытащит из реки, хоть самого чёрта. Но не знаю, в каком он сейчас самочувствии. Он, голубчик, вчера праздновал.

К Паше я достучался с трудом. Вначале в проёме двери показалось его скуластое небритое лицо, затем большой, с бочонок, живот и наконец он вышел на порог весь — босиком, в трусах и майке; взгляд у него был мутный, а лицо зелёного цвета — чувствовалось, Паша «праздновал» обстоятельно. Я объяснил ему суть дела.

Тяжеловес Паша (так я про себя его назвал) зевнул, погладил живот и протянул:

— Ясенько. Поедем покопаемся. Щас оденусь и заведу агрегат.

Паша надел только ботинки. Привязал к «руке» пугала ещё одну бутылку и направился к сараю. Раздались выхлопы, тарахтенье, лязг и грохот — к воротам подкатил гусеничный трактор. Челкаш на всякий случай выбежал на улицу. Паша открыл ворота и бросил нам с Челкашом:

— Садитесь!

Но Челкаш наотрез отказался забираться в кабину страшной машины и побежал в сторону реки, давая понять, что, как штурман, будет указывать нам дорогу.

По пути, чтобы наладить с Пашей контакт, я спросил, почему в их деревне так много пугал?

— А-а, по привычке, — вновь погладил живот Паша. — Птицы их не боятся, всё одно клюют ягоду. Нажрут, сядут на пугало и чистят клювы... Только моего Васю и боятся.

— Какого Васю?

— Ну, моё пугало. Я его от коршуна поставил, тот цыплят таскает. Вася заметит коршуна, начинает изо всей мочи греметь бутылками.

Я посмотрел на Пашу — в своем ли он уме?

— Не веришь? — усмехнулся Паша. — Спроси у кого хочешь из наших глуховских.

Я вздохнул, подумав: «Вот к чему приводят «празднества», но, как выяснилось позднее, ошибся.

— Так говоришь, мост смыло? — помолчав спросил Паша.

Я подтвердил, что от моста остались одни сваи.

— Вот так каждый год, — ухмыльнулся Паша. — Районные власти всё обещают навести мост из железа... А потом пригонят рабочих, те сколотят настилы и привет!.. А гробанулся бы кто-нибудь из начальства, сразу зашевелились бы. Не только железный — отгрохали бы стальной.

Когда мы подъехали к полуснесённому мосту, там уже стоял Челкаш и показывал, где затонул наш Малыш. Паша не понял моего друга, а может, усомнился в его умственных способностях и, заглушив двигатель трактора, спросил:

— Где лежит ваша коробочка?

С гордостью за Челкаша я ответил:

— Мой друг указывает место точно. Он никогда не ошибается.

— Ясненько, — погладил живот Паша. — Прям, как мой Вася... Щас разматаю трос, ты нырни к машинке и зацепи её за форкоп (ушко под бампером), тебе лучше знать, где он там. И мой агрегат машинку сразу выволочит. Ему это — раз плюнуть. Автобус тащит, а то такую мелюзгу!

За время, пока мы ходили в деревню и ехали обратно, погода так и не разгулялась. Вода в реке немного спала, но оставалась мутной, так что мне пришлось раз пять нырять, прежде чем я нащупал ушко и зацепил за него трос — словом, вылез из воды жутко измотанным и долго прыгал на одной ноге, вытряхивая воду из ушей.

Ну а потом Паша залез в кабину трактора, запустил двигатель, и его «агрегат» попятился от реки. Трос натянулся, и вскоре из воды показалась жёлтая крыша Малыша, а затем и он весь, в тине и ракушках — изо всех его щелей стекали водяные струи. Честное слово, вокруг сразу посветлело, точно взошло солнце. Челкаш обрадовался, подбежал и поцеловал нашего железного друга.

Открыв двери Малыша, я первым делом вытащил из «бардачка» документы. К сожалению, они намокли, хотя и были завязаны

в полиэтиленовый пакет (в паспорте и правах так и остались по две печати на каждом листке).

Что меня удивило — наш спутник паучок, несмотря на долгое пребывание Малыша под водой, оказался целым и невредимым — то ли отсиделся у потолка, где оставалась сухая полоска, то ли на время стал водолазом, но факт остается фактом — он спокойно ползал по стеклу!

— Аккумулятор, ясенько, разрядился, — сказал Паша. — Снимай его, повезём ко мне заряжать.

Пока я возился с аккумулятором, Паша окунулся в реке — как я понял, чтобы окончательно прийти в себя после «празднества». Челкаш за это время вытащил из машины все наши вещи и разложил их на траве в надежде, что солнце всё-таки появится и вещи просохнут; а потом вдруг подбежал и шлёпнул меня лапой по ноге — в зубах он держал мешочек Дарьи.

— Тебе же сказали, его надо держать при себе! — укоризненно прогундосил мой друг.

— Да, да, Челкашка, — кивнул я, запихивая оберег в карман рубашки. — Теперь с ним не буду расставаться. Но ты сиди здесь, я скоро вернусь.

Мы с Пашей поехали в деревню; после купания спаситель Малыша выглядел бодрым, посвежевшим.

— Хороший пёс твой Алкаш, — сказал.

— Челкаш, — поправил я.

— Ну, Челкаш, всё одно... У меня тоже один живёт. Джек. Сегодня куда-то запропастился. Небось, мышкует в поле... А был ещё Трезор. Матёрый, настоящий мужик. Слов на ветер не бросал, лаял редко и только по делу. И то правда, чего зря глотку драть... Так и жил с двумя собаками. Жил хорошо, но потом у меня появилась одна женщина из соседней деревни Бородавкино. Женщина — огонь. Даже хохотала громче всех. Ну она и говорит как-то: «Если б у тебя была одна собака, я взяла бы тебя к себе». А я ей говорю: «Ты чего вообще? А если б у тебя было двое пацанов и я сказал бы: «Был бы у тебя один

пацан, взял бы тебя к себе, а так извини». Ну, всё у нас и сошло на нет. Ну, а теперь, когда я остался с Джеком, она зовёт к себе. Наверно, переберусь, пора обзаводиться семьёй.

— А куда же делся Трезор? — спросил я.

— Погиб пять лет назад... Всё бегал через лес в Бородавкино. Там у него любовь была с одной Жучкой. Ну и однажды зимой пропал. А весной я нашёл его ошейник, череп да кости... Волки сожрали. Так вот получилось, да.

— Здесь и волки есть?

— Были. Потом-то всех перестреляли.

Мы подъехали к дому Паши; он загнал трактор в сарай и там же, в сарае, поставил аккумулятор на зарядку, а меня пригласил отведать его «ягодной наливки».

Мы расположились на лавке под яблоней, и Паша вновь завёл разговор об «огненной» женщине, к которой собирается переехать — какая она красивая и «варит борщи как бог», но в то же время — «уж больно шумная, суматошная». Было ясно, Паша почти готов к серьёзному испытанию, хотя и колеблется — делать последний шаг или повременить? Паша разговорился не на шутку, но в какой-то момент объявился его Джек, обнюхал меня и уселся напротив хозяина — приготовился слушать. Тут уж, понятно, Паша переключился на своего четвероногого друга — о нём говорил только похвальные слова.

Когда аккумулятор зарядился, Паша спросил:

— Дотащишь или отвезти на агрегате? Штука ведь увесистая. Да и вон припекает. (В самом деле, как-то незаметно появилось солнце и уже палило вовсю).

— Дотащу. Сколько я тебе должен?

— Ничего не должен. Мы все должны выручать друг друга, ведь так? — Паша немного помялся, погладил живот. — Ну, если не жалко... на пузырьёк... не откажусь.

Паша проводил меня до ворот и, прощаясь, дал ценные географические сведения:

— Там дальше, через тридцать километров, Можайское водохранилище. На нём остановись. Там места классные.

Мы уже пожали друг другу руки, как вдруг его «Вася» зашатался и отчаянно зазвенел бутылками. Мы одновременно вскинули головы — над домом кружил коршун.

Глава тринадцатая.

Угонщики

Челкаш заметил меня ещё издали и подбежал, чтобы сообщить, что все наши вещи уже просохли и мы можем отправляться в путь.

За деревней дорога по-прежнему ровностью не отличалась, мы тащились по глинистым колдобинам, и Малыша кидало из стороны в сторону; потом катили по более-менее качественному гравийному покрытию — оно как-то незаметно перешло в «бетонку»; полоса дороги то взбиралась на склон, то по откосу спускалась в долину. Малыш, с моей помощью, чётко распределял силы, работал безупречно и хлопот нам не доставлял. Через час мы уже были на Можайском водохранилище.

Тракторист Паша не преувеличивал — места на водохранилище оказались живописными, но слишком обжитыми — только заканчивалась деревня, начинался посёлок, и повсюду турбазы, палатки; мы не без труда нашли у воды свободный клочок земли — лужайку среди сосен и кустов бузины.

Само собой, искупались и легли на траву обсохнуть. И тут Челкаш что-то учуял, вскочил и скрылся за кустами. Я ринулся за ним, и на соседней поляне увидел белокрысых подростков, играющих в карты; выкрикивая ругательства, они бросали в Челкаша шишки, а мой друг, нахмурившись и ворча, задрал лапу, «тушил» небольшой костёр.

Я извинился перед ребятами за «пожарного», объяснил его пристрастие и был уверен, что конфликт уладил, но просчитался.

Вернувшись на свою лужайку, разгорячённый Челкаш ещё раз полез в воду, чтобы немного успокоиться. Я тоже последовал за ним

и сделал второй заплыв, а возвращаясь к берегу, заметил, как от Малыша отбегает один из белобрысых. Мне это показалось странным.

Когда я осмотрел нашего железного друга, одно из его колес оказалось спущенным — на крышке отчётливо виднелся порез. Челкаш, приняв себя, сразу понял, чьих рук это дело, и грозно кашлянул. Мы одновременно бросились к «кارتёжникам», чтобы надрать им уши, но они исчезли. Челкаш зарычал от негодования и уже кинулся по следам догонять негодяев, но я его остановил.

Вы, наверно, уже решили, что Челкаш бесхарактерный слюнтяй, этакий простодушный добрячок. Как бы не так! Я же говорил — у него чувство справедливости на первом месте, и он строг и непреклонен со всякими любителями огня; но здесь он впервые столкнулся с негодяйством и, естественно, вышел из себя. Я его прекрасно понимаю. Надеюсь, и вы понимаете.

В общем, пришлось менять спущенное колесо на запасное. Пока я его менял, в голове крутилось только одно — «Мелкая месть! Вот подлецы!». Кто бы мог подумать, что спустя час мелкая месть перейдёт в серьёзное злодеяние.

Выехав на дорогу, мы закрыли Малыша и пошли обедать в придорожную столовую (столовые, кафе и павильоны там красовались на каждом шагу — ясное дело, разгар сезона, полно отдыхающих). Я заказал себе обед из трёх блюд, а Челкашу три вторых — котлеты с гречкой; после купания почему-то всегда зверский аппетит — не хуже меня знаете. (С разрешения официантки Челкаш ел под столом).

Закончив трапезу, мы вышли из столовой и вздрогнули — Малыша на месте не было! В замешательстве мы стали бегать взад-вперед, выспрашивать у прохожих — может, они видели жёлтый «Запорожец»? Но никто не видел. Одна из женщин, продающих цветы у столовой, сказала:

— По-моему, какой-то мужчина уехал на жёлтой машине.

Но тут же нам издали махнул таксист, который стоял на перекрёстке у машины с «шашечками». Когда мы подбежали, он спросил:

— Вы ищете жёлтый «Запорожец»? На нём уехали пацаны минут пятнадцать назад в сторону Лыково. Я ещё подумал — не угоняют ли? Уж очень долго возились, не могли завести.

— Отвезёте нас туда? — задыхаясь проговорил я. — За двойную плату?

— Не могу, — развёл руками таксист. — Я здесь по вызову, жду клиента. Ловите попутку.

Мы с Челкашом встали на дороге на Лыково, но машин в ту сторону, как назло, не было. Уже вечерело, дома и деревья покрывала предзакатная мгла, и меня всё сильнее охватывало беспокойство, временами даже трясло, а Челкаш растерянно оглядывался по сторонам и глубоко вздыхал, не в силах понять, куда подевался наш железный друг. Без Малыша мы не просто испытывали жгучее одиночество, для нас попросту изменился весь мир, ведь за прошедшие дни Малыш стал для нас совсем родным.

Наконец в сторону Лыково повернул грузовик. Я поднял руку, шофёр притормозил и, узнав в чем дело, кивнул на сиденье. Мы с Челкашом забрались в кабину.

— Успокойся, куда пацаны не денутся, — сказал шофёр, видя, что я разволновался сверх всякой меры. — Машина ведь не лопата, её просто так не спрячешь. Через день—два этих сопляков поймают.

Эти слова не добавили мне энтузиазма.

— Хм, поймают! А если не поймают?

— Поймают. Они, ясно, скажут «взяли покататься», и их отпустят. По возрасту их не могут судить.

— А надо бы, — выдавил я. — Вскрыл чужую машину — даже не поехал, просто влез — всё! Под суд! Нечего церемониться с негодяями! (В тот момент меня прямо душила злость — думаю, друзья, вам понятно моё состояние).

Челкаш пылливо вслушивался в наш разговор, смотрел то на шофёра, то на меня — он уже понимал, о чём идет речь, и был готов ловить угонщиков.

Около Лыково шофёр сворачивал в сторону. Остановившись, он наотрез отказался брать у меня деньги и пожелал нам побыстрее разыскать «Запорожец».

— ...И потом сообщите о пацанах в районную милицию, — в заключение посоветовал он. — Если они уже на заметке, им не поздоровится, могут отправить и в колонию.

В деревне уже зажигались фонари. У крайнего двора я наказал Челкашу стоять около калитки, сам подошёл к дому и постучал в окно.

На крыльцо вышла женщина средних лет. Я сказал ей, что нашу машину подростки угнали от водохранилища и будто бы ребята поехали в Лыково.

— Наши лыковские ребята не балуют, — твёрдо заявила женщина. — Это валуевские. Те балуют. В Валуево ищите свою машину.

— Где это?

— Семь километров отсюда... Валуевские ребята то велосипед, то мотоцикл угонят.

— Куда ж милиция смотрит?

— Хм, милиция! Здесь один милиционер на пять деревень, ему за всем не уследить.

— Семь километров, — пробормотал я. — Это мы только к ночи туда доберёмся. У кого-нибудь можно одолжить велосипед?

— Да вон возьми, в сених стоит. Сыну всё равно сегодня не понадобится. Он сегодня в райцентре у своей симпатии.

Со словами благодарности я выкатил велосипед за калитку и вскочил на сиденье; Челкаш тоже рванул с места.

За деревней дорога уходила в поля, в тёмную дремучую даль. Я вёл велосипед по еле различимой тропе, среди пыльного бурьяна, Челкаш бежал рядом по дороге; мы спешили, не жалея сил. Велосипед был допотопной конструкции — скрипел, трещал, гудел и выл (только что не лаял и не мяукал); с него постоянно слетала цепь и приходилось её ставить на место; два раза дорога и тропа уходили в ржавые трясины, в которые мы влетали с ходу и потом долго, помогая друг другу, выбирались. До Валуево добрались, когда на небе уже было полно звёзд.

Деревня спала, лишь один единственный фонарь тускло освещал пустынную улицу. Еле переводя дыхание после тяжёлой гонки, мы обошли все дома, но ни во дворах, ни в палисадниках Малыша не увидели.

Челкаш почему-то был уверен, что Малыш всё же находится в деревне и продолжил шастать вдоль домов, а я присел у фонарного столба, закурил и стал прикидывать, что делать дальше — будить всех подряд жителей и спрашивать, не проезжала ли по деревне жёлтая машина? Или сразу катить дальше в следующую деревню? Размышляя об этом, я заметил, что Челкаш свернул в какой-то дальний проулок. «Ещё не хватало, чтоб мы потерялись!» — мелькнуло в голове и, вскочив, я стал негромко звать друга, но его и след простыл.

Оставив велосипед у столба, я пошёл в конец деревни, то и дело подзывая Челкаша и посвистывая, и вдруг услышал сзади топот. Обернулся — мой друг мчался ко мне во всю прыть. Подбежал, схватил меня за рукав и привёл на зады деревни, и там ринулся в заросли. Я заспешил за ним.

В полной темноте, под треск кузнечиков и шуршанье полевых мышат, я несколько минут продирался среди цепких ветвей, пока передо мной не возник старый покосившийся сарай. Около его ворот стоял Челкаш — он нетерпеливо топтался и радостно повизгивал. На воротах висел огромный, с уютю, замок. Я заглянул в щель между створами ворот — внутри тёмного сарая светлел жёлтый кузов Малыша.

Глава четырнадцатая, в которой мы освобождаем Малыша из плена

— Молодец, Челкашка, — я погладил своего друга, потом потрогал замок. — Как же нам его взломать?

Я обошёл вокруг сарая, но нашёл только два хилых железных уголка, которые сразу сломались, как только я попытался снять замок вместе с петлями.

В этот момент неизвестно откуда у сарая появился деревенский пёс и стал облаивать Челкаша. Вскоре к нему присоединились ещё несколько собак. Свора всё ближе подбиралась к нам и, судя по грозному виду псов, они собирались расправиться с моим другом — на них совершенно не действовала «дружелюбная внешность» Челкаша (скорее всего, в темноте они его просто не разглядели), для них он был обычным чужаком, которого следовало прогнать во что бы то ни стало. Я выступил вперед и твёрдо приказал:

— Все ребята, поорали и хватит! Отправляйтесь по домам! — с этими словами машинально, сам не знаю почему, достал зажигалку и, чиркнув, выпустил длинное пламя.

Челкаш сразу же дунул на огонь и погасил его. Это его действие оказалось ключевым в нашем выступлении — собаки тут же смолкли и замерли в немом удивлении. А потом поджали хвосты и удалились —

очевидно, приняли Челкаша за волшебника, который при желании может и их сдуть.

Я снова стал искать какой-нибудь железный прут, но вдруг заметил — Челкаш нашёл лазейку в сарае, узкую щель меж досок, и умудрился пролезть к Малышу.

— Челкашка! Открой багажник и притащи мне пассатижи, — сказал я, прильнув к щели.

Челкаш перестарался — притащил всю сумку с инструментом. Теперь я мог и сбить замок молотком и спилить его ножовкой, но выбрал самый простой и надёжный способ — пассатижами, без особых усилий, вытащил гвозди из петель, и замок шмякнулся мне под ноги.

Распахнув ворота, я увидел, что Челкаш, высунув язык от счастья, уже сидит на своём «штурманском» месте и ждёт, когда я заведу Малыша — он не знал, что мне ещё надо вставить болтающиеся провода в замок зажигания (при угоне пацаны их просто вырвали и соединили), но в темноте это было не так-то просто, а фонарик после нашего пребывания под водой, естественно, не работал. Пришлось левой рукой светить зажигалкой, правой возиться с проводами (на этот раз Челкаш не дул на пламя — такой умный пёс).

Прежде чем заводить Малыша, я выкатил его из сарая, затем авторучкой на картоне от пачки с крупой написал (опять же при свете зажигалки):

«Немедленно явитесь в отделение милиции и признайтесь в угоне «Запорожца»! Придёте добровольно — наложу штраф. Не придёте — вас ждёт тюрьма! Лейтенант Челкаш».

Картон я положил посреди сарая, после чего закрыл ворота и вновь прибил петли с замком.

Мне предстояло ещё сбегать за велосипедом, отвинтить у него колёса — иначе он не влезал в салон — и в разобранном виде укладывать велосипед на заднее сиденье. Только после всех этих действий я запустил движок нашего железного друга, включил фары, и мы вылетели из сарая и через кусты, подпрыгивая на кочках, погнались по задворкам деревни к дороге. Малыш, радуясь освобождению из плена, нёсся так, будто его двигатель стал реактивным.

В Лыково мы очутились меньше чем за полчаса. Я разбудил хозяйку велосипеда, от всей души поблагодарил её за «железного коня» и подтвердил её слова, что «валуевские ребята балуют», только их «баловство» я назвал более точно — преступлением.

Вернувшись, я плюхнулся на своё шофёрское место — именно плюхнулся, потому что жутко устал, ведь нам в тот день досталось — и сказал Челкашу:

— Ну, а теперь гоним подальше от этих злополучных мест!

Потом обратился к Малышу:

— Давай, Малыш, поднатужься! Разорви ночную тьму!

Глава пятнадцатая, довольно страшная. Особо впечатлительным читателям лучше не читать

Мы гнали по ночным дорогам мимо тёмных деревень и освещённых посёлков с редкими гуляющими парочками, катили через просторные поля и проскакивали насквозь лесные массивы. Отмахав около двухсот километров, мы остановились у моста через речку Протву. По обоим берегам реки стоял лес — под напором ветра деревья раскачивались и шумели. А под мостом росла дурман-трава, над которой висели какие-то розовые облачка. Ни с того ни с сего в голове мелькнуло: «Здесь можно уснуть и не проснуться». В самом деле, местность была мрачноватой, но нас с Челкашом уже клонило ко сну («штурмана» в машине так укачало, что он два раза «клюнул» носом в панель приборов), так что выбирать не приходилось.

Мы съехали с дороги к реке и, заглушив движок, я достал из багажника примус, чтобы приготовить — уже не ужин, а скорее, завтрак, поскольку небо уже светлело.

Взяв котелок, я собрался зачерпнуть воды, нагнулся и отпрянул — среди травы на дне реки лежал... утопленник! Я весь покрылся холодным потом. Но что странно, Челкаш, который с сонным видом крутился около меня, почему-то не замечал утопленника, хотя обычно на всё реагирует гораздо раньше меня.

Я уже бросил котелок и протянул руки, чтобы вытащить утопленника, как вдруг заметил, что утопленник — не что иное, как белёсое бревно-топляк. Так обманулся от переутомления.

Но в чём я не обманулся, так это в муравьях, больших рыжих муравьях. Пока готовилась каша с тушёнкой и мы с Челкашом сидели у примуса, на нас набросились полчища муравьёв (и чего они проснулись в такую рань?!). К сожалению, мы поздно заметили, что облеплены насекомыми с головы до ног. Мне пришлось снимать одежду и отряхивать её, а Челкашу ничего не оставалось, как лезть в воду.

Проглотив кашу, устроили в Малыше постель и легли. И вовремя — порывы ветра усилились и уже хлестали по Малышу так, что нас раскачивало, словно лодку на стремнине. Спустя некоторое время ветер перешёл в ураган. Я испугался — как бы нас не сдуло в воду, не хватало ещё раз оказаться на дне реки! На всякий случай я завёл Малыша и отогнал его подальше от воды, но не успел снова забраться под одеяло, как заметил — со стороны дороги, словно чёрная стена, приближается смерч.

Через минуту небо потемнело и вокруг нас завертелась неистовая карусель из пыли, камней, листвы и сучьев; потом закрутились стоящие рядом деревья, а за ними и наш Малыш — казалось, мы попали в гигантскую бетономешалку. Какая-то невероятная сила подняла нас над землёй и в мутном облаке понесла куда-то на юг; далеко внизу за серой пеленой мелькнул зигзаг реки, пятна леса, какие-то откосы, уклоны и то ли избы, то ли стога сена, потом всё пропало.

Не знаю, сколько времени мы летели по воздуху, но когда Малыш стал снижаться, я увидел — под нами какой-то тёмный остров посреди бушующего океана.

Я думал, мы хотя бы приземлимся более-менее плавно, на какую-нибудь мягкую ярко-зелёную поляну, но надо же такому случиться! — мы грохнулись на каменистое плато. Удар был такой силы, что Малыш разлетелся вдребезги.

Каким-то странным образом мы с Челкашом не пострадали — как лежали на откидных сиденьях, так и продолжали лежать среди кусков

железа, шестёренки, болтов и гаек — всего того, что осталось от нашего дорогого Малыша; лежали ошеломлённые, подавленные, не в силах осознать, что произошло. Когда же пришли в себя, поднялись и осмотрелись, в нас вселился страх — плато представляло собой нагромождение каменных глыб в пыльной фиолетовой атмосфере; из трещин меж камней прямо на наших глазах вылезала какая-то чёрная растительность, похожая на рыболовные крючки, пики, секиры; а всё плато обрамляли гигантские холмы.

«Что за остров? Как нам отсюда выбираться?» — крутилось в голове, я пребывал в жуткой растерянности.

Челкаш с тревогой посматривал на меня и даже, как мне показалось, с некоторым презрением — он-то думал, что я всё могу, и вдруг видит мою полную беспомощность.

Наконец я очнулся и предложил Челкашу обойти плато в надежде найти — нет, не гостиницу, конечно, — но хотя бы какое-нибудь жилище, встретить людей, которые непременно помогут нам вернуться в нашу страну; на худой конец — найти радиопередатчик, чтобы послать сигнал SOS!

Но не успели мы сделать и двух шагов, как заметили, что холмы, стоящие на краю плато, шевелятся! И даже перемещаются с места на место! И вдруг — они двинулись на нас! Через секунду мы с ужасом увидели, что холмы — не что иное, как исполинские доисторические чудовища — каждое величиной с десятиэтажный дом, в панцире, с невероятно толстыми ногами и маленькой головой.

Монстры подходили всё ближе, уже различались их красные глаза и зубастые пасти; они рычали и топали так, что тряслась земля, и, подогревая свой кровожадный настрой, пинали камни — огромные, с Малыша, нашего несчастного погибшего Малыша. Было ясно — чудовища вот-вот растерзают нас и сожрут с потрохами.

Нас охватила паника, но куда бежать, если монстры приближались со всех сторон!

В это последнее мгновение нашей жизни ни с того ни с сего я вспомнил автолюбителей нашего двора и дворника Иннокентия, их

насмешки над нами и подумал: «Пусть теперь они пригорюнятся, пусть узнают, кого они потеряли, каких друзей!»

...Я проснулся весь в поту. В стёкла Малыша вовсю лупило солнце. Челкаш мирно посапывал и во сне вилял хвостом — ему снилось что-то весёлое.

Глава шестнадцатая. Замечательная встреча на берегу Оки

Когда мы с Челкашом вылезли из Малыша, солнце уже стояло в зените, а на шоссе взад-вперед катили машины. Чтобы прийти в себя, искупались и после лёгкого завтрака выехали на шоссе.

Погода была прекрасной. Под натиском солнца асфальт блестел, как фольга, по лобовому стеклу бежала слепящая рябь, на боковых стёклах играли радуги, по нашему радиоприёмнику передавали красивую музыку и, понятно, после вчерашних событий наше настроение с каждой минутой улучшалось.

Буквально через час мы въехали в Серпухов.

Хочу вам напомнить — отправляясь в поездку, я хотел побывать в сельской глубинке, подальше от туристических маршрутов. Поэтому Серпухов решил проскочить не останавливаясь, но пришлось остановиться.

На углу одной из улиц, пока мы стояли у светофора, Челкаш увидел человека, который чудодействовал ножницами — из чёрной бумаги вырезал профиль позирующей ему девушки. Я уже говорил, что Челкаш любит фотографироваться, а здесь такой необычный портретист! Мой штурман прямо готов был выпрыгнуть из машины.

В общем, мы остановились, и, как только девушка получила своё изображение, Челкаш уселся на её место.

Мастер не удивился необычному натурщику и спокойно взял новый лист бумаги. Вокруг них моментально собрались любопытные; они подмигивали друг другу и хихикали, чем немало смущали моего друга, тем не менее он держался достойно.

Бросив взгляд на Челкаша, мастер одним движением ножниц вырезал его профиль; затем капнул на своё произведение клеем из тюбика и, приклеив на картонку, протянул моему другу.

Челкаш, сияя от счастья, предельно аккуратно, одними губами, взял картонку и передал мне.

— Как, похоже? — спросил меня мастер.

— Очень даже. Вылитый мой друг.

— Моя профессия — моменталист, — пояснил мастер. — Редчайшая профессия. Зарабатываю немного, но постоянно. Зимой, правда, пальцы мёрзнут, но ничего, терпимо... Я вообще богатый. У меня нет квартиры, только комната в коммуналке. И нет машины, как у вас. И нет жены. Но я богат талантом, — мастер подмигнул мне и засмеялся. — Скажи серьёзно, профиль впечатляет?

— Ещё как! — искренне кивнул я и расплатился с «богатеем».

За Серпуховым дорога потянулась по берегу Оки. Берег был открытым, местность просматривалась далеко, с реки тянул приятный ветерок. Мы ехали медленно, изредка останавливались, я делал снимки, Челкаш заводил новые знакомства среди рыбаков и отдыхающих.

С одними отдыхающими, пожилой супружеской парой, он особенно сдружился. Точнее, сдружился с их собачонкой — серой, с белыми и жёлтыми пятнами. Вначале он только умилённо взирал на это трёхцветное существо, и было ясно — его переполняют возвышенные чувства. Потом он начал с собачонкой играть в догонялы, всячески выказывая своё неотразимое дружелюбие; бегая за своей новой приятельницей, он прямо расцвёл; по-моему, даже посветлела его шерсть.

Когда я подошёл к супругам и мы поприветствовали друг друга, женщина сказала:

— Ваш друг влюбился в нашу Марту.

— Ну что ж, придётся к вам время от времени приезжать, — лучше я ничего не смог придумать.

— Всегда рады гостям, — сказал мужчина.

— Нам нравится ваш друг, — женщина кивнула на Челкаша, который с Мартой уже играл в прятки. — Он такой симпатичный.

— Его зовут Челкаш, — сказал я.

— И ваша жёлтая машинка симпатичная, — продолжала женщина.

— А её зовут Малыш, — пояснил я.

— Тогда уж и вы представьтесь, — улыбнулся мужчина.

Я назвал себя, супруги — себя: Владимир Васильевич и Анна Ивановна. Они были медиками, жили в Серпухове, а здесь имели дачу, куда нас с Челкашом сразу и пригласили. Я недолго сопротивлялся, ведь мы никуда не спешили, свободного времени у нас было в избытке. А о Челкаше и говорить нечего; как только он услышал о приглашении, сразу же гавкнул мне в лицо — И не раздумывай! Замечательные люди! А Марта просто прелесть, никогда таких собак не видел!

Дача супругов находилась в двух шагах от берега — обычный летний щитовой дом на крохотном участке; в палисаднике среди цветов стояли складной стол и стулья; на столе лежали принадлежности игры в лото — было ясно, супруги любители спокойных, «интеллигентных» игр.

Пока Анна Ивановна убирала со стола лото и ставила чайные чашки, Владимир Васильевич вынес медный самовар.

— Вот какие вещи делали старые мастера. Настоящее произведение искусства, — Владимир Васильевич поставил самовар на садовую

дорожку, погладил его и со значением посмотрел на меня. — Хорошие вещи создают от любви, а плохие от злости, не так ли?

Я полностью согласился с обладателем старинного самовара и добавил, что наш Малыш тоже создавали от любви к технике, что он, хоть и маленький, но крепкий, выносливый, удобный.

Владимир Васильевич стал разжигать самовар. Челкаш, естественно, тут же бросился его «тушить», при этом торжествуя поглядывая на Марту, демонстрируя ей свои фирменные способности. Но Марта, молодец, сразу увела «пожарника» за дом, предложив какую-то новую игру.

— Вот проказник! — засмеялся Владимир Васильевич.

В очередной раз мне пришлось объяснять, что мой друг в отношении огня никогда не теряет бдительность, что огонь для него — враг номер один.

За чаепитием Владимир Васильевич сказал:

— Мы живём скромно, не то что некоторые, — он кивнул на стоящую недалеко трехэтажную дачу. — Никак в толк не возьму, зачем людям такие «Титаники»? Нет чтобы построить больницу, лагерь для детей... И откуда у них такие бешеные деньги? Мы с Анной Ивановной за всю жизнь ничего не накопили, хотя работали не жалея сил. И вообще просто неприлично быть чересчур богатыми, когда вокруг много бедных, не так ли?

— Ну что ты завёл неприятный разговор, — вмешалась Анна Ивановна. — В такую прекрасную погоду хочется говорить о приятном. Вот посмотрите на наших любимцев, — она обратила моё внимание на двух кошек, сидящих в открытом окне. — Тот рыжий — Гаврюша, а чёрный — Феликс. Они от одной матери, а такие разные, просто удивительно. Гаврюша ласковый, немного застенчивый, но умеет «давать лапу». А Феликс угрюмый.

— Он философ, — вставил Владимир Васильевич. — Крайне ленивый и первостепенный соня.

— Да, — кивнула его супруга. — Но они друг без друга никуда не ходят.

— В мае здесь кошачья свадьба, — засмеялся Владимир Васильевич. — Это весёлое зрелище. Один кот умывается, прихорашивается, другой гипнотизирует кошек взглядом, третий изображает романтического, загадочного. Вся их гвардия собирается на берегу Оки. И Гаврюша с Феликсом туда приходят, но Феликс делает вид, что всё происходящее там его не касается, он смотрит на воробьёв.

— Прошлой осенью у нас случилась неприятность, — продолжила Анна Ивановна. — Мы собирались съезжать с дачи, а Феликса нигде нет. Весь посёлок обыскали. Так и уехали с одним Гаврюшей. Через неделю снова поехали Феликса искать. Уже наступили холода, выпал снег. Смотрим — цепочка следов и он под террасой. Худой, трясётся от холода. Привезли его в Серпухов, они с Гаврюшей встретились, обрадовались, вылизывали друг друга.

Врачи-дачники были готовы рассказывать о своих любимцах до бесконечности (те безучастно дремали на подоконнике), но прибежали Челкаш с Мартой, и я поднялся.

— Спасибо за чай и рассказ о Гаврюше и Феликсе.

Мы договорились ещё встретиться, обменялись адресами и, позвав Челкаша, я направился к Малышу.

Но Челкаш и не думал никуда уезжать, он настроился остаться здесь навсегда. Пришлось его уговаривать; и не только мне, но и хозяевам дачи. С полчаса его уламывали, а он, насупившись, обиженно смотрел на нас и мотал головой. Он согласился ехать только после того, как Марта что-то шепнула ему на ухо. Вот такая у него случилась любовь с первого взгляда.

Глава семнадцатая.

Красивый посёлок и отвратительное зрелище

Следующую остановку мы сделали у дома бакенщика — уж очень экзотическим выглядело его жилище, этакая избушка на курьих ножках — железных трубах (как позднее я узнал, чтобы её не затопляло в половодье). В избушку вела лестница из семи ступеней.

Ещё более экзотичным был сам бакенщик — мужчина моего возраста, низкорослый, полноватый, похожий на приплюснутую тыкву; на его широком лице выделялись светлые, почти прозрачные глаза и большой нос — набалдашник.

— Шапошников, работник обстановочного поста, — представился он, пожимая мне руку. (У него была не кисть, а лапа — огромная, с перчатку хоккейного вратаря).

Мы присели покурить на настиле перед его домом, и я начал рассказывать, как в детстве завидовал романтической профессии бакенщика.

— Романтики мало. В основном тяжёлый труд, — бакенщик пожаловался на рыбаков-браконьеров и на мальчишек, которые угоняют лодки. — Берут покататься, а потом бросают за много километров от посёлков...

Я рассказал, как подростки угнали нашего Малыша и как мы его разыскивали. Челкаш, который до этого спокойно сидел рядом и разглядывал гулявших по песку чаек, при этих моих словах встрепенулся, гавкнул и выпятил грудь, давая понять, что основную роль в этой истории сыграл именно он — вот бахвалец!

— Эти балбесы угонщики ещё ладно, они ничего с машиной не сделали бы, — поморщился бакенщик. — А вот в Коломне орудуют серьёзные мужики. Банда Егора Татуированного. Это зловещие фигуры. Угоняют машины и раздевают, а запчасти продают. Бывает, и перекрашивают машины, перебивают номера и продают в соседних областях.

Челкаш возмущённо рыкнул, и я перевёл его слова — Почему же их не поймают?

— Татуированный и его дружки шуруют быстро, улик не оставляют. Надо же их застать на месте преступления, а попробуй застань!

— Татуированный это фамилия? — спросил я.

— Да нет. Прозвище. Он весь в наколках.

Докурив сигарету, бакенщик извинился и, сославшись на дела, начал заправлять фонари для бакенов. Я попрощался, кивнул Челкашу, и мы направились к Малышу.

Некоторое время дорога петляла в лесу, потом тянулась через поля и перелески, а часа через два снова подошла к Оке, и мы подъехали к посёлку Озёры.

На окраине посёлка стояла чёрная «Волга»; рядом несколько молодых крепких короткостриженных мужчин азартно что-то кричали, размахивали руками и топали, а перед ними на земле происходила возня каких-то белых существ.

Мы с Челкашом вышли из Малыша и стали свидетелями отвратительного зрелища — петушиного боя. Два петуха, раскинув крылья и распушив оперенье, чтобы казаться крупнее и запугать противника, то и дело подпрыгивали и яростно клевали и били шпорами друг друга. Обе птицы были изранены, но мужики и не думали прекращать схватку — знай себе гогочут и криками подзадоривают бойцов.

Я уже говорил, Челкаш не переносит драк, а здесь такое кровавое побоище! Он залаял, требуя прекратить бой, но на него зашикали, а крепкий мужчина с квадратным лицом скривился и топнул:

— Проваливай! Пошёл вон!

Петушиный бой продолжался до тех пор, пока один из петухов не упал на бок; но и после этого победитель продолжал его клевать.

— Мужики, прекратите! — сказал я. — Неужели вам не жалко этих красивых птиц?! Неужели вам нечем заняться, чем-то серьёзным, полезным?!

— Мы же ставки на них делаем, не понимаешь, что ли?! Петушиные бои — наши традиции, — буркнул один из короткостриженных.

— Традиции! Но в традициях и детей приносили в жертву! Надо покончить с дикими традициями.

— Отец, не цепляйся к нам! — мужчина с квадратным лицом бросил в мою сторону презрительный взгляд. — Не лечи нас! Вали отсюда, пока твою тачку не скинули в воду! Два раза я не повторяю!

Вот такую грубость услышали мы с Челкашом от «квадратной рожи». Как вам такое?!

Атмосфера становилась взрывоопасной, но, понятно, мы не могли противостоять этой ораве — силы были слишком неравные. Тем не менее Челкаш отважно подбежал к петухам и рявкнул. Птицы тут же,

прихрамывая, побежали в разные стороны. После этого мы спешно сели в Малыш и въехали в посёлок.

Ничего не скажешь, посёлок Озёры не зря имеет красивое название. Представьте себе берег Оки с белым сыпучим песком, аккуратные дома и палисадники со множеством цветов. В одном из палисадников мы увидели старушку и остановились, чтобы спросить — есть ли в посёлке бензоколонка (Малыш уже выпил почти весь бензин, оставался только запас в канистре).

— Бензоколонки, сынок, в Коломне, — ответила старушка, когда мы подошли к калитке. — И больницы у нас нет. Одна медсанчасть. Чуть болезнь прихватит, приходится ехать в Коломну, а это почти час на автобусе.

— Надо же, такой красивый посёлок и нет больницы, — посочувствовал я пожилой женщине.

— Посёлок у нас приглядный. Сюда многие приезжают отдыхать. И люди у нас хорошие, но вот больницы нет.

— Люди не очень хорошие. Жестокие, — заявил я и рассказал про петушиный бой.

— Это, небось, Татуированный с дружками. Они не местные. Они из Коломны. А сюда приезжают купаться. На берегу делают шашлыки, пьют водку, безобразничают... И петухов с собой привозят, и собак стравливают забавы ради... Накидают бутылок, окурков, бумаг всяких, ничего не уберут, — старушка вдруг зашмыгала носом. — В прошлом году у меня Катьку украли.

— Какую Катьку?

— Козу. Мою кормилицу... Она вон там паслась, — старушка показала на пригорок. — Я привязывала её на веревке к колышку. А Татуированный с дружками... Обрезали веревку и затащили Катьку в машину и увезли... Потом убили, — старушка смахнула слёзы. — Участковый сказал «сделали из Катьки шашлыки»... Ну судили их, а толку-то что? Присудили штраф, а кто мне вернёт Катьку?.. Она мне была, как дочка...

Мы с Челкашом стиснули зубы и процедили:

— Негодяи!

— Вот теперь с Барсиком остались вдвоём, — старушка кивнула на кота, который сидел около её ног и хмуро посматривал на Челкаша. — Барсик любил Катьку. Когда её не стало, две недели ничего не ел... И спал на её месте в сарае. В дом не заходил...

Я как мог успокоил старушку и с тяжёлым сердцем пошёл к Малышу. Челкаш, понуро опустив голову, поплёлся рядом. Всегда весёлый, на этот раз он даже отвернулся от меня, чтобы я не видел его глаз, но я догадывался, что он плачет. Вы ведь помните, я уже говорил, он сентиментальный, чувствительный, ранимый и, наверняка, в тот момент думал о бедняге Катьке.

В общем, вокруг простирался прекрасный пейзаж, и погода стояла отличная, а вот настроение было — хуже нельзя придумать. И в голову лезли мрачные мысли; примерно такие: «Всё-таки ещё немало у нас негодяев. И законы слишком мягкие. Какой-то штраф за убийство животного! Таких, как подростки угонщики и Татуированный, надо

сажать в тюрьму. А суд над ними показывать по телевидению на всю страну, чтобы другим было неповадно. Правильно говорил Бернард Шоу: «Самое большое преступление — это безнаказанность». Вот такие мысли крутились в моей голове, говорю об этом с большим прискорбием.

К счастью, вскоре мы поняли, что в тех краях негодяев можно пересчитать по пальцам, а большинство — замечательные люди, — как, впрочем, и всюду. Если вы ещё не убедились в этом, то вскоре непременно убедитесь. Непременно, вот увидите.

Глава восемнадцатая. Счастливая семья

Всем известно — большинство нормальных людей кого-нибудь любят: одни — родных, другие — учителей, третьи — друзей, четвёртые — артистов или спортсменов, и эта любовь имеет массу разновидностей: от прекрасно-возвышенной до сумасшедшей. Большинство ненормальных людей любят правителей-тиранов или разбойников. Некоторые, на первый взгляд, любят всех, но приглядишься — не любят никого, только себя.

Известно также — один любит работу, другой — развлечения. Кое-кто их совмещает и сливёт счастливецем.

Есть люди, и притом их немало, которые больше всего на свете любят деньги. Понятно — это недостойная любовь. И глупая. Ведь далеко не всё можно купить за деньги. Нельзя же купить дружбу, любовь, талант, здоровье, хороший характер и многое другое.

Но есть группа людей с каким-то пустым сердцем, которые никого и ничего не любят; бывает, они даже не любят самих себя и страдают от недовольства собой. Это самые несчастные люди — они не умеют видеть хорошее.

В тот день мы познакомились с по-настоящему счастливой семьёй. На полпути к Коломне дорога некоторое время пролегла в берёзовой роще; берёзки, русские красавицы, прямо-таки слепили белизной. Как только мы въехали в рощу, к Малышу слетелось множество бабочек —

видимо, приняли нашу жёлтую машину за гигантский цветок. Челкаш любовался ими, прищёлкивал языком от восторга — вы же помните, он любит всё красивое.

Бабочки сопровождали нас, пока мы не проехали всю рощу; после тенистой прохлады мы выехали в луга и сразу попали на солнцепёк. Воздух в лугах был насыщен терпкими сладкими запахами. Это был даже не воздух, а скорее — горячий компот.

Мы остановились около пасеки — небольшого садового участка с ульями и летним домишком. За ним виднелось ещё несколько немудрёных строений — все среди фруктовых деревьев. И что поражало — участки разделяли не заборы, а всего лишь мелкий кустарник; местами и его не было. «Вот это настоящее добрососедство», — подумалось. Я решил запечатлеть на плёнке этот уголок природы.

Мы с Челкашом вышли из машины и, пока я готовил камеру к съёмке, а Челкаш обследовал близлежащую растительность, к нам подбежал мальчуган лет семи—восьми.

— Сфотографируйте и меня тоже.

— Нет вопросов. Тебя как зовут?

— Коля.

Я «щёлкнул» паренька с Челкашом (как же без него?! Он такие моменты не упускает из поля зрения. Попробуй кого-нибудь снять без него — обидится).

— Ты с кем здесь живёшь? — спросил я мальчугана.

— С папкой и мамкой, — он кивнул в сторону дома; от него к нам шёл молодой мужчина в белом костюме, улыбался и приветливо махал нам рукой.

Бывает — редко, но бывает, — незнакомые люди сразу становятся друзьями, с первого рукопожатия. Так у меня случилось и с пасечником Геннадием (так звали мужчину) — своей открытостью, простотой и прямо-таки обжигающим дружелюбием он сразу располагал к себе.

— Привет доблестным автолюбителям! — сказал он, пожимая мне руку. — Какие-нибудь неполадки с машиной? У меня в сарае мастерская, есть всё необходимое.

Челкаш усмехнулся, со всей ясностью давая понять, что наш Малыш работает, как часы.

— Спасибо, но с машиной у нас нет проблем, — сказал я. — Просто понравился ваш посёлок, хочу его запечатлеть.

— Здесь прекрасное место. Берёзовую рощу проезжали?.. А за посёлком ельник, там речка. Ну а цветов здесь, сами видите, сколько. Чувствуете воздух какой?.. Я люблю нашу среднюю полосу. Природа здесь не такая холодно-строгая, как на севере, и не такая крикливо-яркая, как на юге. Она скромная, мягкая... И соседи у нас прекрасные, открытые и честные... Приглашаю вас отведать цветочного мёда, лучшего в Московской области.

— Не откажусь, — проговорил я. — Мы с моим другом Челкашом никуда не спешим. Мы путешественники, для нас, горожан, вылазка на природу — отдых для души.

По пути к дому мы познакомились. Челкаш с Колькой не только познакомились, но и подружились — уже бегали перед домом, играли в «салки».

— Мы здесь живём с ранней весны до поздней осени, — рассказывал Геннадий. — Занимаемся пчеловодством. Ну и огородом. Хозяйство у нас немалое, трудновато, конечно, но всё это в радость. Когда занимаешься любимым делом, всё в радость. Вот только времени не хватает. Эх, если б в сутках было побольше часов, — Геннадий засмеялся. — А в городе суета. Для меня десять человек — это уже толпа. В городе постоянное напряжение, часто разлад с самим собой, а здесь согласие, внутренний комфорт.

В доме повсюду были кружева: над дверью, на окнах, на столе, на кровати. Геннадий с гордостью показывал белые узорчатые изделия:

— Моя жена отличная кружевница. Многие просят продать её изделия, но разве можно продавать такую красоту?! Её можно только дарить, ведь так? У моей Леночки золотые руки, и вообще она золотая жена. Мы по-настоящему любим друг друга, за десять лет ни разу не расставались ни на один день... Вот она — Леночка!

В дом вошла красивая молодая женщина с младенцем на руках. Поздоровалась со мной и сказала:

— Сейчас уложу дочку и будем пить чай.

— Посмотрите на эту троицу, — Геннадий кивнул на открытую дверь — перед домом к играющим Челкашу и Кольке присоединился серый кот. — Надо же, ваш Челкаш не гоняет нашего Сапфира.

— Он любит кошек, — сказал я. — Вообще всех животных любит, он самый дружелюбный на свете.

Чай мы пили на террасе. Разливая мёд в розетки, Геннадий говорил:

— Вот он, наш драгоценный медок, золотистый, лечебный, от всех болезней вылечивает. Чувствуете, в нём весь букет полевых цветов? А вообще самый вкусный мёд шмелиный. Ведь мёд собирают и осы, и шмели. Шмелиный самый вкусный и полезный...

Солнце скрылось за берёзовой рощей, и стало темнеть.

— Вы, конечно, заночуете у нас? — обратился ко мне Геннадий. — Куда на ночь глядя ехать?! А утром я покажу вам наши достопримечательности. В ельнике гигантский муравейник, побольше вашей машины. А у речки водопад и дальше запруда и хатка бобров. У нас много интересного! Оставайтесь! Леночка постелит вам на террасе.

— Спасибо, но у нас в машине все удобства и широкая постель. С вашего разрешения, я только подгоню её к дому.

После того, как я подогнал Малыша к дому, мы с Геннадием ещё некоторое время сидели на скамье в саду; я курил, а Геннадий рассказывал о своей пасеке. Кольку Лена уложила в постель, Сапфир уже давно исчез в доме, но в Челкаше по-прежнему бурлила энергия — он нашёл себе новое развлечение — катал голыши по садовой дорожке.

— А вон паук-рыболов, — Геннадий показал на куст смородины. — Видите, выпускает блестящую нить? Сейчас заметит какого-нибудь мотылька, начнёт раскачивать нить, как леску. Мотылёк полетит на блеск и приклеится.

— У вас здесь сплошные чудеса, — сказал я. — А у нас в машине тоже обитает паучок. Ловит комаров и мошек. Вместе с нами он уже

пережил немало приключений. Наверняка, ему наша поездка кажется кругосветным путешествием.

— Наверняка, — улыбнулся Геннадий.

(Кстати, по возвращении в Москву я поселил паучка у нас на балконе, и уже на следующий день он там обосновался по-хозяйски: сплёл паутину, под жилье выбрал щель в оконной раме, но стоило мне выйти на балкон и изобразить тарактенье Малыша и «бибикнуть», как он вылезал из укрытия — явно был готов снова ехать с нами куда угодно и на сколько угодно.)

Я проснулся от женской колыбельной песни, прекрасной колыбельной, явно собственного сочинения, поскольку в неё вплеталось всё, что окружало женщину. В песне были приблизительно такие слова: «Я люблю свою дочку, как птица любит своего птенца, как бельчиха бельчонка, как цветы любят солнце, как пчёлы нектар, как крольчиха морковку, как козлёнок зелёную лужайку...»

Опустив дверное стекло, я увидел Лену, качающую коляску с дочкой. Прямо из машины я сфотографировал их. Позднее выяснилось — это была лучшая фотография за всю поездку, и вообще лучшая из всех, которые я когда-либо сделал.

— Доброе утро! Как спалось на нашей пасеке? — улыбнулась Лена, когда мы с Челкашом выбрались из Малыша.

— Отлично, как никогда!

Из-за кустов смородины выскочил Колька, и они с Челкашом сразу затеяли возню, словно и не расставались на ночь.

— Коля давно ждёт вашего друга, — сказала Лена. — Несколько раз даже хотел подойти к машине, позвать его. Он такой сорванец, часто убегает к водопаду и в рощу. Я всё боюсь — заблудится, не дай бог!.. Но мы слишком-то не ругаем его. Дети должны жить в любви, без раздоров и наказаний. Тогда из них вырастут хорошие люди.

— Да, наверно. Вы с Геннадием отличная пара, и я желаю вам побольше детей. Счастливые люди должны иметь много детей, ведь от счастья и дети рождаются красивыми, талантливыми. Кстати, а где Геннадий? Он ещё спит?

— Что вы! Он встаёт вместе с птичками и уже давно около ульев, — Лена показала в глубину сада, где за яблонями и сливами виднелись домики пчёл.

К завтраку Лена напекла ватрушек; мы уплетали их с мёдом, запивая чаем (Челкаш лопал из миски).

После завтрака Геннадий повёл меня к ельнику. (Челкаш решил остаться на участке, предпочёл играть с Колькой и Сапфиром в «прятки»).

Мы шли по тропе среди множества цветов, и Геннадий то и дело обращал моё внимание на всякую живность:

— Вон, смотрите, с пучком травы побежала полёвка... Вон по осыпной воронке карабкается жужелица... А вон мои пчёлы кружат над головками цветов, показывают фигурное катание в воздухе, — Геннадий смеялся, вздыхал: — Повсюду своя жизнь... Я иногда представляю, как сейчас в протоках бобреха обучает бобрёнка подрезать деревца, сплавлять их к хатке... А в лесной норе сидят, прижавшись друг к другу, лисята — ждут родителей... Но с каждым годом животным всё труднее уйти от человеческого жилья, найти необжитое место. Человек теснит животных, они уже и не знают, куда податься.

В ельнике Геннадий показал мне высоченный муравейник, а на реке — водопад и хатку бобров — от этих чудес природы захватывало дух. Но что меня особенно поразило, так это загородка вокруг муравейника, а около хатки бобров прибитая фанерка с надписью: «Пожалуйста, не тревожьте лесных тружеников!».

— Твоя работа? — спросил я у Геннадия.

Он кивнул.

— Надо же кому-то о них позаботиться.

Разумеется, я сфотографировал эту «заботу».

Перед нашим отъездом Геннадий сходил в сарай и вернулся с банкой мёда.

— Это вам на дорогу от всего сердца.

А Лена принесла из комнаты кружевную накидку на подушку и с улыбкой сказала:

— Чтобы вам снились хорошие сны.

На прощанье я сфотографировал счастливое семейство вместе с котом Сапфиром.

Именно в тот день я задумал устроить выставку портретов счастливых людей. Сейчас у меня уже целый альбом счастливцев, осталось только найти подходящее помещение для выставки.

На пасеке я чувствовал себя прекрасно. И не столько от необыкновенного воздуха и лечебного мёда, сколько от счастливых Геннадия и Лены; они сразу излечили меня от мрачных мыслей, ведь общаясь с такими людьми, получаешь заряд душевных сил. Так что, и вам, друзья, советую съездить на ту пасеку — не пожалеете.

Глава девятнадцатая, грустная

Мы отъехали от пасеки всего ничего, как вдруг видим — из-под впереди идущего «Москвича» валит густой дым. Первым его, разумеется, почувствовал Челкаш, встревожился и начал гавкать. Я посигналил водителю машины, но он то ли не слышал сигналов, то ли не обращал на них внимания. Мне удалось поравняться с ним; Челкаш бурно залаял, я закричал:

— Остановитесь! У вас что-то горит!

Усатый мужчина вскинул глаза, обернулся и спешно взял к обочине.

Мы затормозили чуть впереди, и я вышел из Малыша, чтобы, если понадобится, помочь мужчине. Когда я подошёл к нему — низкорослому, щуплому, но с пышными усами — он заглядывал под днище машины и качал головой. Оказалось, у «Москвича» всего лишь прогорела выхлопная труба.

— Ничего страшного, — сказал я. — До ближайшего посёлка дотянете, а там на трубу положите жёсть и обмотайте проволокой.

— Да, да, — удручённо выдохнул мужчина.

В этот момент из Малыша выскочил Челкаш — по земле за ручку он волочил огнетушитель (он всегда под моим сиденьем); подбежал, направил его на «Москвич» и нажал на рычаг. Струя пены ударила в глушитель машины; послышалось шипение, потом всё стихло, дым рассеялся. У мужчины глаза полезли на лоб.

— Вот это пожарный!

— Да, он умеет бороться с огнём, — спокойно подтвердил я.

Пожелав незадачливому водителю удачи, мы с Челкашом продолжили путь.

Так уж устроена наша жизнь, что радость и печаль всегда рядом, всегда соседствуют счастье и трагедия. Через несколько километров у посёлка Ёлкино прямо на шоссе, на открытом участке, мы увидели двух чёрных собак, одна из них неподвижно лежала на асфальте, другая теребила её лапой. Остановившись, я направился к ним. (Челкашу наказал сидеть в машине).

Лежащей собакой оказалась молодая сучка; стоящий над ней кобелек, с жутко испуганными глазами, поскуливая, пытался приподнять свою подружку. Но она была мертва; её явно сбила машина — вокруг головы виднелась кровь.

Кобелёк посмотрел на меня — прямо умоляя вернуть к жизни его подружку.

— Прости, дружище, — вздохнул я. — Здесь уже ничего не сделаешь. Надо её убрать отсюда, а то ещё, не дай бог, и тебя собьют.

Я отнёс погибшую собачонку в придорожные кусты, прикрыл её ветвями и листвой и пошёл к машине. Кобелёк так и остался скульптурно около могилы.

Челкаш всё видел; он сидел понурился, из его глаз капали слёзы.

Я завёл Малыша.

— Да, Челкаша, тонкая грань между жизнью и смертью. Только что эта парочка радовалась жизни и вот — на тебе! Такая у них горькая судьба.

А про себя я подумал: «Все несутся на шоссе, как сумасшедшие, не думают о животных, не понимают, что в их руках опасный транспорт. И почему в городе есть знаки «Осторожно, дети!», а в сельской местности не поставят «Осторожно, братья наши меньшие!»?

Потом вспомнил, что у профессиональных шофёров есть примета: задавишь какое-нибудь животное — в твоей жизни произойдёт несчастье, и подумал, что негодяя, который сбил собачонку и даже не отнёс

её в кювет, не похоронил, постигнет кара. (На открытом участке он не мог не заметить собак — значит гнал, как угорелый, а перед населённым пунктом вообще надо сбрасывать скорость.)

«И что за радость в бешеной гонке? — продолжал я размышлять. — Всё мелькает перед глазами, а твои пассажиры только и ждут, когда ты во что-нибудь врежешься?! Не случайно у профессиональных шофёров есть закон: «За рулём спешить нельзя!»

Спустя некоторое время после этой поездки я купил подержанный «Москвич» и несколько лет ездил на нём с Челкашом на садовый участок. И, представляете, ни разу за все те годы не доехал до участка и обратно в город, чтобы не увидеть на шоссе сбитых птиц, ежей, кошек и собак. Ни разу!

Теперь я езжу на участок только на электричках — не могу смотреть на сбитых животных. Да и страшных аварий теперь полно, ведь сейчас количество машин увеличилось, соответственно увеличилось количество пьяных за рулём и всяких самоуверенных лихачей, которые считают дорогу своей собственностью и не только не уважают других водителей, но и плюют на правила движения. Им, видите ли, надо повысить адреналин в крови, они хотят показать своё геройство! Пожалуйста, гоняйте на треке, участвуйте в «Формуле», а на шоссе извольте вести себя прилично, иначе...

Впрочем, законы у нас слишком мягкие, сами знаете, слишком мягкие. Представляете, в Англии если ты, избегая наезда на животное, врезался в фонарный столб или киоск, тебя будут считать героем. А если сошьёшь животное, будут судить, как за убийство человека.

Во многих западных станах есть не только закон о жестоком обращении с животными, но и закон о гуманном отношении к ним. Например, когда одна американка раскормила своего поросёнка до того, что он стал с трудом двигаться, её оштрафовали на огромную сумму. В Китае за убийство тигра или панды грозит смертная казнь, а у нас за убийство тигра — штраф в две зарплаты! Между тем, наших красавцев уссурийских тигров осталось всего-то двести—триста, не больше. Такие дела, такие дела.

Глава двадцатая. Погоня за бандой Татуированного

День начинался жаркий. Бензозаправка в Коломне находилась при въезде в город, так что разыскивать её не пришлось.

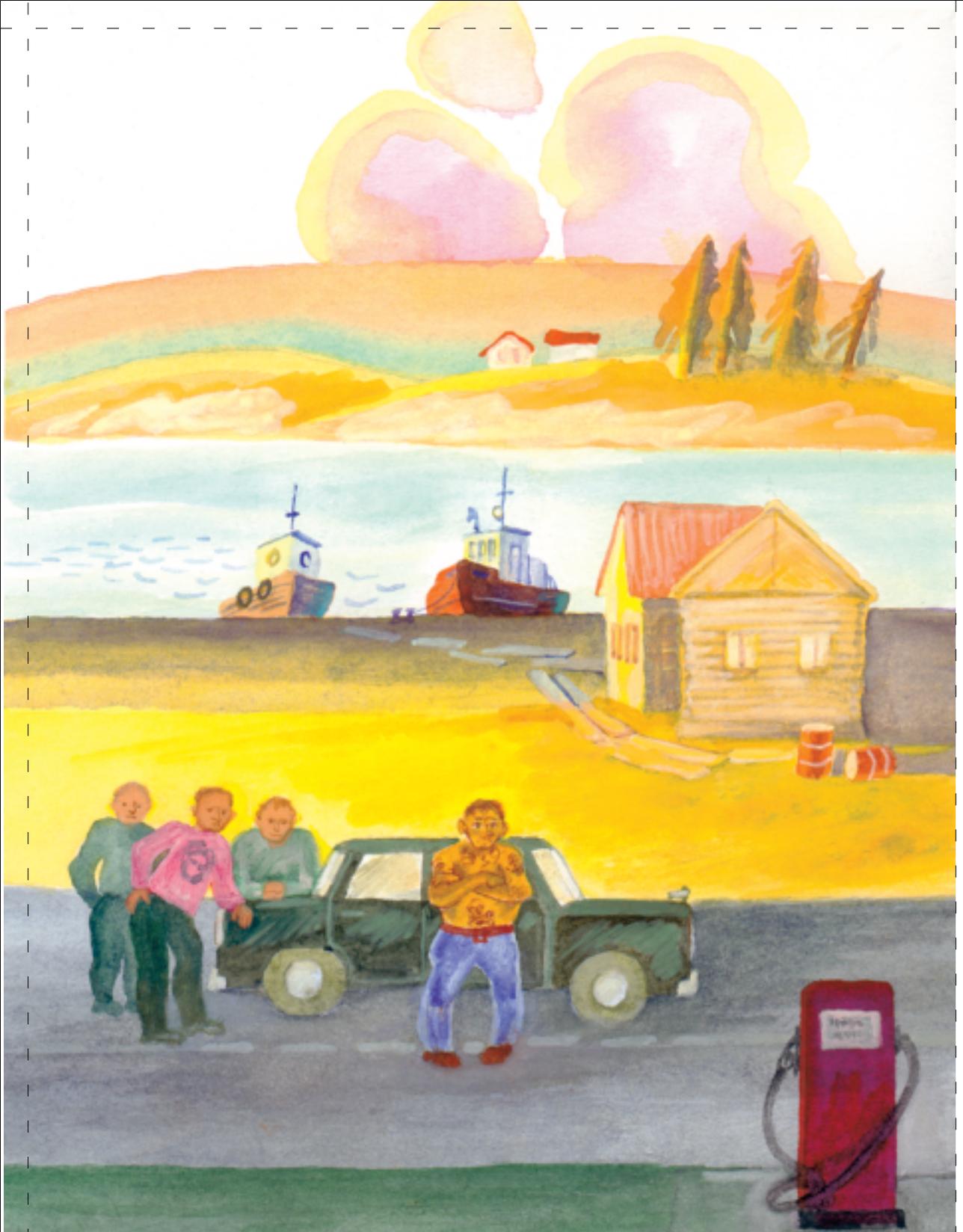
Залив бензин в бак и канистру, мы уже выезжали с площадки, как вдруг чуть в стороне увидели — кого бы вы думали? Ни за что не догадаетесь. Четверых короткостриженных — тех самых, которые у посёлка Озёры устроили петушиный бой! Трое из них стояли, облокотившись на чёрную «Волгу», а тип с квадратным лицом, засунув руки в карманы брюк, прохаживался вокруг «Волги»; он был голым по пояс, на его теле красовалось множество татуировок: я разглядел русалок, витязей, портреты вождей и какие-то клятвы. Стало ясно — это и есть Татуированный.

Подъезжающие к бензозаправке водители с интересом рассматривали его разрисованное тело — понятно, не каждый день встретишь такой экземпляр. В свою очередь, Татуированный и его дружки разглядывали машины водителей. Мне это показалось подозрительным. «Неспроста разглядывают», — подумал я и остановил Малыша недалеко от «Волги». Не выходя из машины, я решил понаблюдать за подозрительной компанией.

Челкаш, выпучив глаза, тарачился на Татуированного и недовольно бурчал — он прекрасно помнил встречу у посёлка.

В этот момент к бензозаправке подъехал старенький «форд», за рулём сидел парень в очках. Татуированный и его дружки заговорщически переглянулись, кивая на иномарку. То, что произошло дальше, следовало бы запечатлеть на снимках, но от растерянности я забыл про фотоаппарат.

Пока водитель «форда» подходил к кассе, один из короткостриженных привязал к заднему бамперу «форда» консервную банку. Я подумал — глупая шутка, а между тем, это был чётко продуманный отвлекающий трюк. Отъезжая от колонки, парень в очках услышал сзади страшный грохот и вышел из машины, чтобы узнать, в чём дело. Но пока он отвязывал банку, в его машину вскочил Татуированный и рванул с места. Парень бросился за машиной, закричал:

— Стой! Стой! Милиция!

Внезапно он подбежал к короткостриженным.

— Вы все видели! Помогите! Давайте догоним его на вашей «Волге»!

— Ничего не видели. Нам некогда. У нас дела, — дружки Татуированного сели в «Волгу» и покатали вслед за «фордом», который, как я заметил, свернул на шоссе с указателем «на Егорьевск».

— Садись! — крикнул я парню, открывая дверь Малыша.

Но он отмахнулся:

— На вашем клопе не догнать! Надо сообщить в милицию! Где здесь телефон? — парень побежал к бензоколонке.

— А мы всё же попытаемся догнать Татуированного! — отчеканил я. — Узнаем, куда он пригонит «форд», и сообщим в милицию!

Челкаш зашмыгал носом, закипятился — Догоним, как пить дать! И всё узнаем, и сообщим кому следует!

— Ну, Малыш, давай жми, не подкачай! Покажи всё, на что ты способен! — с этими словами я завёл нашего железного друга, и мы бросились в погоню за «Волгой» и «фордом».

Челкаш уже не кипятился — бушевал; нетерпеливо елозил на сиденье, в его глазах появилась беспощадная злость.

Второй раз мы столкнулись с угонщиками, но если первый раз просто с хулиганами, то сейчас с профессионалами, можно сказать — с акулами криминального мира. Любители петушиных боёв оказались уголовниками! И главное, всё произошло на наших глазах. Я уже представлял, как мы догоняем преступников, узнаём место, где они прячут украденные машины — так называемый «отстойник», и сообщаем об этом в милицию. Я даже предположил, что угонщики распознают мой план и захотят избавиться от нас, как от свидетелей, и готовил себя к серьёзному испытанию, а Челкаш, как вы поняли, раньше меня настроился на борьбу.

В общем, чтоб вы знали — на этот раз мы решили сразиться с Татуированным и его дружками. Вдвоём против всей банды! И скажу вам, я был уверен, что просто так мы не сдадимся, будем стойко

держат оборону; будем, как Ванька-встанька, которого бьют, а он встаёт и встаёт.

Это была сумасшедшая гонка, изнурительная погоня. Малыш ревел, как зверь, и нёсся на пределе сил, не сбавляя скорости даже на поворотах — стрелка спидометра прыгала у сотни. Мы обгоняли не только грузовики, но и некоторые легковушки; в салон врвался ветер, но слишком горячий, чтобы охладить нас с Челкашом — я не успевал смахивать со лба пот, Челкаш от напряжения сглатывал слюну и то и дело подпрыгивал, словно сиденье превратилось в раскалённую сковороду.

Конечно, маломощному Малышу было крайне трудно тягаться с «Волгой» и «фордом», но нам повезло. Первый раз мы догнали обе машины у железнодорожного переезда, где с десятков машин стояли перед закрытым шлагбаумом, пропуская товарный состав.

Второй раз, когда и «Волга», и «форд» остановились у обочины и Татуированный с дружками, выйдя из машин, о чём-то договаривались. Чтобы остаться незамеченными, мы не стали подъезжать к ним вплотную и притормозили недалеко от их сбора.

Через несколько минут угонщики покатали дальше, но в том месте на шоссе было много машин и далеко оторваться от нас они не могли, так что мы отлично увидели, как они свернули к посёлку Елино. Проехав главную улицу до конца, «форд» въехал в один из гаражей, а «Волга» остановилась на улице.

Челкаш многозначительно кашлянул — ему всё стало ясно. Мне тоже.

Развернув Малыша, я направил его к шоссе и, как только мы достигли перекрёстка, остановил первую попавшуюся машину.

— Где здесь ближайший пост ГАИ или милиция? — спросил у шофёра.

— В Егорьевске. Туда километров пятнадцать.

Это расстояние мы отмахали за считанные минуты и остановились у поста ГАИ, где двое постовых, помахивая жезлами, пристально рассматривали каждую проезжающую машину. Я подошёл к постовым и рассказал о банде Татуированного и о «форде», который они угнали

и спрятали в гараже Елино, и о владельце «форда», парне в очках, который остался на бензозаправке в Коломне. Каждое моё сообщение Челкаш из машины подтверждал громким лаем — попросту орал до хрипоты.

— Татуированный у нас давно на заметке. Сейчас его возьмём с личным, — сказал один из постовых, направляясь в патрульной машине, где сидели ещё двое сотрудников поста. — В Елино! — отдал он команду, и патрульная машина, включив сирену, помчалась по шоссе.

— Вы заслуживаете всяческого уважения, — сказал второй постовой. — Но как вам удалось выследить угонщиков на такой малолитражке? Вы что, профессиональный гонщик?

— Да моей заслуги здесь мало, — скромно потупился я. — Вот он молодец, — я кивнул на Малыша, в котором гордо восседал Челкаш.

— Ну и пёс, конечно, молодец, — кивнул постовой. — Можно сказать — мастер своего дела, ас на шоссе.

— Челкаш, бесспорно, молодец, но в основном молодец он, — я вновь кивнул на Малыша.

— Кто у вас там ещё?

— Сам «Запорожец»! — выпалил я.

— А, ну, само собой, — усмехнулся постовой.

Усаживаясь на своё водительское место, я сказал Челкашу:

— Ну вот, Челкашка, мы с тобой свой план выполнили на «отлично». Мы становимся классными сыщиками. Как Шерлок Холмс. И Малыша разыскали, и «форд».

Челкаш сморщил нос — И что угодно найдём. И любого преступника выведем на чистую воду.

Глава двадцать первая.

В мотеле

И всё же погоня за бандой Татуированного не прошла для нас бесследно. Из Егорьевска мы поехали на шоссе в восточном направлении, но уже через десяток километров я услышал неприятный металлический стук в левом заднем колесе Малыша. Выйдя из машины,

я потрогал диск колеса — он был раскалён, и от него пахло горелой смазкой. Стало очевидным — полетел подшипник. Дальше можно было ехать только со скоростью велосипедиста и недалеко, и после того, как колесо остынет.

Челкаш, почувствовав неладное, тоже выбрался из машины, обнюхал колесо и понял, что Малыш заболел. Он решил его «подлечить» — задрал заднюю лапу, стал брызгать на колесо, чтобы сбить его температуру, но колесо зашипело и выдало такое облако пара, что «лекарь» в страхе отскочил.

Остановив проезжавшего мимо велосипедиста, я узнал, что в трёх—четырёх километрах от нас есть мотель и там, в ремонтных мастерских, найдётся любой подшипник.

Мотель оказался вполне современным: гостиничные номера, душевая, столовая; и назывался он в духе времени — «Усталые колёса». При мотеле находились мастерские, где в боксах слесари возились с легковушками разных марок.

Я поставил Малыша около мастерских, снял его «больное» колесо и, убедившись, что действительно подшипник вышел из строя, обратился к одному из слесарей:

— Нельзя ли у вас купить подшипник для моего Малыша?

— Покупать ничего нельзя, у нас не магазин. Отремонтировать можно всё, — слесарь кивнул на дверь в углу помещения. — Иди к мастеру.

За дверью слышался храп: Хрр-пфф! Хрр-пфф!

Я постучал. Храп не смолкал, да ещё прибавилось посвистывание и улюлюканье. Открыв дверь, я увидел спящего на тахте толстяка в промасленном комбинезоне. Он проснулся только, когда я вначале постучал, а затем и побарабанил по столу. Приподнявшись, растирая набрякшее лицо, он выслушал меня, спросил, «какая машина?», и торопливо заговорил:

— Всё сделаем на высшем уровне. Как освободится кто из слесарей, сразу загоним твоего козла в бокс. Запчасти у нас имеются, инструмент немецкий. В нём металла ровно столько, сколько надо — и руку не тяжелит, и весом даёт хорошую натяжку... И слесаря ребята

знающие. Я, прежде чем кого взять на работу, смотрю, как парень обращается с инструментом, есть у него слесарская хватка или нет. Уважает технику или относится к ней варварски. Так что всё будет в норме. А ты сам покамест сходи в мотель. Там душ, столовая.

Я подумал, что после длительной гонки за бандой Татуированного в самом деле не мешает снять нервное напряжение, отмыться под душем от пыли, побриться, съесть хороший обед.

— Но со мной собака, мой друг Челкаш, — сказал я мастеру. — Вряд ли с ним пустят в гостиницу.

— А его пока посади в кабину моего Пети, — мастер показал за окно — впритык к мастерским стоял выдавший виды грузовик-пятитонка, весь в заплатках и вмятинах. — Мой Петя — красавчик. Я собрал его по деталькам. Сейчас мне за него предлагают бешеные деньги, но я не отдаю.

— Понятно, раритет, — кивнул я. — Сейчас старина в моде. Но мой друг смертельно обидится, если я запру его в кабине, а сам пойду плескаться под душем, объедаться в столовой. Мы с ним лучше посидим где-нибудь на лавке.

— Ну, как знаешь.

Лавки мы с Челкашом обнаружили чуть в стороне от мотеля; там было что-то вроде зоны отдыха — прогуливались парочки, мамы с детьми, старики. Я опустился на одну из лавок под кустом орешника; Челкаш, засидевшись в Малыше, обрадовался возможности побегать, завести новые знакомства. Уже через пять минут он подвёл к лавке парня с девушкой. Молодые люди были радостно возбуждены, их лица светились счастьем, они крепко держались за руки — похоже, боялись потерять друг друга.

— Это ваш такой дружелюбный пёс? — спросил парень.

— Такая очаровательная собачка, — пропела девушка. — Ко всем подбегает, всем виляет хвостом, улыбается, прямо хочет сказать — я вас всех люблю.

— У него хороший характер, — кивнул я. — Но иногда он становится твёрдым. Когда разыскивает преступников. Про банду Татуированного из Коломны слышали?

Девушка испуганно прижалась к парню, а он протянул:

— Я что-то слышал. Кажется, они угоняют автомашины.

— Больше не будут угонять. Мы их выследили. Сейчас ими занимается милиция, — не очень скромно объявил я.

— Так вы герои, — тихо произнесла девушка. — Надо же, первый раз вижу настоящих героев! — она погладила Челкаша, а на меня посмотрела с восхищением — конечно, не так, как смотрела на парня, с восхищением другого рода, иначе говоря — с почтением.

Спустя несколько минут, после того как молодые люди ушли, Челкаш привёл старичка с палкой. В полном смысле слова — привёл старичка за его палку, украшенную резьбой.

— Ах, вот кто твой хозяин! — проговорил новый знакомый Челкаша. — Очень рад, очень рад. Александр Иванович, — дедуля приподнял белую кепку. — Позвольте присесть?

Я тоже назвал себя и Челкаша и сказал, что всегда с удовольствием беседую с людьми старше себя, всегда у них учусь уму-разуму, и не забыл похвалить резьбу на палке старичка.

— Сам вырезал, — похвастался он. — Теперь-то многие деды себе такие же сделали... А вы, наверное, остановились в мотеле?

Я рассказал о поломке Малыша, кратко изложил нашу поездку и заключил:

— Надеюсь, у нас эта поломка последнее звено в цепи неприятностей.

— Дай бог! — сказал старичок. — Но вообще, скажу вам, неприятности закаляют нас, а удачи расслабляют. У меня этих самых неприятностей было — ого сколько! Ещё в детстве помню, до войны, отец доверил мне пасти коз. Мы жили тогда в Кинешме. Там места похожи на эти, егорьевские. Были похожи, а как сейчас, не знаю. Я потому и гуляю здесь, вспоминаю детство. Под старость, знаете ли, почему-то чаще всего вспоминается детство.

Рассказ старичка мы с Челкашом выслушали предельно внимательно.

— Так вот, значит, отец доверил мне пасти коз. Их надо было пасти на опушке леса. А рядом находилось поле овса. Козы всё время

принюхивались к посевам, но я отгонял их. Не дай бог, забредут в овёс. За этим следил обходчик-заика Иван, мужик с хищным носом. Он ходил с хлыстом, от него всегда разило самогонкой. Выпьет и горланит разухабистые песни... Ну и вот однажды я закоптил стёклышко и стал смотреть солнечное затмение. Смотрел, смотрел, вдруг слышу: «Ну и что видно? Щас тебе покажу, что видно! Козы твои видишь где?». Я взглянул в сторону, куда Иван указал хлыстом, и увидел, что козы вошли в полосу овса. Я бросился к козам, но Иван схватил меня за рубашку, повалил, начал стегать хлыстом...

Челкаш положил лапу на колено старичка, давая понять, что если бы он был рядом с ним, он показал бы этому Ивану, где раки зимуют.

— Спина у меня потом болела страшно, — продолжил старичок, — но отцу я ничего не сказал. И как ни странно, Иван не донёс на меня...

Помолчав, старичок припомнил ещё несколько неприятностей из детства, потом вспомнил, как в юности страдал, когда его не любила какая-то девушка. Этот грустный эпизод из его жизни Челкаш не стал слушать — он заметил среди гуляющих женщину с пуделем и побежал знакомиться.

— ...Но, скажу вам, все эти неприятности закалили меня, — старичок твёрдым жестом воткнул палку в землю. — Я теперь неприятности встречаю знаете как?

— Как?

— Весело, вот как! Я им, неприятностям то есть, говорю: «Вы меня хотите скрутить, но у вас ничего не получится. Я с вами поборюсь и разделаю вас под орех!».

— Мы с Челкашом точно так же относимся к неприятностям, — вставил я.

— А потом, скажу вам, в жизни всё уравновешено, — старичок снова вынул палку из земли. — Ну, то есть, я хочу сказать, что в жизни радостей никак не меньше, чем неприятностей. Надо только уметь видеть хорошее. Всё зависит от нашего взгляда, ведь так? — старичок встал и, приподняв кепку, попрощался. — Моя жёнушка уже заждалась меня к обеду. А вам удачи в дальнейшем пути.

Он отошёл на несколько шагов, но вдруг обернулся.

— Надо тоже завести собачку, чтоб знакомила меня с интересными людьми.

Когда мы с Челкашом вернулись к мастерским, Малыша уже отремонтировали. Я оплатил в кассе «замену подшипника» и поблагодарил мастера за проделанную работу.

— Всё сделали на высшем уровне, — сказал он и погладил нашу машину, и вдруг назвал её ласково «карапуз». Так и сказал: «Хороший у вас карапуз». (Если вы помните, вначале назвал Малыша пренебрежительно — «козлом»).

Дальше, судя по карте, на нашем пути не было крупных населённых пунктов — только небольшие деревушки, окружённые лесными массивами. Поэтому, пока Челкаш устраивался в Малыше, я сходил в столовую и набил полный котелок сосисками с макаронами.

Глава двадцать вторая. Лесной лагерь

Для обеда мы выбрали отличную стоянку. Около часа катили по извилистой дороге, среди высоченных золотистых сосен; вдруг Челкаш дотронулся до меня лапой и кивнул в сторону — Посмотри, какое местечко! Почему бы там не пообедать! В том месте сосновый бор отступал от дороги, а на поляне блестело озерцо, вокруг которого кустарник образовал настоящие шатры; под одним из них мы и расположились, и я стал готовить торжественный обед.

Дело в том, что тот день был необычным — днём рождения Челкаша. В городе эту знаменательную дату я отмечаю пышно — устраиваю застолье с приятелями и приглашаю дружка Челкаша Тобика (им специально покупаю любимое собачье блюдо — куриные желудки, а на десерт — мороженое). Понятно, у озера мы отметили событие скромнее — сосисками с макаронами; я горячо поздравил Челкаша, пожелал ему здоровья и долгих лет.

Челкаш первым прикончил обед и побежал обследовать опушку леса.

Я вымыл в озерце посуду, закурил и только собирался прилечь в мягкую траву, как услышал радостный лай своего друга и детский смех.

Я пошёл на голоса и сразу обнаружил среди сосен дорогу, посыпанную красным толчёным кирпичом. Через несколько шагов по обеим сторонам дороги появились ухоженные цветники — дорога превратилась в парковую аллею. Ещё через десяток шагов передо мной открылась широкая поляна с голубыми домиками, огороженными невысоким штакетником. На одном из домов виднелась надпись: «Детский оздоровительный лагерь Подсолнушек», а перед домом двое мальчишек кидали Челкашу мяч и визжали от радости, когда мой друг приносил его ребятам. (Чтобы поиграть с ребятами, он не постеснялся перемахнуть через штакетник!)

Мальчишкам было лет по десять, но двигались они как-то странно — переваливаясь, точно гусята. Подойдя ближе я увидел, что у одного из них корсет, а ногу другого стягивают железные скобы.

«Похоже, это специнтернат», — мелькнуло в голове.

— Вижу, вы уже подружились с моим другом, — перешагнув через загородку и подойдя к ребятам, сказал я.

— Подружились! — весело откликнулся мальчишка в корсете.

— Его зовут Челкаш, а меня дядя Лёня. А вас как?

— Меня Саша, а его Миша, — мальчишка в корсете обнял Челкаша, который в очередной раз притащил мяч. — А вы к нам надолго?

— Мы здесь проездом, нас просто занесло ветром. Там, у озера, наша машина. Знаете озеро?

— Знаем! — вразнойой ответили ребята. — Там плавают головастики... А вы подождёте нас? У нас сейчас будет полдник, а потом мы хотим ещё поиграть с Челкашом? — ребята с надеждой посмотрели мне в глаза.

— Конечно, подождём. О чём тут говорить. Сейчас схожу за фотоаппаратом. Сфотографирую вас с Челкашом. Он подождёт вас здесь. Сиди, Челкаш, там, у изгороди!

Ребята заспешили в голубой дом.

Когда я вернулся с фотоаппаратом, Челкаш уже носился среди стайки ребят-инвалидов, играл с ними в мяч, делал «свечу», всем улыбался, подавал лапу, кое с кем даже «понарошку» боролся. Похоже, Саша с Мишей рассказали ребятам о Челкаше, и те просто проглотили полдник.

За игрой Челкаша наблюдала женщина в сером костюме. Увидев меня, она подошла.

— Я в курсе. Вас зовут дядя Лёня, а вашу собаку Челкаш, — сказала и с улыбкой протянула мне руку. — Заведующая специнтерната Лидия Васильевна... Вообще-то посторонним находиться на территории нашего лагеря запрещено. У нас дети с ограниченной подвижностью. Но ваш Челкаш такой весёлый и добрый, дети получают огромное удовольствие от общения с ним.

К нам подошла женщина в белом халате, и заведующая представила её:

— Нина Павловна, наш главный врач.

Сославшись на дела, заведующая направилась в один из голубых домов.

— Хочу вам сказать — у вашей собаки удивительная энергия, — очень серьёзно заявила врач. — Его зовут Челкаш, да? С ним можно успешно заниматься лечебной кинологией. Саша с Мишей после общения с ним чувствовали себя как никогда хорошо... Многие животные оказывают положительное психотерапевтическое воздействие на людей. Снимают стрессы, устанавливают душевный покой. Особенно это заметно по больным детям. Контакт с живым существом активизирует эмоциональность ребёнка, побуждает его больше двигаться. У нас здесь жила собака Машка, но куда-то убежала. А вообще мы давно хотим приобрести ослика, но наши городские власти говорят «нет денег». Наш интернат в Коломне, а сюда мы выезжаем на лето...

Челкаш продолжал играть с детьми. Слышался его лай, голоса ребят:

— Челкаш, лови!

— Челкаш, подай!

— Челкаш, ко мне!

Каждому мальчишке и девчонке хотелось кинуть ему мяч, палку. И он, будучи в центре внимания, разошёлся вовсю: ползал на животе, катался на спине, то и дело вытворял цирковые номера — подпрыгивал, вставал на задние лапы и вертелся, исполнял зажигательные танцы. А в перерыве между трюками и танцами демонстрировал ребятам свой главный талант — рисовал на песке «картины».

Ребята гудели, гоготали, давились смехом; после каждой «картины» хвалили «художника», обнимали, висли на нём, прямо душили в объятиях, а он только пыхтел и отдувался, улыбка не сходила с его мордахи.

— Дети с вашим Челкашом просто счастливы, — сказала врач. — Давно не видела их такими весёлыми, подвижными. Было бы замечательно, если б вы и завтра к нам пришли.

— Конечно, придём. У нас свободного времени полно. С вашего разрешения, сделаю несколько снимков.

— Пожалуйста. И если сможете, пришлите фотокарточки в интернат, в Коломну.

— Конечно, пришлю.

Я начал фотографировать детвору с Челкашом и вдруг увидел мальчишку на костылях. Он стоял, прислонившись к двери крайнего голубого дома, и хлопал в ладоши, радуясь за своих друзей, которые ватагой крутились вокруг Челкаша, прихрамывая и спотыкаясь, пытались его погладить, обнять.

— Надо, чтобы и этот мальчуган поиграл с моим другом, — обратился я к врачу.

— Кирилл ходит с большим трудом. Он перенёс полиомиелит. Он очень способный мальчик, хорошо рисует...

Я подозвал к себе Челкаша и шепнул ему на ухо, указав на Кирилла:

— Иди, поиграй с мальчиком!

Челкаш схватил мяч, подбежал к Кириллу и предельно осторожно вложил мяч в его руку. Кирилл подкинул мяч, Челкаш ловко поймал его и снова сунул его мальчугану.

Челкаш играл с ребятами часа три, играл без устали, откликаясь на каждый зов. За это время я сделал множество снимков, врач Нина Павловна несколько раз уходила в голубые дома и снова возвращалась. Наконец, она громко объявила:

— Всё, ребята! На сегодня хватит! Всем мыть руки и готовиться к ужину! Завтра Челкаш снова придёт к вам!

Ко мне подбежали Саша с Мишей:

— Дядь Лёнь! Вы правда завтра придёте?

— Придём сразу же после вашего завтрака. Даю слово!

Челкаш всё же устал бегать с ребятами и по пути к нашей стоянке еле волочил лапы, а как только мы подошли к Малышу, окунулся в озерце и некоторое время отлёживался на траве. Тем не менее его мордаха по-прежнему не покидала улыбка; он-то прекрасно понимал — ничего нет лучше, чем доставлять радость другим.

На ужин я приготовил пшённую кашу с тушёной. Каша получилась вкусной. Чтобы она казалась ещё вкуснее, я включил в Малыше радиоприемник и настроил музыку, но когда мы принялись за трапезу, музыка неожиданно прервалась, и мы услышали сообщение:

«Сегодня в Егорьевском районе арестована банда угонщиков автомашин, которую давно разыскивала милиция Подмосковья. Милиционеры объявляют благодарность неизвестному автотуристу и его собаке на жёлтом «Запорожце», которые помогли задержать преступников».

Челкаш перестал жевать и замер с полной пастью каши. Потом всё же сообразил что к чему, проглотил кашу и, подмигнув мне, скорчил презрительную гримасу — Хм, неизвестному! Надо сообщить им твоё имя. И моё тоже. Пусть о нас напечатают в газете. С портретами.

— Нам с тобой слава не нужна, — сказал я ему.

— Нет нужна! — выдохнул Челкаш и снова принялся уминать кашу. Он любил не только фотографироваться для домашнего альбома, но и хотел бы увидеть своё фото в газетах. Такой тщеславный парень!

Глава двадцатая третья. Челкаш получает диплом врача

Меня разбудил Челкаш; он уже был на ногах, вернее — на лапах; уткнувшись в дверное стекло и расплющив о него нос, он всматривался в опушку леса и виляющим хвостом шлёпал меня по лицу.

Я приподнялся — к Малышу приближались Саша с Мишей, причём, как я заметил, вышагивали не утиными походками, а довольно браво, как кадеты военного училища.

— Вы что, уже позавтракали? — спросил я, когда они подошли.

— Нет. Ребята ещё только встают, а мы хотели узнать — вы не забыли к нам прийти?

— Как мы можем забыть?! Скажете тоже! Мы с Челкашом крепко держим слово, верно, Челкаш?

Мой друг кивнул и протянул мальчишкам лапу для пожатия. Обняв и погладив Челкаша, Саша с Мишей стали осматривать Малыша, дотошно расспрашивать:

— Зачем это? Зачем то?

Я объяснял, но вдруг спохватился:

— Опоздаете на завтрак! И тогда и вам, и нам влетит от вашей Лидии Васильевны! Забирайтесь в машину, подвезём вас к лагерю! И мы с Челкашом ещё не завтракали. Как только перекусим, сразу к вам.

Но наш завтрак мы отложили — я предложил Челкашу сгонять обратно в мотель и купить ребятам подарки. Челкаш почесал лапой ухо, вздохнул, но согласился.

Мы купили полную сумку печенья, конфет, мармелада и, когда подъехали к голубым домам, нас уже поджидала вся детвора: ребята, как ласточки на проводах, облепили штакетник и вглядывались в дорогу. Ну и как вы догадались, когда мы вышли из машины, раздался ликующий визг. Понятно, в основном они приветствовали моего друга, а я был как бы его личным шофёром. Особый восторг у ребят вызвало то, что Челкаш самолично каждому из них вручил подарок.

В тот день мой друг был в ударе — ещё азартней, чем накануне, играл с ребятами, и в какой-то момент свершилось чудо — парализованный

мальчик Кирилл пошёл рядом с Челкашом... без костылей! Да, да, держась за холку Челкаша, очень медленно, с усилием передвигая ноги, но шёл рядом с моим другом! Челкаш, молодец, двигался предельно аккуратно, искоса поглядывая на своего ведомого, боясь нечаянно его толкнуть.

На крыльцо синего дома выбежали и застыли поражённые все работники лагеря, они «охали» и «ахали», прикладывая ладони к щекам.

— Ваш Челкаш творит чудеса! — воскликнула заведующая Лидия Васильевна, когда я подошёл к ним. — Придётся вам приходиться к нам ежедневно.

— Действительно, он обладает необычной лечебной энергией, — сказала врач Нина Павловна.

Я кивнул с важным видом.

— Я давно это замечал, но думал, что он лечит только простуду, радикулит, головную боль, оказывается — и более серьёзные болезни. Сегодня мы уедем, но обещаю вам, что мы будем часто приезжать в ваш интернат в Коломне, ведь до Коломны всего-то два-три часа езды.

— А пока нам надо срочно найти замену Челкашу, — сказала Лидия Васильевна, обращаясь к Нине Павловне. — Завтра же пойду в соседний посёлок, там мне говорили про каких-то щенков. Наверняка, у щенков нет таких лечебных способностей, но всё же они доставят детям радость.

Забегая вперёд, скажу, что осенью и зимой мы регулярно приезжали в интернат, и Челкаш «вылечил» многих ребят; во всяком случае — все, без исключения, стали чувствовать себя лучше.

Ну а в тот день заведующая Лидия Васильевна выдала Челкашу «Диплом лечащего врача широкого профиля» — не «взаправдашний» — просто картонку со словами благодарности, но Челкаш был безмерно счастлив, даже залился продолжительным лаем — вроде, давал клятву Гиппократу. Так что теперь мой друг — единственный пёс, который имеет такой диплом. Единственный в нашей стране, а может быть, и во всем мире.

Опять-таки забегая вперёд, скажу — мои приятели теперь приходят к нам «лечиться». Полежат с Челкашом часик на тахте и встают, здоровенькие, свеженькие, как огурчики, от их болезней не остаётся и следа. Каждый раз они горячо благодарят моего друга, а он отмахивается — мол, мне ничего не стоит, заходите ещё, если прищучат болезни, всегда готов вам помочь.

Кстати, друзья, если и у вас что-то заболит, заходите, не стесняйтесь. На двери я уже прибил дощечку: «Врач широкого профиля Челкаш. Приём круглосуточно и бесплатно».

Глава двадцать четвёртая.

Пожар

Перед тем, как ребят увели на обед, мы с ними тепло попрощались: Челкаш с королевским размахом каждого малыша поцеловал в щёку, ребятам постарше протянул лапу.

Я всем торжественно обещал приехать к ним в Коломну.

Затем на своей стоянке мы приготовили завтрак — точнее, уже обед — и в приподнятом настроении стали накручивать километры, один десяток за другим. Мы не гнали, просто лесные массивы скоро закончились, и дальше пошли промышленные посёлки. Только когда мы пересекли Ярославское шоссе, вновь появились леса и тихие колоритные деревушки. У одной из них, стоящей на пригорке у озера, мы решили дать возможность трудяге Малышу остыть, набраться сил, а заодно и самим себе устроить отдых — поплавать, поваляться в пахучей траве среди полевых цветов, погодка-то стояла замечательная.

Мы поплавали и повалялись в траве, а поскольку уже вечерело, я принялся готовить ужин.

Внезапно Челкаш задрал нос кверху и засопел, и тут же на его загривке вздыбилась шерсть. Он не залаял — он захрипел, нервно, тревожно.

Я тоже принюхался и уловил запах гари. Дым тянул от ближайшего дома; мы заспешили к нему.

Когда мы поднялись на пригорок, из окон дома уже поднимались огромные клубы дыма. Огня видно не было, но внутри дома явно что-то

горело — в окнах отражались яркие отблески. Около дома две пожилые женщины размахивали руками и истошно вопили:

— Пожар! Пожар!

— Там есть люди? — подбегая, крикнул я.

— Есть! Петровна! И её внучка!

Я вышиб ногой дверь и шагнул в избу, и сразу мне в лицо ударило жаром; сквозь дымное облако я разглядел печь и рядом горящую перегородку во вторую комнату. Нагнувшись и вытянув руки, я стал шарить по сторонам и сразу наткнулся на лежащее на полу тело женщины; она была без сознания. Обхватив женщину, я вынес её наружу и положил на траву около уже десятка жителей — женщин, стариков и детей, но к дому уже спешили мужчины с вёдрами воды.

Я снова бросился в дом, но на крыльце столкнулся с Челкашом — он за платье волочил ребёнка двух—трёх лет; девчушка шевелила руками, её глаза были полуоткрыты; надышавшись дыма, она даже не плакала — только всхлипывала. Я поднял её и передал женщинам. А Челкаш снова исчез в доме и через минуту выбежал... с котёнком в зубах. Его спасёныш отчаянно мяукал, в его глазах была паника. Как только Челкаш положил его на траву, он стремглав кинулся к людям, прыгнул на руки к одному из мальчишек и затих.

Угоревшая Петровна, придя в чувства и узнав, что именно я вынес её из избы, долго обнимала меня:

— Спасибо, милый человек! Доброго тебе здоровья! Спасибо за внучку! — она вытирала слёзы и снова обнимала меня: — Я-то ладно, сгорела б — не велика потеря, я своё отжила, а вот внучка... Долгих лет жизни тебе! Буду за тебя молиться!

— Её вынес не я, а мой друг, — я показал на Челкаша, который с лаем бегал от одного мужчины с вёдрами к другому, торопил их, указывал, куда именно надо лить воду (как-никак он профессионал в этом деле).

Когда пожар потушили и все более-менее успокоились, Челкаш подбежал ко мне.

— Ты настоящий герой, — погладил я друга и тут заметил, что местами его шерсть подпалилась, а на морде с левой стороны не было ни усов, ни бровей.

— Ничего, отрастут, — проговорил я.

— И у тебя тоже — хмыкнул Челкаш.

Я провёл ладонью по лицу и обнаружил, что и у меня, но с правой стороны, исчезли брови и волосы над ухом.

До темноты я вместе с мужчинами выносил во двор сгоревшую перегородку, а наутро (переночевав, как вы понимаете, в Малыше) помогал восстанавливать стену, очищать потолок и печь.

Всё это время погорельцы — Петровна и её внучка (их на ночь приютили соседи) не отходили от Челкаша: гладили и обнимали, угощали пряниками, называли «самым бесстрашным, отважным, удачным» и, конечно, «самым умным». От таких комплиментов Челкаш вначале смущался, но вскоре уже воспринимал их, как должное, а потом в нём разгорелся пожар другого рода — эмоциональный, его стала распирать гордость за свой поступок. Выпятив грудь и надув щеки (давая понять, что является бывалым пожарным), он прошёл мимо местных собак, которые, кстати, как только загорелась изба, поджали хвосты и разбежались по дворам, а теперь с несчастным видом сидели в стороне и восхищённо глазели на моего друга.

— Ты начал свой путь к славе, — улучив момент шепнул я ему.

— Ага! — откликнулся он.

Мы уже собирались уезжать из деревни, как к Малышу подошли Петровна с внучкой. Бабуся подарила мне корзинку огурцов, а внучка протянула Челкашу вырезанную из бумаги «Медаль за спасение на пожаре». Челкаш в свою очередь протянул «медаль» мне, чтобы я прикрепил её к ошейнику, что я и сделал, и мой дружище сразу отправился хвастаться наградой перед собаками.

Он и в дальнейшем, уже в Москве, когда к нам кто-нибудь приходил, притаскивал «медаль» и демонстрировал её гостю, при этом закатывал глаза и завывал — подробно рассказывал, какой ужасный был пожар, как в полном дыму отыскал ребёнка, а потом и котёнка. И никому не разрешал трогать «медаль» — Смотреть смотрите, но не трогайте, а то ещё случайно порвёте!

И хранил он «медаль» в отдельной коробке из-под обуви, где лежали щётка и крем. Я предложил ему положить «медаль» в стол, рядом

с моей медалью «Ветеран труда», но он отказался — видимо, посчитал, что драгоценность особенно сверкает среди чепуховин, а среди других драгоценностей тускнеет.

Глава двадцать пятая, последняя

До Ленинградского шоссе, с которого началось наше путешествие, оставалось каких-то сто километров. Я поглаживал «баранку» и нахваливал Малыша, ведь он ни разу нас не подвёл, все испытания выдержал с честью, он боец что надо (поломка подшипника — не в счёт; здесь мы с Челкашом виноваты, слишком поддали жару Малышу, а он всё же не гоночная машина). Я вспомнил предрекания автолюбителей нашего двора — мол, ваш драндулет развалится, замучаетесь с поломками — и усмехнулся:

— Малыш утёр им нос.

Челкаш просиял — И мы утёрли!

Что правда, то правда, ведь мы бывалые, выносливые, находчивые и так далее. Впрочем, об этом я, вроде, уже говорил.

Мы подъехали к Ленинградскому шоссе в том месте, откуда неделю назад свернули на просёлочную дорогу, только, понятно, с противоположной стороны. До Москвы открывалась прямая широкая автострада.

И здесь произошло самое интересное — Малыш самостоятельно, без моего участия, влился в транспортный поток! Выбрал момент, когда между машинами образовался просвет, и въехал на трассу! И дальше покатил, чётко выдерживая дистанцию между собой и впереди идущей машиной! Поверите ли, Малыш и притормаживал и увеличивал скорость сам по себе — я совершенно не трогал руль, не нажимал на педали!

Но и это не всё. Малыш остановился перед светофором на красный свет! Оказалось, он прекрасно знал правила дорожного движения!

Такой поворот событий меня поразил до глубины души. Наверняка, и вы сейчас поражены. А Челкаш — хоть бы хны; он не только не удивился, но и подмигнул мне — Отсюда до дома Малыш помнит дорогу и спокойно нас довезёт. Так что можешь отдыхать, но на всякий случай давай я сяду за руль, буду контролировать действия Малыша.

— Пожалуйста, давай! — согласился я, и мы поменялись местами. Челкаш сел на моё сиденье и положил лапы на руль; я развалился на его «штурманском» месте, закурил и, включив радиоприемник, настроил музыку.

Из идущих навстречу и обгоняющих нас машин то и дело кто-нибудь выглядывал, показывал на Челкаша и улыбался. Ещё бы! Не каждый день увидишь собаку-водителя, да с медалью!

И до самой Москвы на всех постах ГАИ, завидев моего друга, постовые вытягивались в «струнку» и отдавали ему честь. И тоже улыбались.

...Когда мы въехали в наш двор, автолюбители разинули рты от удивления (дворник Иннокентий выронил из рук метлу) — они были уверены, что наш «Запорожец» привезут в кузове грузовика; в лучшем случае — притащат на тросе; а, скорее всего, — мы вернёмся

пешком, поскольку «Запорожец» на полпути развалится. И вдруг наша машинка вкатывает целёхонькая, а за рулём сияющий Челкаш с медалью! Автомобилисты сразу стушевались, съёжились, кивнули мне с жалкими улыбками и стали копать в своих машинах. (Лицо Иннокентия вытянулось в кувшин; прихватив метлу, он торопливо заковылял в конец двора).

Автор исторических романов Михаил Никитич Ишков, узнав, что наше путешествие закончилось благополучно, тут же примчался — проверить, так ли это? Он долго осматривал Малыша (даже заглядывал под днище), поднимал брови, поджимал губы, раз пять пробормотал «Хм, странно!» — всё никак не верил, что Малыш без поломок преодолел тысячу километров.

Как только мы вошли в квартиру, Челкаш показал Ишкову «диплом врача» и «медаль». Писатель-историк опять взялся за своё:

— Не верю! — выпалил и присвистнул. — Небось, ты состряпал, — он показал мне кулак. — Что вы меня дурачите!

Челкаш воспринял эти слова как оскорбление и возмущённо залаял.

— Не кричи! — Ишков повернулся в сторону моего друга. — Криком ничего не докажешь. Вот у меня третий день кисть болит. Я переработал. (Как выяснилось позднее, он накатал очередной роман). Мази не помогают. Давай, вылечи прямо сейчас! Слабо? Ты же врач широкого профиля, хе-хе! — писатель-историк плюхнулся на стул и протянул руку Челкашу.

Челкаш присел и передними лапами стал массировать пятерню романиста.

Уже через минуту на лице Ишкова насмешливый взгляд и ухмылка уступили место удивлённой гримасе, а через десять минут на его физиономии появилась широкая дурацкая улыбка.

— Слушай, Челкаш, ты гений! — проворковал он и чмокнул моего друга в нос. — Надо же! Только что я не мог пошевелить пальцами, и вот... пожалуйста! — его пальцы пробежали по невидимым клавишам. — Теперь верю, что и медаль ты получил по делу.

Леонид Сергеев. Мои собаки

Способности Челкаша произвели на автора исторических романов сильное впечатление. Во время чаепития, когда я рассказывал о нашей поездке, он уже верил каждому моему слову, а перед тем, как уйти, заявил:

— Пожалуй, напишу повесть о вашем путешествии.

Мне понравилось это его заявление, но я подумал — «А ведь он, как это принято у профессиональных литераторов, напридумывает всякой всячины, чего и в помине не было. Например, сделает из меня какого-нибудь десантника, из Челкаша — волкодава, из Малыша — вездеход и отправит нас не по Подмосковию, а куда-нибудь в Африку. Знаю я этих писателей! Их фантазия может завести слишком далеко. Поэтому я быстренько записал, как всё обстояло на самом деле.

В моих записях, друзья, всё — чистая правда. Спросите у Челкаша, если не верите — он не даст соврать, ведь он не только самый дружелюбный и самый справедливый, но и самый честный на свете.

2005 г.

ЖЕЛЕЗНЫЙ ДЫМ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. НАЧАЛО ПУТЕШЕСТВИЯ С ДЫМОМ

Глава первая, в которой кое-что объясню

Прочитав слова «путешествие с Дымом», читатели могут подумать, что им, вместе с героями повести, предстоит совершить путешествие на каком-то отчаянно дымящем транспорте.

Некоторые читатели даже вообразят, что герои повести не кто иные, как пираты, то и дело палящие из пушек, отчего их судно окутано пороховым облаком.

Кое-кто из читателей и вовсе решит, будто герои повести — попросту заядлые курильщики и над ними постоянно вьются струйки табачного дыма.

Сразу скажу, — все эти читатели глубоко ошибутся. Дым — имя моей собаки. Его, бездомную дворняжку, ещё щенком я подобрал на улице. У щенка был пепельно-дымчатый окрас, и я назвал его Дымком.

Сейчас Дым взрослый пёс в расцвете сил. Каждое лето мы с ним ходим на байдарке по разным речкам. Дым — бывалый путешественник, настоящий речной волк. Он даже имеет две медали: «За спасение на воде» и «За героический подвиг». Эта повесть о нашем последнем путешествии.

Глава вторая, в которой немного расскажу о себе

Первое, что я увидел в младенчестве, была не соска, не погремушка, а морда собаки. И первые шаги я сделал, держась за собаку; и первые звуки, которые произнёс, были не «ма-ма» и «па-па», а «гав-гав».

А, научившись держать карандаш, сразу нарисовал усатого пса с ошейником. Позднее, направляясь в школу, я думал не об уроках, а считал собак, которых встретил по пути, причём пока не насчитаю четырёх—пяти, порог школы не переступал — был уверен, что

от количества собак напрямую зависит оценка, которую получу. И постоянно притаскивал домой дворовых барбосов и жучек. И вырезал их портреты из журналов, и коллекционировал всё, что относилось к собачьей жизни.

В нашей семье всегда были собаки, и все дворняжки. Мать считала, что они умнее и преданнее разных породистых, а отец говорил: «Главное не порода, а душа собаки».

Став взрослым, я часто менял местожительство, но всюду держал беспородных представителей собачьего племени. Ответственно заявляю — большинство собак обладают самыми лучшими качествами: верностью, бесстрашием, благородством, честностью; они не умеют хитрить, притворяться. Ни один человек не заменит такого друга.

Сейчас я живу с двумя собаками: старым Челкашом и молодым Дымом. Они мне как братья — старший и младший. Челкаш — старший брат, потому что ему уже тринадцать лет — если пересчитать на человеческий возраст, ему девяносто лет — то есть, он уже глубокий старец. А Дыму четыре года — он, понятно, в цветущем возрасте.

Оба моих лохматых друга прекрасно понимают человеческий язык, а я неплохо изучил их собачий, так что у нас не бывает недомолвок. Мы встаём в одно и то же время, одно и то же едим, по вечерам вместе смотрим телевизор и спим на одной тахте. Признаюсь, запах собачьей шерсти мне приятнее всяких духов.

Глава третья, в которой представлю своих четвероногих друзей

Когда Челкаш был помоложе, мы с ним не раз совершали путешествия по речкам, но с годами он стал уставать, уже тяжело переносил качку в лодке, постоянную смену стоянок и вообще походный быт.

Теперь ему, старикашке, больше нравится проводить лето на даче у моих родственников — там можно отдохнуть с удобствами, можно развалиться на тахте и смотреть передачу «В мире животных» или полежать в теньке за террасой, где обдувает ветерок и откуда хорошо просматривается вся улица — всегда видно, кто с кем прошёл, какая

собака или кошка куда пробежала — как многие старички, Челкаш любопытен и всегда в курсе всех поселковых событий.

Родственники души не чают в Челкаше: задыхаясь от нежности, то и дело гладят, расчесывают, кормят любимыми блюдами (даже покупают мороженое) и, вроде, рассказывают ему сказки перед сном. В общем, последние годы Челкаша я оставляю с родственниками, а путешествую с Дымом.

Дыма я подобрал недалеко от дома. Иду с работы, вдруг вижу — под деревом сиротливо сидит щенок, весь замызганный, в пятнах мазута.

— Привет! — поприветствовал я бедолагу.

Щенок заулыбался, завилял хвостом, твякнул, подбежал, стал тереть шнурки моего ботинка — Давай, мол, поиграем!

Короче, мы сразу понравились друг другу, и я привёл его домой.

Челкаш встретил приёмыша дружелюбно, даже лизнул в нос и разрешил поест из своей миски.

Челкаш вообще на редкость доброжелательный, спокойный; за всю свою жизнь ни разу не рыкнул ни на одну собаку. В молодости он любил катать детей на санках. Ребята привязывали к его ошейнику верёвку, усаживались в санки, и Челкаш возил их по двору. Если кто-нибудь из малышей падал с санок, Челкаш останавливался и ждал, пока ребёнок снова не сядет.

Всех, кто к нам заходит, Челкаш встречает радостным лаем, всем протягивает лапу. Думаю, если однажды к нам залезут грабители, он и их встретит, как самых желанных гостей. Всё оттого, что он домашний пёс и никогда не сталкивался с человеческой жестокостью.

— Твой Челкаш не охранник, а размазня, — говорят некоторые мои приятели. — Невоспитанный пёс с отвратными манерами, ко всем лезет целоваться, не знает своего места.

— А здесь везде его место, — объясняю я. — У нас всё общее, ведь он член семьи. А охранять у меня нечего. И вообще собака — ласковое животное, ей только прививают злость. Бездомные дворняжки ищут себе хозяина, хотят ему служить, а их шпыняют все, кому не лень. Вот они и озлобляются.

Давно известно, не каждый человек должен иметь собаку, но у каждой собаки должен быть хозяин. Если бы я был членом правительства, я первым делом распорядился бы, чтобы в каждой семье (тем более, где есть дети) непременно держали какое-либо животное. Тогда будет поменьше всяких живодёров и хулиганов, ведь общаясь с «братьями нашими меньшими», мы становимся добрее.

И распорядился бы, чтобы открыли приюты для бездомных животных, где каждый сможет выбрать себе четвероногого друга. А старушкам, которые держат по несколько собак и кошек, установил бы дополнительную пенсию.

Но я отвлёкся. И всё из-за своих бестолковых приятелей. Вернусь к Дыму.

Так вот, после того, как щенок поел из миски Челкаша, я понёс его в ванную отмывать от грязи и пятен. Отмывал долго: намыливал и расчёсывал, словно шапку-ушанку; потом смывал тёплой водой, снова намыливал. Челкаш всё это время стоял рядом и сочувственно наблюдал, как я терзаю его собрата.

Когда наконец я отмыл щенка и хорошенько вытер, передо мной оказалось совершенно новое существо — пушистое, с пепельно-дымчатой шёрсткой. Тут я и назвал его Дымком.

На следующий день в кухне, недалеко от миски Челкаша, я поставил Дыму отдельную миску, купил ему ошейник с поводком, и мы втроём отправились на прогулку.

Глава четвёртая.

Во дворе

— Ого! У вас пополнение! — воскликнула знакомая собачница, хозяйка пуделя Тимошки, приятеля Челкаша.

Я рассказал, где подобрал Дыма.

— Такие серые щенки несколько дней бегали у автобазы, — сказала собачница.

Шофёры автобазы подтвердили, что у их сторожевой собаки Люси было пять щенков, но их разобрали дети и старушки.

— Ты, видно, взял последнего, — сказали мне мастера автомобильных дел. — Учти, у щенков в крови тяга к технике. Играют с гайками, шестерёнками. Шутки ради, спрячешь какую деталь, скажешь «ищи!» — обязательно найдут.

В самом деле, Дым с первых дней проявлял интерес ко всяким железкам. Челкаш в детстве любил мячи, резинового барана, Дым на эти игрушки даже не смотрел; он возился с железной щёткой, которой я вычесывал его с Челкашом, железным совком, которым я пользовался при уборке квартиры, но особенно с моим инструментом — крутил на полу отвёртку, покусывал за ручку молоток и всё время пытался запихнуть его под тахту.

А однажды, когда мы вышли во двор, Дым увидел у какого-то мальчишки игрушечную легковушку, подбежал и стал носом её катать, да так разыгрался, что не захотел её отдавать. Пришлось купить ему подобную машинку в «Детском мире».

Дым подрастал, но его врождённая склонность к технике не ослабевала. Во время прогулок чуть завидит велосипедиста, мчит рядом, соревнуется — кто быстрее. Если во двор вкатывал грузовик, усаживался рядом и внимательно рассматривал все механизмы; его не пугали ни тараканье двигателя, ни ядовитые газы.

Как-то у соседнего дома экскаватор копал траншею. Дым его заметил ещё из окна и прямо-таки прилип к стеклу. Когда мы вышли на прогулку, он тут же бросился к соседнему дому, протиснулся меж ребят, которые наблюдали за работой экскаватора, и замер, разинув пасть. Его так поразило грохочущее и лязгающее чудище, что он забыл о нашей прогулке, об укромном месте в кустарнике — собачьем туалете, куда он непременно заходит. Он стоял на краю траншеи, неотрывно глазел на экскаватор и от восторга пускал слюни. Я еле увёл его оттуда.

С возрастом шерсть Дыма потемнела, превратилась в тёмно-серую, внешне он стал похож на волчонка. И не только внешне. В его походке появилась уверенность в себе, во взгляде угадывались мужество и готовность к подвигам.

И характер у него изменился — не то что он стал задиристым, но и спуску никому не давал. При случае мог отмутузить любую собаку. Будучи среднего роста, он не боялся собак намного выше и здоровее его. Бывало, во время стычек ему доставалось, но он никогда не скулил от боли, не просил у меня помощи, только дома забивался под стол и угрюмо сопел.

Дым вообще никого и ничего не боится, кроме грозы, салюта и взрывов петард. Но этого боятся все собаки — срабатывает генетическая память, когда отстреливали их диких предков. Ну ладно молнии и салют — от них никуда не денешься, а вот петарды, которые ради забавы то и дело взрывают подростки во дворах, это просто-напросто безобразие. Будь я на месте правительства, я запретил бы их раз и навсегда. Подобные развлечения досаждают и больным, и пожилым людям, а в собак вселяют нешуточный страх; некоторые из них в панике несутся к своему дому и попадают под колёса машин, некоторые убегают от хозяев и становятся бродягами.

Попутно замечу — подсчитано, что в Москве во время салюта теряется около трёхсот домашних собак! И сколько от этого семейных трагедий! А что стоило бы объявить по радио: «Уважаемые владельцы собак! Воздержитесь от прогулок со своими питомцами во время салюта в честь Дня города (или открытия фестиваля)». Для неопытных любителей животных это предупреждение было бы как нельзя кстати.

Глава пятая.

Вождь собачьего племени

Со временем Дым занял главенствующее положение среди дворовой собачьей братии. Даже большие псы стали к нему относиться уважительно — чувствовали его бесстрашие и внутреннюю силу.

Теперь во дворе Дым общепризнанный предводитель; он держит власть крепко и ни с кем не собирается ею делиться. Как только мы выходим из подъезда, к нему сразу сбегаются все собаки — и бездомные, и домашние, и каждая заглядывает ему в глаза, ожидая приказаний. А он выпятит грудь, того гляди крикнет — Трепещите! Я вышел!

И куда бы он ни шёл, вся стая следует за ним.

Что касается Челкаша, то и с ним Дым частенько ведёт себя не как послушный младший брат, а наоборот, как старший, требовательный и строгий. Конечно, Дым любит Челкаша, но бывает, укоризненно бурчит на него, когда тот слишком медленно собирается на прогулку. Или подгоняет его, когда мы идём в магазин за продуктами, и Челкаш плетётся где-то сзади, а то и замешкается у какого-нибудь столба — начнёт «вычитывать» метки других собак — Дым тут же подскакивает и гавкает ему прямо в уши.

Бывает, Дым и тренируется на старичке, напористо отрабатывает борцовские приёмы, чтобы поддерживать форму и при случае во дворе демонстрировать мастерство. Челкаш стойко переносит эти мучения, всё прощает младшему брату. Только изредка, если Дым чересчур входит в раж, встряхнётся, подойдёт ко мне, глубоко вздохнёт — И когда, наконец, братец угомонится?

Со стороны отношения моих лохматых друзей выглядят смешно хотя бы потому, что Челкаш крупнее и солидней Дыма. Тем не менее чуть ли не с первых дней Дым заявил о себе, как о прирождённом энергичном вожаке.

Бесспорно, Дым лидер по натуре. Лидер справедливый, без всякого самодурства и заносчивости. Когда мы отправляемся в дальнюю прогулку к пустырю, он непременно бежит впереди и лаем предупреждает нас с Челкашом о препятствиях на пути — будь то глубокая канава или какая-либо изгородь. Он-то с ходу преодолевает эти самые препятствия, а Челкаш остановится перед ними и смотрит на меня — Лезть через канаву или обойти её? Прыгать через изгородь или искать лазейку?

Дым ждёт нас, нетерпеливо подпрыгивает на одном месте и хмуро смотрит на Челкаша — Не трусь, старикашка!

Когда я готовлю обед (чаще всего суп из тушёнки) Челкаш с Дымом непременно присутствуют на кухне, следят за каждым моим движением, принимают участие. Суп сварится, я разолью его в миски и свою тарелку и выношу на балкон остужаться, закрываю балконную

дверь, чтобы запахи лишний раз не щекотали ноздри моих дружков. А им говорю:

— Фу! Подождите! Горячее!

Они прекрасно знают, что горячее, но иногда Челкаш не выдерживает и норовит приоткрыть дверь, посмотреть, не забыл ли я положить мясо в его миску.

Эти попытки строго пресекает Дым — с урчанием оттесняет брата в сторону. Дисциплинированный Дым неукоснительно выполняет все мои команды. Челкаш тоже выполняет, но с ленцой и часто после напоминаний — возможно, считает, что я недостаточно почтительно отношусь к его возрасту.

Характеры моих собак как нельзя лучше проявляются во время еды, когда я уже остывший суп приношу на кухню. Дым сразу же вытаскивает из миски куски мяса и проглатывает их; потом доедает остальное. Челкаш вначале лакает бульон и только под конец принимается за мясо, при этом неторопливо смакует каждый кусок.

Самое смешное начинается после того, как мои дружки опорожняют свои миски. Обычно первым всё съедает Дым, но от своего места не отходит и искоса посматривает на Челкаша. Как только тот заканчивает трапезу, они одновременно меняются местами и обнюхивают, а то и вылизывают миски друг друга.

Я долго не мог понять этого ритуала, потом до меня дошло — каждый проверяет, что ел его брат — то же самое или, не дай бог, что-то повкуснее?

Миска с водой у них общая, и если один пьёт, другой спокойно ждёт своей очереди — понятно, воды всегда полно, это ведь не мясной суп, которого всегда кажется мало.

Есть и ещё кое-какие отличия у моих друзей. Челкаш любит весёлую музыку и компании, особенно женское общество, в том числе и собачье. Завидев собаку-девицу он подбегает и перед её носом выделывает всякие пируэты: крутится на одном месте, делает «ласточку», и так и сяк показывает, что он и не старый вовсе, а наоборот, ещё достаточно молодой и способен на любые спортивные достижения.

Дым не любит ни весёлую, ни грустную музыку, ему по душе рокот моторов. И он не нуждается ни в каком общении. Ну с любителями техники ещё туда-сюда, может поддерживать знакомство, а вообще ему хватает нас с Челкашом. Конечно, он засматривается на некоторых собак женского пола, но он слишком гордый, чтобы ползать перед ними на животе.

У Челкаша только одна мечта: слопать обед из трёх блюд, желательно сладких (что собакам более чем вредно), а после обеда лежать на чём-нибудь мягком, в окружении красивых собак-девиц (желательно породистых медалисток) и рассказывать им, каким он был героем в молодости.

У Дыма целых две мечты: пройти на байдарке (разумеется, со мной) все речки средней полосы России и установить собачий мировой рекорд — прыгнуть (опять-таки со мной) с парашютом. Он не боится высоты. Свесится через перила балкона и разглядывает улицу; заметит что-нибудь интересное, прямо готов сигануть вниз. В путешествиях, случилось не раз, он забирался на кручу и прыгал в прибрежный песок — просто так, чтобы убедиться в своём бесстрашии и ловкости. Ну а уж если услышит гул самолёта, задирает голову и растягивает рот в улыбке.

Теперь, в старости, у Челкаша появилась странность: он стал не в меру гордиться своим длинношёрстным хвостом; демонстрирует его при каждом удобном и неудобном случае (частенько крутится и перед зеркалом, дотошно разглядывая свою «красоту»). И никому не разрешает трогать хвост. Уши, холку, лапы, живот — пожалуйста, трогайте, гладьте, чешите, но к хвосту не прикасайтесь, а то ещё незначай вырвете несколько бесценных волосков.

Появились у Челкаша и чудачества. На потеху родственникам он наловчился пускать пузыри. Родственники скажут:

— Челкаш, пусти пузырик!

И он старается: сделает губы дудкой и выдувает пузырь из слюны. Потом резко тряхнёт головой и с блаженной улыбкой смотрит, как пузырь плывёт по воздуху. Ни дать ни взять, большой неразумный щенок. Никакой солидности!

А уж неженка он стал до смешного — если наступит на колючку, орёт, будто в него вцепилась змея. И это бывший покоритель рек и дорог!

Нельзя не сказать и о барских замашках, которые появились у Челкаша в последнее время. Перед каждым нашим гостем заваливается на спину и требует, чтобы ему чесали пузо, да ещё злится, если кто чешет не старательно, а так, шаляй-валяй, лишь бы отделаться.

Дым тоже любит почёсывания, но позволяет это делать только мне.

Обычно я чешу их за ушами перед сном, когда мы втроём укладываемся на тахту. Первое время я давал маху — чесал их попеременно, но это не нравилось ни тому, ни другому: начну чесать Челкаша, Дым тут же тормозит меня с недовольным бурчаньем и всячески оттесняет Челкаша; переключусь на Дыма, пристаёт Челкаш — бодается и скулит от ревности. Тогда я стал ложиться между ними и чесать их одновременно, после чего каждый из моих дружков был уверен, что я доставляю удовольствие только ему одному.

Во сне Челкаш жутко храпит, и Дым постоянно его расталкивает, а то и пытается спихнуть на пол, упираясь лапами в стену. Чаще всего Челкашу снится всякая ерунда: что он потерял свой мячик или что я отдал сахарную косточку не ему, а Дыму — в такие моменты во сне он стонет и плачет, но вскоре начинает улыбаться, вилять хвостом — явно нашёл мячик, и я дал ему кость, ещё большую, чем Дыму.

Дыму снится только борьба: во сне он скалится, дёргает лапами, рычит — без сомнения, борется с другими собаками; и, конечно, с собаколовами и грабителями, и со всякими передрягами в жизни.

Случается, мои дружки встают раньше, чем я, но не шумят, тактично дают мне выспаться: садятся в кресло перед окном и смотрят, кого из собак уже выгуливают. Если я слишком долго сплю, подходят к тахте. Челкаш начинает вздыхать, тихонько поскуливать, осторожно, чтобы не поцарапать, подушечками лап пытается открыть мне глаза. Дым молча наблюдает за его попытками, но если я продолжаю спать, бесцеремонно лает мне в лицо — Хватит дрыхнуть! Все собаки давно гуляют, да и дел полно!

На пустыре, где мы обычно гуляем, Челкаш ищет мышиные норы и когда находит, дует в них изо всех сил, пугает мышат, думает — сейчас они выбегут, и он их поймает. Но умные зверьки покидают нору через запасной ход, да ещё насмешливо пищат за спиной Челкаша. Он озирается, но разве в траве кого разглядишь!

Дым верен себе и откапывает всякие железные штуковины. Долго принюхивается к впадинам и кочкам, учует запах железа, взвизгнет, начинает копать. И никогда не ошибается — непременно вытаскивает какую-нибудь ржавую железяку и с важным видом, точно нашёл драгоценность, преподносит мне. Я, естественно, его хвалю, а потом незаметно забрасываю «драгоценность» в кусты. Правда, несколько раз Дым откапывал более-менее стоящие вещи: подстаканник, латунный подсвечник, а однажды нашёл несколько монет.

Глава шестая. Соседи. Мой приятель Вовка и благородство Челкаша и Дыма

Про странную особенность Дыма знает весь двор. Одни взрослые говорят:

— Ясно, у него обострённое чутьё на железо, поскольку эти запахи он впитал с детства. Но ещё яснее — эти запахи вредны для здоровья.

— Шофёры виноваты, — говорят другие. — Собаку можно научить чему угодно. Хоть воровать. Лучше б научили его собирать грибы.

Мой друг, инженер и поэт Эдуард Владимирович Балашов необычное чутьё Дыма объяснил по-научному:

— Все металлы дают испарения. Особенно их окислы. Чугун пахнет не так, как латунь или медь. А у собаки непостижимый объём памяти на запахи. В среднем собака помнит три тысячи запахов. А талантливые самородки, наподобие твоего Дыма, и побольше.

Редкостные способности Дыма не дают покоя моим соседям по лестничной площадке.

— Не будь дураком, открой пункт приёма металлолома, — советует мне слесарь-водопроводчик. — Сразу разбогатеешь. Металлы сейчас в цене. Особенно цветные. И это... Когда разбогатеешь, не забудь обо мне, я ведь с пониманием отношусь к твоей псарне. Они гавкают, а я ничего. На то и собака, — говорю, — чтобы лаять.

Другой сосед, бухгалтер, идёт ещё дальше:

— Я слышал, ваш Дым нашёл подстаканник, подсвечник, и я сразу задался вопросом — почему вы не используете его исключительные способности? Так сказать, не направите их в практическое русло. Почему бы вам не открыть антикварную лавку. Сейчас на старину особый спрос, поверьте мне. И не откладывайте это в долгий ящик. А когда ваши дела пойдут в гору, надеюсь, вы не забудете, кто вам дал совет. Согласитесь, такой совет стоит немалых процентов.

Соседям я обещаю крепко подумать над их предложениями.

Ну а ребята во дворе уверены, что мой дружок ищет клады и называют его не иначе, как Железный Дым. Особо дотошные, вроде третьеклассника Вовки, спрашивают:

— Дядь Лёнь, что ты будешь делать, когда Дым найдет клад и ты станешь богатым?

— Просто не знаю, Вовка, — развожу я руками. — Давай подумаем вместе. Это крайне серьёзный вопрос.

— Надо купить машину, — говорит Вовка.

— Ну, это само собой. А если клад оценят в миллион? Куда девать такую уйму денег?

— Купить две машины. Одну простую, другую гоночную.

— Ладно, уговорил. Мне купим простую, тебе гоночную. Но денег-то все равно останется целый мешок. И потом, что ж мы будем только о себе думать? Надо подумать и о других, что-то сделать для других людей. И для бездомных собак тоже. Может, раздадим половину денег знакомым, а для собак построим шикарный приют, с бассейном, площадкой для игр...

— Ага! — быстро соглашается Вовка.

Вот такие разговоры мы и ведём с Вовкой время от времени, всё никак не решим, на что потратим мешок денег, когда он свалится на голову.

Вовкина семья живёт в соседнем доме в большой коммуналке. У них по квартире вечно снуют жильцы: кто с кастрюлей, кто с чайником, кто с половой тряпкой; из одной комнаты слышны песни, из другой ругань.

— У нас весело, всегда что-то происходит, — говорит соседка Вовки, женщина с мечтательным взглядом. — Но, конечно, в отдельной квартирке жить лучше. А ещё лучше в коттедже с камином.

Вовка такой же заядлый собачник, как и я. Собаки — наша общая страсть. Своего лохматого друга у Вовки нет — он считает «своим» бездомного Абрикоса — дворового пса с бородой и бакенбардами; они вместе проводят все дни напролёт. Абрикос провожает Вовку в школу и встречает после уроков.

Несколько раз Вовка приводил Абрикоса домой, но родители, а главное — соседи, бурно протестовали и выпроваживали собаку: «Ещё собаки нам не хватает!» — говорили. Только соседка-мечтательница одобряла Вовкины порывы:

— А по-моему, собачка в квартире никому не мешает. Если бы у меня была отдельная квартирка, я непременно завела бы собачку. Таковую, как Абрикос. Он такой симпатичный пёсик.

После дождей на пустыре размывает тропы и, возвращаясь с прогулки, Челкаш сразу идёт в ванную, чтобы я отмыл его грязные лапы. Дым, если я его не окликну, напрямик направляется в комнату — считает, что уже достаточно отмылся в лужах. Нельзя сказать, что он жуткий грязнуля, но мыться всё же не любит. Плавать в озере на пустыре — всегда готов, в любую погоду, но мыться в ванной, да ещё с мылом... На эту процедуру идёт, как на казнь. Возможно, помнит первый день, когда я нещадно отмывал его мазутные пятна. Но есть и ещё одно объяснение.

Дело в том, что большинство собак не упустит случая поваляться на какой-нибудь дохлой рыбе. Это у них тоже от предков, которые, отправляясь на охоту, отбивали собственный запах. Одни собаки, вроде Челкаша, почти утратили этот инстинкт, а такие, как Дым, сохранили. Вот почему на пустыре Дым не только откапывает железо, но и валяется на всякой падали, после чего, я, естественно, тащу его в ванную и безжалостно надраиваю.

Крайне редко, но всё же мои четвероногие друзья совершают мелкие проступки, и тогда я их ругаю. Не наказываю, только слегка ругаю. В разумных пределах. Причем, если ругаю Челкаша, Дым тут как тут — зло смотрит на брата и каждое моё слово подтверждает лаем; всем своим видом он даёт понять, что полностью согласен со мной и что Челкаш заслуживает даже более сурового наказания, чем просто выговор. Если же я ругаю Дыма, Челкаш тактично уходит в другую комнату, чтобы не ставить братца в неловкое положение.

Как-то во дворе Дым покусал одну собаку — не сильно, но всё же чувствительно. Ни с того ни с сего налетел на пса, случайно заглянувшего во двор, и цапнул его. И чем он ему не понравился, не знаю. Я начал отчитывать Дыма. Он, вроде, понял свою вину, выслушивал меня, понурился. А я всё расходился — уж очень жалобно скулил тот пёс.

— За что ты его куснул? Что он тебе сделал? — кричал я на Дыма. Я уже хотел шлёпнуть его, как вдруг между нами встал Челкаш, дотронулся лапой до моего колена и посмотрел мне в глаза, прямо умоляя простить Дыма. И мне сразу стало стыдно за свою невыдержанность.

Что и говорить, Челкаш не только умный, но и благородный миротворец. Кстати, по уму он на уровне человека, закончившего среднюю школу. Ну а Дым после того случая перестал нападать первым, только давал сдачи, да защищал тех, кто не мог за себя постоять. В нём тоже есть определённое благородство. А его ум — без преувеличений — как у человека, имеющего высшее образование.

В общем, у меня замечательные собаки во всех отношениях.

Что касается их различия, то главное здесь — чрезмерное дружелюбие Челкаша и скрытность, независимость Дыма. В отличие от Челкаша, Дым не излучает радушие, никому не навязывает свою дружбу, не лезет целоваться с первым встречным, у него повышенное чувство собственного достоинства. И другие чувства достаточно высоки. Например, он безошибочно чувствует людей, моментально распознаёт, хороший человек или плохой. Только взглянет и... или сдержанно улыбнётся, вильнёт хвостом, или насупится и отвернётся. По Дыму я определяю всех новых знакомых и благодаря ему не попадаю впросак.

— Твой Дым какой-то диковатый пёс, с волчьими замашками, — говорят некоторые мои приятели. — Челкаш, конечно, невоспитанный, но хотя бы приветливый. А этот всё время смотрит исподлобья.

— Он личность, — объясняю я. — Серьёзный парень, шутить не любит, и ему не до нежностей. Он серьёзно относится к жизни, изучает людей.

Глава седьмая.

Мы готовимся к путешествию

До прошлого года мы с Дымом вдвоём совершили несколько путешествий. Все они были довольно лёгкими, по спокойным речкам Подмосковья, хотя и на них приключений хватало. В этих плаваниях мой дружище мужественно переносил все тяготы походной жизни:

не ныл, когда во время затяжных дождей мы промокали до костей и нас донимали комары, когда сбивал лапы, когда в него вцеплялись колючки, а в минуты опасности проявлял смелость и находчивость. Например, когда однажды на нашу стоянку внезапно выскочил лось, храбро отогнал пришельца. В другой раз наша байдарка налетела на старую сваю и перевернулась. Дым мог бы просто поплыть к берегу, но он бросился спасать рюкзак.

В общем, Дым проявил себя с самой лучшей стороны, и я понял — с таким надёжным другом можно отправиться и в более сложное путешествие. Именно поэтому прошлым летом я наметил поход по реке Великой в Псковской области — довольно серьёзный маршрут, по словам опытных байдарочников.

Прежде всего я отвёз Челкаша к родственникам на дачу, наказав не создавать ему тепличных условий, поменьше баловать и сюсюкать с ним, почаще водить в лес, чтобы он двигался, а не нагуливал жирок. Затем я притащил с балкона свою старую байдарку, рюкзак и палатку — надо было проверить походное снаряжение.

Дым сразу напрягся, потом залился праздничным лаем, спешно ринулся в коридор и вернулся со своим ошейником в зубах. Он решил, что мы отправляемся в путешествие буквально через минуту. Я объяснил ему, что нам предстоит нешуточная поездка и к ней надо подготовиться более основательно, чем прежде, что на это уйдёт не один день.

В наших сборах самое активное участие принял мой приятель третьеклассник Вовка. В те дни у него на душе было радостно — каникулы в самом разгаре. Вовка даже не думал о школьном задании на лето. Ему что? Лето длинное, впереди времени полно, успеется!

Вовка играл с Абрикосом во дворе, когда мы с Дымом отправились закупать для поездки консервы. Вовка и, естественно, Абрикос (единственный из дворовых собак личный друг Дыма и его заместитель в собачьей команде) увязались с нами. По пути Вовка стал выяснять, зачем нам консервы, и я сообщил ему о предстоящем путешествии. Вовка пришёл в страшное волнение.

— Дядь Лёнь, возьми меня с собой. И Абрикоса тоже.

Надо сказать, Вовка отважный мальчишка. Он не пасует перед трудностями и опасностями, не упускает случая доказать, что умеет бороться с этими самыми трудностями и опасностями. Например, когда во дворе загорелся мусорный контейнер — все ребята растерялись, а Вовка, не раздумывая, сбегал домой, притащил бидон с водой и потушил пламя. После этого все взрослые в один голос заявили, что из Вовки выйдет хороший пожарный, а его соседка-мечтательница сказала:

— Бесподобный мальчик! Самый смелый на свете.

Но всё-таки ясно, брат Вовку в путешествие — большая ответственность, на это я решиться не мог.

— Понимаешь, Вовка, какая штука, — начал я. — Во-первых, у меня одноместная байдарка. Куда я тебя посажу? Нам с Дымом только-только поместиться, да еще рюкзак и палатка. Во-вторых, мы с Дымом поплывём по совершенно незнакомой реке. Что нас ждёт, не знаю. Это будет наше пробное путешествие, как бы разведка местности. Может, там и не река вовсе, а так, ручеёк. Или бассейн-лягушатник. Никаких приключений. Вот на будущее я запланировал опасное путешествие. И тебя обязательно возьму. Пока готовься, закаляйся.

Вовка приходил ко мне с утра. Помогал подклеивать байдарку, ремонтировать каркас палатки, а когда я начал шить Дыму жилетку, измерял моего друга рулеткой.

Жилетку я шил с карманами, в которых собирался поместить ремонтный набор для байдарки, мазь от комаров, аптечку, пару-тройку банок консервов и мелочёвку — крюк для котелка, бечёвки. Нагрузить своего четвероногого друга я решил, потому что нам предстояло трудное путешествие и соответственно следовало взять больше вещей.

Дым, в предвкушении поездки, бегал то в кухню, то в коридор и постоянно что-то притаскивал: свою миску, мои тапочки, зонт, щётку и крем для обуви. Он намеревался забрать и свои игрушки — совал мне в руки совок, молоток и, разумеется, легковушку, которую я купил ему в «Детском мире».

Мне приходилось объяснять Дыму, что мы возьмём лишь самое необходимое. Из всего, что он приволок, я одобрил только ошейник

и миску. На ошейнике, на всякий случай, прикрепил бирку с его кличкой и нашим адресом.

Во время этих приготовлений я рассказывал Вовке о своём послевоенном детстве, пионерских лагерях, соревнованиях, песнях у костра.

Вовка слушал со жгучим интересом, но ему казалось, что всё это было когда-то давным-давно — ну если не в эпоху динозавров, то при царях точно, ведь в теперешних школах ничего про пионеров не говорят, и теперь нет пионерских лагерей. Между тем, ещё совсем недавно, чуть больше десяти лет назад, были не только лагеря, но и дворцы пионеров, где каждый мог строить планеры и макеты кораблей, заниматься в фото- и изостудиях, танцевальном, акробатическом, шахматном кружках — и всё бесплатно, только ходи! А сейчас во дворцах пионеров всякие фирмы. Вот и слоняются ребята во дворах без дела, а то и ломают всё, что попадает под руки — энергии-то

полно, а девать её некуда. Если бы я был членом правительства, я непременно вернул бы дворцы детям.

Накануне отъезда я купил Дыму второй ошейник от клещей и блох. Затем с помощью Вовки упаковал в рюкзак палатку (она маленькая и лёгкая), спальный мешок, котелок, наши с Дымом миски, топорик, провизию, соль и спички. А в карманы своей куртки-ветровки положил перочинный нож, деньги на проезд и непредвиденный случай и наши с Дымом паспорта.

У Дыма, как у каждой домашней собаки, есть свой паспорт, где указана кличка, дата рождения, порода (у Дыма под фотографией, которую я вклеил по собственной инициативе, написано «метис»). Там же проставлены номер жетона ветеринарной станции и отметки о прививках. И, конечно, записан владелец собаки — я то есть, и мой адрес. Дым безмерно гордится своим документом и никому, кроме меня, не разрешает его трогать. Паспорт Челкаша — пожалуйста, а его — ни в коем случае.

Подготовив свою одежду, я сложил всю нашу поклажу в коридоре и стал примерять Дыму жилетку. Она ему сразу понравилась, он растянул пасть до ушей, прошёлся по комнате, покружил на одном месте, позируя нам с Вовкой. Его не смущала ни тесноватость одежды, ни тяжесть в её карманах.

— В жилетке Дым всех напугает, — сказал Вовка. — И его никто не куснет.

— Точно. Теперь у него бронезилет, и ему не страшны никакие комары, прутья и колючки.

В знак согласия Дым гавкнул и подбежал к зеркалу, чтобы убедиться в своей неотразимости.

Перед тем, как попрощаться и уйти, Вовка дал мне несколько ценных советов: если от костра загорится палатка, набрать в котелок воды и потушить её; если байдарка начнёт протекать, заткнуть дырку тряпкой и быстро грести к берегу. И особо ценный совет: если Дым найдёт большой клад и я не смогу его унести, обязательно запомнить место, где он зарыт.

— ...А потом вдвоём приедем и унесём, — заключил Вовка.

— Договорились! Это тебе обещаю! — я пожал руку своему помощнику и искренне пожалел, что ему только девять лет, и что у меня всего лишь одноместная байдарка.

Глава восьмая. Добрейшая душа

У меня есть друг Валерий Иванович Шашин, страстный автомобилист, владелец старой иномарки. Вообще-то Валерий Иванович пишет пьесы, но большую часть времени возит на своей машине друзей по их делам. Причём возит бескорыстно в любое время дня и ночи — такая у него добрейшая душа. И что поразительно — мне, как и многим, всё даётся с трудом, а ему почти что достаётся даром. Развезёт друзей, сядет за стол — бах! — полпьесы готово. И всё на отличном уровне. Такие у него приступы вдохновения.

Я позвонил Валерию Ивановичу, чтобы он подвёз нас с Дымом и наш багаж к вокзалу на ночной поезд.

— Нет вопросов! — сказал обладатель добрейшей души. — Подъеду, когда скажешь.

Он приехал ровно в девять вечера, как мы условились. Его машину с балкона увидел Дым и в радостном возбуждении бросился к двери.

Когда Валерий Иванович вошёл, Дым, желая похвастаться жилеткой, стал вышагивать перед водителем-драматургом взад — вперёд. Валерий Иванович оценил одежду Дыма, а вот мои брюки и ветровку раскритиковал:

— Дым вылитый спецназовец, а его хозяин похож на бродягу.

Я не обиделся. Валерий Иванович сугубо городской житель и крайне редко бывает на природе, а в походы и вовсе никогда не ходил. Ему не понять, что глупо отправляться в поход в новеньком, отутюженном костюме.

Пока я выносил вещи, а Валерий Иванович запихивал их в багажник машины, Дым бегал от дома к машине, путался под ногами, то и дело впрыгивал на заднее сиденье — короче, не столько помогал нам, сколько мешал.

Наконец, мы погрузились и выехали со двора. Облегчённо вздохнув, я изрёк:

— Путешествие начинается, как только выходишь из дома.

— Я предпочитаю путешествовать, не выходя из дома, — откликнулся автор пьес. — Попросту читаю книги о путешествиях. Я люблю комфорт, а в этих твоих походах ешь не поймёшь что и спишь кое-как, весь прокоптишься у костра.

— Зато доказываешь себе, что можешь выжить в сложных условиях, что можешь победить, — я вскинул голову и расправил плечи, недвусмысленно показывая Валерию Ивановичу, что ещё способен бороться не только за выживание, но и за многое другое.

Дым, молодец, внятно подтвердил мои слова — наклонился к нашему шофёру и гавкнул, и почти в точности повторил мою позу — откинулся, выпятил грудь. Он-то был абсолютно уверен в нашем могуществе, в том, что мы выйдем победителями из любых самых трудных ситуаций.

Но Валерий Иванович продолжал гнуть своё:

— Ладно, Дым. Он молодой, пышущий здоровьем, но ты-то уже старый, уже дедуля. Что за пламенная страсть к бродяжничеству?! Побереги себя. Не дай бог, прищучит сердце или ещё что — пропадёшь!.. Тоже мне, турист-пенсионер! Лучше б с Челкашом на даче качался в гамаке. А Дыму сооруди полосу препятствий, пусть гоняет.

Мой друг разбушевался не на шутку — похоже, его добрейшая душа на мгновение куда-то улетучилась.

Я защищался изо всех сил — говорил, что активный отдых самый полезный, что в походе чувствую себя в сто раз лучше, чем на даче, что, наконец, я ещё молод душой и что моя душа, быть может, не такая необыкновенная, как у автора пьес, но и далеко не чёрствая, и я не позволяю себе с таким напором чихвостить закадычных друзей.

Валерий Иванович не впервые подвозил нас с Дымом к вокзалу, и каждый раз в пути между нами возникал этот горячий спор. Тем не менее мой друг не поморщившись, без всяких оговорок, приезжает по первому моему звонку.

Глава девятая. Небольшая неприятность

Мы проехали всего две улицы, когда на перекрёстке нас остановили инспекторы ДПС (дорожно-постовой службы). Я прекрасно знаю их, поскольку часто проезжаю мимо поста на велосипеде и непременно, в шутовой форме, отдаю им честь, а лейтенант и сержант (они именно в таком звании) в ответ, без всякой шутовщины, мне кивают.

Лейтенант худой, с резкими движениями; глаз у него намётанный, при встрече с ним бесполезно юлить и изворачиваться. Лейтенант носит закрученные вверх усы. Сержант — толстяк с понимающей усмешкой. С водителями сержант говорит тихо и вежливо, но если что не так — берись! Сержант тоже носит усы, но они у него висят вниз, как шнурки.

На посту несёт службу овчарка Стелла. Во время работы Стелла исполнительна и серьёзна, но, по слухам, в свободное время не упускает случая пошутить. Заметит, лейтенант с сержантом уселись за шашки, подбежит к двери и рявкнет на невидимых нарушителей трассы. Этими ложными тревогами Стелла держит начальство в постоянной боевой готовности.

Несколько лет назад (до появления Дыма) мы с Челкашом во время прогулки подошли к посту. Лейтенанта с сержантом видно не было, вероятно, ушли обедать; пост охраняла одна Стелла, тогда ещё совсем молодая, стройная. Челкаш решил познакомиться с красавицей и направился к ней виляющей походкой, изобразив на морде невысказанную радость. Только напрасно он старался — строгая барышня даже не взглянула на моего друга, а когда он подошёл к ней вплотную, оскалилась и приняла такой устрашающий вид, что из красавицы сразу превратилась в уродину.

Так вот, представители власти остановили нас, и лейтенант сказал Валерию Ивановичу:

— Ваша старая машина выглядит слишком старой. Надо её красить, менять и это, и то.

Валерий Иванович начал было что-то объяснять, но лейтенант его перебил:

— Лучше не оправдывайтесь, а то рассержусь.

Я вышел из машины и, как всегда, даже с бóльшим почтением, отдал инспекторам честь. Лейтенант в ответ кивнул.

— К вам, велосипедисту, у нас претензий нет. Но ваш товарищ, водитель, заслуживает штрафа.

Я стал говорить, что опаздываю на поезд, что Валерий Иванович непременно устранит все недостатки своей машины, упомянул про его добрейшую душу...

— Вряд ли у него добрая душа, он бездушно относится к технике, — сказал лейтенант. — Так и быть, на этот раз прощаю. Но в следующий раз... Не злоупотребляйте моим терпением.

— И моим тоже, — тихо и вежливо добавил сержант, а Стелла изобразила брезгливую мину и отвернулась от иномарки.

Глава десятая.

Наши попутчики, или клуб любителей животных

После этой небольшой неприятности мы подкатили к Рижскому вокзалу за несколько минут до отхода поезда, но всё же я успел взять плацкартные билеты (взрослый себе и детский Дыму — такой положен собаке до тридцати килограммов, а если она весит больше, извольте брать взрослый). Втроём мы заспешили на перрон. Валерий Иванович нёс байдарку, я — рюкзак и за поводок вёл Дыма.

Электрички поражали Дыма всякий раз, когда мы ездили по Подмоскovie; он подолгу на них глазел, сглатывая слюну. Но теперь нам предстоял вояж на поезде дальнего следования, и увидев необычный состав — с проводниками и указателями направления на вагонах «Москва—Рига» — Дым решил рассмотреть его получше и притормозил. Пришлось его одёрнуть за поводок.

— Дым, поторапливайся! Опаздываем!

Мы подбежали к нашему вагону, и я протянул проводнице билеты.

— Это на него детский билет? — проводница указала на Дыма.

— На него! — еле переводя дух, одновременно выдавили мы с Валерием Ивановичем.

— Он не кусается?

— Да нет, что вы! — опять в один голос пропыхтели мы с Валерием Ивановичем.

— Кто его знает, что ему взбредёт в голову, — вздохнула проводница. — От самой себя-то порой не знаешь, чего ожидать.

Это её добавление немного насторожило меня, я подумал, а не придёт ли ей ночью в голову мысль — высадить нас на полпути? Но проводница вдруг улыбнулась:

— У вас так не бывает?

— Бывает! — опередил меня Валерий Иванович. — И очень часто. Особенно у него, — он кивнул на меня.

— Ну вот, видите, — довольная, что и мы со странностями, проводница вернула мне билеты. — Проходите, но собаке всё же наденьте намордник.

Я не первый раз сталкивался с подобным требованием и, чтобы избежать лишних разговоров, достал из рюкзака намордник и надел своему дружку.

Дым не терпит всякого ограничения своей свободы, а намордник вообще воспринимает как оскорбление. Но я уговорил его немного потерпеть, зная по опыту, что когда в вагоне сутолока спадёт, все успокоятся и привыкнут к необычному пассажиру, намордник можно будет снять. Так произошло и на этот раз.

Нашей попутчицей оказалась пожилая женщина с двумя малолетними внуками, для которых наше появление стало прямо-таки подарком. Вернее, не моё появление, а Дыма. Они никак не ожидали увидеть в вагоне собаку. И не просто собаку, а собаку-путешественника! Жилетка с оттопыренными карманами, два ошейника, один из которых с чем-то круглым, похожим на медаль — всё это произвело на ребят сильнейшее впечатление, они просто-напросто замерли в тихом восторге. Дым показался им настоящим пришельцем с другой планеты.

Как только поезд тронулся, женщина обратилась ко мне:

— Снимите с собаки намордник. Зачем её мучить, ей же трудно дышать, а здесь так душно.

Дым благодарно посмотрел на попутчицу, а меня тронул лапой — Снимай быстрее!

— У нас у самих в доме собака. Мои внуки любят животных, — женщина погладила ребят.

А внуки всё тарачились на Дыма, но уже перешёптывались, обсуждали его экипировку. От их чрезмерного внимания Дым вначале немного стушевался, но быстро пришёл в себя — задрал нос и, протопав мимо ребят, уселся под столом, всем своим видом показывая, что поезда ему не в новинку, что в вагоне он, как дома, а вот всякие любопытные уже порядком надоели.

— У нас, кроме собаки, есть ещё кошка, — сказала женщина.

— Её Машка зовут, — подал голос один из внуков.

— А собаку зовут Грант, — оживился второй.

— Да, Грант, — женщина кивнула. — Мы его подобрали. У него задние ноги подкашивались. Наверно, поэтому хозяева и выбросили.

— Он большой... Машка его сразу испугалась... Забралась на шкаф, — наперебой заговорили ребята.

— Она ещё была котёнком, — пояснила женщина. — И на другой день пропала. Ищем её, ищем... А Грант спал в углу. Потом поднял голову... Она у него огромная, с ведро, — женщина усмехнулась. — Смотрим, а между его лап спит наша Машка.

— А как зовут вашу собаку? Что у него в карманах? Зачем ещё один ошейник? — ребята окончательно развеселились и засыпали меня вопросами.

— Извините, но когда речь заходит о животных, я не могу удержаться, — из-за перегородки в нашу сторону повернулся мужчина с кипой газет под мышкой. — У меня дома собака и попугай... У собаки два года назад были щенки. И вот, значит, у дочери пропала кукла. Где только мы ни искали. И что вы думаете? Оказалось, собака притащила куклу щенкам поиграть. В общем, нашли куклу в закутке с погрызенной рукой, — мужчина уже перебрался к нам и присел рядом со мной, ещё раз извинившись. — А попугай утром говорит: «Доброе утро! Гоша хороший!». И всем подражает. Чирикает, как воробей,

пищит, как трясогузка... те даже слетаются к его клетке. Она на окне стоит... И вот, значит, прошлой осенью Гоша улетел. Сам открыл клетку... Я искал его с неделю. А уже по ночам было холодно, я думал — замёрзнет ведь. И что вы думаете? Раз сосед говорит: «У автобусной остановки попугай среди воробьёв. С ними что-то клюёт на земле». Я быстренько туда. И точно, Гоша! Принёс его домой, а он залез в клетку и говорит: «Бабка, дай деньги! Куплю джинсы!».

Внуки попутчицы так засмеялись, что чуть не свалились с полки.

— Наверно, мальчишки научили этим глупостям, — определил мужчина. — Наверно, поймали Гошу, а потом он от них улетел.

Вслед за мужчиной с газетами к нам заглянули чрезвычайно весёлые парень с девушкой. Они рассказали о питомцах своих друзей: вначале что-то о хомяке, потом о кошке и собаке и закончили короной, которую держат их родственники в деревне.

— А мы хотим завести ламу, — объявили молодые люди. — Хочется чего-то особенного, нестандартного...

Наша компания всё больше превращалась в клуб любителей животных, и Дыму это явно не нравилось. Он зевал и смотрел на меня страдальческим взглядом, и только и ждал, когда все эти говоруны разойдутся. Я тоже этого ждал, ведь за последние дни мы оба изрядно устали. К счастью, скоро в вагоне погасили свет, и любители животных удалились. Я снял с Дыма жилетку, мы легли на нижнюю полку и уснули в обнимку.

Глава одиннадцатая. Горластый пёс, шофёр пикапа, Федька, доярка и другие

Мы проснулись от яркого солнца. Поезд стоял на какой-то маленькой станции.

— Забелье! — громко объявила проводница, проходя по вагону; заметив нас с Дымом, понизила голос. — Следующая ваша Пустошка!

Наша попутчица и её внуки после бурных вечерних разговоров спали без задних ног. Я надел Дыму жилетку и вывел в тамбур; затем притащил туда байдарку и рюкзак.

Через некоторое время поезд прибыл в Пустошку, небольшой районный центр.

— И чего вам дома не сидится, — покачала головой проводница, помогая мне вытаскивать наш багаж. — Чего ищите трудностей на свою голову. У некоторых туристов байдарки хоть на колесиках, а у вас, похоже, слабоватая подготовка.

Я не стал переубеждать проводницу, но Дыма эти слова возмутили: он чихнул и внятно обронил на собачьем языке — Кто-кто, а мы-то мастера своего дела.

— Ну да, попутного вам ветра! — подобрела проводница и, перед тем, как закрыть дверь вагона, добавила: — А ваша собака вела себя прилично, никому не досаждала.

Было раннее утро, но уже чувствовалось — день будет жаркий. На пристанционном пятаке в ожидании автобуса стояли несколько пассажиров с вещами, тут же бродили куры и облезлый пёс лениво чесал загривок. Увидев Дыма, пёс на мгновение опешил, поражённый нарядом моего друга, но тут же бросился нас облаивать, корча из себя сурового хозяина территории.

Дым пренебрежительно фыркнул, показушно задрал заднюю лапу и побрызгал на телеграфный столб — сделал метку «я здесь был».

Пёс расценил это как нахальство и залился ещё громче; на его морде так и читалось — Ходят тут всякие, бахвалятся модными шмотками, терпеть не могу этих горожан!

Забегая вперёд, скажу — этот пёс топал вокруг нас и голосил всё время, пока мы находились на пятаке. Надо отдать должное Дыму, он понимал, что является гостем в этой местности, и не огрызался, то есть продемонстрировал исключительную выдержку, как и подобает уверенной в себе личности.

До деревни Копылок, с которой начинался байдарочный маршрут, было всего семь километров, но автобус шёл только через два часа. Я решил поймать попутную машину и произвольно пробормотал:

— Хорошо бы грузовичок типа «Газели».

Дым вытянул шею и, приплюхиваясь, стал озираясь, и внезапно на чём-то задержал взгляд. Я посмотрел в ту сторону — там находился

продмаг. Но острый нюх моего друга уловил не запахи продуктов, хотя и их, наверняка, уловил, но в основном — запах пикапа, допотопной машинешки, стоящей около магазина. Из кузова пикапа парень вытаскивал какие-то коробки.

Наказав Дыму сторожить вещи, я подошёл к парню, поздоровался и, узнав, что он шофёр пикапа, спросил — не подбросит ли он нас в Копылок?

— Можно. Отчего не помочь хорошему человеку, — протянул парень, зевая и почесываясь. — Ты, папаша, один или с кем?

Я показал на Дыма.

— О, и охрана! — парень присвистнул. — Ну, жди там. Торты отнесу и покатам. Закрою вас в кузове. В кабине не имею права. Инспектор на дороге попадёт, отберёт права. У нас с этим строго.

Когда парень подъехал, я запихнул в тесный кузов нашу поклажу, сам с Дымом примостился поближе к кабине, чтобы меньше трясло. Парень закрыл нас, и мы очутились в полной темноте.

Дым-то любит всё железное, он спокойно лежал на байдарке и, по моему, всю дорогу с удовольствием слушал урчание мотора. А я чувствовал себя прямо-таки замурованным в железном ящике. Меня то и дело подбрасывало, и я или ударялся головой о крышу, или сваливался на торчащие ребра борта. Единственно, что скрашивало нашу поездку, это сладкий запах, оставшийся от тортов.

К сожалению, позднее оказалось, остался не только запах, но и кое-что посущественней. Когда пикап остановился в Копылке и мы вылезли из кузова, и я, и Дым были перепачканы кремами, шоколадом, сахарной пудрой. Стало ясно, парень не очень церемонился с тортами, вытаскивал их из кузова, как дрова, и, естественно, некоторые раздавил. Тем не менее я щедро расплатился с ним и горячо поблагодарил.

В деревне стояла тишина, только петухи распевали свои незатейливые песни — соревновались друг с другом, кто громче.

А Дым, жмурясь от солнца, уже всю носился по травам, носился одержимо, несмотря на увесистый груз в жилетке. Наконец-то, после тесноты, духоты и тряски в поезде и машине, он почувствовал твёрдую почву под лапами и свободу в движениях, и в придачу денёк — лучше нельзя придумать. На его мордахе сияла радость, он был счастлив по уши.

— Дым, заканчивай разминку! — бросил я. — Надо заняться делом!

Некоторое время мы приводили себя в порядок: я счищал сладости с куртки и брюк, Дым слизывал их с жилетки. Закончив эту процедуру, я заметил подростка, который во все глаза пялился на нас сквозь ограду крайнего дома. Наверняка, Дым заметил его ещё раньше, но не дал мне знать, никак не обозначил присутствие зрителя — так был увлечён очередной кремовой завитушкой.

— Тебя как зовут? — обратился я к мальчишке.

— Федька.

— Слушай, Федька, ты ведь всё здесь знаешь. Как пройти к реке Великой? И где там ровная лужайка, чтобы байдарку собрать?

— Так Великая ещё с километр отсюда, — Федька махнул рукой в конец деревни.

— Как так? На карте она протекает прямо в деревне.

— Хм, на карте! — Федька усмехнулся. — Нарисовать-то всё можно. По карте в нашей деревне есть клуб, а его давно уж нет. Его купили одни городские богачи. И отстроили под дачу... А что-то за одежда у вашей собаки?

— Это жилетка. В ней мой друг несёт ценные вещи, необходимые для похода. Он отважный путешественник. Самый отважный из всех отважных... Так где, ты говоришь, дорога к реке?

— За деревней. Там одна дорога.

Я вскинул рюкзак, сверху взвалил байдарку, попрощался с Федькой, и мы затопали по пыльной дороге. Я тащил килограммов пятьдесят, Дым тоже нелёгкую ношу — килограммов восемь, не меньше. А солнце уже палило нещадно; раскалённый воздух обжигал горло, как кипяток.

В середине деревни из одного двора выбежала приземистая, криволапая собачонка и стала на нас лаять. Вскоре к ней присоединилось ещё несколько собак покрупнее и, наконец, выскочил самый здоровенный — явно главарь деревенской стаи. Этот увалень лаял хриплым басом и всё примеривался, чтобы напасть на Дыма. Похоже, мой друг был для него не просто чужаком, но и ненавистным городским баловнем, который только и знает, что валяться на тахте и лопать колбасу. Где ему было знать, что Дым путешественник, прошедший огни, воды и медные трубы. Короче, когда собаки подбежали к нам слишком близко, Дым круто обернулся и показал зубы. И здоровяк, а за ним и вся стая сразу поджали хвосты.

Мы уже прошли всю деревню, как вдруг услышали:

— Эй, байдарочник!

За нами шла молодая женщина в синем переднике и синем платке.

— Зачем надрываться, носить такие тяжести? Подождите, сейчас лошадь подведу.

Я не успел и рта раскрыть, как женщина скрылась в последнем дворе и через несколько минут вывела лошадь, запряжённую в телегу. Рядом с лошадью бежал жеребёнок.

— Складывайте вещи! — женщина остановила лошадь. — Мне всё равно к реке надо за сеном.

Пробормотав «спасибо», я положил на телегу байдарку с рюкзаком, туда же отправил доспехи Дыма — он уже высунул язык (я-то шёл в рубашке, а он в родной шубе, да ещё в жилетке). На лошадь с жеребёнком он никак не прореагировал — по нашей улице изредка на лошадях проезжают девушки-наездницы. И телега не произвела на Дыма особого впечатления. Что ему телега — он видел экскаватор!

— Но-о, Ромашка! — крикнула женщина и направила лошадь к просёлочной дороге.

— Кобыла Ромашка, а вас как зовут? — спросил я нашу благодетельницу.

— Мария, — женщина поправила платок и улыбнулась.

Я тоже назвался, представил Дыма и кивнул на жеребёнка.

— А этого малолетку как?

— Уголёк. Он годовалок. Такой пострелёнок!

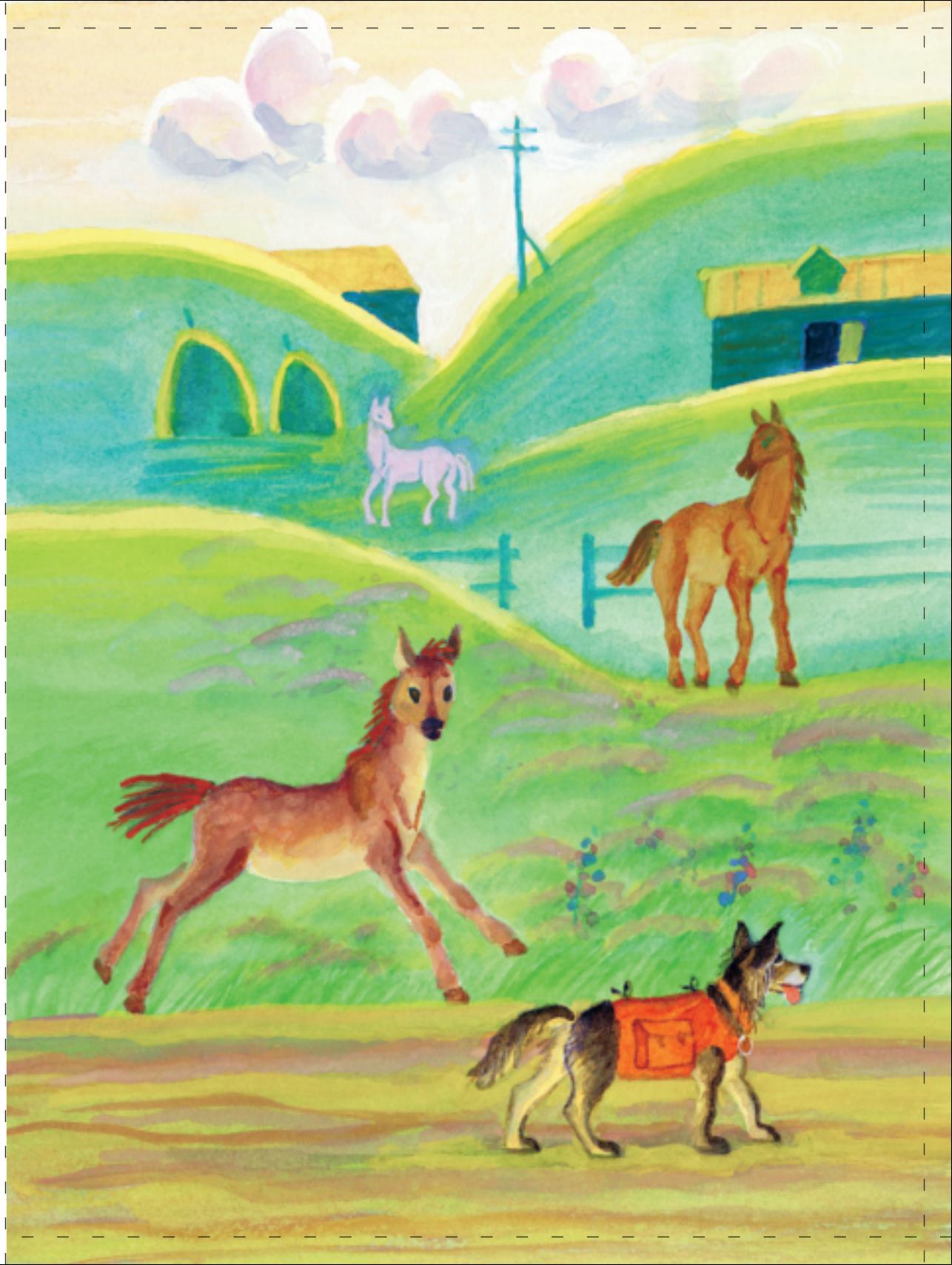
Жеребёнок и в самом деле то отбегал от матери, подпрыгивал и брыкался, то подбегал к Дыму и вышагивал рядом — вроде, предлагал попрыгать вместе — кто выше? Но мой друг оставался безучастным к этим попыткам — ему было не до детских забав — он, как всюду в походе, чеканил шаг впереди нашего отряда.

— Надо же, и Дыма моего не боится, — удивился я. — А ведь Дым немного на волка похож, заметили?

— Он похож на заправского моряка. Важный такой, — Мария вновь улыбнулась. — А Уголёк к собакам привычный. Да и лошадь всегда чувствует, кто собака, кто волк. Всякое животное чувствует. И коза, и овца.

Дальше по пути Мария рассказала, что работает дояркой, что ходит в церковь в соседнее село, что любит свою деревню, потому что «здесь красивые места».

— Здесь никто никогда не спешит, не то что в городе, где беспокойные люди, суета, — заключила Мария и вздохнула. — Вот только туристы много портят. Думают, имеют власть над лесом, рекой. Накидают

банок, пакетов, порубят деревья. А вместе с деревом погубят чьё-то гнездо, чью-то нору. Мы в лесу гости, а хозяева они — звери, птицы.

Я заверил Марию, что поскольку являюсь далеко не молодым человеком, сам осуждаю таких туристов-варваров. Что я-то вхожу в лес, как в храм, и ничего ни в лесу, ни на реке не нарушаю.

— Для меня срубить живое дерево, всё равно что убить живое существо, — многозначительно заявил я. — Сухое, мёртвое, понятно, можно... И вообще, если бы я был членом правительства, я издал бы указ о сохранении природы. Наш великий писатель говорил: «Красота спасёт мир», но красоту-то спасёт чистота, бережное отношение к этой красоте. И в школах надо ввести урок «Сохранение природы».

— Если будете в правительстве, не забудьте про нашу деревню, — усмехнулась Мария. — Дорогу надо провести, а то одни колдобины. И электричество дают с перебоями.

Я пообещал Марии выполнить все её пожелания и построить новый клуб, и в придачу ко всему, увеличить зарплату тем, кто трудится на земле, выращивает животных, снабжает продуктами нас, горожан, но не имеет тех удобств, к которым мы давно привыкли: горячей воды, телефона, магазинов, больниц и транспорта под боком.

Когда мы подошли к реке, я хотел было заплатить Марии за помощь, но она наотрез отказалась, замахала руками и, пожелав нам «счастливого плавания», быстро повернула Ромашку в луга.

Но жеребёнок и не думал от нас уходить. Ему так понравился Дым, что он всё пытался затеять с ним игру в прыжки, не понимал несмыслёныш, что у Дыма другая задача — поскорее попить воды и окунуться, ведь ему уже напекло голову. Только когда Мария крикнула: «Уголёк!», жеребёнок сделал прощальный прыжок и стремглав понёсся к своим.

Глава двенадцатая. **Первое испытание**

Великая оказалась узкой речушкой, заросшей осокой. Почему речку назвали Великой, мне нужно было спросить у Марии, но я догадался об этом слишком поздно. Впрочем, увидев на воде кувшинки и вися-

щих над ними стрекоз, и серебристых мальков в прозрачной воде, а на берегах раскидистый кустарник и поляны со множеством цветов, я понял — такая красота и должна называться Великой.

На одной из полян я развязал чехол байдарки и начал собирать лодку.

Дым вдоволь напился речной воды и совершил небольшой заплыв — дал кружок вокруг кувшинок. Охладившись, он стал мне помогать — доставал из рюкзака всякие принадлежности и подтаскивал их к лодке.

Примерно за час более-менее ловкими движениями я собрал каркас байдарки и натянул на него «шкуру» — прорезиненную оболочку. Затем тоже искупался в речке и предложил Дыму перекусить. Он сразу завил хвостом и вытащил из жилетки банку тушёнки. Когда мы её опорожнили, Дым притащил вторую, но я его остановил.

— Эту откроем во время отдыха на привале. Её добавим в кашу. А если всё сразу стрессаем, то потом придётся голодать. И вообще, есть одну тушёнку — слишком жирно для нас, можем так растолстеть, что не влезем в лодку.

Дым внимательно слушал меня, наклонив голову набок. Когда я говорил про кашу, в знак согласия кивал и хмыкал, но когда я сказал, что от одной тушёнки можем растолстеть, замотал головой — был уверен, что его внешний вид от еды не зависит, ведь он энергичный непоседа и весь жир у него моментально сгорает.

Пока мы завтракали и рассуждали о тушёнке, внезапно потемнело. Дым сразу насторожился и обеспокоенно посмотрел на небо. А там неизвестно откуда появилась тёмная грозовая туча. Спустя минуту, сверкнула молния, шарахнул гром, и на нас рухнул сильнейший ливень.

Разбивать палатку было уже поздно, я перевернул байдарку, и мы с Дымом вползли под неё, прихватив то, что могло промокнуть и потом доставило бы немало хлопот: я — спальник, Дым — жилетку.

Лёжа под лодкой, слушая, как по днищу хлещет ливень, Дым, молодец, не поддался панике, несмотря на то, что молнии сверкали одна

за другой, а гром гремел так, что тряслась земля. Только в его глазах появился небольшой испуг, а по телу временами пробежала дрожь.

— Ничего, Дымок, — поглаживал я своего дружка, — Гроза скоро пройдёт, и снова будет тихо.

Вот так, путешествие ещё не началось, а на нас уже обрушилось первое испытание. К счастью, как я и говорил Дыму, туча быстро ушла в сторону, и снова засверкало солнце. Я уложил в байдарку вещи, устроил для Дыма хороший лежак, постелив в носу лодки чехол и палатку.

— Ну вот, Дым, твой капитанский мостик.

Дым сразу прыгнул на лежак и приосанился, изображая капитана дальнего плавания, покорителя не только рек, но и морей, и океанов. Я спихнул байдарку в воду, сел на место «тяговой силы» и веслом оттолкнулся от берега. Путешествие началось.

Глава тринадцатая.

Крупный начальник Петров. Весёлая компания.

Геройский поступок Дыма

В приподнятом состоянии духа мы скользили по воде мимо берегов с полянами подсолнухов; солнечные головы раскачивались на высоких стеблях — вроде, желали нам удачи в пути.

Течение было приличное, но мы не могли особенно разогнаться — речка слишком петляла. Дым выполнял роль не только капитана, но и вперёд смотрящего матроса — перед каждым изгибом реки поворачивал голову в сторону, куда мне следовало направлять лодку. Если я медлил с манёвром или, чего доброго, начинал огибать водяные растения, Дым оборачивался, хмурился и бурчал. Я, естественно, выполнял роль двигателя и рулевого.

Вновь наступило пекло; казалось, нас запихнули в духовку. Мой лохматый друг мучительно переносил высокую температуру: высунул язык, тяжело дышал, то и дело свешивался с байдарки и пил воду. В какой-то момент я сделал ему из носового платка чепчик, но Дым сразу его снял — подобные причиндалы унижали его капитанское

достоинство. Действительно, что может быть смешнее капитана в чепчике? Тогда я остановил байдарку, срезал четыре камышины, привязал их к «капитанскому мостику», а на них натянул свою рубашку — смастерил тент над Дымом; он с благодарностью лизнул меня в щёку.

Во второй половине дня открытый участок реки, наконец, закончился, и мы вплыли в лес. Стало попрохладней. Теперь можно было искать стоянку для днёвки, чтобы приготовить обед и немного отдохнуть.

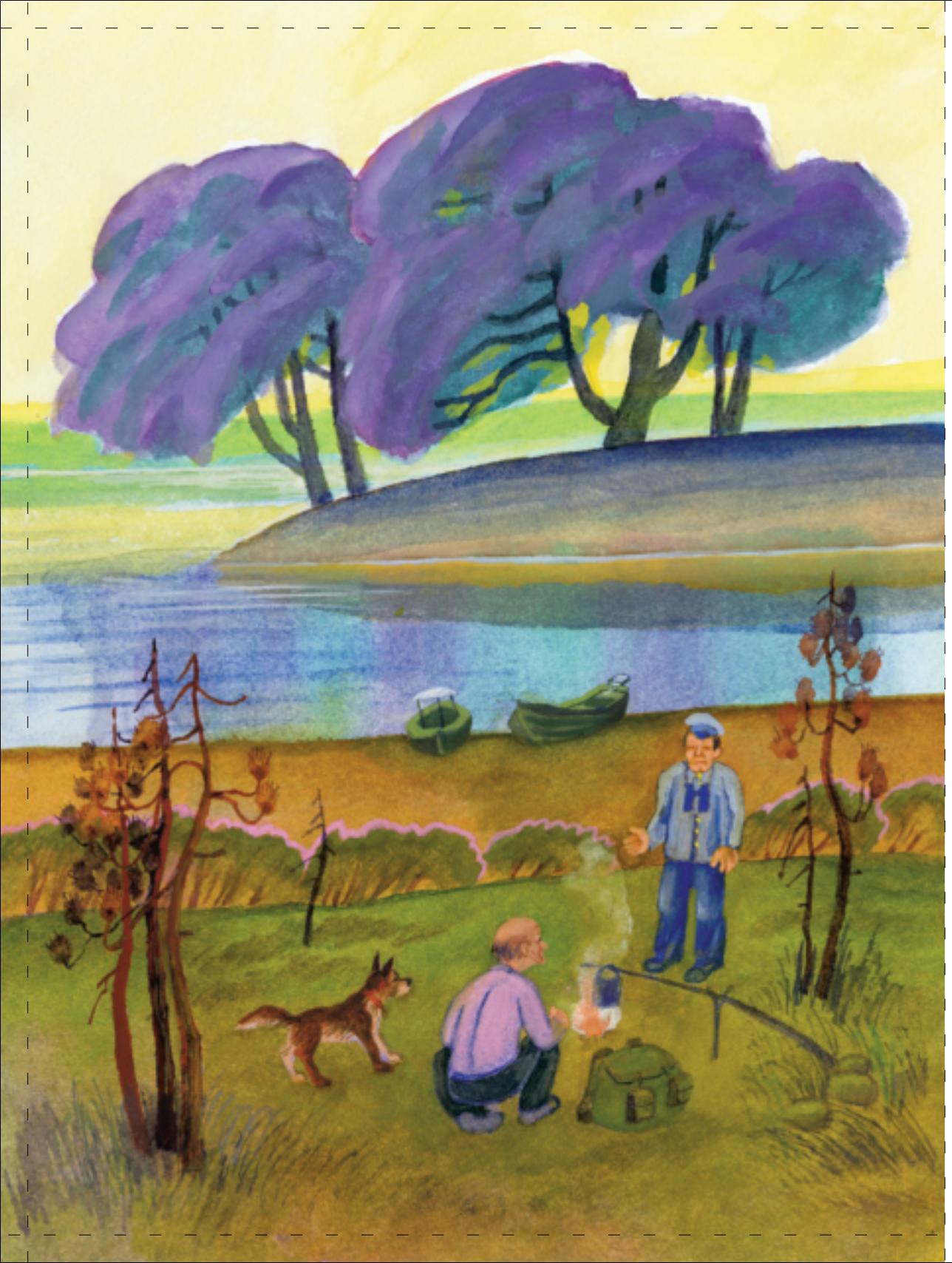
Дым первым заметил песчаную отмель и привстал; затем и вовсе забрался на «палубу» (брезентовую часть лодки) и, не дожидаясь, пока я причалю, прыгнул на берег; прыгнул метра за четыре до уреза воды, и я был уверен — бултыхнётся в воду, но он благополучно приземлился на суше. Как мастер спорта по прыжкам в длину!

Кстати, он и по прыжкам в высоту, и по бегу с барьерами опережает всех знакомых мне собак. Дым настоящий десятиборец, честное слово.

Пока я разгружал байдарку, Дым обследовал местность и натаскал сухих веток для костра. Затем, взяв котелок, спустился к реке, зачерпнул воды и притащил к веткам (по пути, само собой, половину расплескал). Всё это Дым проделывал и в предыдущих путешествиях, но случалось, приносил ветки с листьями, а воду с лягушатами. Но я всё равно его хвалил за усердие.

Мы сварили гречневую кашу с тушёной и, как только она остыла, налегли на еду. И наелись так, что Дым начал икать, а мне пришлось ослабить ремень на брюках.

Внезапно в низовьях реки послышалось тарактенье. Дым подал голос, предупреждая, что к нам приближаются гости. В самом деле, вскоре из-за поворота показался узкий нос, а затем и вся моторная лодка; на её корме сидел мужчина средних лет.левой рукой он держал румпель крохотного электромоторчика, в правой сжимал бинокль. Несмотря на жаркий день, мужчина был в кителе зелёного цвета; на кителе, точно прожектора, сверкали железные пуговицы. Я сразу догадался, что наш гость крупный начальник.

Сделав эффектный разворот, лодка уткнулась в нашу отмель; мужчина ступил на песок и направился к нам. Он оказался невысокого роста, но все остальные размеры у него были впечатляющими: и вихрастая голова, и плечищи, и ручищи, а следы от ботинок — точь-в-точь отпечатки ступней снежного человека.

— Петров! — представился мужчина и пожал мне руку своей лапшой. — Рыбнадзор и лесничий в одном лице. Слежу, чтобы не ставили сети, не жгли огромные пионерские костры.

Я назвал себя и Дыма и пояснил, что являюсь весьма ответственным путешественником, рыбу не ловлю, костры развожу только маленькие, туземские и после приготовления пищи непременно заливаю их водой, а мой четвероногий друг ничего не ломает и никого не пугает, благоразумно ведёт себя на природе (Дым уже вовсю крутился около моторчика — разве он упустит из вида техническую новинку!).

— Вижу, вы грамотные туристы, — заключил Петров. — А то попадают некоторые безграмотные, разболтанные герои драматического плана. Устраивают на реке балаган. Орут, шумят, пугают живность. А ведь если, к примеру, лосиха испугается, у неё молоко пропадает. Встречаются и герои преступного плана. Браконьерствуют, ставят сети.

— Может, это проделки Водяного? — я попытался пошутить, но у меня это получилось неуклюже.

— Какой там! — отмахнулся Петров. — Водяной бережёт свою среду обитания... Некоторые здесь наловчились — перегораживают сетью всё русло. А у нас ведь и нутрия водится. Ценный зверёк. Если попадёт в сеть, погибнет.

Дым храбро гавкнул, что в переводе на человеческий язык означало — Если увижу браконьера, он у меня получит, покусая его как следует.

— Был бы здесь Водяной, он навёл бы порядок на реке, — помолчав, гневно сказал Петров. — А вот Лешие по лесу бродят. Откапывают старое оружие. Здесь ведь бои были страшные. Много и наших солдат, и немцев полегло... Ну, ладно, заговорился я с вами. Надо ещё в верховья заглянуть. Если заметите что-то неладное, сообщите. Мой дом в селе Высоцком, ниже по течению, — с этими словами Петров

направился к моторной лодке, но вдруг обернулся. — Вообще, туристы не могут быть моими любимыми героями. Я люблю военных людей. Они дисциплинированные, исполнительные, соблюдают закон.

Петров поплыл в верховья реки, а я расстелил под деревом спальник, и мы с Дымом прилегли отдохнуть.

Я проснулся от хихиканья. В нескольких шагах от нас стояла ватага мальчишек и девчонок; они показывали на нас пальцами и посмеивались:

— Спит с собакой!

— У неё медаль!

— Может, какого грабителя поймала?!

Дым проснулся раньше меня, но молча разглядывал ребят, собираясь с мыслями — сразу отогнать эту весёлую компанию или немного подождать?

— Здравствуйте, ребята! — сказал я, вставая. — Вы откуда явились?

— Из Васильков. Это тут за лесом. Мы сюда бегаем купаться.

А как зовут вашу собаку? А что у неё за медаль?

— Моего друга зовут Дым. Он бесстрашный путешественник. Смелчак из смелчаков. У него не медаль, а бирка с адресом. На случай, если мы потеряемся, — объяснил я и дальше развил тему о наградах. — Медали дают породистым собакам, а Дым беспородный. Породистым дают за экстерьер. То есть за красивую шерсть, распрекрасную походку. Ну и за выучку. А надо бы давать тем собакам, которые спасают людей после землетрясений, служат поводырями для слепых, ловят всяких грабителей. Ведь так?

Ребята притихли. Потом вдруг самый младший из них заплакал. Я подумал — от несправедливого отношения к собакам, оказалось — он наступил на колючку, и у него потекла кровь.

— У меня уже в прошлом году кровь текла из пальца, — хныкал шпингалет. — И её мало осталось. Сейчас вся вытечет, и я умру.

Ребята засмеялись. Кто-то нашёлся:

— Приложи подорожник и всё пройдёт.

— И так сейчас пройдёт! — отмахнулась девчонка с кудряшками. —

Побежали купаться!

Все ребята, кроме «пострадавшего», с гиканьем попрыгали в воду.

Я достал из жилетки Дыма аптечку, прижѐг йодом ранку на ступне мальчугана и объяснил ему, что кровь в нашем организме восстанавливается и что плакать из-за такого пустяка не стоит, потому что он будущий защитник Отечества и прочее. Только «будущий воин» успокоился, как случилось новое происшествие.

— Помогите! — раздался вопль с реки.

Я подбежал к воде, но среди барахтающихся ребят не сразу понял, кто из них зовѐт на помощь. Понял только, когда они один за другим выскочили из воды и испуганно закричали:

— Поплавок тонет!

— Где? Какой поплавок?! — громко спросил я.

— Катька-Поплавок тонет! — ребята показали на куст осоки посередине реки. — Поплавок её прозвище!

Я бросился в воду, но впереди меня уже во весь дух к девчужке нѐсся Дым. Он-то сразу сориентировался и подплыл к тонущей первым. Она вцепилась в его загривок, и они вдвоѐм повернули к берегу. В этот момент и я подоспел, хотя моя помощь уже и не требовалась.

— Зачем ты так далеко заплываешь? — строго выговорил я, когда мы ступили на песок, и Катька начала чихать и кашлять.

— Я не... не хотела, — размазывая слѐзы, бормотала она. — Меня те... течение... унесло...

— Меня тоже в прошлом году унесло, — спохватился кто-то из ребят. — Хорошо, там дальше остров.

— Благодарю его, что не пришлось тебя откачивать, — я кивнул на Дыма.

Катька присела на корточки, обняла моего друга и поцеловала в нос. Дым смутился и направился к своей жилетке, давая мне понять, что пора в путь-дорогу.

— Больше не будешь далеко заплывать? — строго спросил я у Катьки. — Даѐшь слово?

— Не... не буду... Честное слово...

— Кто у вас главный? — обратился я к ребятам. — Ну, или старший?

— Я старшая, — вперёд выступила девчонка с кудряшками.

— Даю тебе задание. Проследи, чтобы никто далеко не заплывал. Договорились?

Девчонка кивнула. Растерянные, подавленные ребята торопливо зашагали в сторону деревни.

Пока я приводил в порядок место днёвки и укладывал вещи в байдарку, начало вечереть.

— Часа два помашем веслом и причалим на ночёвку, — сказал я Дыму.

Не оборачиваясь, он прогавкал три раза, дал команду — Не два, а три часа, нечего расслабляться!

Лес кончился, и теперь река протекала по равнине. Слева тянулись поля ржи, справа на косогоре виднелась деревня и над ней заходящее солнце.

Мы уже отошли довольно далеко от места днёвки, как вдруг заметили — по берегу вдоль реки бежит стайка ребят; они махали нам и что-то кричали.

Приглядевшись, я понял, что это компания Катьки-Поплавка и пристал к берегу. Ребята подбежали к нам, и девчонка с кудряшками протянула мне круглую картонку на бечёвке.

— Вот... Это ему, — она показала на Дыма.

Я взглянул на картонку. На ней шариковой ручкой было написано: «Медаль за спасение Катьки».

Горячо поблагодарив ребят, я повесил медаль на шею Дыму. Он воспринял награду безучастно, даже не привстал с «капитанского мостика» и продолжал невозмутимо смотреть вдаль. Он как бы говорил — Для меня это не героический поступок, а так, пара пустяков.

Глава четырнадцатая.

Браконьеры. Прозрачное озеро и Никитич

Для ночёвки мы выбрали отличную заводь с ровной поляной, обрамлённой кустами орешника. Вода в заводи была тёплая, как чай; в ней резвились пузатые жуки-плавунцы.

После ужина, при свете костра, я поставил палатку, разместил в ней рюкзак и постелил спальник, и уже хотел позвать Дыма, чтобы укладываться спать, как вдруг у берега сильно плеснуло. Потом ещё раз. В темноте я ничего не смог рассмотреть, заметил лишь, что Дым вцепился во что-то и пытается вытащить из воды.

Подойдя ближе, я оторопел — Дым тянул за хвост... крокодила! Речной гигант бешено сопротивлялся, но Дым напористо выволакивал его на песок, при этом рычал и мотал головой.

Надо было немедленно прекратить эту схватку, Дым только отчасти понимал, какая ему грозит опасность, если монстр окажется на берегу. Я схватил увесистую корягу (одну из заготовленных Дымом для костра), но когда подбежал к месту сражения, увидел — мой друг вытащил на берег... рыболовную сеть. Огромную браконьерскую сеть с поплавками из коры и свинцовыми грузилами, с бьющейся рыбой.

Освободив рыбу и выпустив её в реку, я начал сворачивать сеть. Дым, довольный, с чувством выполненного долга, топтался рядом и тщательно следил за моими действиями; на поплавки внимания не обращал, но каждое грузило обнюхивал и пробовал на зуб. Тут-то я и понял, чем его привлекла сеть.

— Теперь наша задача — найти Петрова и передать ему эту хищническую снасть, — сказал я Дыму, и он понимающе вильнул хвостом.

Сеть я спрятал в корме лодки. Потом затушил костёр, мы с Дымом залезли в палатку и улеглись на спальник. Я пожелал своему другу «спокойной ночи», в ответ он что-то сонно прогундосил — я не разобрал, что именно, поскольку сразу отключился. В тот первый день мы взяли слишком бурный темп и, конечно, переутомились.

Рано утром Дым выскочил из палатки и на кого-то обрушил грозный лай. Я вылез вслед за ним.

Над рекой стоял туман, но было отчётливо видно, как недалеко от нашей лодки бродят двое мужчин. Они ходили по мелководью и что-то шарили в осоке. Дым безбоязненно кружил около них и беспрерывно лаял, яростно откидывая задними лапами землю.

Заметив меня, мужчины подошли. Оба небритые, взлохмаченные, с тяжёлыми взглядами, только один в кепке, а другой в соломенной шляпе.

— Слушай, отец! Ты тут сеть не видел?

— Видел и спрятал, — смело сказал я, чувствуя мощную поддержку Дыма. — Передам её Петрову. Знаете его?

— Как не знать. А ты тоже что ли начальник?

— Я не начальник, просто не люблю тех, кто думает только о себе. Сколько сеть загубит икринок и донных трав? А нутрий?! Вам удочек что ли не хватает?! Надо беречь свою речку.

— Слушай, батька, — грубо перебил меня тот, что был в кепке. — Отдай сеть по-хорошему!

— А то тебе плохо будет! — зверским голосом процедил его напарник в шляпе и, вскинув кулак, показал, что готов применить силу.

Я приготовился биться не на жизнь, а на смерть, мгновенно окрестив незваных пришельцев Кепкой и Шляпой. Но Дым не стал ждать, когда противник приведёт свои угрозы в действие. Злобно оскалившись и издав громовой рык, он прыгнул и вцепился в руку Шляпы (а хватка у него — будь здоров!). Тот истошно заорал, отпрянул, шляпа с него слетела. Кепка хотел было пнуть Дыма, но не учёл, что у собак отменная реакция — он только занёс ногу, а мой друг уже цапнул его, порвав штанину.

— Убери свою зверюгу! — кричал Кепка, отбиваясь от нападающего Дыма.

— Ты за это ответишь! — вторил ему Шляпа, уже без своего головного убора.

Но моего рассвирепевшего друга не так-то просто было утихомирить, он яростно хрипел и готов был растерзать наших противников. Я с трудом оттащил его от них, но он ещё долго посылал им злобные взгляды. Только когда Кепка со Шляпой, бормоча ругательства, заковыляли прочь от нашего лагеря, Дым швырнул в их сторону головешку и немного успокоился; а полностью остыл после завтрака — овсяной каши на сгущёнке, которую мы оба любим.

Насытившись, Дым стал кататься на спине, то и дело задирая лапы, как спортсмен, установивший рекорд. Я так и не понял, чему он радовался — вкусной каше или победе над Кепкой и Шляпой.

В то утро мы прошли на байдарке немного. Через пару километров от места ночёвки Дым подал сигнал и сделал стойку в сторону левого берега. Там в лугах виднелись косцы. Я пристал к берегу, чтобы узнать, где село Высоцкое — хотел разыскать Петрова и передать ему браконьерскую сеть.

Пока я привязывал лодку, Дым заметил недалеко от косцов отару овец; принюхался, пригнулся и вдруг, крадучись, пополз к ним — явно решил поохотиться. Всё-таки в нём сильны волчьи инстинкты, — подумал я и окликнул «охотника»:

— Дым, ко мне! Тебе овсяной каши мало? Что за повадки?!

Дым поднялся с земли, прогнул спину — Я просто их попугал, чтоб не теряли бдительность.

Косцы встретили нас радушно, словно родственников: меня угостили огурцами, а Дыму протянули печенье, от которого он деликатно отказался — поблагодарил кивком и отвернулся — он ничего не берёт из чужих рук.

— Мы туристов уважаем, — заулыбались косцы. — Слушайте внимательно. За поворотом река впадает в озеро. Там на берегу времянка старика Никитича. Он покажет, где Великая снова вытекает из озера, даст наводку. А там и Высоцкое рядом. В селе Петрова знает каждая кошка, собака и ворона.

Озеро представляло собой два круглых водоёма, соединённых узкой протокой — по форме оно напоминало большие очки. В обоих водоёмах поражала неправдоподобно чистая вода. Несмотря на немалую глубину, на дне просматривался каждый камень, каждая створка моллюска. Солнечные лучи пробивали толщу воды насквозь, и на дне играли солнечные зайчики.

— Красотища! — выдохнул я, но Дыму было не до красот — он пристально осматривал берега, выискивая лачугу старика Никитича. Как каждый капитан, он был нацелен на главное, а всякие второстепенные вещи его не интересовали.

На берегу второго водоёма, среди серебристых ив, стояла ветхая фанерная постройка. Я сразу подумал, если начнётся ураган, этот домишко непременно сдует в воду, и представил хозяина жилища крепким, отчаянным смельчаком, а нас встретил щуплый мужичок; на его загорелом лице особенно выделялись глаза — прозрачные, такие же, как вода в озере.

— О-о! Серьёзный турист ко мне пожаловал, — обрадовался он и кивнул на Дыма: — А пассажир-то каков!

Дым обиделся и отвернулся. Мне пришлось объяснить.

— Он не пассажир, а капитан.

— Ой! В самом деле, доблестный капитан! И как я сразу не разглядел, — поправил дело хозяин фанерного жилья. — Многоопытный речник, всего повидавший немало. И ракушками оброс с головы до лап... А мы тут сухопутные. Только волны от берега отгоняем.

— Мы хотим узнать, где вытекает Великая? — провозгласил я.

— Пока не попьём чайку, не покажу, — засмеялся хозяин.

Это был Никитич. Он оказался чудаком. Мы поднимались по тропе к его обители, и он с каждым шагом меня удивлял. Во-первых, на тропе стояла калитка с вертушкой, а изгороди не было! Тем не менее Никитич провёл нас с Дымом именно через калитку, да ещё кивнул на надпись: «Осторожно! Злой козёл и свирепый гусь!».

Во-вторых, пока мы шли, Никитич сказал, что в районе озера знает каждое дерево и даже разговаривает с ними.

В-третьих, Никитич держал в доме козла и гуся, которых называл Савелий и Васька.

— Савелия в селе хотели забить, — пояснил Никитич. — А всё за что? Он всегда играл с ребятами. И до школы их провожал. А потом стал заходить и в школу. Представляешь, идут уроки, вдруг по коридору цок-цок? Все прислушиваются, а он — бац! — рогами в дверь и заглядывает в класс. Все хохочут. Ну директор и начал говорить «срывает уроки»... В общем, решили Савелия забить, а я забрал его сюда. Теперь он всех людей боится.

В самом деле, при появлении Дыма козёл не дрогнул, а увидев меня, скрылся за постройкой.

— А Васька, — продолжал Никитич, — сам отбился от стаи и приплыл ко мне. Он ласковый. По утрам будит меня, легонько щиплет за ухо.

Вероятно, чтобы проявить свою ласковость, гусь подошёл к Дыму, хотел и его пощипать за ухо, но мой друг не оценил этот порыв — нахмурился и отошёл в сторону.

Около фанерного строения Никитич похвастался ветряком, который собрал сам и который давал ему электричество, а войдя в хижину, показал макет парома, который он собирался строить, чтобы переправлять жителей села на другую сторону озера, где, по его словам, начинались грибные и ягодные места.

— Да ты, Никитич, инженер. Мастер с размахом, — поразился я.

— Инженер-самоучка, — усмехнулся Никитич, разжигая самовар. — Не инженер, конечно, но рукастый. И голова немного варит. Здесь-то у меня, как ты понимаешь, времянка, а изба в селе. В неё перебираюсь только на зиму. Здесь-то, видишь, раздолье, тишина. Можно пописать стихи. Вот послушай!

Никитич взял с полки школьную тетрадь и начал читать свои произведения.

Он читал целый час. За это время мы выпили полный самовар, а Дым успел подремать у моих ног. Несколько раз в жилище заглядывал Савелий с Васькой, не в силах понять, чем мы так долго занимаемся.

Стихи Никитича меня потрясли, в них были десятки советов, как дожить до ста лет и не быть старым. Никитич хотел осчастливить всё человечество. На реке Великой живут великие люди, — подумал я и сказал:

— Ты, Никитич, мудрый поэт. Будь я членом правительства, я дал бы тебе премию.

— Да какой там мудрый! — поморщился Никитич. — Не мудрый, а опытный. Кое-что подметил и записал. Может, кому пригодится. Каждый должен сделать что-то полезное для других, верно? Ты сам-то чем занимаешься?

Я начал рассказывать, но Никитич торопливо меня перебил:

— Скажи главное — ты в жизни движешься вперёд или стоишь на месте? Я имею в виду работу, а не поход на лодке.

— Как тебе сказать. Вроде, двигаюсь, но медленно.

— То-то и оно. Сам знаешь, в нашем возрасте надо все силы бросить на работу. Времени-то маловато осталось. Вот я ещё запланировал смастерить снегоход. Зимы-то у нас здесь снежные, занесёт, так до райцентра не доберёшься. А если кто в селе заболеет? Как думаешь, стоящее дело?

— Не то слово. Необходимое!

Никитич стал потирать руки, готовый приняться за дело прямо сейчас.

— В деревне обо мне всякое балакают. И зависти, и сплетен хватает. А я делаю своё...

Дыму давно надоел наш разговор и стихи и планы Никитича, и любопытные козёл с гусём, которые топтались у двери, он спустился к озеру и притащил мне весло.

— Вот это да! — удивился Никитич. — Капитан-то какой деловой! С ним не расслабишься. И правильно, это по мне. Дело прежде всего.

Провожая нас, Никитич показал, в каком месте Великая вытекает из озера, и предупредил:

— Там осторожней! Там водовороты, пьяная вода. Хотя, с таким капитаном не пропадёшь... В общем, пройдёте на лодке немного, минуете лесок и там село на пригорке. До него всего ничего, два-три взмаха весла.

Глава пятнадцатая.

Пьяная вода. Снова Петров и прочие

Ох уж эти сельские жители! Они привыкли к тяжёлой жизни и не делают скидки на нас, горожан. Для них поработать от рассвета до темноты — привычное дело, для нас — адский труд. Для них пять километров — не расстояние, его они проходят на одном дыхании, а нам приходится попотеть. «До села всего ничего, — сказал Никитич. — Два-три взмаха весла», а я махал целый час и безостановочно, словно ветряная мельница под напором мощного ветра. «Село на пригорке», — сказал Никитич, а оно оказалось на высоченной горе, почти в поднебесье. Когда мы с Дымом не неё поднялись, с меня пот лил градом, а Дым высунул язык чуть ли не до земли.

Но прежде чем мы добрались до села, нам пришлось выдержать боевое крещение. Пьяная вода, о которой предупреждал Никитич, оказалась пьяной вдребодан. Мало того, что вытекая из озера, река сразу набрала бешеную скорость, она ещё через каждые сто метров начала крутить водовороты. Течение было таким сильным, что запросто могло перевернуть тяжёлый грузовик, а нашу байдарку швыряло из стороны в сторону, точно скорлупу от яйца (позднее выяснилось, что у нас появились синяки везде, где только можно). Берега проносились назад, сливаясь в сплошную зелёную массу, мы ничего не успевали рассмотреть, думали лишь об одном — как бы не врезаться в какую-нибудь корягу или того хуже — в подводный камень.

А водовороты — это вообще жуткое зрелище, ведь в центре каждого из них зияла воронка, которая всё затягивала в глубину. Один, самый обширный водоворот, словно смертельная карусель, так раскрутил наше судёнышко, что у меня закружилась голова, и я чуть не вывалился из лодки; еле удержался, но чувствую — неведомая сила

тащит байдарку вниз. Казалось, какой-то сумасшедший осьминог решил во что бы то ни стало нас утопить. Я растерялся — как выбраться из этой западни? Ничего разумного не приходило в голову, я бестолково чиркал и шлёпал веслом по воде, мысленно прощаясь с тем солнечным деньком.

Нас выручила сообразительность и ловкость Дыма — он ухватился зубами за свисавшую ветку и рывком вытянул лодку на чистую воду. Это было единственно правильным решением, и Дым его принял вовремя. Он, неустрашимый, никогда не сдаётся, не опускает лапы, борется до конца.

Тут бы всем этим чудесам и закончиться, но начались пороги — скользкие валуны, торчащие из воды, похожие на гигантские утюги, и меж них лавины воды и вспышки пены. Чтобы не разбиться, нам пришлось проявить всё своё умение, призвать на помощь весь байдарочный опыт.

Надо отдать должное Дыму — в ответственные моменты он оставался спокойным — как ни в чем не бывало поворачивал голову то налево, то направо, чётко указывая мне курс, и я успевал уворачиваться от всех препятствий. Короче, мы вышли победителями в сражении с пьяной водой, но основательно устали и байдарку угваздали так, что она, прежде похожая на быстроходную пирогу, превратилась в старый дредноут. Нам требовалась передышка, и когда показалось село, мы решили, перед тем, как идти к Петрову, отдохнуть и перекусить, и заодно переждать зной. С этой целью, пристав к берегу, я разбил палатку и постелил в ней спальник.

Дым начал было собирать сучья для костра — настроился на полновесный обед, но я уговорил его повременить с этим делом.

Мы обошлись сухим пайком и речной водой, а потом как-то незаметно задремали. И не мудрено, любого свалил бы сон, если б его разбудили ни свет ни заря какие-нибудь негодяи в кепках и шляпах. Кстати, сам не знаю почему, но мне приснился целый взвод браконьеров, и все небритые, дремучие, в кепках и шляпах; они перегородили речку сетями — ловили нашу байдарку и прыгали, и танцевали на берегу, как дикари — вроде, готовились нас поджарить на костре.

К счастью, этот дурацкий сон постепенно светлел, браконьеры превращались в обычных рыбаков с удочками, они приветливо махали нам головными уборами, а потом и вовсе стали их кидать параллельно земле — чей дальше улетит — совсем как мальчишки, пускающие фризби.

Я не успел досмотреть сон — проснулся оттого, что мне в ухо лаял Дым — Вставай, лежебока! Сколько можно спать?!

Я бодро встал, и мы отправились на поиски Петрова.

Село Высоцкое выглядело живописно: на главной улице церквушка, перед домами красовались палисадники, из которых прямо-таки вываливались цветы. Но на улицах не было видно ни души; даже вся живность от жары попряталась в тени.

Я вошёл в палисадник одного из домов и громко спросил:

— Хозяева есть?

В открытое окно выглянула молодая женщина с ямочками на щеках и сложной причёской — множеством всяких кудряшек. На мой вопрос «Где живёт Петров?», женщина тряхнула кудряшками, вытянула руку и указала на соседний дом. И вдруг крикнула:

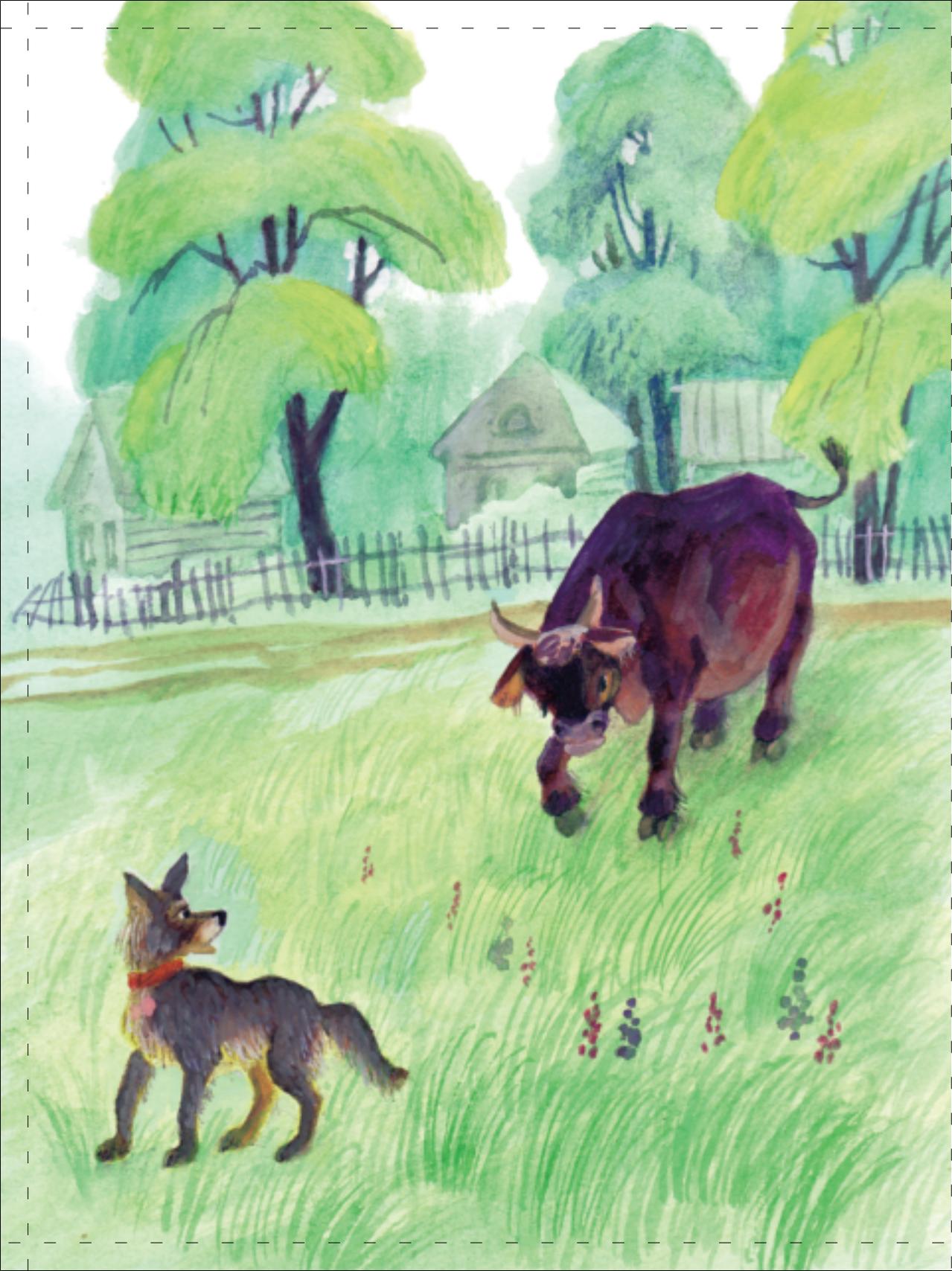
— Лёнька, не балуй!

От неожиданности я подскочил — как узнала моё имя? Уж не колдунья ли? И как вообще она, молодая женщина, может меня, пожилого человека, так запросто называть?! Что за панибратство?! Меня все зовут Леонид Анатольевич. Дети — дядя Лёня. Ну старые друзья называют Лёнькой, но чаще Старик, а то и Старый хрыч. И вдруг совершенно незнакомая женщина — Лёнька! Да ещё — Не балуй! Еле сдерживая негодование, предельно учтиво, но твёрдо я произнёс:

— Извините, сударыня, но я не в том возрасте, когда балуют.

— А я не вам, — смутилась женщина и внезапно захохотала. — Вон ему, — она показала куда-то мимо меня.

Я обернулся. К нам вразвалку подходил могучий бык (и откуда он взялся?); великан уже опустил массивную башку, направляя рога на Дыма.

— Не балуй, Лёнька! — ещё громче крикнула женщина. — Кому сказала!

Мой здоровенный тёзка остановился, но скорее не от окрика хозяйки, а оттого, что Дым принял угрожающую позу — пригнулся, готовый к прыжку и показал клыки. Мой дружище первый раз видел такого богатыря, но, молодчина, не дрогнул. А вот Лёнька попятился и отошёл в сторону, как бы демонстрируя почётное отступление.

Дом Петрова ничем не отличался от других домов, разве что флюгером на крыше. Понятно, хозяин дома прибил его неспроста — давал понять, что представитель власти всегда знает, откуда дует ветер, кто и где обстрипывает тёмные делишки. Ну, и конечно, перед домом стоял мотоцикл с коляской — без транспорта крупный сельский начальник за всем не уследит и вообще будет выглядеть не очень крупным.

— А-а, это вы! — протянул Петров, открывая нам дверь. Он был в трусах и майке (его плечищи и ручищи выглядели сногшибательно), но сразу сменил домашний вид на официальный — надел брюки и китель.

— Вот, мой Дым вытащил, — сказал я, бросая сеть на пол. — Недалеко от нашей вчерашней стоянки. А утром явились двое, — я подробно описал Кепку и Шляпу.

— Всё ясно, как в светлый день, — отчеканил Петров. — Эти герои из нашего села. Братья Крынкины. Вы поймали крупную рыбу. Можно сказать, двух щук. У меня с ними натянутые отношения. Я давно знал, что они браконьерствуют. Не раз их предупреждал, но не мог поймать с поличным. Теперь наложу крупный штраф. А вам и вашей собаке объявляю благодарность! Вам отчасти, потому что вы исполнили долг каждого грамотного туриста. Основная благодарность собаке. Но как он нашёл сеть? Я там всё обследовал.

Я рассказал о пристрастии Дыма к железу и кивнул на грузила сети.

— Он прошёл курс обучения? — спросил Петров.

— Это его природный талант, — с гордостью за друга сказал я.

— Хм, такой талант не должен зря пропадать, — Петров укоризненно посмотрел мне в глаза. — С таким нюхом на железные предметы

его место на таможне. А ещё больше пользы он принесёт в погранвойсках. Подумайте об этом.

На обратном пути мы вновь повстречали быка Лёньку, но он уже вёл себя вполне прилично, только промычал нам вслед. Мы с Дымом не поняли, что он хотел сказать — то ли грозился в следующий раз показать нам, где раки зимуют, то ли извинялся за своё поведение и желал нам успеха во всех делах. Не знаю, что именно хотел сказать мой могучий тёзка, но судьба точно подкинула нам талисман удачи. На окраине села Дым откопал в пыли подкову.

— Молодец, Дымок! — погладил я своего дружка. — Теперь удача в пути нам обеспечена. А может быть, и на всю оставшуюся жизнь.

Мы уже вышли из села, как вдруг увидели — нам навстречу со стороны реки бредут Кепка со Шляпой. Дым рыкнул и вздыбил шерсть на загривке; я взял его на поводок. Поравнявшись с нами, браконьеры впились в меня:

— Отнёс? Донёс? — и опасно поглядывая на клыкастую пасть Дыма, криво усмехнулись: — Зря стараешься! Пусть Петров ещё докажет, что сеть наша.

Подойдя к своему бивуаку, мы ахнули — кто-то срезал растяжки палатки, и она лежала на земле, точно сдутый воздушный шар. Рядом валялись спальник с оторванной молнией, в байдарке я обнаружил смятый котелок. Кто-то поразбойничал на славу, даже разорвал пополам жилетку Дыма, отчего мой друг жутко расстроился.

Пока я уныло рассматривал испорченные вещи и в раздумье чесал затылок, мой неугомонный дружище времени зря не терял — обежал прилегающую местность, унюхал следы разбойников, взвизгнул и хотел было броситься в погоню, но я его остановил.

— Ладно, Дымок. Дело поправимое. Давай всё уложим в байдарку и побыстрее отплывём от этого злополучного места. А попозже найдём хорошую стоянку и всё починим.

Некоторое время Дым колебался, бурчал, урчал и фыркал — спорил со мной до посинения, но потом всё же согласился и прыгнул на «капитанский мостик».

Глава шестнадцатая. Крушение

В том месте река была довольно широкой, но течение по-прежнему стремительным; волны напоминали гигантскую стиральную доску, мы не плыли, а скакали по ним. С полчаса кувыркались мимо зарослей тростника и наплывных островов — спутанной гущи водяных трав — настоящих капканов, которые так и норовили зацепить нашу лодку и перевернуть. Но Дым был начеку, мгновенно разгадывал все подвохи реки и подавал мне сигнал. Если бы не мой «вперёдсмотрящий», мы давно попали бы в ловушку и неизвестно, выбрались бы из неё или нет.

Дым, как всегда, был на высоте, а вот я подкачал — слишком поздно заметил, что под сиденьем булькает вода. Только когда мы вплыли на плёс — спокойную водную площадь, я осмотрел байдарку и вдруг увидел два фонтанчика, которые били из днища лодки — они напоминали родники, в них даже «кипели» песчинки.

— Вот это фокус! — вырвалось у меня.

Дым тоже заметил течь, а поскольку я слишком засмотрелся на песчинки, капитанским тоном гавкнул — Держи к берегу, разиня!

Пока я разворачивал байдарку, Дым вскочил на «палубу» и ухватил швартовый конец — верёвку, за которую мы вытаскивали лодку на берег.

Я грёб изо всех сил, но отяжелевшая лодка плохо слушалась весла и рыскала из стороны в сторону. А вода всё прибывала и уже скрыла мои ноги и место пониже спины.

До берега оставалось ещё метров двадцать и, возможно, мы дотянули бы до мелководья, но внезапно послышался треск раздираемой ткани и тут же мне в лицо ударила струя, толщиной с бутылку. Я был уверен — какой-то шутник аквалангист поливает меня из пожарного шланга и крикнул:

— Эй! Брось свои глупые штучки!

Но через секунду наша посуда наполнилась до краев и медленно пошла ко дну. Мы с Дымом очутились в воде, но не потеряли присутствия духа: я, по-лягушачьи дрыгая ногами, удерживал байдарку

на плаву, а Дым сноровисто, словно буксир, тащил её за верёвку к берегу, при этом так колошматил лапами, что из-за брызг я совершенно не видел, куда мы плывём; полагался только на ориентировку и находчивость моего капитана.

Я надеялся, что судьба хотя бы пошлёт нам достойное прибежище, что-нибудь вроде пляжа с золотым песком и тентом, и киоском прохладительных напитков, а мы уткнулись в какую-то топь с липкой тиной, в которой непрестанно возникали зелёные пузыри. Прямо на глазах пузыри надувались и шумно лопались, испуская неприятный запах. Повсюду из топи торчал остролист, колкий, словно колючая проволока.

Само собой, мы исцарапались и извозились в тине по уши, и все промокло насквозь, но главное, мы сохранили наше плавсредство.

Отдышавшись, мы с Дымом попытались втащить байдарку на более твёрдый грунт, но не тут-то было — вещи, полные воды, точно груда кирпичей, превратили нашу лодку в неподъёмную тяжесть. Пришлось вначале вытаскивать вещи и относить их на возвышение в нескольких шагах. Когда всё перенесли (Дым приволок свою разорванную жилетку и мою рубашку, из которой я делал тент над «капитанском мостике»), обнаружилось, что исчезли мои кеды, котелок и несколько пакетов с крупой. Похоже, в суматохе мы не заметили, как они утонули.

Но эти потери показались не такими уж страшными после того, как я вытащил байдарку и перевернул её. Днище имело плачевный вид — всё в шрамах и вдоль «шкуры» зияла рваная полоса. Я стал перебирать в памяти весь маршрут: стремнину в начале пути, водовороты и перекат, но так и не понял, где мы могли пропороться. Нигде не садились на мель, ни разу не чувствовали удара о топляк или сваю. Приглядевшись к полосе, я заметил, что её края всюду висят клочьями, а в одном месте настолько ровные, что, казалось, их делали по линейке. Стало очевидным — надрез сделан ножом.

— Но кто? — обратился я к Дыму.

Он хмыкнул и посмотрел на меня, как на дуралея. Ему-то давно было ясно — тот, кто поразбойничал на стоянке, тот и порезал байдарку.

Спустя некоторое время выяснилось, что мы очутились на крохотном возвышении посреди болотистой низины, где не было ни одного сухого дерева — сплошной тухлявый кустарник. Но даже если бы мы и нашли сушняк, всё равно разжечь костер не смогли бы — у нас намокли спички! Как высушить палатку, спальник и одежду, я совершенно не представлял. А между тем уже смеркалось, уже веяло вечерней прохладой, и от жилья мы уплыли слишком далеко.

Но самым неприятным оказалось то, что мы попали в настоящий комариный рай. Как только ступили на тот островок суши, к нам устремились тысячи кровопийц.

— Да, Дымок, — вздохнул я. — Мы попали в затруднительное положение, нам предстоит нешуточная борьба за выживание.

Конец первой части

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. МОЙ КАПИТАН, ИЛИ ВПЕРЁД, ДРУЖИЩЕ!

Глава семнадцатая. Привидения и черти

Каждый знает, что крушения на воде — довольно неприятная штука. Во-первых, они всегда застают нас врасплох. Во-вторых, никогда не знаешь, чем они закончатся. И в-третьих, в происшествиях такого рода люди, как правило, впадают в панику и от этого совершают одну глупость за другой.

Мы с Дымом не раз попадали во всякие переделки, и тем, кто отправляется в поход, можем дать немало советов — не таких всемирных, как советы Никитича, но всё же полезных. Главный из них — никогда, ни при каких обстоятельствах не паниковать. Не дать страху победить себя. Большинство несчастных случаев на воде не от обстоятельств, а именно от страха.

Не скрою, после крушения я приуныл; поёживаясь от мокрой одежды, прилипшей к телу, отбиваясь от комаров, мрачно осматривал наши вещи и не знал, за что братья. В противовес мне, неутомимый Дым развил бурную деятельность: растянул на земле палатку, чтобы она просохла, где-то всё-таки отыскал более-менее сухие ветки, сложил их пирамидкой и, бросив на меня суровый капитанский взгляд, гавкнул — Поджигай, чего медлишь?!

Он не знал, что от спичек осталась одна кашлица. И всё от того, что я дал маху. Обычно в путешествиях я всегда делал НЗ (неприкосновенный запас) — в целлофановый пакет прятал спички, соль и чай, а в тот раз сплеховал и был наказан за беспечность.

Но Дым заразил меня своей активностью, я тоже зашевелился. Прежде всего вспомнил, что спички можно восстановить. Для этого надо снова приклеить раскисшую серу и сунуть спички в шерсть. Шерсти, понятно, у нас имелось в изобилии — у Дыма, но он тоже был мокрый, хоть выжми. И всё же за его ушами нашлись сухие места, в них я и засунул спички, а вместе с ними и «чиркалку» — шероховатую полоску от коробка. И наказал своему другу сидеть смирно.

Дым прекрасно понимал ответственность момента и «высиживал» запалы со всей серьёзностью, даже, чтобы не шевелиться, не отгонял комаров, которые тучей слетались к нему. Правда, я быстро отыскал в жилетке мазь от летающих вампиров и смазал ему нос и холку, а себе лицо и руки. К сожалению, мазь мало помогла, комариная орда всё равно насадала со страшной силой. Там же, в жилетке, я нашёл бечёвки и, используя их, как растяжки, поставил палатку.

Уже в полной темноте, жутко продрогшие, мы всё же запалили костер, и сразу стало веселее. Я снял с себя одежду и вместе со спальником разложил её на байдарке, предварительно пододвинув лодку к костру. Потом намазал мазью голое тело, открыл две банки консервов, и мы проглотили их с мокрым хлебом под истошное нытьё комаров.

Подзаправившись, Дым уселся ближе к костру и, чтобы просохнуть, стал поворачиваться то одним, то другим боком, а когда просох, начал клевать носом. Как бы он не свалился в костёр, — подумал я и, присев рядом, ухватил его за ошейник на всякий случай.

Одежда и спальник просохли только в полночь, но не успел я одеться, как со стороны низины показались... привидения.

Я знаю, что некоторые одинокие и странные люди с удовольствием общаются с привидениями, даже вызывают их и разговаривают с ними, как с друзьями. Но у меня, признаюсь, нет никакого желания встречаться с призраками.

А они уже подкрадывались к нашему прибежищу: прятась за кустарником, подползали, окружая нас со всех сторон. Вскоре своими белыми одеяниями они уже обволакивали и палатку, и байдарку. Я отчётливо слышал шорохи, шелест, вздохи. Привидений было невероятное количество — целая толпа. Похоже, та низина по количеству выходцев с того света занимала первое место в мире.

Но Дым почему-то продолжал безмятежно дремать. Он, имеющий редкий слух и чутьё, совершенно не реагировал на опасность, спокойно посапывал, закрыв глаза. Только когда привидения стали вести себя развязно — устроили танцы вокруг костра, и холодные вихри чуть не опрокинули нас, Дым проснулся, но, зевнув, вдруг побрёл в палатку.

Казалось, всё происходящее его ни капли не интересует. Прихватив спальник, я поспешил за ним.

Весь остаток ночи я не мог заснуть. Да и разве уснёшь, если по палатке то и дело шлепают и барабанят, а тебя пинают через брезент? Если в просвет под тентом-козырьком тянутся длиннющие руки, которые — кто знает! — могут и задуть! Только с рассветом все эти измывательства прекратились.

Я выглянул из палатки — спасаясь от солнца, привидения бежали в низину, прямо на ходу превращаясь в плотный и белый, как кефир, туман.

Я перевёл дух, но, как оказалось, рановато. В тумане появились... черти! Множество рогатых чертей (я насчитал с батальон!) приближалось к нам — над пеленой тумана виднелись одни рога, но ясно различались хлюпанье и чавканье копыт по трясине, фыркание и хрипы.

На этот раз я не ошибся. Приближение нечистой силы уловил и Дым. Приподнявшись, он тряхнул ушами, как бы сбрасывая сон, и насторожился. И тут же стремглав выскочил из палатки, принял бойцовскую позицию и залаял. Я тоже вылез наружу.

Войско подошло совсем близко. Уже было видно, что рядом с чертями семят чертенята, тоже с рогами, только маленькими. Некоторые из чертей издавали трубные звуки и гремели колокольчиками — настраивались на сражение с нами. Они шли клином; впереди — главарь и, явно, самый беспощадный, он так и выпрыгивал из тумана, показывая огромные кривые рога.

Схватив толстенную корягу, я встал рядом с Дымом и приготовился к смертельной битве.

А Дым уже так и рвался в бой — вздыбил шерсть на загривке, хвост держал трубой, нетерпеливо копал лапой землю и устрашающе рычал — я еле сдерживал его за ошейник.

Но внезапно, поднимаясь к нам на возвышение, черти один за другим стали превращаться... в коров! А чертенята — в коз и овец! Пережёвывая жвачку и искоса поглядывая на нас, стадо прошествовало к реке. Некоторые животные вообще не проявили к нам ровным счётом

никакого интереса. Только одна корова задержалась около кострища, губами подобрала алюминиевую ложку, игриво подкинула её и, взбрыкнув, побежала догонять подружек.

Замыкали стадо светлородый пастух и низкорослая собака, вся в комьях грязи и колючках репейника. Подгоняя животных, пастух размахивал руками, как дирижёр перед оркестром, а собака, заметив Дыма, поджала хвост и отошла в сторону.

— Сонька, иди сюда! Не трусь! — сказал пастух и, обращаясь ко мне, поздоровался: — Доброе утречко! Чтой-то не лучшее местечко вы выбрали? Здесь и подход к реке никудышный, все коровки мои вытоптали.

— Вынужденные условия. У нас лодка дала течь, — хмыкнул я, отпуская Дыма.

Он сразу подбежал к Соньке, обнюхал её, а она завалилась на спину — изобразила позу подчинения.

— Эх вы, горемыки, — пощипывая бороду, пастух остановился около байдарки. — Есть чем лодочку подклеить? А то можно голосовать на реке. Здесь полно туристов плывёт, у кого-нибудь клей найдётся.

— У нас есть и клей, и резина. Но кое-что надо подкупить. Ниже по течению деревня есть?

— Вначале будет озеро, а потом и деревушки пойдут. Родионово, Поддубье, — пастух махнул в сторону восходящего солнца и попрощался с напутствием: — Ну, бог вам в помощь!

Окликнув Соньку, он зашагал вслед за стадом.

Глава восемнадцатая.

Рекордсмены скорости, Робинзоны и другие любители отдыха на воде

Пока я зашкуривал и заклеивал байдарку, а Дым счищал грязь с наших вещей (и прежде всего с жилетки), солнце уже поднялось достаточно высоко, и вновь стало жарко.

— Дым, ты молодец. Всё привёл в порядок, — похвалил я своего трудолюбивого друга. — Но давай позавтракаем попозже, когда найдём подходящее место. Завтракать среди коровьих лепешёк не достойно настоящих путешественников. Так что, вперёд, дружище!

Дым не стал возражать. Мы погрузились и заскользили вниз по реке.

Река стала спокойней и вскоре, разлившись на два рукава, влилась в озеро, ещё более просторное, чем первое. И красотой оно ему не уступало. Оно не было таким прозрачным, и его не огораживали ивы, зато на нём было несколько островов с берёзами и соснами, а под деревьями виднелись разноцветные палатки туристов. Издали острова напоминали флотилию кораблей под зелёными парусами. Впрочем, мы этими красотою не любовались; Дым хотел есть, а я после бессонной ночи был вдрызг разбитым, будто и вправду дрался с нечистой силой.

Мы не успели подойти к первому острову, как нас на огромной скорости обогнала четырёхместная байдарка. Парни в спортивных майках работали вёслами, как хорошо отлаженная машина. Вокруг их лодки вода бурлила и пенилась.

— За нами гонятся акулы! — бросил нам парень загребной.

— Ага! Целая стая! — поддакнули сидящие на втором и третьем местах, а рулевой подмигнул:

— Идём на мировой рекорд!

Когда они пронеслись, Дым восхищённо причмокнул — Вот это шпарят, я понимаю! — и, посмотрев на меня, скорчил кислую гримасу — А мы тихоходны, как бревно.

Но потом мы догнали и перегнали «дутик» — надувную лодку, в которой на вёслах сидел старичок в белой панаме, а на корме под белым зонтом старушка с собакой. Дым сразу привстал, горделиво вскинул голову и подмигнул мне — Всё-таки наша лодка имеет отличный ход!

Я с пожилыми туристами обменялся приветствиями, а Дым их собаке показал язык — Барахтаешься на одном месте, как оса в киселе!

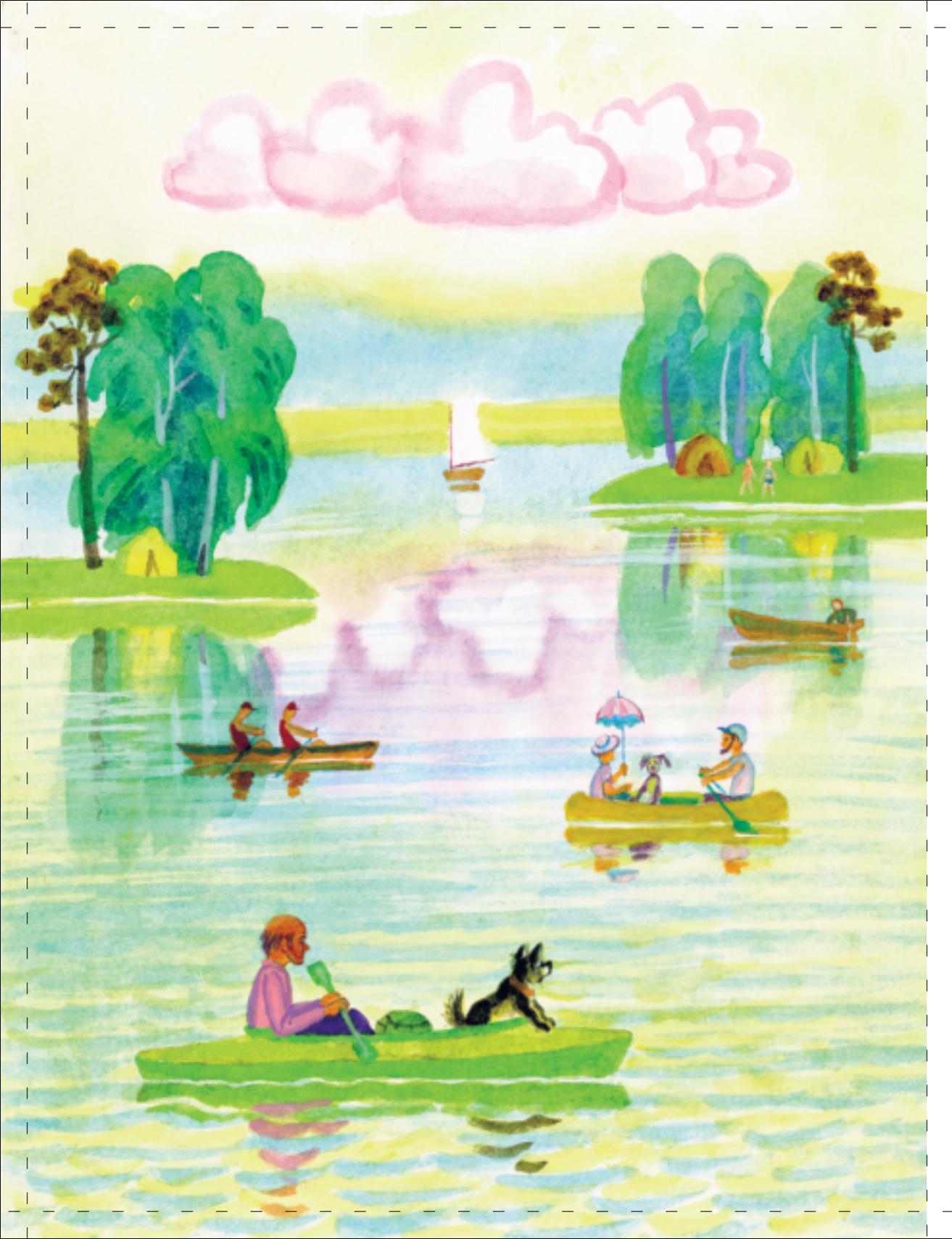
Мы решили причалить к одному из островов, позавтракать и отдохнуть, но первые два острова были плотно оккупированы молодыми людьми: одни играли в волейбол, другие пели под гитару. Там слышалось такое многоголосие, что Дым сразу замотал головой — Такие путешественники нам не компания.

Правда, около этих островов стояли экзотические плоты: одни — простенькие, напоминавшие калитки и наспех сколоченные столы, другие — сложные, с постройками — лежаками и шкафами; на одном из таких сооружений даже красовалась мачта с колоколом — он, конечно, привлёк внимание Дыма, но уж очень шумно отдыхали туристы, и мой друг устремил свой взгляд к следующему острову.

С третьего острова нас ещё за сто метров стали зазывать к себе:

— Места полно! Всем хватит! — кричали тоже представители молодёжи, но чуть постарше, чем на предыдущих островах — рядом с ними виднелись малолетние дети.

Дым не любит маленьких детей, считает их глупой шумной мелюзгой. Да и подростков не жалует, признаёт только Вовку, нашего московского соседа, но уж слишком нещадно палило солнце, да и мы проголодались так, что у меня в животе бурчало и пело, а у Дыма

урчало и гудело. К тому же, Дым уловил запах какой-то еды и гавкнул два раза, что означало — Причаливать!

Как известно, команды капитана выполняются беспрекословно, и я развернул лодку.

На острове обосновались три семьи и четверо или пятеро детей — я так и не посчитал точно, поскольку шкеты без усталости носились взад-вперёд; все они были в надувных жилетах — понятно, на случай, если свалятся в воду.

Когда мы уткнулись в берег, детвора гоняла на поляне мяч, но увидев Дыма, малыши подбежали к воде и с пылким любопытством уставились на моего друга.

Дым презрительно фыркнул и сразу направился к навесу, где стоял стол с лавками и на полках «железо»: вёдра, котелки, кастрюли.

— Это наша кухня, — торжественно возвестил кто-то из туристов. — Мы здесь уже две недели. Устроились основательно, как Робинзон.

— Мы каждое лето здесь проводим отпуск, — мягко сообщила одна из туристок. — Лучше мест не бывает. Грибы, ягоды, чистая вода, чистый воздух — что ещё надо для отдыха! Этот остров, как мечта. Останавливайтесь здесь, вон рядом свободная полянка.

— Понимаете, у нас другая мечта, — вежливо, чтобы не обидеть гостеприимных Робинзонов, сказал я. — Мы искатели приключений и долго на одном месте не задерживаемся. Мы боремся с трудностями, которые нам посылает судьба. Доказываем судьбе, что не пропадём в любых обстоятельствах. Мой друг железный парень, и я ещё сохранил кое-какие силы.

Дальше я рассказал о нашем крушении и потерях — дал понять, что наш путь до их острова не был усыпан розами. Робинзоны охали и ахали, а Робинзонята даже всплакнули, когда я упомянул о нечистой силе и комарах.

— Нечистой силы здесь нет точно, — убеждали нас островитяне. — И комаров почти нет. Здесь сосны и продувает. Оставайтесь!

Дым недовольно забурчал, и я перевёл значение его бурчаний — Остаться мы никак не можем, нас ждут великие приключения, а вот,

с вашего разрешения, на часик задержимся, чтобы приготовить лёгкий завтрак, и для этого одолжите нам котелок.

Робинзоны оказались инженерами из Великих Лук. Они не только подарили нам кастрюлю, но и накормили ухой и жареной картошкой с грибами, да ещё напоили меня чаем, а Дыму предложили конфеты, от которых он решительно отказался. В общем, лёгкий завтрак обернулся роскошным обедом; и, что немаловажно, пока мы набивали себя, одна из женщин подшила наш спальник, а другая — жилетку Дыма.

Поблагодарив наших благодетелей, мы спустились к байдарке и некоторое время сидели около неё, не в силах продолжать плавание. Сидели в тени деревьев, поглаживали раздувшиеся животы и икали. Сквозь кусты за нами наблюдала малышня.

— ...Какие глаза! Какие уши! — слышалось из-за листвы.

Разумеется, эти восторги относились не ко мне, а к Дыму. Меня ребята и не замечали. Я был для них всего лишь приложением к главному герою, великовозрастным — да что там! — попросту старым матросом, который за всю жизнь так и не смог подняться выше должности рулевого.

Шушуканье ребят раздражало Дыма, несколько раз он предупредительно кашлянул в их сторону, потом не выдержал, забрался в байдарку и, ударив лапой по «палубе», подал мне сигнал — Пора!

Перед нашим отплытием одна из женщин протянула мне кеды.

— Их можно привязать, как шлепанцы. Какая-никакая обувь. У меня есть ещё ботинки.

Я с благодарностью отказался от такого королевского подарка.

Что замечательно в туристах, любителей отдыха на воде, так это их бескорыстная помощь. Часто в походах совершенно незнакомые люди, забросив все свои дела, помогают друг другу ремонтировать лодку, ставить палатку, делятся всем, что имеют. У этих туристов разный возраст и разные занятия, они приезжают на речки из разных городов, но все они единомышленники, влюблённые в нашу природу. Они никогда не променяют путешествие по реке, байдарку и палатку на отдых у моря в первоклассном отеле.

В самом деле, ну что за радость весь день валяться на пляже, объедаться фруктами, а по вечерам смотреть телевизор или играть в шашки?! То ли дело на реке, где за каждой излучиной неизвестность, новые пейзажи, новые приключения, новые встречи с людьми. Встречи, когда незнакомые люди сразу становятся друзьями. А, как известно, лучшее в жизни человека — его дружба с другими людьми.

Только жаль, что эти случайные встречи быстротечны — одни туристы идут вниз по реке, другие — вверх, у одних отпуск кончается, у других только начинается, одни хотят побывать во многих местах, другим достаточно и одного озера. Случается, не успеют люди познакомиться, как им надо расставаться. И бывает, они больше не встречаются никогда, поскольку живут в разных городах. От этого немного грустно, ведь всё хорошее хочется продлить подольше. Ну, в общем, эти встречи, как праздники, которые, всегда кажется, проходят слишком быстро.

Глава девятнадцатая.

Поисковый отряд «Память». Ссора с Дымом

Прежде чем начать эту главу, сделаю небольшое отступление.

Вокруг нас немало героических людей. О них редко пишут в газетах или не пишут вообще. Ещё реже их показывают по телевидению — как правило, не показывают вовсе. Тем не менее эти люди настоящие герои. Просто, совершая героические поступки, они не требуют наград, не бьют себя в грудь и не кричат, какие они необыкновенные. Как всякое истинное добро, их поступки тихие, незаметные, а сами они люди скромные.

Ну что за геройство, если вы, к примеру, подарили детскому саду свои книжки, которые вам больше не нужны?! Или совсем мелочь — помогли старушке донести тяжёлую сумку, а потом об этом хвастаетесь на каждом перекрёстке?! Получается, вы не столько думали о малышах и старушке, сколько о себе. То есть, сделали доброе дело, только чтобы прославиться.

А настоящие герои не думают о славе. Настоящие герои — это пожарные, которые идут в огонь и спасают людей или прыгают с парашютами

в тайгу и тушат горящий лес. Бесспорно, герои-полярники, которые постоянно работают в тяжёлых условиях, в мороз и пургу. Герои — врачи, которые на оленях и лошадях в любую погоду едут в отдалённые посёлки к больному. Да что перечислять! Полно героев. Но что примечательно — все эти люди не считают себя героями; они говорят, что просто добросовестно выполняют свою работу, и что на их месте так поступил бы любой.

С настоящими героями мы с Дымом познакомились на третий день нашего путешествия.

После острова Робинзонов, миновав и другие острова на озере, мы вошли в извилистую, как растянутая пружина, и жутко заросшую протоку. В ней проторчали больше часа, пока она не влилась в другое озеро — без островов и гораздо длиннее предыдущего — оно заканчивалось где-то у горизонта. По берегам озера тянулся смешанный лес. Местами то слева, то справа лес редел, открывая луга и дальние деревни; к ним от озера петляли тропы.

Я решил особенно не усердствовать и, как только появится более-менее сносное место, устроить стоянку с ночёвкой, чтобы как следует отдохнуть и выспаться. И поделился своими мыслями с Дымом.

Он воспринял моё предложение с прохладцей, даже немного поартачился — Экий ты слабак! Солнце ещё высоко, ещё можно грести и грести!

Не скрою, я немного обиделся и высказался в том духе, что отдавать команды легче, чем выполнять их. Дым пропустил моё замечание мимо ушей. Это, кстати, была наша первая размолвка.

В конце концов до Дыма дошло, что на спокойной воде никаких приключений не предвидится, он принял моё предложение и кивнул в сторону берега.

С полчаса мы искали пристанище, но в одном хорошем месте уже был разбит палаточный городок, в другом расположились подростки-велосипедисты — явно прикатили из деревни купаться. Да ещё то тут то там, как часовые, неподвижно стояли рыбаки с удочками. Заметив, что мы фланируем вдоль берега, один из удильщиков сказал Дыму (не мне, а именно Дыму — сразу понял, кто главный на судне):

— Эй, с медалями! Чуть дальше оборудованная стоянка, там все туристы останавливаются.

Действительно, через десяток взмахов весла показались пологий склон и ровная площадка с настилом для палатки и набором «мебели»: сколоченные из жердей стол и лавки. Увидев такие удобства, Дым с восторгом прищёлкнул языком.

— Да, — кивнул я. — Гостиница пять звезд.

Пока я ставил палатку, Дым успел перенести из байдарки все мелкие вещи и «пометить» нашу территорию — он сразу почувствовал себя богатым землевладельцем.

А в это время мимо стал проплывать «москитный флот»: байдарки, надувные лодки, катамараны — на том озере движение было, как на Садовом кольце в час пик, и в обе стороны — хоть ставь светофор.

Как принято у туристов, я жестами приглашал проплывающих остановиться у нас: обводил руками поляну — показывал, что места всем хватит; поднимал большой палец — и комфорт высший класс! Дым не приветствовал мои жесты, морщился, недовольно сопел, он не собирался кого-то ещё пускать в наши владения. Я пристыдил его:

— Не жадничай! Не хватало ещё, чтобы мы прослыли законченными эгоистами!

Дым плюнул и направился к ближайшим деревьям. Это была наша вторая размолвка (и не последняя в тот день).

К радости Дыма, никто не захотел составить нам компанию. Туристы благодарили, прикладывая руку к сердцу, но показывали вперёд, давая понять, что впереди места не хуже.

И всё же гости к нам заявили, но не со стороны озера, а со стороны леса. Четверо парней-бородачей с рюкзаками, лопатами и каким-то ящиком подошли к поляне, поздоровались и спросили, не разрешу ли я попить за столом чайку. Бородачи были в защитной форме, и я пошутил:

— Здесь начались манёвры?

— Мы поисковики. Разыскиваем останки без вести пропавших солдат, — усаживаясь на лавку, устало проговорил старший из бородачей,

высокий, сутуловатый парень. — Вы, наверно, знаете, что в этих землях лежит немало неизвестных воинов.

Я кивнул и начал складывать ветки для костра, но ко мне подошёл парень с жидкой бородкой:

— Отец, дай я! А ты побеседуй с нашим генералом, — он кивнул на старшего, которому было чуть больше двадцати лет и, понятно, генералом он никак быть не мог, в лучшем случае — лейтенантом.

— Он шутит, — уточнил старший. — Хотя мы и состоим в военно-патриотическом клубе «Память», но званий у нас нет. Мы добровольцы. Из разных городов. Пскова, Новгорода.

— Как вы разыскиваете? — поинтересовался я.

— Металлоискателем, — старший показал на что-то зачехлённое, похожее на большой половник с длинной ручкой. — Действуем по системе невода. Делим лес на квадраты и прощупываем. Находим останки

солдат, каски, оружие. Часто в воронках от снарядов. В них местные жители хоронили павших. Некоторые воронки до сих пор не зарубцевались... Но сейчас расплодилось чёрные копатели. Мы называем их Лешими. Они думают только о наживе и кости раскидывают... Оружие, снаряжение сбывают перекупщикам, а медальоны, перстни, портсигары, часы продают богатым коллекционерам.

— Понятно, — с горечью протянул я. — Был бы я членом правительства, я издал бы отдельный указ, чтобы в местах, где шли бои, работали только такие отряды, как ваш. И чтобы искали всех погибших, всех до одного.

— Верю, — вздохнул старший. — Как известно, война не окончена, пока не похоронен последний солдат.

В это время из-за деревьев выскочил Дым — и как он прохлопал ушами появление бородачей, для меня показалось загадкой. Увидев гостей, Дым на секунду застыл в недоумении, потом молча подошёл ко мне; в зубах он держал... патрон! Настоящий патрон от автомата, хотя и ржавый, но годный к стрельбе.

Я настолько опешил, что некоторое время соображал что к чему. А Дым, сунув мне в руки патрон, развернулся и снова исчез за деревьями.

— Талантливый пёс, светлый ум. Знает, что искать, — усмехнулся один из бородачей. — Не зря орденосец.

Я объяснил, что у Дыма с детства пристрастие к железу, и начал перечислять его находки.

— И на какой глубине чувствует? — спросил парень с жидкой бородкой; он уже разжёл костёр и повесил над ним котелок с водой.

— С полметра, а то и больше, — уверенно заявил я, поскольку ради железок Дым не раз выкапывал глубокие ямы.

— Ничего себе! — в один голос удивились бородачи. — Наш металлоискатель всего на двадцать-тридцать сантиметров... Нам бы такого прыткого помощника!

«Помощник» не заставил себя ждать. С горящими глазами он вдруг подлетел ко мне, но в зубах у него маячила жуткая штуковина! Ржавая боевая граната! У меня на миг остановилось сердце.

Старший бородач бросился к нам:

— Вынь её осторожно из пасти!

Какой там вынь, когда я чуть не хлопнулся в обморок! К счастью, Дым аккуратно положил трофей у моих ног, выплюнул комья земли и, с осоловело счастливой мордой, собрался вновь ринуться в лес, но я успел поймать его за заднюю лапу.

— Всё! Хватит! — задыхаясь прохрипел я и безжалостно потащил своего удалого друга вниз по склону, чтобы привязать к байдарке. Он упирался, сердито мотал головой.

— Ну и металлист! Лихой пёс! Парень что надо! — заговорили бородачи, когда я вернулся.

— Опасная вещица. Мы их называем «эхо войны», — сказал старший, убирая гранату в ящик. — Для таких экземпляров у нас вот это хранилище с поролоном. Потом сдаём в воинскую часть. А бывает, и вызываем сапёров.

За чаем бородачи продолжали рассказывать о своём благородном деле. Оказалось, у них в Пскове есть свой музей (правда, в сыром подвале) и «Книга Памяти». В музее множество ценнейших вещей: от оружия времён войны до касок, фляг и самодельных зажигалок из гильз.

— Нас просят продать вещи из музея, — вступил в разговор парень, который всё время молчал, самый молодой из бородачей, у него на подбородке был всего лишь пушок. — Но мы на это никогда не пойдём. Мы не хотим быть богатыми. От денег ума не прибавится.

— Безусловно, — подхватил я. — За деньги не купишь ни ум, ни талант, ни дружбу, ни любовь, ни здоровье, ни хороший характер и многое другое.

— Нам главное — найти солдатский жетон или гильзу с запиской, — старший вернулся к самому важному. — Узнать фамилию бойца, разыскать родственников...

— Вы делаете великое дело, — с неподдельным восхищением сказал я. — Сейчас ведь многие из вашего поколения живут в своё удовольствие. У них в голове одни развлечения. Сейчас герои всякие крутые, но я уверен, когда-нибудь о вас напишут, снимут фильм.

— Мы не хотим быть знаменитыми, — вновь горячо вступил парень с пушкой. — Всё это чепуха. У нас полно раздутых знаменитостей, а присмотришься — пустое место. Так себе, средние способности.

Мы засиделись до позднего вечера. Всё это время Дым угрюмо сидел у байдарки и прямо изнывал от безделья. Иногда он посылал в мою сторону тоскливые взгляды и скулил — тогда у него был вид разжалованного капитана, душу которого не поняли и не оценили. Но чаще он зло рычал и лаял — настырно требовал, чтобы я отпустил его искать «железо» — тогда имел вид капитана, кипучая душа которого никогда не смирится с ролью стороннего наблюдателя.

В какой-то момент он так разорался, стал метать в меня такие свирепые взгляды, что пришлось его осадить:

— Прекрати концерт! Хватит на меня давить!

Но не тут-то было. Он начал огрызаться — посылал мне жестокие оскорбления — Ничего не понимаешь, старый дурак! — и прочее.

Я разозлился не на шутку. Это уже была не размолвка, а серьёзная ссора.

— Горячий парень, пёс с характером, — определил старший. — Яркая личность, настоящий воин. У него вон и шерсть стального цвета. Я уважаю таких. Именно такие в войну бросались со взрывчаткой под танки, вытаскивали раненых с поля боя...

Перед тем, как уйти, бородачи объяснили, что остановились в деревне, а на стоянке с «мебелью» (которую они и сделали) устраивают привал после работы. Я спросил:

— В деревне есть магазин, где можно купить обувь? А то мои кеды утонули.

— В ближайших деревнях только продмаги, — дружно ответили бородачи. — Это вам надо дуть в Алоль. Там турбаза и посёлок, полно всяких магазинов и обувь на все вкусы.

— Есть даже пробковые сапоги, чтоб ходить по воде, — пошутил парень с жидкой бородкой.

За ужином мы с Дымом помирились. Почему-то на сытый желудок сразу добреешь и все серьёзные ссоры кажутся не такими уж серьёзными;

скорее — просто мелкими недоразумениями. Тем более среди друзей. Ведь друзья должны многое прощать друг другу. Мало ли что скажешь в запальчивости! Бывает, в ссоре вылетают всякие обидные словечки, но они случайные и не отражают нашего истинного отношения к другу — того, что мы думаем о нём по большому счёту. А по большому счёту мы любим его, и нас связывает гораздо большее, чем этот сиюминутный раздор. К тому же, настоящих друзей не так уж и много и, понятно, надо дорожить дружбой с ними. Короче, я первым протянул Дыму руку.

— Давай мириться!

В ответ Дым протянул мне лапу — Прости меня за «старого дурака»! Это я брякнул сгоряча!

Он положил голову мне на колени, и я погладил его.

Глава двадцатая. **Русалки**

Мы проснулись поздно, когда с озера уже слышались голоса байдарочников, а птицы так громко распевали песни, что и Дым нараспев протянул — Вста-авай! Есть хо-очется!

Слегка помятые, после долгого сна, мы вылезли из палатки.

Озеро сверкало под солнцем, у противоположного берега тянулись цепочки байдарок. Дым забеспокоился и уже не протянул, а чётко отдал команду — Пошевеливайся! Надо догнать и перегнать этих мастеров голубой дорожки! (Он непременно должен быть впереди всех).

Перекусив остатками ужина, мы демонтировали палатку, погрузили вещи в лодку и отчалили. Работай быстрее! — то и дело призывал меня Дым. — Лентяям не место на борту!

Он не успокоился, пока мы не догнали и не перегнали цепочку байдарочников — те не очень и спешили, а мне пришлось потрудиться.

В полдень я подрулил к косе, похожей на муравейник — так густо её облепляли разновозрастные рыболовы: от мальчишек и девчонок, до стариков и старух; все они не отрывали глаз от поплавков.

— Не подскажите, где нам лучше пристать на днёвку? Где хорошее местечко? — тихо, чтобы не распугать рыбу, обратился я ко всем рыболовам сразу. — Хотелось бы ровную полянку, тенёк, густую, пахучую сине-голубую траву, а над головой чтобы летали ласточки...

Рыболовы с невероятной поспешностью побросали орудия лова и громко, распугивая не только рыбу, но и всю живность в округе, посыпали на нас советы:

— Здесь везде красота!

— Застолбите полянку у плотины! Это рядом, рукой подать!

— У плотины лучше всего! Там ваш брат, байдарочник, всегда оста-навливается!

Один пожилой рыболов вполне серьёзно предупредил:

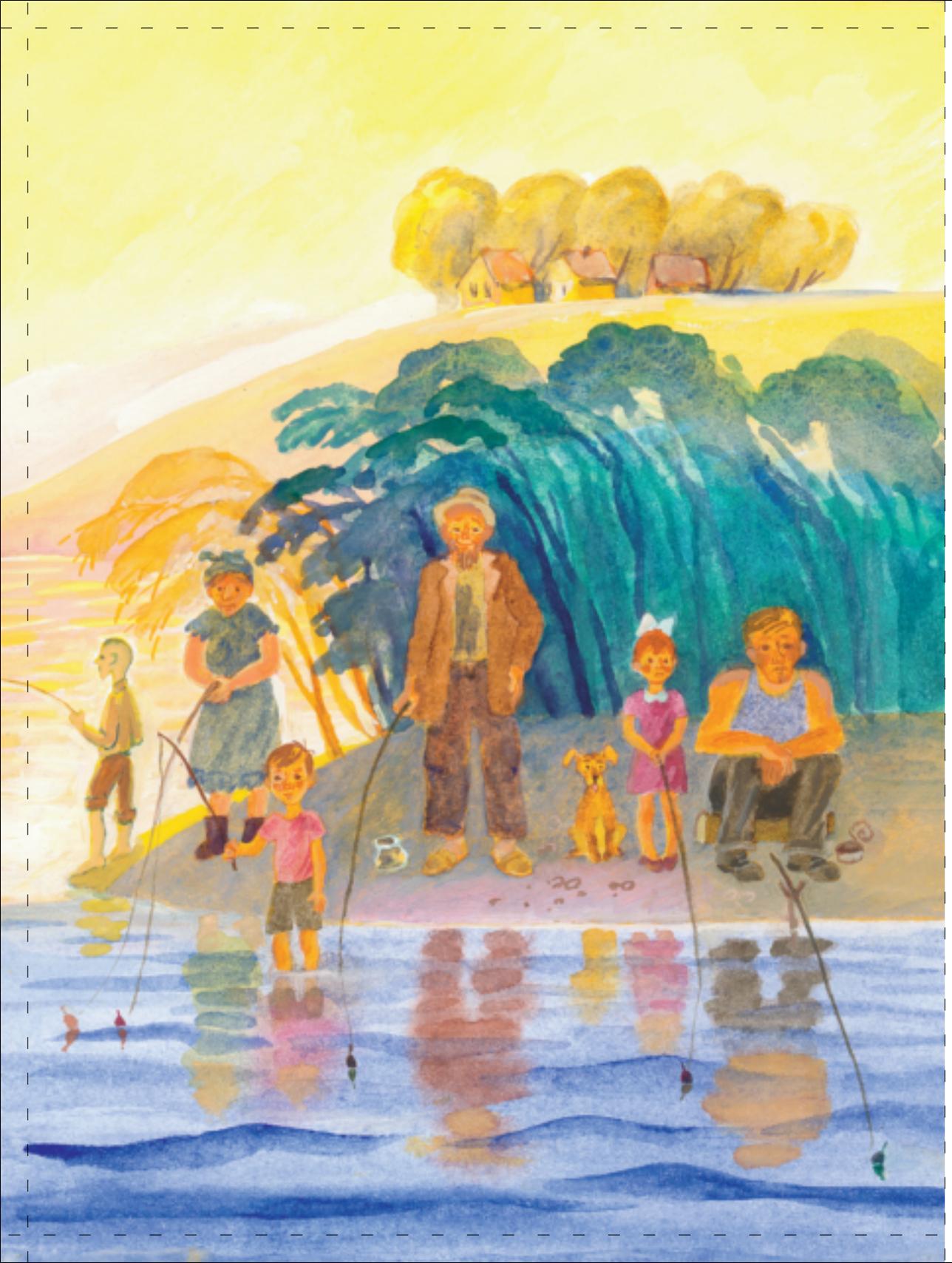
— Учтите, там в запруде русалки. Так что, особенно не шумите, а то ещё распугаете. Они жуть как пугливые.

Мы с Дымом никогда не видели живых русалок и в некотором возбуждении погнались к плотине.

Само собой, плотина оказалась не «рядом» — мы до неё добирались больше двух часов. По пути озеро то сужалось — и перед байдаркой вырастали заросли камыша, то вновь разливалось — и местами становилось таким мелким, что приходилось вылезать из лодки и тянуть её, шлёпая по щиколотку в воде.

Всё это время Дым нетерпеливо крутил головой, высматривая речных красавиц — он не понял, что рыболов сказал «в запруде». Он понимает более трёхсот слов (я специально считал), и конечно, таких, как «река», «озеро», «русалки» (их не раз видел по телевизору в мультфильмах), но слово «запруда» слышал впервые. Видимо, он решил, что русалки появятся сразу, как только мы отойдём от рыболовов и будут нас сопровождать до конца путешествия. Дым даже готовился к этой встрече, прихорашивался: разглаживал лапой усы, расчёсывал шерсть на загривке.

Наконец, впереди показалась запруда — полуразвалившаяся деревянная плотина и рядом старая мельница. Перед плотинной озеро превратилось в обширный водоём, местами затянутый ряской. Повсюду

виднелось множество водных растений: широкие, со сковородку, плавающие листья, всякие извивающиеся травы, которые закручивались в спирали и клубки, торчащие из воды стебли, похожие на граммофоны и индейские дротики. Это был настоящий тайник зелени, и в нём плавали... русалки! Большеглазые, с великолепными хвостами, хозяйки запруды. Заметив нашу байдарку, они подплыли ближе и стали с любопытством разглядывать... Нет, не меня. Дыма! На меня они и не взглянули — наверняка, уже насмотрелись байдарочников вдоволь, я был для них балластом в лодке, не больше. А вот Дым! Они прямо пожирали его глазами.

Мой друг встревожился, привстал на «мостике» и уставился на необычных созданий. Потом внезапно просиял и повернулся ко мне — Ого! Видал?!

— Да, красивые пловчихи, — выдавил я и, чуть пошевеливая веслом, стал высматривать, где поудобней причалить.

А Дым уже разволновался не на шутку, глазами так и зыркал. Обычно сдержанный, он от избытка чувств вдруг разговорился — Смотри, смотри! Какая эта! Какая та!

Он готов был вывалиться из лодки.

— Дым, держи себя в руках! Вернее, в лапах! Не отвлекайся, а то мы врежемся в плотину! — я призвал его к благоразумию, но — куда там! Он залез на «палубу», потянулся, сделал «ласточку», «шпагат», ещё какую-то фигуру и, задыхаясь от восторга, стал посылать русалкам улыбки и пламенные взгляды.

А они меж тем уже водили хоровод вокруг лодки и так и сяк переворачивались в воде — прямо зазывали моего друга поплавать с ними и, вроде, заманивали в глубину, хотели показать озёрные царства.

Здесь замечу, что вообще-то Дым умеет плавать под водой и не раз это демонстрировал, когда замечал на дне что-либо железное. Как известно, таким умением обладают лишь собаки из породы водолазов — у них перепонки в ушах закрываются, как только пёс погрузится в воду. Дыму, конечно, попадала вода в уши, но, будучи несгибаемо мужественным, он терпел. Бывало, после ныряния вылезет из воды,

трясёт ушами, наклоняя голову то в одну, то в другую сторону; потом отряхивается весь, начиная с загривка и кончая хвостом, чихает и кашляет, но чуть отдышится, снова лезет в воду и, если надо, ныряет. Такой отчаянный смельчак.

Но всё это к слову. А в тот момент мой непоколебимый друг немного потерял свою волю. Русалки околдовали его — он перевесился с борта лодки и уже собрался нырнуть к ним, я еле успел схватить его за хвост.

Ну а потом мы разгружали байдарку и волоком перетаскивали её через плотину к узкому потоку — всё, что оставалось от Великой после запруды. Там же, на отмели, готовили обед, который плавно перешёл в ужин, поскольку уже начало вечереть.

За день я хорошо поработал веслом, размял мышцы и чувствовал себя блестяще, как никогда. А вот мой дружище загрустил. Даже отказался от обеда-ужина, влез на плотину и долго неподвижно стоял, всматриваясь в запруду. В лучах заходящего солнца он стоял, как памятник. Печальный памятник.

То, что Дым не стал обедать-ужинать, меня не очень удивило — он часто устраивает «разгрузочные дни» (и потому всегда находится в отличной форме), даже ест траву, чтобы очистить желудок. Но в тот день, понятно, он отказался от еды по другой причине.

Чтобы немного взбодрить друга, я затянул «Жил отважный капитан». Вообще-то Дым не любит музыку. Классику ещё терпит, а от современной прячется под тахту. Исключение делает для песни про капитана. Её он знает наизусть, и при случае мы поём дуэтом.

Песня подействовала на раненое сердце моего друга. Он спустился с плотины, виновато вильнул хвостом, как бы извиняясь за минутную слабость, и стал мне подпевать — точнее, подвывать, вести второй голос. Довольно талантливо.

Закончив пение, мы вдруг услышали аплодисменты — на плотине стояла группа туристов.

— Вот собрались перетаскивать лодки, но заслушались вашим пением, — сказали. — Вы артисты? Где можно вас ещё послушать?

— Только у костра, — заскромничал я. — Да и в нашем репертуаре всего одна песня, её вы уже слышали.

— О, а у этого певца медали! Он заслуженный артист! — воодушевилась одна байдарочница.

— Слушайте! А это не та собака, которая нашла гранату? — пролепетала другая.

Оказалось, бородатые поисковики успели прославить моего капитана. Но Дым отнёсся к своей популярности с полным равнодушием; и ухом не повёл, подошёл к воде и стал считать рыбок.

Расхваливая моего друга, охая и ахая, байдарочники перетаскивали лодки и, попрощавшись, скрылись за поворотом реки.

Глава двадцать первая. Старая мельница и Домовой

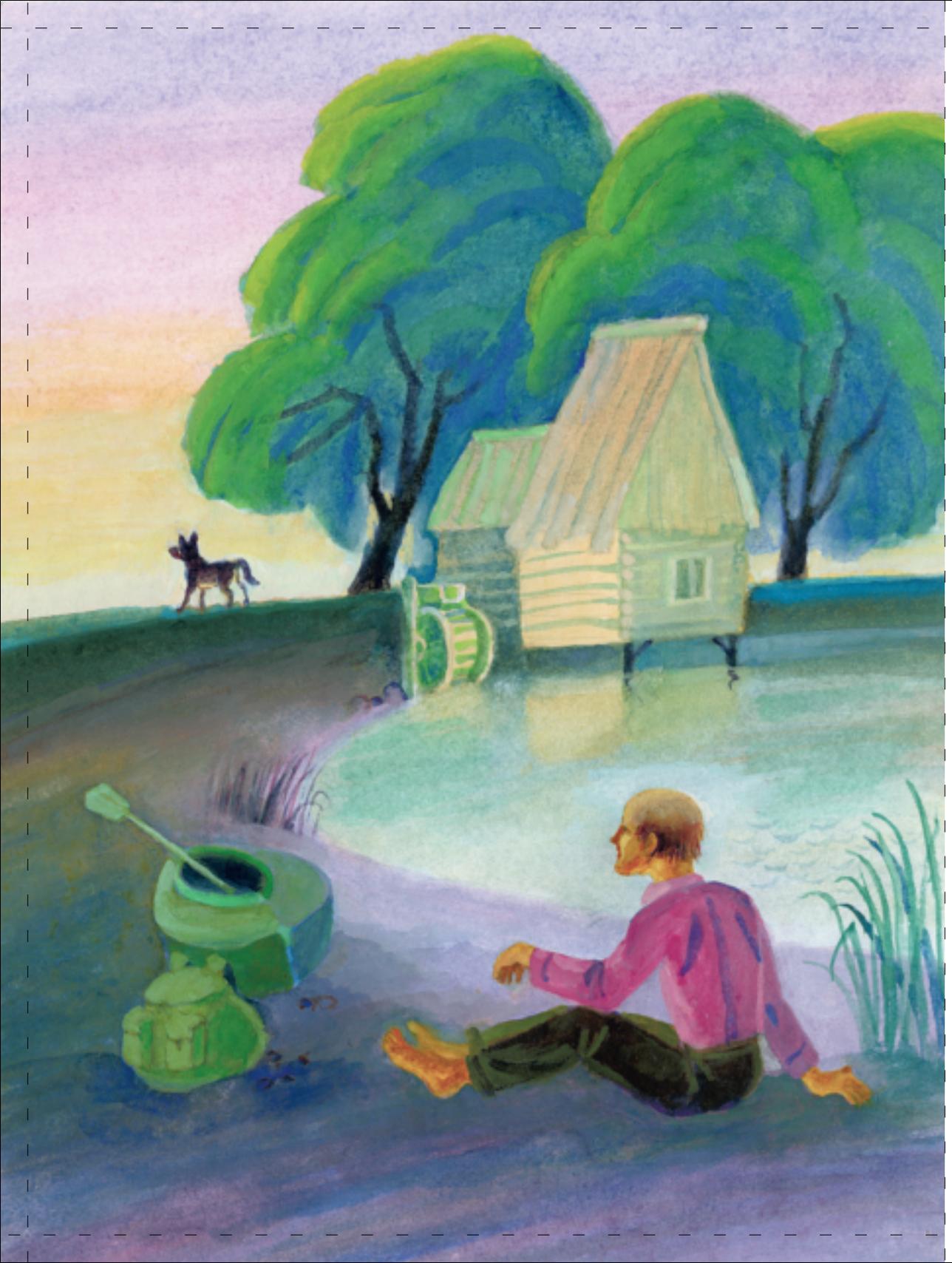
Перед тем, как стемнело, я насобиравал грибов на опушке леса за отмелью (их там была тьма), а Дым обследовал старую мельницу и притащил оттуда кусок проволоки, из которой я тут же сделал ручку для кастрюли Робинзонов. Как только я закончил возиться с кастрюлей, Дым схватил меня за рукав и решительно повёл к мельнице.

Мельница представляла собой бревенчатый сруб без крыши, но с лестницей на чердак; окна заменяли куски мешковины, двери не было вообще. Зато в углу лежал ворох чистейшего сена.

— Королевское ложе, — обрадовался я, и мы с Дымом пошли за вещами.

Засыпать в душистом сене — одно удовольствие. Для меня, после запаха собачьей шерсти, запах высохших луговых цветов идёт на втором месте. Для Дыма — на пятом или десятом, точно не знаю. Но на первом, конечно, запах железа.

Так вот, мы лежали в сене спина к спине, и Дым рассматривал пауков, которые в углах старательно плели паутину, а я вдыхал сладкий запах сена и слушал шум воды на плотине — как она сочится сквозь щели, стекает по сваям и дальше, журча, бежит по камням.

Глубокой ночью меня разбудил Дым — он вскочил так резко, что наступил мне лапой на лицо. Спросонья я ничего не понял, заметил только, что мой друг насторожённо вслушивается в какие-то звуки, которые примешались к шуму воды, и тихо порыкивает, как бы подготавливая себя к любым сюрпризам.

Я тоже прислушался и уловил какие-то шорохи, какую-то возню на чердаке. Неужели домовой? — подумалось, и я заранее разозлился на косматого деда за то, что прервал мой сон на самом интересном месте (мы с Дымом шли в магазин покупать новую двухместную байдарку с парусом).

А шорохи и возня уже перешли в скрипы — кто-то невидимый явно спускался по лестнице. Дым гавкнул и хотел рвануться к лестнице, но я придержал его. На еле различимых ступенях стало вырисовываться чёрное пятно; оно сползало всё ниже, слышалось покашливание.

— Домовой, ты что ли? — дерзко спросил я, уверенный, что, если понадобится, мы с Дымом вдвоём одолеем любого противника, и зная также, что домовые, по сути своей, народ мирный — могут напроказничать ради шутки, но на подлость не пойдут.

— Угу, — пробасил Домовой. — В некотором роде. Борисом меня звать. А вы кем будете? — он уже ступил на пол.

Я представился (разумеется, по имени отчеству), и начал отчитывать невидимого Домового Бориса:

— Ты вот шатаешься тут... Днём дрыхнешь, а ночью приличным людям спать не даёшь. Ты, конечно, хозяин здесь, никто не спорит, но надо же уважать гостей. Совесть у тебя есть?

— Совести у меня полно. В некотором роде. Но как быть, если я пришёл сюда ещё засветло, наметил спозаранку рыбку поудить, а уже вот-вот начнётся рассвет? — Домовой чиркнул спичкой и закурил сигарету. Огонёк осветил лицо не косматого деда, а парня с короткой причёской; локтём он прижимал к себе удилице с сачком.

Каким-то странным образом Дым ещё раньше почувствовал, что этот Борис никакой не домовой, а неплохой парень, и перестал бурчать.

— Простите, что потревожил, — проговорил Борис и, переступив порог, оказался в свете луны. — А вы не рыбачите? Здесь клёв что надо!

— Мы путешественники, — я сменил тон на более мягкий. — Раз уж мы с другом проснулись... Конечно, ночь не самое лучшее время для серьёзного разговора... Но сейчас всё объясню.

Мы с Дымом тоже вышли наружу.

— Вон наша байдарка, — я показал на отмель. — Мы идём по реке, но рыбу не ловим. Не могу смотреть, как она борется за жизнь на крючке. Не могу слышать выстрел охотника, знаю — после него обрывается чья-то жизнь... Если бы я был членом правительства, я запретил бы все виды ловли и охоты на животных. Человек не должен вмешиваться в природу.

— Что ж тогда есть? — хмыкнул Борис, раскуривая сигарету.

— Пожалуйста — все зерновые, овощи, фрукты. И молоко, и мёд. Да полно всего. Так нет, человек за свою жизнь съедает тысячи животных.

— Вы что ж, не едите мясо и рыбу?

— К сожалению, ем консервы. Вот в путешествиях, с ним, — я кивнул на Дыма. — Но в городе стараюсь не есть. И вообще скоро стану вегетарианцем. Один великий человек хорошо сказал: «Животные мои друзья, а друзей я не ем».

— Без мяса и рыбы ноги протянешь. Таков уж мир, его не переделывать, — заявил Борис.

— Ничего подобного, — возразил я. — Доказано, что грибы, например, полезней мяса... Ну ладно, разводите животных в своих хозяйствах, но не трогайте диких. Дайте им выжить. Они уже и так не знают, куда деться от человека...

— Это так, в некотором роде, — согласился мой ночной собеседник. — Раньше здесь лоси в окна заглядывали, а сейчас всех перебили. И не местные. Городские приезжали на джипах поохотиться ради забавы.

— Эх! — вздохнул я и, помолчав, сменил тему. — Как дальше река?

— Вы с верховья идёте? — Борис приставил рыболовные снасти к стене мельницы.

— С верховья. Вот только недавно перетащили байдарку из запруды, где русалки.

— Какие русалки?

— Настоящие, с хвостами. Не притворяйся, что не видел.

Борис захохотал.

— Так это ж выдры! У них задние лапы, как ласты. В некотором роде они похожи на хвосты.

— Что ж получается, я обознался?

— Ну да. Это бывает, когда перегреешься на солнце. Жара сильно влияет на мозги... А что касается реки... Дальше она будет расширяться. Там ещё одна плотина и затопленный мёртвый лес. Потом большое озеро с турбазой Алоль. Туда на вашей лодке дня два ходу.

— Туда нам и надо. Мои кеды утонули, хочу купить новые, а то вот хожу босой.

— Это полезно. Вон он всю жизнь бегает босой и ничего, — Борис кивнул на Дыма, который смотрел на луну и зевал во всю пасть. — А медаль у него за что?

— Он спас одну тонущую девчущку.

— Вот это моряк, я понимаю. Кстати, не он нашёл гранату?

— И ты уже знаешь?

— В деревне только об этом и говорят.

— Вот так, Дымок. Слух о тебе катится быстрее нашей байдарки.

Дым с полным безразличием повернулся и пошёл досыпать.

Глава двадцать вторая.

Тайные знаки. Мёртвый лес и Лешие

Утром мы встали в отличном настроении. Съели по миске геркулесовой каши, которую приготовили на костре, упаковали вещи в байдарку и заняли свои места.

— Вперёд, дружище! Начинается пятый день нашего путешествия! — сказал я, сталкивая лодку в воду.

Погода стояла прекрасная, течение несло нас по узкостям не быстро, не медленно, в некоем прогулочном темпе, словно бумажный

кораблик в ленивом ручье. Мы просто-напросто отдыхали на воде, я только немного правил рулём, нажимая то на одну, то на другую педаль. Открытые низменные берега расступались перед нами и снова смыкались за кормой лодки. Берега покрывало пёстрое разнотравье, оно переливалось и звенело от множества кузнечиков. Воздух был сладкий, как компот.

Нас сопровождало всё «население» Великой: в воздухе — ласточки-береговухи, стрекозы и пчёлы, под водой, как рыбки-лоцманы — уклейки и пескари, а по воде — водомерки. Эти последние то и дело забегали вперёд и, словно конькобежцы, носились перед носом байдарки, при этом на поверхности воды выписывали замысловатые зигзаги. Но в какой-то момент мне пришло на ум — А ведь это не просто зигзаги, это тайные знаки и они неспроста. С чего бы водомеркам бегать перед лодкой? Бегали бы себе у бортов. Так нет, они крутятся на нашем пути, явно предупреждают о какой-то опасности.

Тайные знаки водомерок несколько испортили моё отличное настроение — как бы добавили в него ложку дёгтя; не большую — чайную, но её хватило, чтобы у меня появилась горечь.

А Дым не смотрел на водомерок, не обращал на них никакого внимания — Вот ещё! Какие-то малявки болтаются на пути! То ли дело русалки!

Как и сказал Борис, река постепенно расширила русло, замедлила бег и спустя два-три часа превратилась в широкую водную гладь — с четырёхрядное шоссе. Кстати, несколько лодок, которые прошли нам навстречу, чётко соблюдали правила движения на судоходном пути — держались правой стороны. Дым строго следил за поведением байдарочников. Если кто-нибудь шёл по середине фарватера или, чего доброго, сделал дикий разворот, подрезая соседей, мой капитан подпрыгивал на месте и во всё горло лаял на нарушителей.

В середине дня река превратилась в стоячую мутную заводь, и нам перегородил путь затопленный лес. Точно в весеннее половодье, из воды возвышались тёмные стволы без листьев. Эти скелеты меня насторожили; сразу вспомнились тайные знаки водомерок. Именно здесь мы и пропоремся, — мелькнуло в голове и, притормозив

байдарку, я измерил веслом глубину. Весло не достало дна. А до суши было далековато.

Я прямо-таки раздвоился, во мне как бы появилось два человека: один, благоразумный, говорил — В лес не вplывай, деревья вас прихлопнут! А другой, бесшабашный, заявлял — Ничего страшного, пройдёте! Эти двое начали бороться — кто кого. Победил благоразумный, и я начал разворачиваться, чтобы плыть назад.

Но Дым не смалодушничал; обернулся и рыкнул — Не трусь! Я на месте и всё вижу!

Пришлось ему подчиниться. Хотя, надо признать, в этой непростой ситуации, рядом со своим мужественным другом и я почувствовал прилив некоторого мужества — то есть во мне бесшабашный всё же положил благоразумного на лопатки.

Дым начал уверенно прокладывать мне курс, закрутил головой то в одну, то в другую сторону. Я еле успевал реагировать на его команды — Возьми правее! Возьми левее! Смотри в оба! Куда ты прёшь, бестолковый! Тормози! Подай назад, растяпа!..

Дым не только командовал, но и работал, не разгибая спины — отталкивался лапами от деревьев, ложился на «палубу» и подгребал, выдерживая нужное направление.

С величайшей осторожностью мы вели наше хрупкое судёнышко между мёртвых деревьев. В тёмной воде плавали куски коры, гнилушки и прочая древесная труха, и всё это было покрыто тиной — водоём напоминал прокисший борщ. Ветки хлестали Дыма по морде, меня по лицу, царапали по бортам лодки, чиркали по днищу. Несколько раз мы садились на какой-нибудь сук, и тогда, чтобы сняться с него, Дым прыгал в воду и тянул байдарку за швартовую верёвку, а я повисал на ближайшем дереве и одновременно ногами чуть сдвигал нашу облегчённую посудину. Потом я снова опускался на своё место, Дым залезал на «палубу», отряхивался, и мы продолжали путь.

Каким-то чудом нам удалось пройти мёртвый лес без неприятностей. Но я был уверен — судьба сберегла нас для более суровых испытаний.

Потом возникла плотина — земляная насыпь, заросшая чертополохом. На плотине загорали несколько байдарочников. От напряжения в мёртвом лесу я выбился из сил и намекнул Дыму, что неплохо бы отдохнуть, но капитан сделал вид, что не понимает моих намёков, а когда я вновь заикнулся об отдыхе, скривился и наотрез отказался — Не хнычь! Тоже мне рулевой! Чуть помахал веслом, пару раз нажал на педальки и уже выдохся! Крепись! Ты мужчина или слюнтяй?!

Честное слово, он только что не сказал — В следующий раз возьму другого рулевого. Очень надо с тобой нянчиться!

Такой у меня капитан. И грубоватый, и требовательный. Но не жестокий и в высшей степени справедливый. Он всегда завышает меня, не делает скидки на мой возраст. Думает, если он что-то может, значит, и другие смогут. Не понимает, что здесь одного желанья мало. Что он, со своим врождённым непобедимым духом и мощью (у него не мышцы,

а железная арматура), способен на великие дела, а большинство обычных людей (и собак) на них не способны.

Когда мы подошли к плотине, Дым сразу начал разгружать лодку, а потом, шмыгая носом, потащил байдарку не на плотину, а в обход её. Я понял его задумку — ему уже надоели восторги туристов и разговоры о медалях и гранате.

Я думал, после плотины река снова побежит извилистым потоком, но она оказалась ровной, как канал. По правому берегу, словно зелёный забор, появился ельник, на левом далеко простирались луга. Мы спокойно сплавлялись вниз по течению, но вдруг река, точно спохватившись, что устроила для туристов чересчур беспечное плавание, начала выкидывать всякие штучки: то подкинет высыпку, чтобы байдарочники садились на мель, то приготовит крутое колено, и сразу за поворотом — бац! — торчащий валун — попробуй увернись! Но Дым был настороже, и мы благополучно миновали все козни Великой.

К этому времени мой капитан уже проголодался и, вытянув шею, стал высматривать стоянку для днёвки.

Надо сказать, что в быту Дым неприхотлив; он может есть где угодно и спать на чём попало, лишь бы не было сыро. У него в жизни более высокие цели, чем забота о пище и бытовых удобствах. О двух его целях я уже говорил — пройти на байдарке все реки нашей страны и тем самым установить собачий мировой рекорд, и прыгнуть со мной с парашютом. Но есть у него и третья цель — найти железо, которое крайне редко встречается на земле — осколок метеорита или изделие древних племён. Поэтому, заметив более-менее удобный спуск к реке, Дым кивнул мне, чтобы я причаливал.

Мы приготовили суп из грибов, которые я насобирав накануне, и съели ещё по плавленому сырку; я запил обед сладким чаем, Дым на третье умял пачку печенья, после чего мы решили накопить силы для вечернего броска до места ночлега и поставили палатку на хвое — мягкой, точно матрац. Но отдохнуть нам не довелось.

За ёлками послышался какой-то говор. Дым забеспокоился, прищурился и воззрился на ёлки за палаткой.

Из леса вышли трое парней, разодетых ярко, как попугаи, — в оранжево-жёлтые рубахи. Они изъяснялись на непонятном языке. Вначале я подумал — иностранцы, но, прислушавшись, понял — наши, но говорят на каком-то тарабарском языке. Один из парней — худой, остроносый, с выпученными глазами; его лицо напоминало селёдку. Его приятели коротконогие, щекастые, как два ерша.

Дыму сразу не понравилась эта троица, он принял стойку, зарычал. Я схватил его за ошейник и отвёл поближе к байдарке.

— Подожди здесь! Выясню, чего им надо.

Когда я вновь подошёл к костру (ещё дымящему тонкой спиральной), парни уже сидели на траве. Сидели раскорячившись и пили из бутылок пиво. Один Ёрш говорил по мобильному телефону.

— Привет, дедок! — вякнул Селёдка. — Мы копатели. Шастаем по зелёнке, достаём армейские железяки из землицы. Прослышали про твоего прикольного пса и имеем к тебе дело.

Стало ясно, передо мной Лешие — чёрные копатели, о которых говорили бородачи, и стало ещё яснее — куда Селёдка закидывает удочку.

— Сколько хочешь бабок за него? — продолжал Селёдка.

— Не понял? — я ещё надеялся, что ослышался.

— Ну, за сколько загонишь шавку?

Я рассмеялся. И не только я. От этого идиотского предложения даже ёлки зашатались от смеха. Отсмеявшись, я сказал:

— Смешно слушать. Какие-то бредни. Вас металлоискатель не устраивает?

— Не имеем прибор, — вступил Ёрш с телефоном. — Надо крутую бумагу от властей. Да и чего париться, если твой пёс суперски убойный!

— Слушай, папашка, не грузи нас, не гони волну! — проскрипел второй Ёрш. — Ты что, тормозной?!

— Об этом не может быть и речи, — охладил я пыл остолопов. — Кто ж продаёт друзей?! Только негодяи!

— Дедок! — снова открыл рот Селёдка. — Давай так. Ты нам даёшь своего прикольного пса на время. Он вкалывает, мы загоняем

товар клиентам. Половину бабок тебе. Круто? Будешь кайфовать, набивать харчами пузо, купишь себе классное корыто, это ж у тебя плавучий гроб, — он кивнул на байдарку.

Я послал его к чёрту и туда же его Ершей.

— Ну и ветеран! Вот крендель! — услышал я, когда Лешие направились в ельник.

Неприятный осадок оставила эта встреча, моё настроение упало ниже ватерлинии байдарки. Пока мы с Дымом собирали вещи, я думал о том, что в последнее время появилось немало молодых людей, для которых главное в жизни — побольше заработать денег. Отвратительная, недостойная умного человека цель! Тем более что ещё совсем недавно молодые люди, не думая о деньгах, стремились что-то изобрести, смастерить, открыть. А деньги... деньги в нашей стране никогда не были главным.

Пока я об этом размышлял, вдоль нашего берега заскользил самодельный плот, состоящий из надувных камер и каких-то досочек, трубочек, верёвочек — и как он держался на плаву?! На этом ветхом сооружении, медленно перебирая веслами, парни и девушки хором пели песни. Они помахали нам, и внезапно я вспомнил всех молодых туристов, которых мы встретили за прошедшие дни, и подумал — всё-таки хорошей молодёжи гораздо больше, чем таких, как чёрные копатели. И вообще в жизни красоты несоизмеримо больше, чем уродства, надо только уметь видеть эту красоту.

Глава двадцать третья.

Исчезновение Дыма

В тот день ни отдохнуть, ни продолжить путь нам было не суждено. Только ушли Лешие, как с противоположного берега послышался крик:

— Мужчина! Мужчина!

Напротив нашего лагеря стояла женщина — судя по одежде, местная. Она держала за руку девчущку-дошкольницу. Я спустился к воде.

— Что случилось?

— Подплывите сюда! — голос у женщины был обеспокоенный.

— Дым, подожди минуту! — бросил я, направляясь к байдарке.

— Помогите, ради бога! — торопливо заговорила женщина, когда я пересёк русло реки. — Заболела моя дочурка. Горло распухло. Поила горячим молоком, думала пройдёт, а теперь вот ей совсем худо. А мужики на сенокосе. Может, отвезете её в Анушкино? Там медпункт.

— Конечно, конечно, — мгновенно заявил я. — Но моя байдарка одноместная. Не знаю, поместимся ли. Но вот что. Давайте, посадите её передо мной, а своего друга я пока оставлю на стоянке.

— Вам всего плыть четыре километра, — женщина посадила ребёнка на место Дыма и показала в сторону течения Великой. — Там у моста по правую сторону Анушкино. А по дороге туда семь километров. Приходится идти в обход болот. Вы там будете меньше чем за полчаса, — женщина поправила шарф на шее девчушки. — Анечка, поезжай с дядей к доктору, а я заспешу по дороге и скоро свидимся.

Девчушка кивнула, вцепилась в борта лодки, и мы вновь пересекли реку. Дым уже ждал нас, войдя по живот в воду.

— Дым, к палатке! Охраняй стоянку! Я скоро вернусь! — выкрикнул я и направил лодку вдоль берега.

Дым чрезвычайно умный пес и всё схватывает на лету. Он отлично понимает, в каких случаях он должен слушаться хозяина, и на время уступает мне лидерство в нашем тандеме. Исполнительный, с повышенным чувством ответственности, он тут же бросился к палатке и уселся перед ней, как верный страж нашего лагеря.

Я пронёсся до моста минут за двадцать. Чтобы не напрягать больное горло девчушки, я ни о чем не спрашивал её, а чтобы развлечь, немного рассказал о нашем с Дымом путешествии. Но она всё же несколько раз хрипло пролепетала:

— А почему его зовут Дым? Он что умеет летать? А почему у него два ошейника? У него тоже горло болит? А за что медали?

У деревянного моста я причалил и помог девчушке подняться на бугор. Перед нами открылась довольно большая деревня. Девчушка вытянула тонкую руку и улыбнулась.

— Анушкино, а я Анюшка.

— Ребята, где медпункт? — спросил я у мальчишек, которые, как воробьи на проводах, сидели на мосту; одни с удочками, другие просто глазели на полавки.

— Я знаю, — Анюшка потянула меня за руку. — Там доктор тётя Нина.

На пороге медпункта нас встретила молодая женщина в белом халате.

— Вы доктор тётя Нина? — спросил я.

— Да, — кивнула женщина и присела на корточки перед девчушкой. — Анюшка, это ты? Опять заболела? А где мама?

Я все объяснил.

— У нас был свой «Газик», но сломался, — вздохнула докторша. — А у районной администрации на новую машину денег нет. Теперь наша «Скорая помощь» — запряжённые лошади, мотоциклы, лодки... И телефонная связь не со всеми деревнями.

— Безобразие! — зло усмехнулся я. — И это в двадцать первом веке. Если бы я был членом правительства, я каждой сельской семье выделил бы мобильный телефон и на каждый район санитарный вертолёт.

— Когда пойдёте в правительство, считайте, что один голос у вас уже есть, я буду голосовать за вас, — улыбнулась докторша и взяла девчушку за руку. — Пойдём, Анюшка. И скажи дяде «спасибо».

— Спасибо, — осипшим голосом проговорила девчушка.

— Выздоровливай, Анюшка, скорее! — попрощался я и направился к байдарке.

Идти против течения оказалось не так-то легко. На обратную дорогу я затратил больше часа, но самое страшное произошло в конце пути — судьба подготовила мне зловещий удар. Нет, я не налетел на гигантский камень, в меня не врезалось плывущее бревно — хотя, лучше б случилось именно это, а не то, что меня ожидало.

Подходя к нашей стоянке, ещё издали я заметил — Дыма около палатки нет. Тревожное предчувствие охватило меня. Обычно Дым ждёт меня там, где я указал ему сидеть, и я всегда был уверен — он будет

ждать меня до тех пор, пока я не появлюсь, сколько бы ни прошло времени. Наверно, устал сидеть в одной позе и прилёг в палатке? — мелькнуло в голове и, причалив, я позвал его:

— Дымок!

Но он не появился. Я вбежал в палатку — она была пуста. Я стал носиться вокруг лагеря и кричать:

— Дым! Дым, ко мне!

Ещё не было случая, чтобы он не прибежал по первому моему зову. На этот раз не прибежал. Я разволновался так, что сердце прямо выскакивало из груди. Может, опять ищет военные трофеи и забрёл далеко в лес? — подумалось. Сложив ладони рупором, я стал орать во всю мочь:

— Ды-ым! Ды-ымок!

В ответ мне несло только эхо.

Глава двадцать четвёртая. Самый ужасный день

До позднего вечера я бегал по берегу, выпрашивал у рыбаков и байдарочников — не видели ли они моего друга. Никто не видел. Тогда я предположил маловероятное — а что если Дым не выдержал моего почти двухчасового отсутствия и, против своей воли, ведомый преданностью мне, побежал по берегу в сторону, куда я уплыл с девчушкой? А увидев байдарку у моста, пошёл по моим следам в деревню, но каким-то образом мы разошлись? Мог же он потерять след и свернуть не на ту улицу?!

Эта нелепая ситуация настолько втемяшилась мне в голову, что я сел в лодку и ещё раз сгонял к мосту, по пути то и дело выкрикивая имя своего капитана. Но и мальчишки (всего двое, самых стойких), оставшиеся на мосту, не видели Дыма.

В невыносимо тяжёлом состоянии, с трудом ворочая веслом, я преодолел расстояние до стоянки и обессиленный лёг перед палаткой. Все мои поиски прошли впустую. Но потом я подумал: в конце концов куда бы Дым ни убежал, обратную дорогу он найдёт всегда. Небо,

к счастью, чистое, дождя не предвидится, его следы не размочит, а чутье и память ему не занимать. Единственная неприятность — темнота. Надо разжечь костер, чтобы моему другу было легче ориентироваться, когда он подбежит к реке.

Я подошёл к месту, где был костёр, и вдруг среди пепла увидел загадочную фигуру из головешек — нечто похожее на «запечатанное письмо» в игре «городки». Что за странная фигура? Что она означает? Случайное изображение или дело чьих-то рук? Пребывая в нервном возбуждении, я сразу заподозрил в фигуре скрытый умысел, но потом встряхнулся и осадил себя: — Не выдумывай всякую чушь! Подвинти мозги! Будь как Дым — он никогда не теряет разум!

Я запалил большой костёр — наверняка, вдоль берега его было видно за несколько километров. И просидел около него всю ночь в ожидании Дыма. Заслышав какие-либо шорохи, я вскакивал и звал своего друга, но когда смолкало эхо, стихали и шорохи. Несколько раз мне мерещилось — вон он бежит по берегу, у самой кромки воды, даже различимы светящиеся глаза...

— Дым! — восклицал я и устремлялся ему навстречу, но попадал в тёмную пустоту. Светящиеся глаза оказывались всего лишь светлячками в траве.

С рассветом моё напряжённое ожидание как-то притупилось, и я решил взглянуть на случившееся более взвешенно, и прежде всего, внимательно осмотреть стоянку.

Первое, что я обнаружил, это следы от мужских ботинок и рядом отпечатки собачьих лап — местами рытвины с метками от когтей и вырванные куски дёрна. Меня прямо бросило в жар — в лагере явно произошло какое-то сражение! Наверняка, Дым боролся с какими-то нападавшими, а поскольку он легко не сдаётся, борьба была тяжёлой и долгой — слишком много следов. Понятно, в темноте я мог их не заметить, но при свете костра просто обязан был тщательно осмотреть всю стоянку! И как не догадался это сделать раньше?! Вместо этого пошёл по лёгкому пути, решил — Дым отправился меня искать! А вначале и вовсе придумал глупость — он побежал копать

железо, когда надо было охранять лагерь. Полный дурак, вот я кто! Старый, туго соображающий осёл!

В жутком волнении (кровь просто бушевала в моих жилах) я находил всё новые доказательства трагедии, которая разыгралась в моё отсутствие. В одном месте валялись обрывки плетёной верёвки и сухая ветка с клочком шерсти, в другом — сломанная палка с чёткими отметинами от собачьих зубов. И наконец, я обнаружил то, что давало разгадку всему — рваный лоскут с запекшимися каплями крови. Лоскут был оранжево-жёлтый — цвета рубашек Леших!

Я кинулся в ельник за палаткой, куда ушли чёрные копатели. Там извивалась тропа, еле различимая в траве. Посматривая по сторонам, готовый к любым неожиданностям, я заспешил в глубь леса. Что с Дымом? Почему эти негодяи напали на моего друга? Куда его увели? Неужели хотят заставить искать трофеи? — страшные вопросы задавал я сам себе, ускоряя шаг и представляя события на поляне. Хорошо, что не привязал Дыма к палатке, — пронеслось в голове. — Поводок стеснял бы его движения в борьбе с этими негодяями.

Теперь стало понятно, что и «запечатанное письмо» из головешек — не плод моего воспалённого воображения, а знак с издёвкой — Попробуй, мол, старый чурбан, распечатай! Попробуй теперь нас разыщи!

Вскоре ельник поредел, тропа поползла вниз, в заросли крапивы, потом снова вильнула наверх; когда я забрался на бугор, ельник кончился, и передо мной открылись луга; у горизонта в рассветной дымке проглядывали крыши домов. Я припустился к жилью и без передышки бежал около часа, поранив о камни обе ступни.

Деревня оказалась маленькой — каких-то шесть—семь дворов; по улице хозяйки гнали коз и овец в луга.

— Скажите, здесь вчера были парни в оранжевых рубашках? — едва переводя дыхание, спросил я у худой старушки в сером платье (от волнения даже забыл с ней поздороваться).

— Были, как же. Но, вроде, уже уехали. Они у Насти останавливались, — старушка показала на свою ровесницу в сарафане и крикнула: — Эй, Настёна! Иди-ка сюда скоренько!

Подошла сарафановая Настя и подтвердила, что парни жили у неё неделю и накануне вечером уехали на автобусе.

— ...И собаку увезли, — сказала Настя. — С реки, что ли её притащили, со связанной мордой.

— Куда они поехали? — задыхаясь, выпалил я.

— Вроде, в Баландино.

— Что это?

— Посёлок. От нашего Луково тридцать километров. Не так уж далеко.

— Когда туда пойдёт автобус?

— Ой, милый! — замахали руками старушки. — Теперь только послезавтра. Он ходит два раза в неделю.

— А у кого-нибудь здесь есть машина, мотоцикл?

— Да что ты! Какая машина. Один старик на всю деревню. И тот еле ходит, — усмехнулась худая старушка, а её подруга добавила:

— Мы ему готовим еду, носим воду... Вот Дуньку его гоню на выпас, — она кивнула на белую зеленоглазую козу.

В смятении я некоторое время топтался около старушек и их блеющей живности, а когда они направились в луга, стал ходить взад-вперед по улице, не зная куда себя деть, я прямо сходил с ума. И вдруг... вспомнил про всесильного Петрова — вот бы до кого дозвониться! Я догнал старушек.

— А есть поблизости деревня с почтой, телефоном?

— В Анушкино. Там и почта, и телефон, и медпункт, — перебивая друг друга, заговорили старушки.

В самом деле, как я не сообразил! Ведь был в медпункте. Совсем потерял голову!

Дорога в Анушкино только называлась дорогой — по существу, это были сплошные каменистые колдобины. Вначале, то и дело спотыкаясь, я бежал по ним, но после двух падений, прихрамывая, перешёл на спортивную ходьбу, а перед Анушкино, вконец уставший, только и мог, что медленно топать. И конечно, в конце пути окончательно сбил ноги в кровь; так что доктор Нина, прежде чем подвести меня к телефону, оказала мне первую медицинскую помощь и подарила галоши.

— Извините, что не могу предложить ничего другого, это самая модельная обувь в деревне, — улыбнулась докторша и, помолчав, добавила: — Вот ведь как получается — Анюшку только что мама повезла домой. У неё ничего серьёзного, я дала им лекарство, и тут же являетесь вы, её израненный спаситель... Вот телефон, звоните.

— Мне нужен в селе Высоцком Петров. Знаете его?

— Виделись. Строгий дяденька. Какое-никакое наше руководство. А что случилось?

Я рассказал суть дела и попросил докторшу в случае обнаружения Дыма сообщить мне на стоянку. Потом мы дозвонились до села, но Петрова дома не оказалось. «Позвоните попозже, — сказала телефонистка. — Он на объектах».

Я звонил через каждые двадцать минут. За это время докторша успела принять несколько больных, сходить домой пообедать. Звала и меня, но я отказался — какой обед, когда где-то страдает мой друг!

Я лишился не только сна и аппетита, но и элементарной выдержки: на всякие вопросы ожидающих очереди больных, к своему стыду, отвечал односложно, раздражённо, а то и отнекивался, давая понять, что моя сердечная рана намного глубже, чем все их болезни вместе взятые.

Как известно, когда у нас всё хорошо, когда нам везёт, мы весёлые, вежливые, а вот попробуй держать себя в рамках, когда сваливаются неприятности! Мне это и раньше никогда не удавалось, а в тот момент я расклеился совсем.

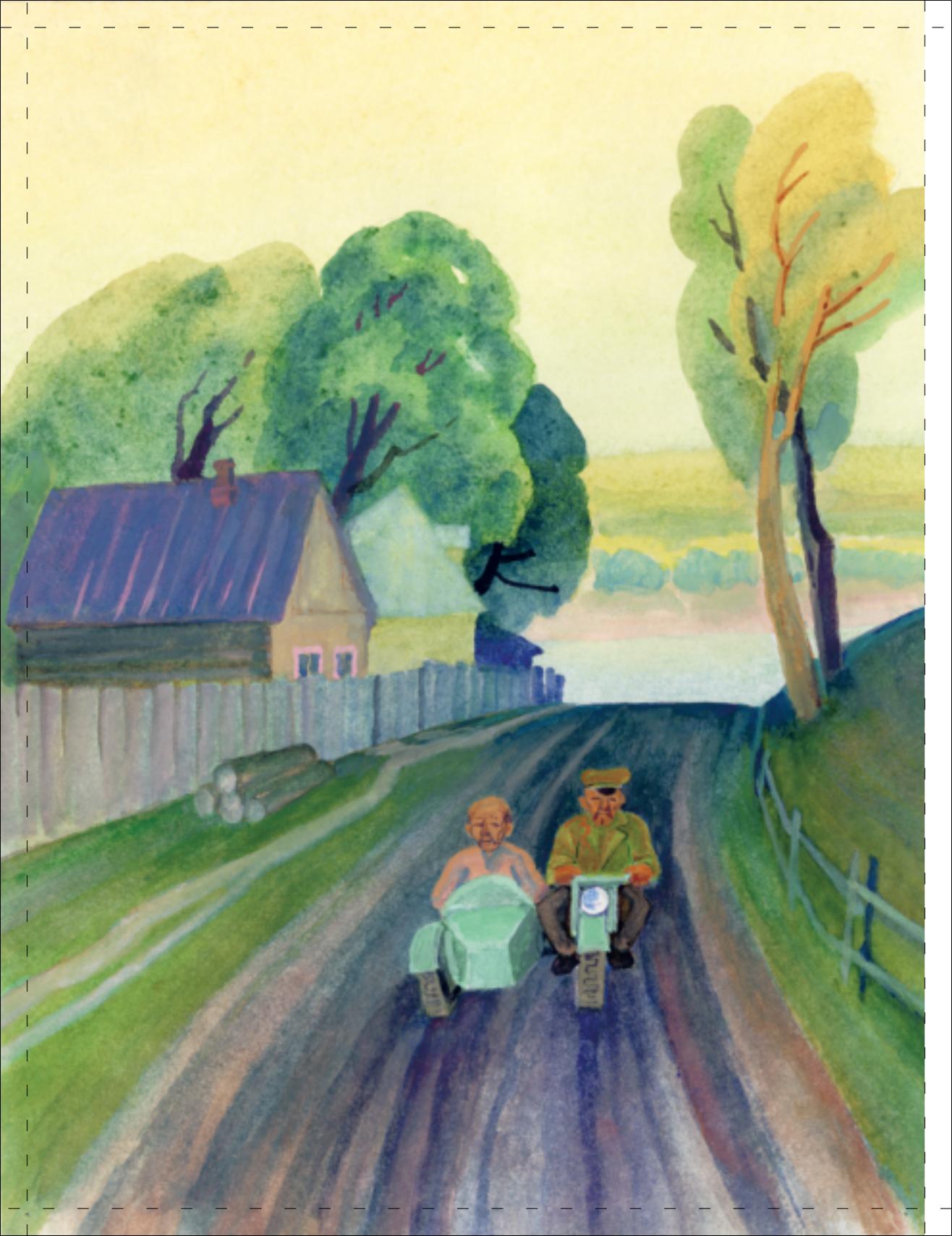
Один из больных, какой-то механик с перевязанной рукой, узнав, почему я сижу в медпункте, спросил:

— А какой породы ваша собака?

— Дворняжка.

— Ну чего ж из-за дворняжки так убиваться? Могу посодействовать вам. В одном месте есть щенки немецкой овчарки. Родители медалисты. Хотите?

Где ему было понять, что никакая, даже самая породистая, увешанная медалями, собака никогда не заменит мне Дымка; и для меня все

золотые и серебряные собачьи медали — ничто в сравнении с поделками на ошейнике моего друга.

До Петрова я дозвонился только к вечеру. Выслушав меня, крупный начальник по-военному отчеканил:

— Ждите в медпункте! Выезжаю!

Через час, подняв облако пыли, Петров круто развернул мотоцикл у медпункта, бросил мне: «Забирайтесь в люльку!» и, когда я залез в коляску, помчал в посёлок Баландино.

Дорога ровностью не отличалась, а Петров оказался бесшабашным гонщиком — гнал машину так, что перед глазами всё мелькало, а на поворотах я чуть не вылетал из коляски в кювет.

Тем не менее рядом с представителем власти я почувствовал некоторое облегчение и подумал, что теперь-то мы непременно разыщем Дыма, а похитителей отдадут под суд. Я уже представлял их повинные речи, просьбы о прощении, но безжалостно требовал всю троицу отправить в тюрьму.

В дороге, стараясь перекричать шум мотора, Петров задал мне несколько вопросов относительно похищения Дыма и «примет подозреваемых». В свою очередь я тоже громко докладывал подробности происшедшего. Два раза в пути мотоцикл ломался и Петров его чинил, называя «старым драндулетом».

В посёлок мы ворвались, когда там уже зажглись огни и на улицах начались вечерние гуляния.

— Эти герои наверняка в клубе на дискотеке, — сбавляя скорость процедил Петров. — Поверьте моему нюху.

Он подкатил к клубу и размашисто прошагал в середину помещения. Я пристроился за ним, как уменьшенная тень крупного начальника, и сразу увидел одного из Ершей — он танцевал с девицей.

— Вон тот, — выпалил я, указывая Петрову на парня в оранжевой рубашке.

Петров подошёл к парню.

— Фамилия?

Тот отстранил девицу, встал по стойке «смирно» и что-то пробормотал — то ли Наживин, то ли Наживкин.

— Документы! — резко потребовал Петров.
— С собой не ношу, гражданин начальник.
— Зря! Твой вид не внушает доверия. И фамилия тоже.
— Чем вам не по душе моя фамилия? — Ёрш обидчиво скривил губы.
— Всем! В ней я унюхиваю что-то воровское!
— Обижаешь, гражданин начальник.
— Где живёшь? Где твои сообщники? — обрушился Петров на Ерша.

— Смылись... Провожают девах...

— Где моя собака? — сорвался я.

Ёрш взглянул на меня, побелел и начал уклончиво бормотать:

— Папаня, понимаешь... Твоего пса мы взяли на время... Ну, чтоб это... помог нам. Потом вернули бы... В транспорте он тихо, мирно лежал под сиденьем. Я сам держал его на верёвке... А сюда прибыли, дверь открылась, и он как дунет... Перегрыз верёвку... Конец-то у меня в руке остался...

— Куда он побежал? — прохрипел я.

— Откуда я знаю, — с мерзопакостной миной Ёрш развёл руками.

— Всё ясно, как в светлый день! Прикидываешься овечкой! — обрезал Петров. — Придётся тебе проехать со мной в отделение. Уточним адреса твоих дружков, составим протокол за покушение на частную собственность. Заодно проверим ещё кое-какие детальки из ваших богатых биографий!

Петров повернулся ко мне:

— А вы ждите меня у входа в клуб. Советую пока расклеить объявления о пропаже собаки. Где завклубом? — он остановил какого-то парня. — Приведи немедленно!

Парень так рьяно бросился выполнять приказ, что споткнулся и растянулся на полу. Через две секунды перед нами уже стоял навтыяжку завклубом, квадратный мужичок с круглым, как тарелка, лицом.

— Выдели уважаемому туристу писчебумажные принадлежности!
— Петров кивнул на меня и схватил Ерша за локоть. — Пошли!

В кабинете завклубом я написал десять объявлений:

«Кто видел собаку с двумя ошейниками и самодельными медалями (на одной адрес), убедительно прошу сообщить её хозяину. Стоянка на берегу Великой, между плотиной и мостом. Или сообщить Петрову в Высоцком. Или доктору Нине в медпункт Анушкино. Крупное вознаграждение гарантирую».

Потом расклеивал объявления по посёлку и одновременно выпрашивал у прохожих про Дыма. Все их ответы не радовали. Видели разных собак, но с двумя ошейниками и самодельными медалями не видел никто.

Я наклеил объявления на перекрёстках, на магазине и клубе и сильно надеялся, что всё же кто-нибудь откликнется. Ну не мог же Дым совсем потеряться, тем более что слух о нём уже катился по деревням! Мне оставалось только ждать. Без него я не собирался уезжать с Великой и не представлял свою жизнь вообще.

Когда я вновь подошёл к клубу, меня уже ждал «Бычок», небольшой, крытый брезентом, грузовик. Его шофёр — молодая женщина в комбинезоне, открыла дверь кабины и обратилась ко мне:

— Вы уважаемый турист? Меня прислал Петров, чтоб отвезти вас к реке.

— Найдётся ваша собачка, — сказала женщина, когда мы тронулись. — Я уверена в этом. Ну посудите сами, ведь она домашняя, так? Привыкла к людям. Значит, придёт в какую деревню. Её опознают. Адрес на бирке есть, так? Я видела объявление на клубе (действительно, я приклеил его первым). Напишут вам. Мир не без добрых людей.

— Нет! — твёрдо сказал я. — Без него я никуда отсюда не уеду.

— Ну что ж, и это правильно. Можно подождать. Я уверена, пройдёт два—три дня, и собачка отыщется. Не переживайте так, ведь на вас лица нет. Всё будет хорошо, вот увидите!

Женщина-шофёр безусловно была оптимисткой, а каждый знает — такие люди излучают теплоту и добро, поднимают окружающим настроение, заражают их надеждой на лучшее. Меня она успокоила. Совсем немного, но успокоила. Во всяком случае, моё сердце уже не выпрыгнуло из грудной клетки, а более-менее ритмично билось на своём месте. Впрочем, может, оно просто устало за этот ужасный день.

Женщина подвезла меня к реке, чуть выше стоянки. Я поблагодарил её от всей души и, вконец измотанный, медленно побрёл по берегу вниз по течению реки. Не помню, как доплёлся до палатки, но помню — открыв её, рухнул и моментально отключился.

Глава двадцать пятая. Самый прекрасный день

Мне снилась городская квартира: ранним утром я лежу на тахте; солнце, точно весёлый проказник, прямо-таки щекочет лицо; Челкаш смотрит в окно — кого из собак уже выгуливают, Дым беззастенчиво будит меня — лает в самое ухо. Я открыл глаза, надо мной склонялся... Дым! Он прерывисто дышал, горячим шершавым языком лизал мне лицо и руки, тербил лапой, повизгивал, пытался лаять охрипшим голосом — Вставай! Я вернулся!..

Я приподнялся, обнял своего самого лучшего друга на свете, поцеловал в мокрый прохладный нос.

— Где же ты пропадал, дружище?! И как нашёл дорогу, если тебя увезли за десятки километров?!

Глаза у Дыма были в кровоподтёках — один почти полностью заплыл, лапы сбиты — на левую переднюю он припадал, на лопатке — открытая рана, на шее — ни ошейника, ни медалей. Избитый, уставший, осунувшийся, но не сломленный, он держался молодцом — все та же гордая осанка, а в здоровом глазу — дерзкий, непобедимый дух.

— Досталось же тебе, мой капитан!

В его взгляде появилось много боли, он кивнул и, прижав уши, молча уткнулся в мои колени. Я понял, что он хотел сказать — И самые сильные нуждаются в нежности и ласке — быть может, даже больше, чем слабые, потому что только сильные способны на большие дела и мужественные поступки; они и любят без оглядки и страдают безмерно — намного мучительней, чем слабые. Да ещё умеют скрывать свои чувства, а не распускают слюни, что присуще всяким слабакам.

Я долго обнимал, целовал и гладил своего многострадального дружка — никак не верил своему счастью. И не виделись-то мы чуть больше суток, а казалось, прошла вечность.

Потом медикаментами из аптечки я обработал раны Дыма, перевязал его заплывший глаз и стал разводить костёр, чтобы приготовить кашу с тушёнкой. Дым пытался помочь мне — прихрамывая, потащил ветку, но я сказал:

— Отдохни, дружок! Ещё наработаешься. После всех мытарств надо подлечиться, окрепнуть, восстановить форму.

Дым проглотил две миски каши, я принёс ему запить речной воды и он, напившись, посмотрел на меня извиняющимся взглядом — посмотрел тускло, устало одним глазом и тут же, у костра, уснул.

Я гладил его, спящего, и размышлял — какое странное существо собака. За что он так безоглядно, даже отчаянно, любит меня? Почему за меня готов идти в огонь и воду — да что там! — в любую минуту готов отдать за меня жизнь? Откуда такая жертвенность?!

Дым спал крепко. Во сне вздрагивал, скалился, рычал — продолжал бороться с Лешими. Я успокаивал его.

— Дымок, Дымок! Я с тобой! Все закончилось, мы снова вместе!

В полдень, когда наступила жара, я сделал над Дымом навес из спальника, а ближе к вечеру, когда налетели слепни, сделал из лапника веер и стал отгонять насекомых от своего друга.

В тот день — седьмой день нашего путешествия — мы никуда не плыли, с нами не случилось никаких приключений, мы не общались ни с местными жителями, ни с туристами, но он был самым прекрасным за всю поездку.

Дым проспал до позднего вечера. Я не будил его — знал, что сон, как ничто другое, восстанавливает силы и здоровье. Только когда наступила темнота, я разжёл костёр, Дым поднялся, съел ещё одну миску каши и выразительно уставился на байдарку, раздумывая — отплывать сейчас или перенести отплытие на утро? Я уговорил его принять второй вариант.

— Дымок! Ну куда на ночь глядя плыть? Тебе надо выспаться по-человечески. Вернее, по-собачьи, как подобает воину после боя.

А у меня после вчерашнего дня ноги просто отваливаются (я подсчитал, что за день пробежал почти что марафонскую дистанцию).

Дым вздохнул, соглашаясь со мной.

До полуночи мы сидели обнявшись у костра и смотрели — на языки пламени, на звезды, на отражение луны в воде. Мы были счастливы. И вновь я подумал о странностях времени — как оно растягивается или сокращается в зависимости от событий. Вчерашний безумный день тянулся невероятно долго, а сегодняшний, счастливый, промелькнул незаметно.

Глава двадцать шестая.

Незадачливые туристки. Очередная находка Дыма

Утром после плотного завтрака Дым улыбнулся и радостно гавкнул — Пора в путь-дорогу!

Схватив жилетку, он, прихрамывая, потащил её к байдарке. Потом мы разобрали палатку и все вещи уложили в нос и корму лодки.

— Вперёд, дружище! — ликующе возвестил я и помог своему хромоногому капитану взойти на «капитанский мостик».

Погода, как и все предыдущие дни, была отличной, мой друг чувствовал себя неплохо, и наша лодка на всех парах неслась вниз по реке.

На мосту через Великую, как и накануне, сидели мальчишки с удочками. Мы причалили чуть в стороне и пошли в медпункт.

— Вот, явился к вам третий раз, — сказал я докторше Нине. — Наверно, уже надоел, но простите. Во-первых, хочу познакомить вас с моим героическим другом. Во-вторых, пожалуйста, осмотрите его. После сражения с чёрными копателями у него несколько ранений.

— Надо же, нашёлся! — удивилась докторша. — Но я представляла его гигантом, а он такой небольшой, худющий.

— Он железный парень, — сказал я. — В смысле характера и в смысле увлечения железом.

Дым не очень любит людей в белых халатах (прекрасно помнит уколы — прививки от чумки, бешенства и гепатита), и ему не нравится

запах лекарств, но докторше доверился — сразу почувствовал, что она человек доброжелательный, и терпеливо перенёс все ощупывания и разглядывания.

Докторша выдала мне глазные капли, объяснила, как делать примочки на глаза и посоветовала поменьше бывать на ярком солнце.

— Остальное заживёт быстро, — сказала и улыбнулась. — У двортерьеров хорошая иммунная система.

На песчаной круче у моста, пока я спускал байдарку, Дым вдруг стал что-то раскапывать. Откидываясь назад, одной здоровой лапой пытался докопаться до какого-то глубоко лежащего железа, при этом страшно рычал и повизгивал. Даже больной, он не оставлял своих замашек.

— Дым, тебе нельзя надрываться. Да и нам не до твоих штукотин, — сказал я, оттаскивая его от очередной какой-то зарытой железки. Потом подумал, а вдруг там опять что-нибудь вроде гранаты?! А ведь здесь купаются ребята!

— Эй, рыболовы! — крикнул я удильщикам на мосту. — Идите сюда! Мальчишки побросали удочки и бросились к нам.

— Вы слышали, что здесь недалеко собака нашла гранату? — обратился я к разновеликой ораве. И, когда ребята закивали, показал на Дыма. — Это он нашёл.

Мальчишки загудели, а я кивнул на лунку, которую выкопал Дым.

— Дело серьёзное. В этом месте что-то есть. Мой Дым никогда не ошибается. Он крупный специалист по взрывчатке (я нарочно преувеличил способности Дыма, чтобы ребята осознали серьёзность моих слов). Так что немедленно сообщите взрослым. Сами не раскапывайте ни в коем случае! Дело крайне опасное! Всё! Пока!

Ребята врассыпную помчались к деревне.

Дальше я всю дорогу пел, временами во весь голос. Редкие на том отрезке реки байдарочники смотрели в нашу сторону подозрительно — вероятно, считали меня не в своем уме.

Что и говорить, действительно, мы выглядели странновато: на носу лодки перевязанный пёс, словно одноглазый адмирал Нельсон, за ним лысый старикан машет веслом и горланит какие-то старомодные,

отжившие свой век песни. Между тем, я пел душевные песни военных и послевоенных лет. Мелодичные песни с хорошими словами о настоящей дружбе. Эти песни сильно отличаются от того оглушительного набора слов и звуков, которые теперь заполнили весь эфир.

Повторюсь, Дым не любит песни (кроме одной — «про капитана»), но в то утро (второй раз в путешествии) немного мне подвывал. Наш вокальный дуэт оценили только одни байдарочники — пожилая пара в панамах. Они даже остановились, чтобы послушать нас. А когда мы закончили, мужчина поднял большой палец, а женщина послала нам воздушный поцелуй.

В тот день я решил не слишком перегружать больного друга качанием на волнах (по словам докторши Нины, от ударов по голове у него могло быть и сотрясение мозга) — решил устроить дневной привал пораньше и задолго до полудня, заметив песчаный откос, причалил.

Дым не понял моего манёвра, обернулся и гавкнул капитанским тоном — Продолжай грести вперёд!

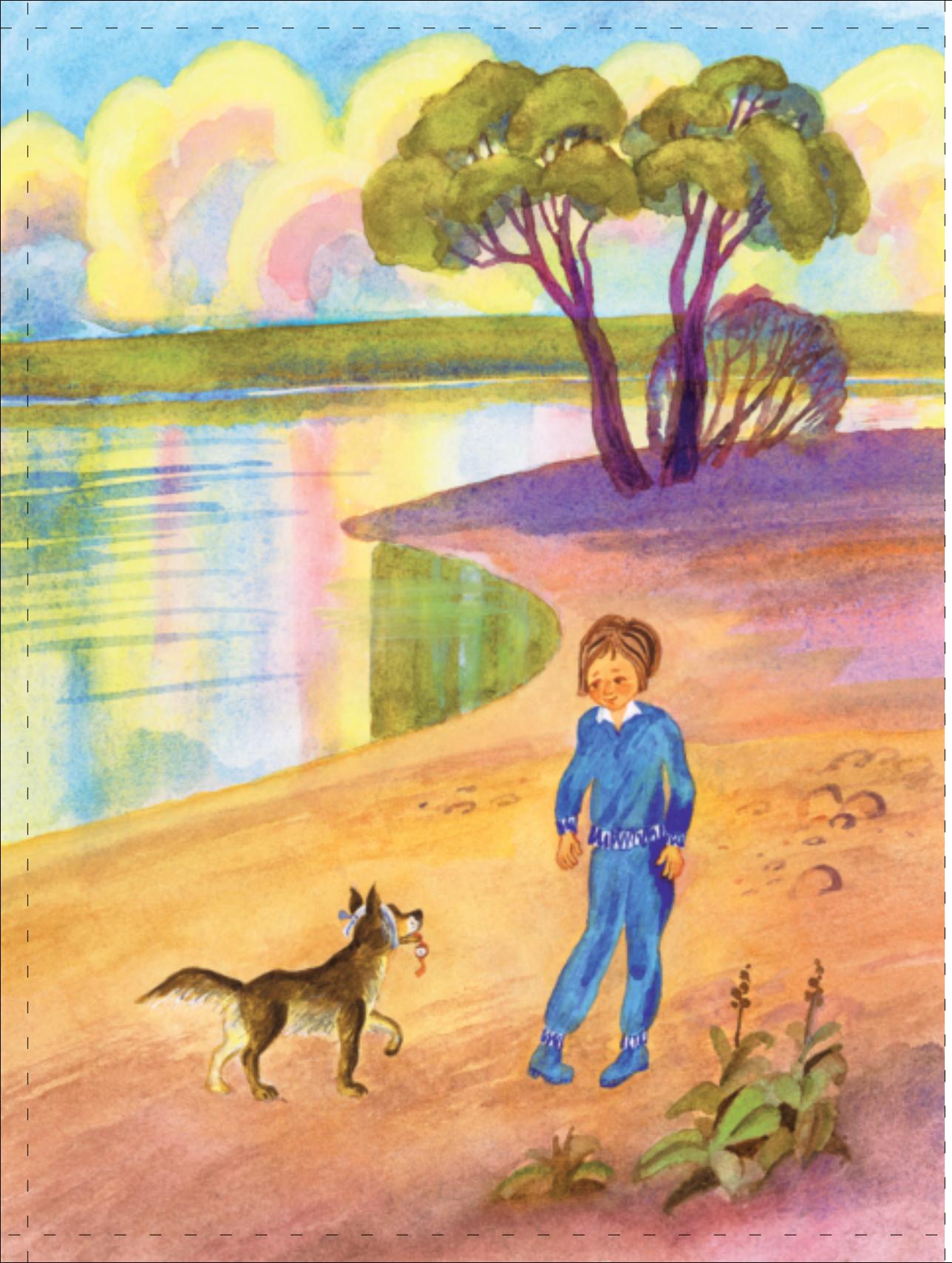
Он, двужильный, настроился плыть дальше, покорять новые пространства — без приключений и опасностей жизнь для него теряла всякий смысл. Я включил всё своё красноречие, чтобы убедить его в необходимости днёвки, говорил о том, что за неделю мы и так проплыли достаточно и всего испытали сполна, что, наконец, путешествие — это не только приключения, но и впечатления от самой природы, которой только на стоянках можно налюбоваться вдоволь, а на реке пейзажи мелькают, как в кино.

Дым оставался непреклонен — Двигаться вперёд, и всё тут!

Тогда я прибегнул к нечестному приёму — стал артистично изображать боли в руках, при этом морщился, будто наелся пивок. Но доигрался — руки разболелись на самом деле.

Дым сжалился надо мной и вылез из лодки.

Не успели мы разгрузиться, как послышался хруст прибрежного ракушечника, и из-за кустов вышли три девушки в спортивных тренировочных костюмах с корзинами грибов. Они выглядели испуганными, усталыми, к их вспотевшим лицам прилипли хвоинки и мелкая листва.

— Можно мы около вас отдохнём? — дрожащим голосом спросила одна из юных особ, ставя корзинку на землю. — Мы заблудились.

— Конечно, конечно, — торопливо проговорил я.

— Мы с турбазы Алоль, — робко произнесла другая девушка, сдувая волосы со лба.

— Не знаете, в какой она стороне, там или там, — третья из подруг растерянно показала вначале направо, потом налево.

— Турбаза точно ниже по течению. Мы туда идём на байдарке, — сказал я. — Вы присаживайтесь, сейчас попьём чайку.

Дым, молодчина, все усёк раньше меня и, зачерпнув кастрюлю воды, уже тащил её к месту для костра (он всегда выбирал его безошибочно — ровный пяточок с низкой травой или совсем без неё). Я поджёг несколько сухих веток, соорудил над ними треногу и подвесил кастрюлю.

Девушки рассказали, что являются туристками из Новгорода и отдыхают в Алоле уже две недели, что сегодня пошли в лес в шесть утра, обещали скоро вернуться...

— Но вот заблудились, — повторила девушка, которая заговорила первой. — А уже, наверно, десять, — она посмотрела на запястье левой руки, где на загорелой коже белела полоска от наручных часов. — Ой! Что я! Ведь я их только что потеряла. Как вышли к реке, так они и слетели. Пока искали, скорее всего, втоптали их в песок.

— Сейчас попробуем их найти. Пойдём, покажешь это место моему другу, — я махнул Дыму, а подругам девушки показал на рюкзак: — Вы пока доставайте сахар, печенье. Мы сейчас вернёмся, будем пить чай.

Девушка потеряла часы в нескольких шагах от нашей стоянки. Дым обстоятельно обнюхал то место и, не прошло и пяти минут, как он откопал в песке крохотные часики; тут же ополоснул их в реке и вручил девушке.

— Фантастика! Надо же, какая умная собачка! Никогда бы не подумала, что она так быстро найдёт! Я уж распрощалась с ними. Мы втроём искали, а она сразу нашла, — девушка хотела погладить Дыма, но он повернулся, напустил на себя беспечный вид и пошёл к стоянке.

— Собачка не она, а он, — поправил я девушку и с гордостью за друга, пояснил: — Ему отыскать такую пропажу ничего не стоит. Он мастер по железу. Профессионал высокого класса. Для него часы — мелочь, чепухенция. В этих местах он нашёл гранату! Его зовут Дым. Неужели не слышала?!

К моему огорчению, девушка о Дыме не слышала.

Пустив кружку чая по кругу, незадачливые туристки повеселели, поблагодарили меня за чай, Дыма — за часы и на прощанье оставили нам несколько подосиновиков на обед.

Глава двадцать седьмая.

Собачник с Тосей

Как только девушки скрылись за поворотом реки, к нам стала подруливать лодка-платформонка. На корме с коротким веслом царственно восседал голый по пояс загорелый мужчина. Он был в очках, на его затылке красовалась пилотка, сделанная из газеты, а перед ним, на дне лодки, лежало что-то похожее на мешок с картошкой.

— Привет единомышленнику! — издали поприветствовал меня незнакомец.

Дым пробубнил что-то вроде — Хватит гостей! Только одни отошли, лезут другие!

Чтобы отпугнуть лодочника, он напустил на себя «волчий» вид. Мне вновь пришлось напомнить капитану то, что он знал, но забыл — про туристические правила, по которым мы просто обязаны предоставлять приют всем без исключения.

— Пойми, — внушал я своему необщительному другу. — Это как закон о спасении на море, когда ты должен спасти любого, кто оказался за бортом.

Дым умеет признавать свою неправоту, свои ошибки — что, кстати, редко встречается и у собак, и у людей, — согласился со мной, но, на всякий случай уселся в байдарке — для охраны нашего судна.

— Не возражаете, если присоединюсь к вам? — лодочник подошёл и после моего «Какое может быть возражение» представился Сергеем, агрономом из посёлка Сорокино, большим любителем собак.

— Вижу, у вас кобелёк. Значит, с моей собачкой не подерётся, — расплылся Сергей. — Думаю, они поладят.

При этих словах со дна плоскодонки привстал большущий — с телёнка — лохматый и усатый пес.

— Её зовут Тося. Она среднеазиатская овчарка, — объявил Сергей. — А вашего как зовут? И что у него с глазом?

Я рассказал вкратце, без подробностей; не хотелось трепать себе нервы и волновать Дыма.

— Я краем уха что-то слышал про вашу собаку, — сказал Сергей. — Неужели это тот Дым, который нашёл взрывчатку? По всему видно — по масти, по выправке и цепкому взгляду — он где-то между волком и шакалом. Он лает или только скулит и воет?

— Лает. И ещё как!

— Но все же глаза-то у него узкие, частично он от волков, так я думаю, — Сергей подался вперёд, изучая Дыма.

— Вполне возможно. У него независимый нрав, только меня и признаёт.

— Вот-вот...

Дым с Тосей, и правда, быстро подружились. Вылезли из лодок, обнюхали друг друга, завиляли хвостами и высунули языки от радости. Рядом с великаншей Тосей мой невысокий дружок показался ещё меньше, но это его не смутило — опередив её, он первым поднялся к костру, занял лучшее «обзорное» место и победоносно задрал нос. Он сразу дал понять Тосе, кто является хозяином поляны, а кто всего лишь гостя. За этим следовало — если она будет вести себя неподобающим образом, он поставит её, деревенскую дылду, на место, а то и вообще прогонит в плоскодонку — дружба дружбой, а пристойное поведение в гостях прежде всего.

Тося в свою очередь не спускала глаз с моего друга. Ещё бы! Горожанин и речник! И повязка на морде! Известное дело, женский пол любит мужчин с боевыми шрамами.

— Вот странно, — сказал я, наливая гостю чай. — Почему местным собакам дают человеческие имена? И не только собакам.

— А они те же люди, только в другом обличье. Они так же грустят и обижаются. Так же радуются, любят, страдают и ненавидят... И тяжело переносят разлуку... А понимают и чувствуют побольше, чем мы. К примеру, предчувствуют непогоду, холодную зиму, землетрясения, сами знаете...

Теперь я понял, почему Сергей назвал меня единомышленником — не часто встречаешь на реке одинокого мужчину с собакой. И какая радость, когда у вас одни и те же привязанности, одинаковые взгляды на жизнь.

— И что я заметил, — продолжал Сергей, прихлёбывая чай. — Собаки более человечные, чем люди. Ну, к примеру, собака никого не убьёт просто так, а человек охотится ради удовольствия, развлечений. По телику показывали, как на Камчатке бьют медведей с вертолёта! Вот до чего дошли! У зверя нет шансов на спасение...

— Полностью разделяю твои мысли, — сказал я, попивая чай, как суп, ложкой из своей миски (кружка-то у нас была одна).

— У нас с Тосей полная совместимость характеров. Мы понимаем друг друга с полуслова, с полужеста, — Сергей погладил свою любимицу, которая уже завалилась около него и тяжело дышала, высунув огромный, с детскую лопатку, язык.

От ласки хозяина Тося потянулась, шмякнув хвостом по тлеющему костру — полетели искры, запахло палёным. Дым, сидевший напротив и до этого с интересом смотревший на великаншу, проворчал — Ишь, развалилась красотка! Как у себя дома! Не забывайся, а то вмиг прогоню!

— Тося моя единственная радость, — сказал Сергей. — Я ведь разведённый. Она спасает меня от одиночества и болезней. У одного приятеля радикулит, прострелы, у другого барахлит сердце, а я и не знаю, где какие органы. Тося-то спит у меня в ногах, а собачья шерсть лечебная, сами знаете.

— А у меня две радости, — сказал я. — Два друга. Один сейчас на даче, а второй вот, путешествует со мной... В городе ведь домашним собакам несладко. Жуткий воздух, шум, во дворах особенно

не развернёшься... Да и кое-кому они мешают. Есть люди, которые готовы всех собак потравить. Какой там гуманизм! Они и не знают, что это за слово.

— У нас тоже такие попадают. Но они есть во всех странах. Я недавно вычитал: какая-то японская экспедиция в Антарктиде оставила упряжку собак. Сами улетели, а собак оставили замерзнуть во льдах. Места в самолете не хватило. Каково?.. С другой стороны... Я тоже читал: один канадец потерял в тундре собаку. Так он за бешеные деньги нанял самолёт и несколько дней искал собаку. Не нашел, к сожалению. Но хотя бы сделал всё возможное, чтобы найти...

Тося слушала хозяина рассеянно, в полудреме — то ли уже не раз слышала эти истории, то ли раскисла не солнцепёке, а может, вообще была бессердечной. Но Дым слушал с величайшим вниманием, затаив дыхание. Когда Сергей рассказал о случае в Антарктиде, мой друг вскочил и в негодовании стал бить здоровой лапой по земле — был готов растерзать бездушных японцев, а когда Сергей рассказал о канадце, глубоко вздохнул и печально наклонил голову.

— Ну ладно, не буду вас утомлять, спасибо за чай. Нам с Тосей пора двигаться в сторону дома. Мы ведь к вам подошли просто чтобы поприветствовать, — Сергей встал. За ним нехотя поднялась Тося.

— Оставайтесь! В честь нашей с Дымом вчерашней встречи сейчас приготовим праздничный обед — пальчики оближешь!

— Нет, спасибо. В деревне, как вы догадываетесь, всегда работы хватает. Это сегодня у нас с Тосей выпало свободное времечко, а так мы много работаем. Тося пасёт овец... И что смешно, ей помогают две дворняжки из соседнего посёлка. Прибегают с утра к загону.

— Подрабатывают от нечего делать? — спросил я.

— Нет, к этой работе относятся со всей серьёзностью. Ведь собака без работы слабеет, чахнет. Как и человек, сами знаете... Ну, мы пошли. Семь футов вам под килем! — Сергей крепко пожал мне руку, а Тося чмокнула Дыма в лоб.

Глава двадцать восьмая. Ураган и наводнение

Начиная описывать вторую половину этого дня, сразу скажу — судьба всё же решила отравить нам с Дымом праздничный обед — точнее, послеобеденное праздничное настроение. И, признаюсь, в какой-то степени ей это удалось, но в конце концов мы с честью вышли из всех передряг. Начну всё по порядку.

Когда Сергей с Тосей отчалили, Дым со значением посмотрел на меня — Поехали! Мы засиделись на одном месте!

— Подожди, капитан! Руки ещё болят, — я вновь довольно удачно изобразил боли в суставах. — И потом, серьёзные решения не принимают на голодный желудок. К тому же, не забывай, сегодня у нас праздничный обед!

Праздничный обед мы приготовили из грибов туристок и последней банки тушёнки — получился на удивление вкусный суп «фантазия». Во время еды я каждую ложку сопровождал здравицей в честь Дыма, перечисляя все его достоинства (в ответ он только хмыкал). Несколько ложек я съел в честь отзывчивых людей — доктора Нины и начальника Петрова. Не забыл и себя — пару ложек посвятил своему упорству в поисках Дыма.

Мой друг слопал свою порцию без всяких тостов, просто чтобы подкрепиться.

После обеда я, как заправский Ай-Болит, подлечил Дыму рану на лопатке, помассировал больную лапу, закапал в глаз капли, сделал перевязку, и... мы тронулись в путь.

Неожиданно погода испортилась, поднялся ветер, налетели облака и, как ошалелые, заметались по небу; рябь на воде перешла в хлётские волны, на байдарку обрушились холодные брызги. Особенно доставалось Дыму, ведь он сидел на носу лодки.

— Дым! Спрячься под палубу! Залезь в трюм! — крикнул я, но капитан замотал головой и продолжал прокладывать наш курс.

А погода всё ухудшалась. Вообще-то этого следовало ожидать — за последние дни воздух слишком перегрелся, в нём скопилось столько

энергии, что рано или поздно она должна была разрядиться. И вот этот момент настал. Ветер усилился, перешёл в шквальный; крутые волны (каждая с бочку!) швыряли лодку, словно картонную коробку, и всячески пытались её перевернуть; надо было немедленно искать спасительное пристанище, но одержимый Дым не давал команду причаливать.

Так было всегда: в самых трудных ситуациях он оставался невозмутимым, предельно собранным — то есть, отлично владел собой и, несмотря ни на что, упорно шёл к цели. Но мне-то стало страшновато. Я промок до нитки (о Дыме и говорить нечего, но ему, выносливому, всё нипочем), в лодке уже плескалась и булькала вода, а мой капитан всё бесстрашно смотрел вдаль.

И вдруг перед нами открылось чудо — тихая бухточка с берёзами на берегу и ручьём, светлой змейкой сбегавшим в Великую; а напротив —

прямо-таки изумрудный островок. Обычно Дым равнодушен к красота́м подобного рода, но здесь разинул пасть, и я подумал — всё-таки мой друг не лишён чувства прекрасного, но ошибся. Перехватив его взгляд, я заметил на берегу якорь. Старый, ржавый якорь, полужасыпанный песком. Дым учуял железо на расстоянии нескольких метров! (Честное слово, у него внутри какой-то мощный магнит!). И какое железо! Главный предмет моряков и речников!

— Причаливаем?! — громко осведомился я у капитана.

Он отряхнулся и кивнул, а когда мы пристали к берегу, первым делом «пометил» речное сокровище, как бы приобретая его в собственность.

Мы расположились между якорем и ручьём на плотном влажном песке (потом-то я понял, что это было грубейшей ошибкой), наполовину вытащили лодку на сушу, поставили палатку и стали заготовливать топливо для вечернего костра, но посыпал дождь и пришлось забраться в палатку.

Под шум дождя я сменил Дыму мокрую повязку на сухую и стал ему пересказывать «Каштанку». Дым любит слушать рассказы о собаках, но предпочитает истории о героических собратях. В «Каштанке» ему нравится только одно место — где животные делают пирамиду и кот сваливается с гуся, а гусь с поросёнка. До этого места я не успел дойти — внезапно послышался нарастающий грохот, и в палатку полетело что-то тяжёлое, похожее на снаряды; некоторые из этих штуквин пробивали нашу обитель насквозь и плюхались в воду. У меня сразу мелькнула мысль — кто-то стреляет из пушки. Я хотел было выглянуть наружу, но тут же получил сокрушительный удар в голову и сразу потерял сознание.

Очнулся уже на песке — видимо, Дым вытащил меня за ноги из палатки — мой друг тормозил меня, облизывал, скулил — призывал вернуться из небытия, а когда я приоткрыл глаза, от радости завертелся на одном месте.

Вот так всё и произошло. Можно сказать, Дым спас мне жизнь. И не «можно сказать», а определённо, яснее ясного — именно благо-

даря Дыму я жив до сих пор. Очнувшись, я, естественно, прежде всего расцеловал своего спасителя, затем осмотрелся. На Великой свирепствовал ураган. Ручеек, который совсем недавно тихо стекал по откосу, уже представлял собой грохочущий водопад — мирная змейка превратилась в разъярённого дракона, извергающего булыжники. Не комья земли и мелкие камешки, а настоящие булыжники! Именно они и продырявили палатку, а один из них долбанул меня по голове.

Пока я осматривался и соображал что к чему, Дым шустро подскокил к байдарке и обвязал её швартовую верёвку за якорь. Это он, башковитый, сделал вовремя — в следующую минуту огромный вал воды (высотой, клянусь, с трамвай! Ну, может, на каплю меньше) подхватил нас и палатку и потащил в Великую. Словно какой-то сор, смыл нас и баста! Но байдарку-то якорь держал намертво. В неё мы и вцепились — я руками, Дым зубами.

Когда вал пронесло, мы попытались вылезти на берег, но взбухшая от дождя река так навалилась на лодку, что она, задрав нос, завалилась на борт и вдруг накрыла нас, как крышка от сундука. С невероятными усилиями, и только потому что было мелко, мы выбрались на поверхность.

Ну а палатку течение унесло. Впрочем, скорее всего, она сразу пошла ко дну, ведь в ней находились все вещи: рюкзак с остатками круп и банка сгущёнки, спальник, жилетка Дыма, чехол от лодки, топорик, кастрюля, миски, кружка, ложка, лекарства и подкова, которую Дым нашёл в деревне — короче, абсолютно все! Хорошо, что ещё куртка с нашими паспортами и деньгами была на мне (позднее я долго их сушил на солнце, но и после просушки они выглядели изжёванной обёрточной бумагой).

Понятно, о самой палатке я не очень жалел — после бомбардировки булыжниками она превратилась в решето, и её можно было использовать разве что как рыболовную сеть, а вот всё остальное было жалко. Особенно подкову (а вместе с ней и успех, и счастье в ближайшие годы) и жилетку Дыма, ведь он так ею гордился. Не медалями — жилеткой!

Ураган стал стихать, но дождь продолжал моросить; вода уже скрыла изумрудный островок и подбиралась к нашему песчаному возвышению. Мы с Дымом ходили по берегу в надежде хоть что-то найти, но нашли всего лишь перочинный ножик, который, вероятно, выпал у меня из кармана, когда я кувырчался у байдарки. Его обнаружил Дым на мелководье около лодки.

Чуть позднее, словно в насмешку, я нашёл ещё одну из своих галош. Вначале, со злости, хотел закинуть её куда-нибудь подальше, но потом пустил по волнам, как приметку стихийного бедствия.

Не стану пыхиться, корчить из себя всемогущего Робинзона, а из Дыма — Пятницу (или наоборот) — в тот момент мне было не до шуток. Промокший до внутренностей, я присел на песок, обхватил голову (она всё ещё звенела) и стал думать, что делать дальше?

Подошёл Дым и положил лапу мне на колено; по его мордахе текли дождевые струи, но он улыбался — Что бы ни случилось, слёзы у нас не польются, верно? Лодка-то у нас есть! Поплыли! Нечего время терять! Что мокнуть на песке, что в лодке — всё одно, а впереди что-нибудь подвернётся! — и, чтобы расшевелить меня, он стал что-то вытанцовывать на задних лапах, явно изображая клоуна-дрессировщика из «Каштанки». Как все сильные личности он не боялся показаться смешным.

— Вперёд, Дымок! Где-то недалеко турбаза! — сказал я, и мы под всё ещё морозящим дождём побежали к байдарке.

Глава двадцать девятая.

Инопланетянин Василий. Турбаза Алоль

Ближе к вечеру дождь наконец прекратился. К этому времени мы отмахали километров семь и вошли в озеро — самое большое из всех, которые встречали до сих пор. Над озером стояло синее марево, и в нём, прямо на воде, лежала... летающая тарелка! Немного удлинённой формы, со светящимися круглыми иллюминаторами! Ну вот и наступил ключевой момент нашей поездки! — сразу пришло в голову. Не знаю, как Дым, а я, честно скажу, немного сдрейфил и стал пятиться, грести назад.

Мой капитан вылез на «палубу», снял повязку с глаза и пристальной вгляделся в необычный объект. Потом дал мне сигнал — Подойди ближе!

Когда расстояние между лодкой и пришельцами сократилось, я услышал, что из тарелки доносятся какие-то звуки, похожие на тархтенье отбойного молотка, а на её краю отчётливо различил инопланетянина — он был в облегающем космическом костюме, стоял растопырившись, раскинув в стороны толстые руки-клешни.

У меня задрожали колени, по спине пробежал неприятный холодок, а Дым хоть бы что — всё машет мне лапой — Подгребай ближе!

Почему-то он был уверен, что мы найдём общий язык с представителями другой планеты, и они в знак космического братства непременно обогреют и накормят нас, и ещё что-нибудь дадут с собой.

Я полностью в этом не был уверен. Стоящие в такой самоуверенной позе могут не накормить, а укокошить, — подумалось. — И запросто могут нас схватить и увезти с собой, в совершенно другой мир, и тогда — прощай наша замечательная Земля; такие, как Великая, реки!.. Я в другую страну-то, самую распрекрасную, никогда не уеду, а тут в другой мир! Я только на минуту представил, что больше никогда не увижу свою захламлённую квартиру, Челкашку, друзей, и от страха у меня затряслось всё тело, будто я попал в камнедробилку.

А Дым всё наседавал на меня — Подгребай, говорю — и никаких гвоздей!

Мы подошли к кораблю вплотную, на дрожащих ногах я привстал, чтобы хоть одним глазом заглянуть в иллюминатор, и в это мгновение из люка тарелки вылез обычный землянин и зычно гаркнул инопланетянину:

— Кончаем, Василий, работу! Уже темнеет!

— Да, на сегодня хватит! — ответила курчавая голова, выглядывая из космического костюма.

Тут-то до меня и дошло, что инопланетянин всего лишь... водолаз Василий, а тарелка — не что иное, как водолазный бот.

— Пронесло! — выдохнул я и сам себе объяснил случившееся — И всё из-за синего марева. Попробуй в нём распознай обман! А Дыма

тянуло к боту из-за железа — в нём-то он знает толк, ведь в этой машине железа никак не меньше десяти тонн.

Осмелев, я бодро крикнул:

— Привет труженикам подводного мира! Не подскажите, далеко до турбазы Алоль?

— А вон она милая, — водолаз Василий показал на берег, возвышавшийся над маревом, где среди сосен виднелись островерхие строения. — Там уж танцы начались, а вы всё трали-вали, по озеру катаетесь (он явно не разглядел нас, ещё не отошёл от подводной темноты — ну какие мы с Дымом танцоры?).

Мы подошли к причалу турбазы и привязали байдарку рядом с прогулочными лодками, похожими на мыльницы. Потом по дощатым ступеням поднялись на асфальтированную аллею, и тут же на аллее зажглись фонари, высвечивая группы туристов, и где-то за соснами грянула музыка. Дым подумал, что это в нашу честь и, выгнув грудь колесом, довольно резво загарцевал к побелённому строению, на котором просвечивало: «Турбаза Алоль» (некоторые слова мой друг с трудом, но всё-таки может прочесть и правильно рассудил, что под этой вывеской располагается дирекция турбазы).

Директриса турбазы, молодая женщина со множеством украшений, похожая на разрисованный кувшин, встретила нас недружелюбно. Да что скрывать! — попросту враждебно. И сразу заговорила канцелярским языком.

— Мы принципиально дикарей не принимаем, — холодно ответила на мою просьбу дать нам возможность поужинать и переночевать, войти в бедственное положение байдарочников, которые пережили катастрофу.

— Повторяю, диких, неорганизованных туристов не принимаем. Только по путёвкам, — более развернуто повторила директриса. Потом осмотрела нас с ног до головы и сморщилась. — Скажите честно, вы бомжи? Почему вы обросший и босой, а ваша собака вся в шрамах? И вид у неё агрессивный. Она, наверняка, только и умеет, что драться? Ещё покусает здесь всех!

При этих её словах Дым хмыкнул, давая понять, что настоящий пёс и должен иметь шрамы; без них пёс — всего лишь плюшевая игрушка. Дым повернулся и был готов покинуть помещение (я же говорил, он гордый и требует к себе уважительного отношения).

— Подожди, дружище! — остановил я своего капитана, а директрисе важно сказал: — Он нашёл гранату! Мы отдали её поисковикам из отряда «Память». Об этом на реке многие знают. И может, кто-то из ваших туристов знает, спросите.

— Хм. Это, конечно, похвально. Но сейчас по Великой плывёт один иностранец. Специально приглашённый нашим районным начальством. С ним специально обученная собака. Сегодня утром в Анушкино она нашла целую бомбу! Это вам не гранаты, которые и мальчишки иногда находят.

Дым затоптался, загавкал, взывая строгую особу к справедливости.

— Успокойся, дружок! — я погладил Дыма, а директриса цыкнула на него и продолжила: — Эта информация всецело точная и засекречена, чтобы у населения не было паники. Вы поняли меня?

— Понял, — удручённо кивнул я, пришибленный грубым тоном директрисы (она говорила со мной как с нерадивым второгодником — и это при том, что я годился ей в отцы).

Переминаясь с ноги на ногу, я вспомнил утреннее копанье Дыма у моста и с некоторой надеждой спросил:

— А вы случайно не знаете, как его зовут?

— Кого? Иностранца?

— Нет. Его собаку.

— Знаю. Дым! Он породистый, не то что ваш Дружок!

Дым подпрыгнул от неожиданности, а я засмеялся и, подражая официальному тону директрисы, сказал:

— Ваша информация несколько приукрашена. Иностранец вовсе не иностранец, а наш, русский. И его пёс беспородный. Он перед вами! — с этими словами я положил на стол директрисы наши мокрые паспорта.

Глава тридцатая. Ох уж эти старикашки!

«В виде исключения» нам выделили отдельную комнату в одноэтажном летнем домишке и накормили «домашним» ужином — борщом, картошкой с котлетами и киселем (хотя нам больше по душе гречневая каша с тушёнкой, пропитанная дымом костра). И всё благодаря Дыму. Без него меня турнули бы за дверь, как бродягу. А может быть — кто знает этих туристических чиновников! — и посадили бы в тюрьму.

Всю ночь где-то за деревьями гроыхала дискотека. Тем не менее мы с Дымом прекрасно выспались в белоснежной постели (хотя, больше любим спать на речной гальке и еловых шишках под голоса ночных птиц). После всех мытарств мы спали, как сурки; нам не мешали ни звуки, ни выкрики с танцплощадки, ни шум машин на каком-то близком шоссе.

Мы встали раньше всех. Я ополоснулся у общего рукомойника, Дым лишь облизнулся и провёл лапой по мордахе — считал, что и без всяких умываний выглядит на все сто, несмотря на ещё не зажившие раны.

Я обвёл взглядом местность. Под высоченными соснами стояли домишки туристов; за ними простиралось сверкающее озеро; над его ширью кружили чайки. Глядя на эту прекрасную картину, я вдруг вспомнил ураган и наводнение и подумал — а ведь, и они по-своему прекрасны. В грозной стихии тоже есть красота. Красота могущества. Природа напоминает о себе, чтобы мы не забывались, не кромсали её вдоль и поперёк, поскольку она не только могущественная, но и чувствительная, ранимая, и если «покорители природы» не остановятся, она накажет их во всю силу.

После этих серьёзных размышлений я пошёл за Дымом, который уже направился к побелённому корпусу, где вечером я доказывал директрисе, что мы не бездомные оборванцы, а вполне добропорядочные горожане.

Около корпуса находился сарай, там на лавке сидел седой мужчина моего возраста; рядом лежал пёс-дворняга — судя по морде, ровесник Дыма. Оба дремали.

Мы подошли к своим двойникам, и я обратился к мужчине:

— Извините, что прерываю сон, но нам не у кого спросить — где здесь магазин и железнодорожная станция. Нам, понимаете, надо приобрести какую-нибудь обувь и билеты на Москву.

— Приветствую известных пиратов, — мужчина встал и пожал мне руку. — Сторож Иван Петрович, а он Тимофеич, — мужчина кивнул на собаку.

Я тоже назвался и представил Дыма (он с Тимофеичем уже обменялся почтительными кивками).

— О вас вчера говорила вся турбаза. Ну-у, твой Дым молодец! Ничего не скажешь, герой! Надо же, обнаружил немецкую авиабомбу! Если б она рванула? Все Анушкино взлетело б на воздух, а? И тут повыбивало б стекла...

— Я сразу почувствовал, что там какой-то снаряд, — сказал я, несколько преувеличивая свою заслугу в этом деле и примазываясь к славе Дыма.

— Да-а, — покачал головой Иван Петрович. — А магазинов здесь полно. Пойдёшь за шоссе. Там большой посёлок, — сторож показал на выход с турбазы. — Не знаю, открылись уже или ещё нет... А станция... Это только в Идрице. Двадцать километров отсюда. По реке и побольше... Но вам, героям, это раз чихнуть, хе-хе.

Магазины уже были открыты. Я вначале зашёл в промторг (Дым ждал меня у входа). Самые простые кеды стоили баснословные для нас деньги. Поэтому я решил доехать до Москвы в резиновых сапогах. Ни на палатку, ни на рюкзак, ни на спальник у нас денег не было, а если бы и были, эти вещи не имело смысла покупать — до станции оставалось всего ничего, максимум два дня хода по реке.

Вместо палатки я купил кусок полиэтиленовой плёнки, вместо рюкзака — хозяйственную сумку, а спальник нам был и не нужен — снова наступала жара. Зато на ошейник Дыму я не поспешил — выбрал самый лучший, с длинным поводком (хотя, конечно, он заслуживал ошейника с бриллиантом). Ну и конечно, я приобрёл котелок, две миски, кружку и ложку.

Потом мы с Дымом зашли в продмаг и закупили кое-какие продукты и спички, а чтобы не злоупотреблять гостеприимством на турбазе (не напрашиваться на завтрак), заглянули в открытое кафе и заказали свои самые любимые блюда.

Я заказал яичницу с луком, дюжину бутербродов и два стакана киселя, а Дым прогавкал — Возьми мне пять мясных котлет и побольше гарнира!

Но когда официант узнал, что котлеты будет есть «знаменитый пёс», он притащил Дыму шестую котлету.

— Персонально от нашего повара, — сказал.

Мы наелись так, что у меня началась икота, а Дым рыгнул и пукнул, при этом обернулся — он ли это или кто-то подложил ему сзади хлопушку?

Когда мы вернулись на турбазу, время завтрака уже закончилось, и туристы разбрелись кто куда. Но сторож Иван Петрович и его пёс Тимофеич сидели на месте.

— Купил, что хотел? — спросил Иван Петрович.

— Всё жутко дорогое. Обойдусь скороходами, — я хлопнул по резиновым сапогам и присел рядом со сторожем.

— Хм, дорогое. А что теперь дешёвое? Теперь деньги всё решают. У кого они есть, тот жирует, а у кого нет, кукует. Разные пронирливые воспользовались ситуацией и быстро обогатились... Вот дальше поплывёте, увидишь дачи этих новых русских. Это, скажу тебе, дворцы... Говорят, скоро они поставят на реке знаки: «Частная собственность. Причаливать запрещено!».

— В Подмосковье тоже полно дворцов, но меня это не волнует, — сказал я. — Согласись, нам с тобой ни дворцов, ни джипов и даром не надо. Новые русские любят деньги, а мы, старые русские, любим природу, животных, — я погладил Дыма, который, когда велись подобные разговоры, всегда стоял рядом и был полностью согласен со мной.

— Что да, то да. Я ведь здесь, на турбазе, подрабатываю к пенсии. И не только ради денег, а, веришь ли, ради вот этих золотых сосен, озера и Тимофеича, хе-хе.

— У тебя душа художника, — вставил я.

— Так если в нашем возрасте душа не помягчала, считай, что прожил зря, — философски заключил Иван Петрович. — Если дожил до лысины (он бросил взгляд на мою плешь) или до седых волос (он провёл рукой по своей роскошной серебристой шевелюре) и у тебя не появилось, скажем, жалости к животным, то ты ничего не понял в жизни, ведь так?

— Это ты метко сказал. Безоговорочно тебя поддерживаю. Мне сродни твои мысли. У тебя, Иван Петрович, голова философа, — я совершенно искренне поражался мудрости своего собеседника.

— Нельзя обижать тех, у кого ум слабее, чем у человека, — выдержав паузу, продолжил Иван Петрович. — Вот возьми воробья, — он кивнул на воробьёв, которые купались в пыли. — Крохотная птаха. Головка с пуговицу, а много чего понимает... У нас в посёлке... Я в посёлке живу, куда ты ходил... Моя соседка уехала в город на пару дней. Смотрю, к ней через форточку залетела воробьяха и бьётся меж рам, никак не может выбраться, да... А снаружи к ней подлетел воробей, самчик с чёрной грудкой. Тоже бьёт клювом по стеклу, пытается освободить подругу. Так-то... Ну а когда соседка приехала, воробьяха уже отдала богу душу... А у другой соседки кот сцапал птенца трясогузки и запрятал где-то под домом. Птенец не успел взлететь, да... Так теперь трясогузка летает за соседкой, пищит. Вроде просит — отдайте моего птенца!

В этот момент Тимофеич положил лапу на руку сторожа и, глядя ему в глаза, подал голос — Скажи что-нибудь обо мне! Что ты всё о птицах, да о птицах!

— Вот возьми Тимофеича. Он ничейный. Помогает мне сторожить, — Иван Петрович погладил своего напарника. — Некоторые туристы мне говорят: «Дед, придержи собаку!». А директор только и кричит на него: «Выметайся!». А кому он мешает, скажи? Он тихий, бесконфликтный, мне помогает. Если какой пьяный забредёт или пацаны подерутся, даёт мне знать...

— У тебя, Иван Петрович, любвеобильное сердце.

Я не притворялся, нахваливая сторожа, а по-настоящему восхищался им. Да и как было не восхищаться, если при всём при том он ещё и выглядел, как огурчик. Когда я и об этом ему сказал, он выпрямился и хмыкнул:

— Хм! А я ещё не очень старый, хе-хе. Мне всего шестьдесят восемь. Я ещё бодрячок. Неплохо выгляжу, а? Бывает, прихватит какая болезнь, но я сразу начинаю работать. По хозяйству ведь всегда найдётся где-то что-то подкрутить, подправить. Начну работать и болезнь отступает.

Тимофеич зевнул, широко разинув пасть, подошёл к Дыму и шепнул ему в ухо — Ох уж эти старикашки! Надоела их болтовня! Пойдём, пометим турбазу! Покажу тебе кое-что интересненькое!

Они направились в кустарник. Я тоже поднялся.

— Спасибо тебе, Иван Петрович, за беседу!

— Приезжай сюда ещё. Здесь, видишь, какие места!.. А общение — наше богатство. Если ещё свидимся, побеседуем. Но я провожу вас...

Мы окликнули Дыма с Тимофеичем, которые бродили по кустам, и спустились к озеру. Иван Петрович показал, где вытекает Великая.

— Там дальше, за дачами новых русских, начнутся места ещё лучше...

Когда мы с Дымом усаживались в байдарку, Иван Петрович снова вернулся к разговору о животных.

— Эти новые русские, пропади они пропадом, совсем осатанели от богатства. Один держит лисицу в клетке, другой коршуна. Сейчас у них это такая мода... А я и зоопарки не терплю. Это ведь те же тюрьмы для животных. Главное для всех животных что? Свобода! Верно?

— Верно. Если бы я был в правительстве, я издал бы указ — держать животных только в заповедниках, а людей возить по заповедникам в клетках, — уже из лодки сказал я.

— Таких, как мы, в правительство никогда не допустят, — усмехнулся Иван Петрович, разбивая мои фантазии вдребезги.

— Да мне власть, в общем-то, ни к чему. Я издал бы пару-тройку законов и тут же ушёл бы из правительства. У меня есть дела поважнее. Вот надо описать наше с Дымом путешествие.

Глава тридцать первая. Загадочное болото. Дым совершает подвиг

Великая после озера стала судоходной; по ней сновали моторные лодки и даже степенно проходили крупные парусные яхты — как я догадался, собственность новых русских. Рядом с этими исполинами наше утлое судёнышко казалось щепкой с букашками.

Недалеко от турбазы на обоих берегах показались дворцы новых русских. Они ничем не отличались от владений Подмосковных богачей — такие же безвкусные кирпичные монстры; одни с башнями, другие с бетонными ограждениями трёхметровой высоты — ясно, каждый хотел переплюнуть другого, выделиться своим вопиющим богатством.

«Вот дуралеи, — подумал я. — Лучше б построили дорогу и клуб в деревне Копылок, где живут Федька и Мария, и музей поисковикам из отряда «Память». Или подарили бы машину «скорой помощи» доктору Нине из Анушкино, а Петрову из села Высоцкое — вездеход, чтобы ему легче было ловить браконьеров и разных чёрных копателей. Или дали бы деньги Никитичу с озера «Большие очки», чтобы он осуществил все свои благородные планы, и Ивану Петровичу с Алоли, чтобы он устроил заповедник». Я вспомнил всех замечательных людей, которых мы встретили на Великой, и мне стало обидно, что эти люди не имеют того, чего заслуживают.

Как и говорил сторож турбазы, после уродливых особняков потянулись красивые места: белые пляжи, красноглинистые обрывы, зелёные перелески и сверкающие ручьи, то слева, то справа впадающие в Великую. Пейзажи менялись, точно декорации в театре; за каждым поворотом реки открывался новый вид, ещё более прекрасный, чем был перед ним.

Под палящим солнцем мы прошли большую часть пути до станции Идрица, но потом встречные байдарочники погасили наш пыл — сказали, что поезд на Москву будет только в полдень на следующий день.

На днёвку мы причалили к деревне Лесопильня, которая стояла на обрывистом берегу. Хозяева домов сидели на лавках перед домами и смотрели, кто проплыл и куда. Великая для них была неким кинозалом

с документальными фильмами. На мой вопрос: «Где же лесопильня?», жители объяснили, что от неё остались одни воспоминания и опилки, на которых деревня стоит.

— Улица у нас мягкая. Идёшь, так заборы шатаются, — сказал усатый мужчина. — Прокатит машина, так дома подпрыгивают... А лесопильня находилась там, — усач показал на сосновую рощу дальше по берегу. Её купил один денежный мешок из Пскова. Теперь строит дачу.

— А там заветные места, — тихо прошепелявила одна старушка. — Святой родник и бывают явления иконы Божьей матери.

— Там, между прочим, рядом загадочное болото, — вмешалась светловолосая девушка, которая грызла семечки и, сидя на лавке, болтала ногой. — Туда все туристы заглядывают. Там при грозе появляются шаровые молнии. Там в воду коровы не заходят и собаки сторонятся.

Услышав про трусливых коров и собак, Дым нахмурился, бугорки на его лбу сошлись, и он выдал — Труссы!

Подогревая наш интерес к болоту, девушку поддержал парень в спортивной кепке.

— Там стрелка компаса мечется, как заводная. Одни студенты из столицы приезжали, обследовали болото, сказали: «Туда упал метеорит».

Услышав про метеорит, неумный Дым выступил вперёд. Я понял на что он замахнулся — проверить версию о небесном осколке.

— Где это болото? — несколько вызывающе спросил я, давая понять, что мы сейчас поставим в этом вопросе окончательную точку.

Парень решил нас проводить, и мы втроём пошли вдоль берега. По дороге Николай (так назвался парень) спросил, что мы собираемся делать и, чтобы его не интриговать, я рассказал о необыкновенных способностях Дыма. К сожалению, дальше турбазы о нём никто ничего не слышал, и Николай мне не поверил.

Болото находилось в нескольких метрах от реки. С одной стороны над ним нависали сосны, с другой — подступал глухой дощатый забор, огораживающий какую-то стройку. Действительно, водоём выглядел страшновато: бурая вода без всяких признаков жизни — ни лягушек, ни водяных насекомых.

— Ну Дым, действуй! Вперёд, дружище! — бросил я клич, а он, разморённый жарой, уже забрался в воду.

Доплыв до середины болота, Дым стал тревожно кружить на одном месте. Время от времени он опускал голову в воду, потом поднимал, тряс ушами и посылал мне многозначительные взгляды — Там что-то есть! Наконец он нырнул, но быстро вынырнул — видимо, мало набрал воздуха для погружения.

— Надо же, ныряет! — удивился Николай. — Вы ему пробки в уши вставили, что ли?

Я только усмехнулся. Моя усмешка означала, что «ныряние» — всего лишь одна из граней таланта моего друга.

Отдышавшись, Дым снова ушёл под воду — на этот раз надолго. Даже слишком. И я перепугался, и уже снял сапоги, чтобы нырнуть за ним, как он появился на поверхности... с каким-то предметом в зубах.

— Ну, даёт пёс! — Николай снял кепку и почесал затылок. — Такого еще не видел!

Выйдя из болота, Дым положил передо мной кусок дюрэли. Обшивка самолёта! — мелькнула у меня догадка, и я высказал её парню.

— Маловероятно, — замотал головой Николай. — Но, вообще-то, стоит проверить. Сейчас как раз водолаз Василий работает на Алоли. Что-то ищет. Пожалуй, сгоняю туда на велосипеде. Пусть, когда освободится, заглянет сюда, всё равно их ковчег к вечеру пойдёт мимо, в низовье. У них там база, а Василий мой кореш. Вот просто интересно, чем закончится эта история с географией. Вы не спешите?

— Мы не спешим, но сколько отсюда до станции?

— Она на вас давно смотрит. Вон она, на том берегу! В десяти шагах за пристанью.

На противоположном берегу среди домов виднелась пристань. Она стояла впереди всех строений, поблескивала ярко-зелёной краской и вроде любовалась своим отражением в Великой.

— Тогда мы подгоним байдарку сюда, — я показал на речную отмель рядом с болотом.

— Замётано! — Николай вскинул руку. — Ждите! Я быстро, с ветерком, сгоняю в Алоль (позднее это «быстро» растянулось на несколько часов).

Николай заспешил в деревню, а мы к своей лодке.

— Ну что, Дымок, неужели там обломки самолёта? — обратился я к своему отважному другу.

Он кивнул.

Издали наша байдарка как-то сиротливо лежала на боку, и я вдруг подумал — а ведь она стала нам почти родной. С драной «палубой», исхлётанная волнами и покорябанная всем, что только выступало из воды и торчало из суши, она была мне дороже самых современных пластиковых катеров. Всё оттого, что мы вместе многое пережили. И, надо признаться, если бы не наше судёнышко, мы с Дымом давно бы кормили рыб на дне. Дым это понял ещё в первые дни поездки. Я забыл сказать — на стоянках он частенько подбегал к байдарке и тёрся о её борта, в знак особой благодарности.

Шлёпая по воде у берега, мы бурлацким способом протащили лодку к отмели. От жары нас обоих сильно разморило, и я предложил Дыму сходить к святому роднику попить ключевой воды.

Дым безразлично относится к суевериям и, напившись, как ни в чем не бывало прошагал к байдарке и лёг в её тени. А я вдруг почувствовал поразительную лёгкость, как будто мне сбросили двадцать—тридцать лет, и не я несколько минут назад, взмыленный, еле добрёл до родника. Словно бравый молодец, я побежал к Дыму, вытворяя прыжки на уровне олимпийского чемпиона, а подбежав, сделал стойку на руках, которую и в молодости никогда не делал. У Дыма от удивления глаза полезли на лоб.

Но главное, когда я прилёг рядом со своим другом, внутри меня зашевелилось что-то святое — мне захотелось, чтобы все мои московские друзья-стариканы, которых мучают болезни, тоже помолодели. Я нашёл на берегу пустую полиэтиленовую бутылку и вновь сбегал к источнику, набрал святой воды и... проснулся. Меня растолкал Дым — Пора готовить обед!

Когда мы уже приготовили суп на костре, Дым неожиданно вбежал в воду и гавкнул. Я обернулся — к берегу подходил водолазный бот, который ещё на озере произвёл на моего друга сильное впечатление. На корме бота стоял Николай с велосипедом, курчавый водолаз Василий и его помощник, длинный парень в тельняшке.

— Наслышался о вас в Алоли, — сказал Василий, сходя по трапу и протягивая мне руку. — Этот пёс далеко пойдёт, — он кивнул на Дыма. — Такое с гранатой и бомбой отчубучил!

Помощник водолаза поддержал шефа:

— Знаток металла! У него не иначе как локатор в черепушке.

— А может, в него переселилась душа токаря пятого разряда? — вставил Николай.

— Всё может быть, — кивнул Василий. — Мы мало что знаем о животных, и я давно ничему не удивляюсь. У меня был кот. Так он за несколько километров по слуху определял, наш бот идёт или какое другое судно. И выходил меня встречать.

Василий с помощником принесли гидрокостюм, маску, кислородный баллон; стали готовить снаряжение, перекидываясь шуточками:

- Интересная у нас работёнка, трали-вали.
- То утопленников ищем, то чистим русло Великой от мусора.
- Разнообразная. То озеро, то река, то болото, трали-вали...

Дым контролировал все их действия и даже сунул голову в маску, пока она лежала на песке, как бы примеряя доспехи специалиста-подводника.

Спустя полчаса водолаз Василий, облачившись в гидрокостюм, зажёл фонарь и вошёл в болото. Он вышел быстро и, погасив фонарь и сняв маску, сказал:

— Под илом лежат обломки самолёта. Звезда на крыле видна четко. Это вам не трали-вали! Надо пригонять подъёмный кран.

К этому времени вокруг болота уже столпились мальчишки из Лесопильни; услышав потрясающую новость, ребята подняли такой галдёж, что Дым залаял, призывая их к порядку.

— Это событие крупного масштаба, — сказал Николай, который стоял рядом со мной.

А водолаз Василий подошёл к Дыму и пожал ему лапу.

— Подтверждаю, ты достал кусок фюзеляжа! Ты совершил подвиг! Прими мои поздравления!

Помощник водолаза и Николай тоже бросились поздравлять моего друга; мальчишки начали скакать вокруг него и визжать — устроили сумасшедшее ликование. А он — это особо отмечу — не возомнил себя героем, не стал выпячиваться и задирать нос, не устроил победного шествия — в общем, не заболел звёздной болезнью. Он оставался таким же, каким был всегда — спокойным ко всяким восторгам и похвальным словам. Дым проявил еще одно свое ценное качество — скромность.

Конечно, в глубине души Дым радовался, а я так от радости не чувствовал под собой ног, но всё же наша радость была не полной, ведь мы так и не пообедали, а у меня уже под ложечкой сосало, а у Дыма в желудке бурчало, как в испорченном водопроводном кране. Только

когда водолазный бот ушёл в низовья Великой, а жители Лесопильни отправились к своим домам, мы, наконец, съели уже остывший суп. Потом, откинувшись на песок, я сказал:

— Сегодня ты, Дым, отличился как никогда. По такому случаю предлагаю устроить отдых. К станции пойдём утром. А сегодня искупаемся, просто посидим на берегу.

Дым промолчал, потому что понял — наше путешествие закончилось.

На закате солнца, когда из-за сосен стали наплывать, похожие на дирижабли, облака, мы из подручного материала — всяких веток и палок, и куска полиэтилена соорудили шалаш. Не столько на случай дождя, сколько для уюта.

Потом искупались, сели перед шалашом и, прижавшись друг к другу, долго смотрели на проплывающие суда... Мне больше всего нравились речные трамваи, которые шли в огнях, с музыкой. Дыму — буксиры с автомобильными покрывками на бортах; эти речные трудяги натужно толкали баржи, оставляя за собой клубки сизой гари. Дым, как всегда, был на стороне тех, кто превыше всего ставит работу, а не развлечения.

Глава тридцать вторая, последняя. Абсолютно чистое голубое небо

В десять часов утра мы уже сидели на платформе Идрица и ждали поезд на Москву. Над нами было абсолютно чистое голубое небо. Голубизна прямо-таки искрилась, и в ней с писком носились стрижи.

Дым смотрел вдаль — туда, где за домами блестела Великая. Он был не прочь вернуться к реке, собрать байдарку и плыть к Чудскому озеру и дальше, до самого Балтийского моря. Я перебирал в памяти все десять дней путешествия.

Наш багаж состоял из одной байдарки, завернутой в полиэтиленовую плёнку (сумку с посудой мы отдали первому попавшемуся рыбаку, когда рано утром причалили к Идрице). Нас с интересом разглядывал парень, сидевший с баулом на соседней скамье. Он всё время усмехался, его так и подмывало что-то сказать нам. Он долго крепился, но всё же не выдержал:

— Туристы-заочники, ха! В вашем возрасте уже поздно заниматься водным спортом, а дворняжка — она и есть дворняжка, ей только брехать во дворе. Вот у меня ротвейлер...

Дым с презрением посмотрел на парня и отвернулся. А я решил высказать этому балбесу всё, что думаю о таких, как он, но только раскрыл рот, как Дым положил голову мне на колено, подмигнул и растянуто выдохнул:

— Не обр-рацай вни-имания!

Это он произнёс на чистом русском языке, даже с московским акцентом. Меня не удивил этот новый прорезавшийся талант моего друга, ведь если собака талантлива в чём-то одном, она, как правило, талантлива и во многом другом (как и человек, кстати). Удивила выдержка Дыма; я подумал — каким же надо быть уверенным в себе, чтобы не замечать всякие мелкие уколы.

Я вспомнил, что благодаря Дыму, его высокому знанию лодки, мы ни разу ни во что не врезались. Он искусно руководил манёврами нашей байдарки. По сути дела, я только выполнял его команды. Конечно, случалось, мне доставалось от него: он орал на меня, отчитывал

за нерасторопность, но капитан и должен быть требовательным и жёстким. Мягкотелого капитана команда никогда не будет уважать, такой капитан на судне — попросту тряпичная кукла.

Вспомнил, как при крушении Дым за верёвку тянул нашу полузатопленную лодку, поднимая тучу брызг. Но я забыл сказать, что когда мы с Дымом просто плавали наперегонки, он без всяких брызг, бесшумно разрезал носом гладь воды; за ним только тянулась серебристая цепочка пузырьков. И он всегда меня обгонял. И ныряет Дым без брызг; на поверхности лишь крутятся ровные завитки. Говорю совершенно объективно — Дым первоклассный ныряльщик. Да, собственно, это подтвердил и водолаз.

Я вспомнил, как во время урагана Дым спас мне жизнь. Ведь я лежал в палатке без сознания и, если бы не он, пошёл бы ко дну в брезентовом мешке. В общем, потрясающий у меня дружище, ни с кем не сравнимый.

В заключение, хочу отметить погоду. Дни в основном были двух видов: жаркие и очень жаркие, когда нас спасали только река и тень от деревьев. Что и говорить, погода стояла прекрасная — точно мы заказали её для себя. Её и маршрут, конечно. Ведь с чем — с чем, а с приключениями нам повезло.

Послесловие

Спустя месяц после нашего возвращения в Москву я получил письмо от Николая из Лесопильни. В нём он сообщал, что подъёмный кран вытащил из болота обломки нашего истребителя «ЯК» времён войны. И что по номеру мотора определили лётную часть и фамилию лётчика.

А в конце года я получил бандероль из далёкого сибирского городка. В бандероли лежало письмо от сестры лётчика. Она благодарила нас с Дымом за то, что мы помогли разыскать останки её брата. Вместе с письмом в бандероли лежала медаль, которую, по словам сестры лётчика, сделал её внук. Медаль представляла собой кругляк, аккуратно вырезанный из консервной банки. На нём

Леонид Сергеев. Мои собаки

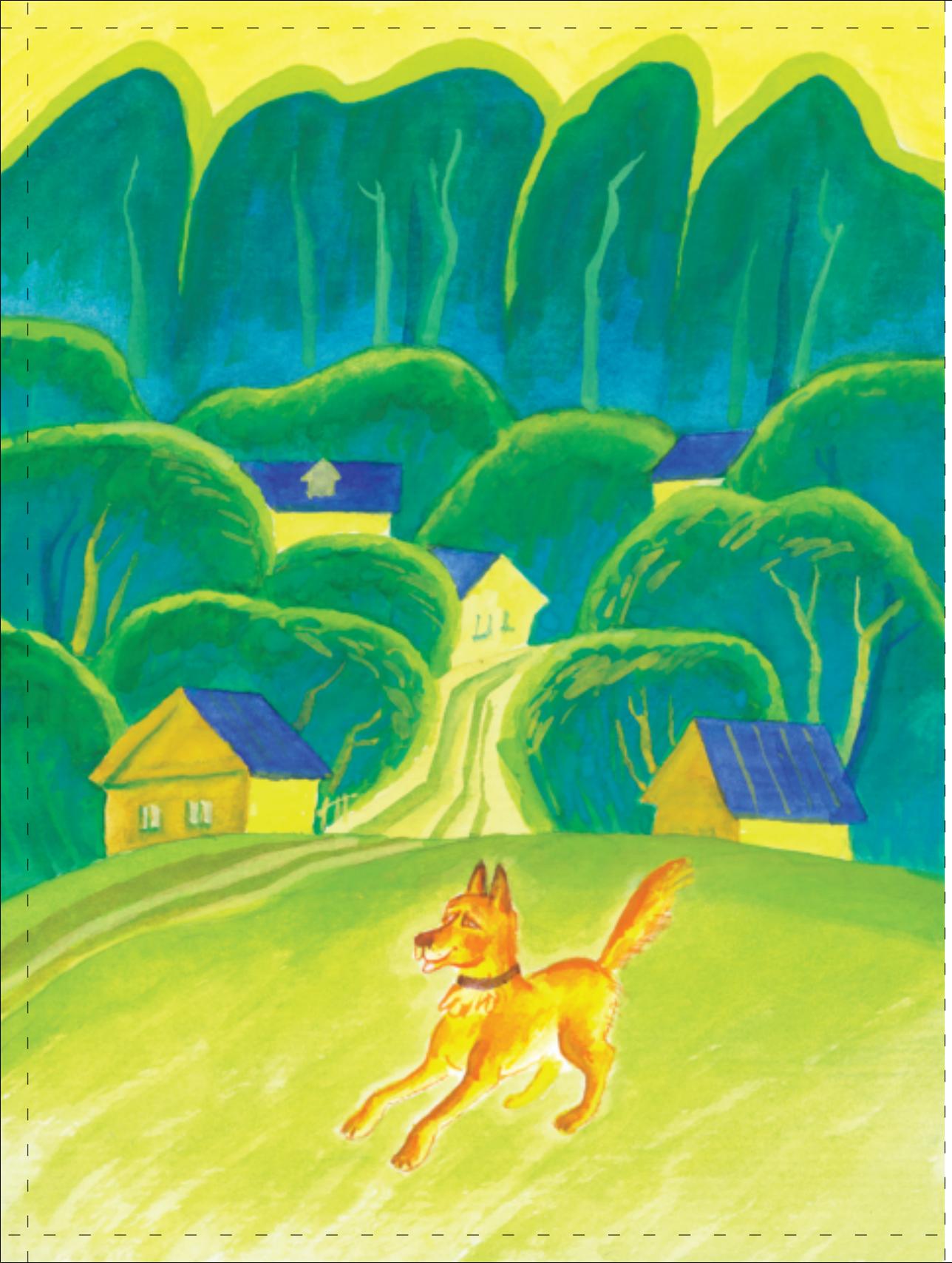
синей краской было написано: «Отважному Дыму за героический подвиг!».

...В некоторых странах собакам поставлены памятники. В Париже — сенбернару Барри, который во время снежных лавин в горах спас сорок человек. На Аляске — вожаку упряжки Балту, который во время эпидемии доставил в занесённый снегом посёлок лекарство. В Италии — Верному, который четырнадцать лет каждый вечер подходил к поезду встречать хозяина, убитого на войне... В нашей стране нет таких памятников. Я надеюсь, когда-нибудь они всё же будут. И один из них — Дыму. Мой друг — беспородный, мало кому известный (разве что только в районе Великой), его заслужил. Думаю, читатели со мной согласятся.

2004 г.

МОЯ ПРЕКРАСНАЯ ПОДРУЖКА

Вместо предисловия

Вы, читатели, не хуже меня знаете, что всё живое на земле рано или поздно умирает — так уж устроен мир, и здесь ничего не поделаешь. Понятно, нам особенно горько, когда умирает кто-то из наших близких, и вы, наверняка, догадываетесь, каково мне было хоронить Челкаша и Дыма. Да, мои четвероногие друзья умерли. Челкаш умер в солидном возрасте, когда ему было тринадцать лет. Дым прожил ещё больше — на целых три года. Оба моих друга лежат под огромной елью на опушке леса в тридцати шагах от моего дачного участка.

Я тяжело переживал потерю «лохматых братьев»; до сих пор мне сильно их не хватает; приезжая на дачу, я подолгу стою у их могилы, вспоминаю нашу жизнь втроём и, конечно, наши путешествия.

Глава первая. Однажды зимой

Однажды зимним вечером в нашем подъезде появилась собачонка — девица, щенок. По виду ей было месяца четыре, не больше. Я сразу определил — она беспородная, но её предки явно происходили из овчарок. Во всяком случае, уши у неё стояли, и окрас был светло-рыжий, а в осанке угадывалась некая царственность, свойственная сторожевым собакам. Она была с ошейником на длинном поводке, привязанном к перилам лестницы, и я подумал, что её хозяин находится у кого-то из жильцов первого этажа и вот-вот выйдет. Но утром, отправляясь на работу, я увидел собачонку на прежнем месте — лежит, свернувшись клубком, и трясётся от холода. Я позвонил в квартиру, где жила первоклассница Аня, которая давно хотела завести собаку, но её родители и слышать не хотели ни о какой собаке, они держали двух кошек.

— Твоя собачка? — спросил я.

— Нет, — покачала головой Аня. — Подружки привели и привязали здесь. Они её нашли у школы. Она ничейная.

— Как же ничейная, когда у нее ошейник с поводком?

— Это Танька ей надела.

— Какая Танька?

— Подружка моя. Она живёт в доме у школы. Танька собачку Альмой назвала.

Услышав свою кличку, собачонка привстала, завиляла хвостом, потянулась к девчонке, но поводок её не пустил дальше двух ступеней.

— Так собачонка Танькина? — спросил я.

— Нет. Альма у них только два дня прожила, потом Танькины родители её выгнали, сказали: «куда будем девать щенков»? У них уже есть собака — Платон... И мои родители не хотят Альму брать. Говорят: «Давай тебе купим попугая. Попугая — пожалуйста, а собаку — ни за что!» — Аня зашмыгала носом: — Дядь Лёнь, возьмите Альму себе.

— Не могу её взять, — буркнул я. — Ты же знаешь, я только недавно похоронил Дыма и дал себе слово — больше собак не заводить, слишком тяжело их терять.

Аня вздохнула:

— Ну, может кто-нибудь другой возьмёт.

— В нашем доме вряд ли возьмут. Кто хотел иметь собаку, уже имеет... Ладно, отведу её пока к себе, чтоб она здесь не мёрзла, а с работы позвоню кое-куда, попробую найти ей хозяина.

Альма с радостью вбежала со мной на второй этаж, жадно слопала миску супа, куда я нарезал пару сосисок, и тут же легла посреди комнаты, уставившись на меня благодарным взглядом.

Здесь скажу вот что — нельзя брать к себе собаку ненадолго, надо или не брать, или брать навсегда. Это особенно касается животных, у которых ещё не было хозяина, ведь бездомное животное привязывается к каждому, кто его приютил. А случается — приведут домой собаку, поиграют с ней и при первых сложностях выбрасывают бедолагу на улицу. Представляете, какая это травма для животного? Как писал французский писатель Сент-Экзюпери: «Мы все в ответе за тех, кого приручили».

Естественно, я знал — стоит мне оставить Альму у себя хотя бы на день—два, как я уже не смогу от нее отказаться. Поэтому, приехав

на работу, я сразу же позвонил в «Общество защиты животных» — почти бесправную и бедную организацию, состоящую из трёх женщин, больших любительниц животных. В том «Обществе» я давно был своим человеком, а после того, как заимел «Москвича», стал и «скорой ветеринарной помощью» — отвозил по лечебницам больных собак, доставлял продукты пенсионеркам, которые держали по несколько животных, и прочее. Кроме меня, «Обществу» помогал парень-фотограф и несколько девушек: парень делал снимки дворовых собак, а девушки пристраивали снимки в районные газеты. Под фотографиями делали надписи приблизительно такие: «Жизнерадостный годовалый метис Алёша ждёт любящего хозяина». Или: «Ласковая девочка по кличке Мордашка (пять месяцев) очень надеется стать кому-то нужной. Отдадим в хорошие руки». Помимо этого, девушки записывали в тетрадь тех, кто хотел иметь собаку, но вполне определённую. Например, «очень маленькую» или «очень красивую, с янтарными глазами», или «приученную к командам». Мне повезло — в списке оказалась запись: «Женщина из Зеленограда готова взять молодую собаку, похожую на овчарку». Девушки дали мне телефон этой женщины и сказали:

— Вы только обязательно узнайте — любит ли она животных, держала ли раньше собак? И где будет держать собаку — в доме или на цепи во дворе?

Женщину звали Нина Ивановна. По телефону её голос звучал приветливо, дружелюбно. Да, она давно хотела завести собаку, она одинокая, и ей нужен друг, готова прямо сейчас приехать. В общем, эта Нина Ивановна сразу располагала к себе.

Мы договорились встретиться через два часа на конечной остановке автобуса из Зеленограда у метро «Речной вокзал». Приехав домой, я увидел — собачонка безмятежно спит на тахте; она так промёрзла за ночь, что не слышала, как я вошёл.

— Всё, Альма, поднимайся! — сказал я. — Нашёл тебе замечательную хозяйку!

Собачонка поспешно прыгнула с тахты. Я надел ей ошейник, и мы вышли во двор. Но когда я открыл дверь «Москвича» и подтянул

Альму, она заволновалась и стала упираться. Пришлось брать её на руки и усаживать на сиденье.

Глава вторая. Улыбчивая «птичница»

Нина Ивановна оказалась круглолицей, улыбчивой, её теплый взгляд излучал доброту. Она подошла ко мне с коробкой... яиц.

— Это вам, — сказала, протягивая коробку. — Я работаю на птицеферме.

Я начал было отказываться от необычного подарка, но Нина Ивановна обезоружила меня простодушной улыбкой:

— Берите, берите! Яички свежие, таких в магазине не купите, специально вам везла, — и сразу удивлённо расширила глаза: — А где же Альма?

Я показал на машину, где из салона встревоженно выглядывала моя рыжая подопечная.

— Симпатичная, — улыбнулась Нина Ивановна, когда я вывел Альму, и она, увидев свою новую хозяйку, вильнула хвостом и два раза негромко твякнула.

— И вы Альме нравитесь, — пояснил я Нине Ивановне значение гавканья (я уже говорил, что неплохо изучил собачий язык и при общении людей с собаками работаю переводчиком).

— Мы подружмся, — по-прежнему улыбаясь, сказала Нина Ивановна.

— А если не подружитесь, не сойдётесь характерами или ещё что, сразу звоните мне. Я приеду, заберу Альму, подыщу ей другого хозяина.

— Подружмся! — уверенно заявила Нина Ивановна.

— Хорошо бы, — я открыл дверь машины. — Садитесь, отвезу вас в Зеленоград.

— Нет, нет, спасибо, — покачала головой Нина Ивановна. — Меня в машине укачивает, да и соседка недавно ехала в такси и попала в аварию. На автобусе удобней и безопасней. В это время автобус

полупустой, идёт всего-то сорок минут и подходит прямо к дому. Так что, спасибо.

Нина Ивановна взяла поводок Альмы:

— Пошли, подруга!

Несколько секунд Альма растерянно топталась на месте, смотрела то на меня, то на Нину Ивановну, не в силах решить, с кем ей остаться.

— Пошли, пошли, подруга, — Нина Ивановна потянула Альму за поводок и, попрощавшись со мной, заключила: — Не беспокойтесь, всё будет хорошо!

— Ну, будь счастливой, девочка! — погладил я Альму на прощанье.

Когда они садились в автобус, Альма обернулась и посмотрела на меня долгим, и как мне показалось, погрузневшим взглядом. Этот её взгляд преследовал меня всю обратную дорогу. «Может, стоило её оставить у себя», — подумалось, но тут же я отогнал эту мысль — всех бездомных не приютишь. К тому же, я никогда не держал собак-девиц и не представлял, каково с ними. Да если ещё появятся щенки, кто возьмёт беспородных?

Глава третья.

Некоторые размышления о «гражданах собачьего племени»

До весны я несколько раз звонил Нине Ивановне, и всегда она радостно сообщала, что живут они с Альмой дружно, по вечерам гуляют вокруг птицефермы, что Альма подросла и выглядит, «как принцесса», потому что ест «всё самое лучшее».

— Вообще живёт у меня, как сыр в масле, — заключала Нина Ивановна. — У неё райская жизнь, любая собака позавидует.

Однажды весной, когда всё блестело, сияло, сверкало, шумело и гремело, я решил съездить на дачу, чтобы «расконсервировать» её, но в основном — чтобы пройтись по лесу, подышать свежим воздухом. Заодно я решил заехать к Нине Ивановне, посмотреть на Альму, благо Зеленоград недалеко от нашего посёлка. О своем плане я сообщил Нине Ивановне по телефону. Неожиданно она пришла в некоторое замешательство:

— А зачем? — услышал я в трубку. — Альма уже забыла вас, к чему ей лишние волнения?

Я начал объяснять, что «Общество защиты животных» всегда следит за судьбой своих подопечных, и что мне уже звонили, спрашивали об Альме (это было правдой).

— Ой, так неожиданно! Ну хорошо... — нехотя согласилась Нина Ивановна. — Только вы назовите точное время, когда приедете, а то мало ли что...

Это «мало ли что» насторожило меня.

Птицеферма находилась несколько в стороне от Зеленограда; с ней соседствовало несколько четырёхэтажных домов, в которых проживали работники фермы. В назначенный час я подъехал к дому Нины Ивановны и позвонил в квартиру. И тут же услышал лай. Нина Ивановна открыла дверь, и я увидел Альму. Она сразу узнала меня — отчаянно завиляла всем телом, запрыгала на одном месте, ещё громче залаяла. А вот я узнал её с трудом. За прошедшие три месяца она сильно подросла, но выглядела очень худой, и в её глазах я заметил какие-то болезненные искорки. Но что особенно меня поразило — она была привязана к ручке входной двери.

— Здравсьте, проходите, пожалуйста! — проговорила Нина Ивановна с менее приветливой улыбкой, чем раньше — чувствовалось, она не очень рада моему приезду.

Поглаживая Альму, я спросил:

— Что Альма так весь день и сидит у двери?

— Я держу её в коридоре, потому что в комнате на полу ковёр, может испачкать... И почему весь день? — обидчиво произнесла Нина Ивановна. — Я же говорила вам — утром и вечером мы с ней гуляем. И обедаем вместе, я в обед прихожу домой...

Я заглянул в пластмассовое ведро рядом с Альмой — в нём были отруби, которыми кормят поросят и коров. Стало ясно — для жителей фермы держать собаку на привязи — в порядке вещей; у них собака не член семьи, а сторож.

Уезжал я в скверном настроении — жизнь Альмы оказалась далеко не «райской». «Но всё-таки, — размышлял я, — она живёт в доме, в тепле, и Нина Ивановна выгуливает её, и, наверняка, разговаривает с ней, а не только отдаёт команды. Возможно даже, Нина Ивановна любит Альму, но на свой «птичий» манер, без всяких нежностей — так относятся к привычной, но не очень ценной вещи, которую если и теряют, то особенно не огорчаются. Таким людям, как Нина Ивановна, не дано понять, что у Альмы тоже есть душа и, несомненно, более чувствительная, чем у самой «птичницы».

Да, друзья, неизвестно, что лучше для «граждан собачьего племени»: спокойная, безбедная, но однообразная жизнь, без общения с сородичами, без романтических приключений, без воспитания потомства, или свободная жизнь, с постоянными поисками еды и ночлега, со многими опасностями (бездомные собаки редко живут больше трёх—четырёх лет, чаще попадают под машины или их отлавливают собаколовы).

Глава четвёртая.

«Птичница» показывает своё истинное лицо.

Сторож Тихон и несчастные охранники грядок

Через месяц по пути на дачу я заехал к Нине Ивановне снова. Заехал без предварительного звонка, благо было воскресенье, и я решил:

если и не застану Нину Ивановну, то оставлю записку, что загляну на обратном пути.

Нина Ивановна оказалась дома, но, как только она открыла дверь, я увидел — Альмы в квартире нет. Тревожное предчувствие охватило меня.

— Понимаете... Альма... у Тихона, — начала объяснять Нина Ивановна, без всякой улыбки, растерянно, сбивчиво. — Тихон — бывший муж моей сестры. Он работает сторожем в дачном посёлке...

— Почему она у него?

— Так... получилось, — Нина Ивановна опустила голову.

— Как?! — глухо спросил я. — Где живёт этот Тихон?

— В соседнем доме... На первом этаже. Шестая квартира.

Я повернулся и быстро направился к соседнему дому.

На звонок долго никто не выходил, но главное — не было слышно лая, и в меня вселилась тревога. Наконец, послышались кашель, шарканье, и в двери появился низкорослый бородатый мужичок в грязной одежде, явно выпивший.

— Ты Тихон? — спросил я.

Мужичок кивнул.

— А где Альма? — уже строго спросил я, предчувствуя, что разговор будет не очень приятным.

— А тебе зачем знать? — буркнул мужичок.

Пока я втолковывал ему, что являюсь представителем «Общества защиты животных» и что обязан видеть Альму, он пощипывал бороду; потом пробормотал:

— Собака где и положено ей быть. Раз надо посмотреть, пойдём.

Он повёл меня к пустырю за птицефермой. По пути я спросил:

— И давно Альма у тебя?

— С зимы. Как свояченица привезла из города.

— Понятно, — процедил я. Мне сразу стало ясно, почему «птичница» просила звонить перед приездом — она приводила Альму от этого Тихона. Но зачем столько времени врал? Впрочем, ясно зачем — такому, как Тихон, Альму я не доверил бы.

Вот так, друзья. Не всегда улыбки бывают искренними. Иногда за ними скрываются негодяи.

Сразу скажу — на пустыре меня ждало неприятное зрелище. Там тянулись полуразвалившиеся сараи и крохотные огороды, огороженные досками, разными железками, проволокой. И каждый из этих клочков земли охраняли собаки. Красивые собаки — одна лучше другой, некоторые породистые — сидели на цепи около будок, сколоченных из овощных ящиков. Вид у собак был унылый, подавленный, они даже не лаяли на нас. Всё понятно — просиди-ка вот так всю жизнь на цепи! Мне сразу вспомнился Сервантес: «Самое большое несчастье — несвобода».

— Что они охраняют? — спросил я у Тихона.

— Как что? Урожай! — Тихон хмыкнул и посмотрел на меня, как на полного профана в вопросах загородной жизни.

Через несколько шагов он кивнул на последний участок:

— Вон она!

Среди кустарника виднелась большая картонная коробка, покрытая фанерой; из этой «конуры» сиротливо выглядывала Альма — ещё более худая, чем месяц назад, голова понуро опущенная, взгляд тусклый, безучастный. Увидев нас, Альма обеспокоенно вскочила, хотела подбежать к загородке, но не смогла — натянулся «поводок», двухметровая толстая верёвка. На Альме даже не было ошейника, его заменяла все та же верёвка, завязанная на шее узлом.

— Ты что ж, не мог ей купить ошейник, нормальный поводок? — бросил я Тихону.

— А на кой он? — Тихон снова посмотрел на меня, как на профана, но уже по части собак. — Она всё время на воле, я с ней пять раз в день обхожу дачный кооператив. Вон посёлок, — он кивнул на летние домишки невдалеке. — Я там сторожем работаю.

Отодвинув «калитку» (дырявую крышку стола), я подошёл к Альме. В смятении она заскулила, стала лизать мне руки — она так нервничала, что дрожала всем телом, в её глазах были испуг и тоска, и боль. Я нагнулся и шепнул ей в ухо:

— Потерпи, девочка, ещё немного, я заберу тебя отсюда, найду тебе нового хорошего хозяина.

— Не волнуйся, — подал голос Тихон. — Ей здесь неплохо живётся. Из столовой приношу кости...

Я только усмехнулся, поскольку уже твёрдо решил по возвращении в город звонить в «Общество защиты животных», брать телефоны настоящих любителей собак. Но если бы я знал, чем всё закончится, забрал бы Альму в тот же день.

Глава пятая.

Священник-поэт Владимир Нежданов.

Неожиданный звонок «птичницы»

Дорога на дачу пролегла через Зеленоград. При въезде в городок около Никольской церкви я увидел старого приятеля священника и поэта Владимира Нежданова. Высокотелый, с седой бородой и внушительным животом, он был в рясе, на которой сверкал большой крест. Остановившись, я вышел из машины.

— Какими судьбами?! — проголосил Нежданов, заключая меня в объятия. — Воспользуюсь встречей, немного займу твоё драгоценное время, послушай!

Он прочитал стихотворение о дружбе, потом ещё два о чём-то возвышенном и засмеялся:

— Сам понимаешь, я, как поэт, не могу не прочитать тебе последнее. Здесь хорошо работается, здесь нет суеты. Ну, а как священник, не могу не проявить к тебе сострадание — чтой-то ты такой сокрушенный? Что тебя гнетёт? Рассказывай!

Я рассказал об Альме и Тихоне.

— Знаю, знаю этого Тихона, — серьёзно сказал Нежданов. — Он сторож в дачном посёлке. Человек безнравственный, сильно пьющий, в церковь не ходит. Заблудшая душа. По слухам, он и сторож плохой. У дачников вещи пропадают, а он говорит: «Посёлок большой, за всем не уследишь. Платите дополнительно, буду вашу дачу охранять особо». Такой вот человек без совести. Ты правильно решил —

подыскать собачке нового хозяина, любящего, совестливого. Скажу тебе — там, на птицеферме, есть народ и похуже Тихона. Отлавливают собак, шьют из них шапки.

— Что за дикость! — возмутился я.

— Да, бездушные, злые люди. А зло сжигает человека. Их накажет Бог!.. Я когда вижу такую шапку на каком-нибудь молодце, стыжу его, говорю: «А ведь эта собака была чьим-то другом». Но до них, безбожников, ничего не доходит... Ты не расстраивайся, я помолюсь за тебя, за то, чтоб ты нашёл хорошего хозяина собачке. И чтобы у тебя было поменьше неприятностей и побольше хороших неожиданностей. Таких, как наша сегодняшняя встреча.

На даче я ставил трубы для печки-«буржуйки», прикручивал водопроводные шланги, но работалось плохо — как вспомню про Альму в картонной коробке и её тоскливый взгляд, всё валится из рук. В конце концов я забросил работу и поехал в город.

Дома я сразу позвонил в «Общество защиты животных» и всё рассказал про Альму. Мне обещали в ближайшие дни найти Альме нового хозяина. «За эти дни может произойти что угодно», — подумал я и стал звонить всем знакомым подряд «по системе невода» — авось кто-нибудь согласится взять Альму. Я начинал издалека:

— Хочешь совершить добрый, благородный, красивый поступок? — и дальше обстоятельно рассказывал про Альму.

Один приятель сказал:

— С удовольствием взял бы собаку, но у меня аллергия на шерсть.

Другой сослался на большое семейство:

— Дети, внуки, повернуться негде, какая собака?! Да и для детей собака лишь игрушка, а вся забота о ней ляжет на меня. Так что, извини.

Третий простонал:

— Куда мне брать собаку?! У меня у самого собачья жизнь! С женой развёлся, работы нет...

Одна приятельница сообщила:

— Я взяла бы собачку, но маленькую, диванную.

Другая с усмешкой объяснила:

— Мне прежде надо найти мужа, приручить его и держать на поводке, а потом уж заводить собаку.

Вот такие у меня приятели и знакомые. Ну а друзья, все как один, держат животных: не собаку, так кошку, не кошку, так черепаху — и дальше, по ниспадающей, вплоть до рыбок. Сами знаете, у каждого свои привязанности. Словом, до полуночи я обзванивал знакомых, но всё без толку. А на следующий день поздно вечером, когда я уже лёг спать, неожиданно позвонила «птичница»:

— Приезжайте! Вам надо забрать Альму.

— Что случилось? — спросил я.

— Вам надо забрать Альму, — послышалось и тут же раздались короткие гудки.

«Что за странный звонок? Что могло случиться?» — от этих скачущих мыслей я так и не смог уснуть, чуть свет завёл машину и понёсся в Зеленоград.

Глава шестая. Страшное зрелище

В шесть утра я въехал в посёлок «птичников». На улицах не было видно ни души. Оставив машину около продовольственной лавки, на двери которой висел массивный замок, я быстро направился к «огородам».

На участках собаки негромко приветствовали меня — с одной стороны, выполняли «охранный долг», с другой, — радовались моему появлению, ведь в их унылой жизни каждый новый человек — событие. Лай собак напоминал эстафету: когда я подошёл к первому псу, он подал голос, ко второму — второй и так далее. Но у последнего участка лай не раздался — Альмин участок был пустым! У картонной коробки валялся обрывок верёвки. Мне стало не по себе от предчувствия чего-то страшного, внутри всё заледенело.

Обойдя участок со стороны кустов, я стал звать Альму. Внезапно послышался шелест раздвигаемой листвы, и среди веток показалась моя рыжая пленница — жалобно заскулив, прижав уши и поджав

хвост, она подбежала и легла, уткнув нос в мои ботинки. По всей её шее вокруг головы зияла глубокая кровавая рана! Какой-то злодей явно душил её проволочной удавкой. Осматривая Альму, я ещё обнаружил у неё на правом боку гематому — последствие сильного удара.

— Кто ж тебя так, девочка? — ужаснулся я.

Альма еле слышно что-то прохрипела.

— Ничего, ничего, сейчас поедem в лечебницу, дорогая. Главное, ты нашлась и жива, — бормотал я, ощупывая грудь и лапы бедняги, хотел узнать, нет ли ещё где ушиба или перелома. К счастью, от моих прикосновений Альма не взвыла, всё ползала у моих ног, нервно дышала, скулила и то и дело опасливо оглядывалась. У неё был вид затравленного зверька.

— Пошли скорее к машине, — сказал я.

С пугливой поспешностью Альма засеменила, прижимаясь к моим ногам, боясь, что я, как в прошлый приезд, оставлю её на этом злосчастном участке.

Как только я открыл дверь машины, Альма забралась на заднее сиденье и взволнованно уставилась в окно. Похоже, она догадывалась, что мы едем туда, где вылечат её рану, но ещё больше её волновало другое — когда мы тронулись и я обернулся, она смутно улыбнулась мне, как бы говоря: — Я всё выдержу, только ты не бросай меня!

При въезде в Зеленоград я притормозил у первого же прохожего и спросил:

— Где здесь ветеринарная лечебница?

Прохожий заглянул в салон машины и, увидев рану Альмы, отшатнулся и, глотнув, пролепетал:

— Где-то в центре.

Вскоре мы нашли ветпункт, но он работал только с девяти часов, то есть, до его открытия было больше двух часов. Между тем меня беспокоила слишком большая рана Альмы, я опасался заражения крови. Поэтому сразу же решил ехать в Истру, до которой было всего-то двадцать километров. К тому же, я знал — в Истре одна из лучших в области лечебниц для животных.

Глава седьмая.
Размышления на дороге.
Непредвиденное усложнение маршрута

Дорога на Истру пролегла по холмистой местности: то опускалась в низину к оврагам или мостам через речки, то поднималась на взгорье к небольшим деревушкам с десятком домов, еле выглядывающих из-за черёмухи. В те дни, в начале июня, черёмуха цвела особенно буйно.

Я вёл машину на предельной скорости; «Москвич» работал отлично, как настоящий пожиратель километров. Изредка я поглядывал в зеркало заднего обзора на Альму. Она глубокомысленно смотрела в окно; время от времени вздрагивала, и на её мордахе появлялась мучительная гримаса — было ясно, рана доставляет ей тягостную боль. Я догадывался, о чём она думала — за что с ней так жестоко поступили, ведь она со всеми была дружелюбна, всем проявляла свою симпатию? И что она плохого сделала тем, кто хотел её задушить?

Да, друзья, так бывает. Бывает, доверчивые, открытые к общению животные (и люди) беззащитны, и разные негодяи пользуются этим. Но кто душил Альму? Какой живодёр? И с какой целью? Может, собаколовы? Или кто-то хотел убить её на шапку?! И было неясно, как ей, бедняге, удалось вырваться из петли? Я представил, как она убежала от изверга, пряталась где-то в кустарнике, а ночью вернулась на свой сторожевой пост... Видимо, наутро кто-то увидел её израненную и сообщил «птичнице», а она позвонила мне — возможно, чтобы искупить свою вину.

Я так и не узнал, что произошло с Альмой. Звонить «птичнице» не стал, было противно слышать её голос. К тому же, она могла и сокрушить, придумать какой-нибудь «несчастный случай», ведь человек, который обманул однажды, может обмануть и ещё раз.

Ещё я подумал о том, что во всех цивилизованных странах есть закон об ответственности «за жестокое обращение с животными». У нас в прошлом году этот закон тоже приняли, но он совершенно не выполняется. Недавно соседка рассказала мне:

— ...Парень на иномарке хотел задавить дворняжку. Собака перебежала улицу и уже почти прыгнула на тротуар, а он свернул на неё и задел. К счастью, не сильно. Собака завизжала, но, прихрамывая, убежала. Парень остановился, вышел из машины и швырнул вслед собаке бутылку. Я ему крикнула: «Что ж ты, гад, делаешь?!» А он: «Так ведь помоечная дворняга! Только заразу разносит!»

Однажды и по телевидению рассказали о собаке, которую в вестибюле метро избил один охранник. А пёс был тихим скромнягой, любимцем продавщиц подземных киосков, они его подкармливали. И милиционеры его любили. «Дескать, помогает выявлять пьяных. — Как учует, тихонько гавкнет». Когда прохожие отогнали охранника-изверга, пёс был ещё жив, пытался подняться, но лапы не держали, и он падал на бок. Ветеринарам не удалось спасти собаку, и свидетели происшествия были уверены, охранника посадят хотя бы на год, но суд вынес всего лишь предупреждение.

Но вы, друзья, наверняка, видели и другое. Например, как зимой в мороз бездомные собаки спят в вестибюлях метро. Их пускают погреться... Однажды я был свидетелем, как в вагоне метро на сиденье спал пёс. Весь замызганный, в шрамах. Был час пик, в вагоне полно народа, но никто не прогнал собаку. Люди стояли над ним, сочувственно улыбались. «Измучился мотаться по городу, бедный», — сказала одна женщина.

Да, друзья, в большинстве своём наш народ жалостливый, но попадают, конечно, и безжалостные типы. Как правило, это недалёкие, тупые люди.

Рассуждая обо всём этом, я вдруг заметил впереди дорожную «пробку» — несколько машин стояли впритык друг к другу. Остановившись за ними, я пошёл узнать, в чём дело. Оказалось, какой-то безумный водитель грузовика, перевозивший ящики с пивом, слишком разогнался и не справился с управлением — его машина перевернулась, перегородив проезжую часть. А весь пивной груз вывалился на асфальт — сотня метров была усыпана битым стеклом, в котором играли солнечные блики.

— Убыток-то какой! Какой убыток! — растерянно бормотал шофёр грузовика.

Чуть в стороне стояли водители и пассажиры легковушек, их к месту аварии не подпускал инспектор дорожно-постовой службы — проще говоря, «гаишник». Размахивая жезлом, он строго покрикивал:

— Проезд закрыт!.. Наберитесь терпения!.. Приедет кран, поднимет грузовик... Приедет уборочная машина, очистит полотно...

Я подошёл к инспектору, объяснил, что у меня в машине раненая собака, и ей срочно нужна операция.

— Всё понял, не надо лишних слов. Значит так: вон там есть просёлок, сделаете петлю, но в Истру попадёте, — он показал на кусты, меж которых петляла просёлочная дорога.

По этому объездному просёлку, подпрыгивая на ухабах, мы миновали кустарник, затем осиновый перелесок и въехали в смешанный лес со множеством луж на дороге. В лесу пришлось покрутиться — дорога постоянно вытворяла крутые зигзаги, по кузову хлестали ветки деревьев, но, к счастью, на дороге не было завалов, и лужи оказались не топкими. Короче, через час мы въехали в Истру.

Глава восьмая.

Доброе сердце и золотые руки Алексея Неведова.

Я становлюсь ассистентом хирурга

С угрюмой покорностью Альма вошла вслед за мной в ветеринарную лечебницу. Она чувствовала, что ей предстоит серьёзная операция, но полностью доверяла мне, знала — я ничего плохого ей не сделаю.

В приёмной за столом пожилая женщина что-то записывала в журнал; увидев Альму, покачала головой:

— Подождите минутку, сейчас врач Алексей Неведов освободится.

Вскоре из комнаты с надписью «операционная» вышла девчонка с кошкой на руках. За ней показался светловолосый парень в белом халате.

— Вот, Алексей, тебе тяжёлая больная, — сказала ему женщина, кивнув на Альму.

— Кто ж это её так? — обратился Алексей ко мне.

— Какие-то негодяи. Может, собаколовы, может, хотели сшить шапку, ведь у неё красивая рыжая шерсть, — дальше я коротко рассказал о нелёгкой судьбе Альмы.

— Да, барышня красивая, — вздохнул Алексей и, осмотрев Альму, добавил: — Такое впечатление, что её не только душили, но и били чем попало, что было под рукой... Ладно, попробуем зашить, но вы должны мне помочь, хорошо?

Не раздумывая, я согласился.

Алексей сделал Альме укол, а мне сказал:

— Как только наркоз начнёт действовать, положите её на стол. И разведите марганцовку, — он показал на раковину, где стояли трёхлитровая банка и пузырёк с кристаллическим порошком.

Когда Альма уснула, Алексей стал выстригать шерсть вокруг её раны, а я смывал шерстинки марганцовкой.

— Лейте больше, не жалейте марганцовку, — то и дело повторял Алексей.

Потом он через каждые два—три сантиметра сшивал края раны, а я обрезал нитки и завязывал их узлами. Как ни странно, всё это я проделывал довольно спокойно и умело, меня даже похвалил Алексей.

Вы, друзья, конечно, знаете, что есть люди, которые при виде крови падают в обморок. Я не падаю, не потому что бесчувственный или вообще кровожадный, а потому что за свою жизнь насмотрелся всякого и не раз перевязывал раны, делал уколы и прочее. К тому же, когда речь идёт о жизни и смерти, у нас появляются недюжинные силы и отвага, и мы делаем то, что в обычной обстановке никогда бы не сделали. Тому масса примеров, и вы, наверняка, о них слышали и, может быть, сами совершали нечто героическое.

Но вернусь к нашей операции. Самым сложным местом оказалась глубокая рана на горле Альмы. Там Алексей вначале сшивал подкожную ткань, сшивал тонкой жилкой, а мне пояснял:

— Эта жилка называется кет-гут, она внутри рассасывается. Сейчас ещё стянем кожу двумя швами и между ними вставим резиновую трубочку катетер, на случай воспаления.

Так он и сделал — разумеется, с моей помощью. Операция закончилась. Можно сказать, мы заново пришили Альме голову. Конечно, это преувеличение, но внешне всё именно так и выглядело. Я нарочно подробно рассказал об операции, поскольку она была первой по своей сложности в моей жизни. Позднее я ещё несколько раз зашивал собакам раны (правда, мелкие) и в какой-то момент вообразил себя настоящим хирургом. Даже подумал: «А не забросить ли мне писанину и не стать ли ветеринаром, ведь, наверняка, на новом поприще добыюсь большего, чем в литературе». Этими смелыми мыслями я поделился со своим другом, драматургом Валерием Ивановичем Шашиным, который, нельзя сказать, что не любит животных, скорее, он к ним равнодушен. Выслушав меня, Шашин насмешливо бросил:

— Ты такой же ветеринар, как я танцор Большого театра.

Потом, сообразив, что переборщил, протянул:

— Ну, вообще-то, попробуй. Ты рукастый, может, у тебя и получится.

Альма уже стала приходить в себя. Алексей сделал ей укол антибиотика и протянул мне мазь «левомеколь»:

— Намажьте нашу работу. И дома мажьте. Перевязывать не надо, так быстрее заживёт. Через три—четыре дня привозите собачку, посмотрим, как идут дела. Она молодая, всё должно быть нормально. Снимем швы, шерсть отрастёт, и шрам не будет виден.

От денег Алексей отказался наотрез.

— Я работаю не ради денег, — сказал. — Я люблю животных. Особенно собак. И люблю свою работу.

Надо сказать, в то время все ветлечебницы были государственными и бесплатными — не то, что теперь... Недавно я подобрал ворону с пербитым крылом, и в ветлечебнице за её осмотр с меня взяли пятьсот рублей, а за лечение — две тысячи. Ну какая старушка-пенсионерка может теперь лечить своих питомцев?!

Альма ещё окончательно не отошла от наркоза и была очень слаба, поэтому я отнёс её к машине и положил на заднее сиденье, а сам вернулся в приёмную. Дежурная записала нас с Альмой в журнал и пожелала «скорейшего выздоровления».

Когда я вновь подошёл к машине, Альма уже выглядывала в окно и виляла хвостом. Взгляд у неё уже был вполне осмысленным.

— Всё, дорогая, кончились твои мучения. Больше тебя никому не отдам, — сказал я, отъезжая от лечебницы.

Альма в ответ потянулась ко мне и благодарно лизнула в щёку.

Так, спустя четыре месяца, Альма снова оказалась у меня. На этот раз навсегда.

Глава девятая.

На даче

Я решил, пока Альма не поправится полностью, обосноваться на даче. Во-первых, участок находился всего в семнадцати километрах от Истры, куда Альму предстояло возить. Во-вторых, началось лето, и жить на природе для больной собаки было как нельзя кстати.

Участок Альме понравился. Да и как он может не понравиться — целых шесть соток, гуляй, сколько хочешь! И никаких грядок, которые надо охранять. И не колючий кустарник, а высокие берёзы и ели.

И не изгородь из досок, а сетка-рабица — прекрасный обзор на все четыре стороны! Ну и, конечно, отличное жилище: не картонная коробка, а брусовой дом (немного аляповатый наш с братом самострой), но с мансардой и печкой-«буржуйкой», да в придачу сарай-мастерская с душем — и всё это в полном распоряжении Альмы.

Но главное — звуки и запахи. На птицеферме не смолкал гул с Ленинградского шоссе, по ночам тоскливо выли соседи — сторожа «огородов», а на участке стрекотали кузнечики, в дренажной канаве устраивали концерты лягушки, на крыше дома хлопотали сороки, из леса доносилось кукование, а по ночам в ветвях берёз пели соловьи.

Что касается запахов — ну какие могли быть запахи на пустыре, если за птицефермой находилась помойка?! Оттуда тянуло гнилью. А от вечно пьяного Тихона, сами понимаете, чем несло.

На участке мы с братом цветы не сажали (некоторые полевые росли сами по себе), зато у нас было три вишни и несколько кустов сирени и жасмина, и все они цвели — представляете, какой аромат стоял в воздухе! Плюс к этому запах хвои и смолы, которая, как янтарь, блестела на стволах елей. Ну а с нашим приездом в воздухе появились самые приятные для Альмы запахи — гречневой каши с мясом — то, чего она, конечно же, до сих пор даже не пробовала.

Альма изучала участок осторожно, аккуратно, обходя каждую кочку, каждый цветок; всё незнакомое («козлы» для пилки дров, бочку с водой, садовый и плотницкий инструмент) подолгу рассматривала, обнюхивала.

Дом Альме тоже понравился. Вначале она робко прошлась по кухне и комнате, но как только мы пообедали, сразу повеселела, даже забралась в кресло, чтобы рассмотреть вид из окна, а потом повернулась ко мне и хрипло выдохнула: — Как на картинке!

В общем, чем больше Альма осваивалась на участке и в доме, тем радостней светились её глаза. Но несколько раз я замечал, что она сидит где-нибудь в тени и задумчиво смотрит в одну точку. Я подходил, гладил её:

— Ну что ты, девочка, пригорюнилась?

Альма утыкалась носом в мои колени, но тут же вскидывала голову, испытующе заглядывала мне в глаза и тревожно поскуливала — вопрошала — мол, ты больше не отвезёшь меня на птицеферму?

Я успокаивал её и, чтобы отвлечь от мрачных мыслей, звал на кухню «поесть чего-нибудь вкусенького».

Несмотря на удачную операцию, шов Альмы вызывал у меня беспокойство, ведь она могла задеть какую-нибудь ветку и порвать нитки или почесать заживающую рану. Чтобы этого не произошло, я сделал ей «воротник» и «фартук», сделал из жёлтой клеенки, специально под цвет её шерсти. Как ни странно, она спокойно отнеслась к новому одеянию, а посмотрев на себя в зеркало, пришла к выводу, что и «воротник», и «фартук» ей вполне к лицу. Во всяком случае, когда через пару дней я предложил ей прогуляться по улице, она охотно согласилась.

Глава десятая.

Вова, Мишка, Гришка и другие

Посёлок уже заполнялся дачниками, но первый, кого мы встретили, был мордатый пёс Вова, по прозвищу Здоровяк. Вова, действительно, выглядел внушительно: квадратная голова, густая жёсткая шерсть, мощные лапы. Он приходил в посёлок из соседней деревни Алехново, медленно вышагивал по улицам, заглядывал на участки — авось что-нибудь дадут перекусить. Ему выносили — кто котлету, кто печенье. Иногда Вова и ночевал в посёлке, у кого-нибудь под террасой. Поселковые собаки (большой частью породистые горожане) Вову боялись и уважали, но некоторые всё же облаивали. Вова на собак не обращал никакого внимания, он был в возрасте, имел немалый жизненный опыт и, похоже, считал, что в жизни вообще надо поменьше полыхать и суетиться.

Заметив Вову, Альма поджала хвост и прижалась к моим ногам. Вова только мельком взглянул на неё и прошлёпал мимо — вот ещё, какая-то пигалица появилась! Хвастается модным нарядом!

Говорили, что в деревне Вова обитает у клуба и прославился тем, что весной на водохранилище вытащил из полыньи тонущего

мальчишку, но сильно простудился, и у него на правом глазу появилось бельмо.

Говорили также, что, несмотря на «инвалидность», Вова теперь часто сидит на берегу водохранилища — хочет ещё кого-нибудь спасти.

Разные глаза придавали Вове выражение какого-то простодушия. Собственно, таким он и был: бесхитростным, спокойным, с покладистым характером.

Как только Вова удалился, к нам подбежали мои приятели, первокурсники Мишка и Гришка. Здесь оговорюсь — общаться с писателями в писательском посёлке сложновато. Думаете, они говорят о чём-то умном, высоком? Ошибаетесь! Они говорят о навозе для грядок, о соседях, которые своими деревьями затемняют огород, о тачках, в которых что-то куда-то возят, а поскольку мы с братом огород не разводили, подобные разговоры меня не интересовали. Я поддерживал отношения всего с двумя — тремя представителями писательской братии, а в основном общался с ребятами. Чаще всего с Мишкой и Гришкой.

Мишка с бабушкой жили в Истре, а в посёлке снимали небольшой щитовой дом. Гришкина семья («коренные москвичи», по выражению Гришкиной матери) имела кирпичную дачу, одну из лучших на нашей улице. Летом на даче жили Гришка и его мать. Их глава семейства появлялся только в выходные и большую часть времени спал в шезлонге. Он был каким-то большим начальником на каком-то большом заводе. Таких в посёлке имелось немало, возможно, даже большинство. Каким образом они получили участки в писательском кооперативе, неизвестно. По слухам, одни для посёлка достали водопроводные трубы, другие — столбы и провода, третьи — гравий. И, вроде, все они обещали в скором времени что-нибудь написать, поскольку «в душе давно писатели».

Так вот, мальчишки подбежали к нам и засыпали меня вопросами (увидев Альму, они были так поражены, что забыли поздороваться со мной, хотя мы не виделись с прошлого года):

— Дядь Лёнь, чья собака? Что с ней? Как её зовут?

Я ответил на все вопросы и заключил:

— Думаю, вы с Альмой подружитесь. Она будет для вас младшей сестрёнкой, ей всего полгода.

— Она ещё должна ходить в детский сад, играть в куклы, — засмеялся Мишка.

— Не в куклы, а в резиновые собачки, — уточнил Гришка, засовывая в рот жвачку (он постоянно жевал эти дурацкие резинки).

Однажды я сказал Гришке:

— Учти, если проглотить жвачку, будет болеть желудок.

— А если жвачка приклеится к сердцу, то умрёшь, — добавил Мишка.

Подобная участь не напугала Гришку, он продолжал жевать. В тот день Гришка решил удивить нас с Альмой трюком: раскрыл рот и сквозь зубы растянул жвачку в длинную нить. Альма тут же спряталась за меня — понятно, я был для неё не только спасителем и лечащим врачом, но и телохранителем.

— Собакам нельзя показывать зубы, правда, дядь Лёнь? — сказал Мишка.

— Правда. Для них это означает угрозу. Альма много пережила и теперь всех боится. Так что, если будете её пугать, нашей дружбе конец, поняли?

Мишка кивнул, а Гришка поспешно вынул изо рта жвачку и отбросил к забору, и, чтобы сгладить свой промах, заявил:

— А мы с Мишкой построили прикольный дворец из глины. Пойдёмте в конец улицы, покажем.

Мальчишки привели нас с Альмой к месту, где улица упиралась в лес. Там в тени у дренажной канавы даже в жару пахло сыростью, а на краю канавы глина оставалась ярко-жёлтой и мягкой. Дворец впечатлял. Во-первых, он был высотой с ребят. Во-вторых, башни и стены были с бойницами, из которых торчали прутья — «пушки». Разумеется, я похвалил мальчишек. Альма, любуясь дворцом, обошла его два раза и подала слабый голос — мы услышали: — Чу-удесный!

— Жалко, когда пойдёт дождь, всё размоет, — вздохнул Гришка.

— Зато, пока нет дождя, все будут смотреть и радоваться, — сказал Мишка. — А когда его размоет, будут помнить о нём.

— Несомненно. Он останется в душе тех, кто его видел, — поддержал я Мишку, подивившись поэтическому взгляду мальчугана.

— Дядь Лёнь, пойдёмте, покажем Альме наше озеро, — предложил Гришка (он имел в виду пожарный водоём, где ребята купались, и не только ребята).

— В следующий раз. На сегодня ей впечатлений хватит. Не забывайте, она перенесла тяжёлую операцию и ещё очень слаба.

На обратном пути мы с Альмой встретили бухгалтершу посёлка. Не успел я представить их с Альмой друг другу, как бухгалтерша всплеснула руками и сразу, с ходу выдала стишок:

Кто оранжевый такой?
Шерсть, как шёлк, на ней лоснится,
Хвост пушистый и большой
Прям на зависть всем лисицам.

— Да вы, оказывается, поэтесса! — удивился я.

— Что вы! Никогда не писала стихов, — пожалала плечами бухгалтерша. — Как-то само собой вышло. Альма сподвигла, — она погладила мою подружку.

От такого внимания к себе Альма смутилась и скромно отошла в сторону. Забегая вперёд, скажу: с того дня при каждой встрече бухгалтерша читала мне новый стишок про Альму, и, в конце концов, сочинила целую поэму — её даже напечатали в каком-то журнале.

А потом вдруг и сторож посёлка отличился. Он никогда не держал карандаша в руке, но после знакомства с Альмой сразу нарисовал её портрет. И очень неплохо. Я понял, что от Альмы исходит определённая энергия, которая побуждает людей к творчеству. Тогда я ещё не знал, что в самой Альме заложены огромные творческие способности.

Что меня огорчало, так это боязнь Альмы темноты. С наступлением сумерек она начинала пугливо озираться по сторонам, прислушиваться к звукам. Я понимал, что темнота возвращает её в тот страшный вечер, когда на неё напал душегуб. Я представлял, как она пыталась освободиться из железной петли, как всё же это ей удалось, как потом

скрывалась в кустах; представлял, какую боль она испытала, что пережила в ту ночь. Я снова успокаивал её: обнимал, гладил, объяснял, что на участке её никто не обидит, что теперь у неё есть защитник. Альма слушала меня, вздыхала, прижималась ко мне и... успокаивалась.

Укладываясь спать, я твёрдо решил никому не позволять не только поднимать на Альму руку — это само собой — но даже повышать на неё голос. Надеюсь, друзья, вы понимаете меня. Понимаете, что к тому, кто много пережил, кого много обижали, надо относиться бережно, ведь физические раны заживают, а вот душевные иногда остаются на всю жизнь. Такое бывает, друзья, бывает. И не только у собак.

Спали мы с Альмой на одной тахте, и опять во сне она вздрагивала и стонала, а то и отбивалась от кого-то. И вновь я успокаивал её, как мог, но знал — душевную травму вылечит только моя забота о ней. Успокоившись и облегчённо вздохнув, Альма уже засыпала безмятежно, но начинала храпеть. Она была юной, нежной и ласковой, но у неё болело горло, и она храпела, как старый волкодав.

Глава одиннадцатая.

Знакомство Альмы с моим братом.

Второй приезд в лечебницу

Ещё из Истры (после операции) я позвонил брату и рассказал про Альму. На следующее утро он приехал на «Оке». Альме понравилась его маленькая машинешка — она рассматривала её со всех сторон, причмокивала языком, а вот брата вначале встретила с опаской.

Дело в том, что брат носил бороду и мог ей напоминать Тихона, хотя, понятно, кроме растительности на лице, ни внешне, ни внутренне у них ничего общего не было. Да и бороды были разные: у Тихона — хилая и жёлтая от курева, похожая на мочалку, а у брата — маленькая, ровная, бархатистая, как плюш. Но главное, Тихон выглядел попросту дремучим лешим, а брат, как и подобает артистической личности, выглядел человеком немислимого любвеобилия, готовым обнять весь мир (он по профессии актёр, режиссёр и драматург). Короче, Альма быстро сообразила, что бородачи бывают разные, точнее —

почувствовала любвеобилие брата. А заметив наши с ним братские отношения, поняла, что брат будет её надёжным другом.

— Красивая собачонка, рыжая красотка, — приговаривал брат, поглаживая Альму и, обращаясь к ней, добавлял: — Ну, дорогая, теперь у тебя начнётся отличная жизнь. Будем считать, что тебе выпал счастливый лотерейный билет.

— Красивая, — соглашался я, — но Альма — слишком обычная кличка. Может, назвать её как-нибудь более звучно?

— Ничего не обычная, — возразил брат. — Альма по-испански «душа». Наверняка, она душевная, ласковая.

— Пока ещё дикарка, — сказал я. — К новым людям относится настороженно. Понятно, столько просидела на привязи. Тебе повезло, тебя сразу приняла за своего.

— Ничего, оттаёт, — уверенно заявил брат. — Хорошее отношение от всего вылечивает.

Мы втроем пообедали, прошлись по улице до леса, по пути раскладывались с дачниками, объясняли, что Альма — новый член нашей семьи. На вопросы об её странном наряде, отшучивались:

— Это последний писк моды.

К вечеру брат поехал в Москву; отъезжая, он посигналил нам красными тормозными огоньками, в ответ Альма помахала ему лапой.

Прошло два дня. Всё это время я мазал рану Альмы «левомеколью» и кормил по четыре раза в день, кормил самым лучшим, что купил в Истре. В еду добавлял витамины. Аппетит у Альмы был отменный, и прямо на глазах она набирала вес. Наевшись, она ложилась на веранде и с любопытством обозревала улицу. Что я заметил — она лежала как-то «женственно», принимая необычные позы: передние лапы в одну сторону, задние в другую. Она была гибкая, как гимнастка.

Альма вообще отличалась от всех собак, которых я знал. Например, стеснялась при людях ходить в туалет — убегала за сарай и, прежде чем присесть, раза два выглядывала из-за сарая — не подсматривает ли кто? Такая оказалась застенчивая барышня. И целомудренная — она не переносила бранных слов, сразу морщилась и отводила глаза в сторону. И не любила запах алкоголя и табачного дыма. Наверняка, всё это напоминало ей Тихона. Для меня Альма делала исключение — тактично не замечала мои недостатки и дурацкие привычки, для неё я был воплощением всего самого лучшего в людях.

По утрам Альма умывалась — протирала лапами глаза и нос, а прежде чем выйти на улицу, непременно посматривала на себя в зеркало — хорошо ли выглядит, нет ли на ней пушинок, соринки? Такой оказалась чистюлей.

Несмотря на то, что я постоянно мазал шею Альмы «левомеколью», в нескольких местах рана всё же не затягивалась. На третий день мы поехали в Истру.

Врач Алексей Неведов был занят; как мне объяснили в приемной — занимался индюком, который умудрился проглотить чайную ложку. Я решил подождать во дворе, и мы с Альмой направились к лавке под тополем. Не успели присесть в теньке, как у автобазы, соседствующей

с клинкой, появились две дворняжки, два кобелька — рыжий и чёрный, оба по виду задиристые. Увидев Альму, они недовольно забурчали и принялись «обозначать» свою территорию. Было ясно, эти хвостатые контролируют всё дворовое пространство, а для развлечения облаивают животных, которых привозят в лечебницу, всем дают понять, что любому намнут бока.

Альма на всякий случай спряталась за меня, но рыжий с чёрным подошли к нам сзади и, уставившись на Альмины «воротник» и «фартук», изображали презрительные гримасы — тоже нам фифа! Как и Вова в посёлке, они приняли клеёнку за пижонское украшение.

Из автобазы вышел мужчина в комбинезоне с двумя мисками.

— Чубайс! Немцов! Ко мне! — крикнул. — Идите шамать!

Рыжий с чёрным бросились к мужчине. Я усмехнулся:

— Удачные клички.

Альма тоже усмехнулась и кивнула.

Вскоре из лечебницы вышла высокая худая женщина, за ней на поводке, переваливаясь, шлёпал индюк.

— Врач освободился, заходите, — обратилась женщина ко мне и дёрнула поводок: — Пойдём быстрее, Серёжа!

Глава двенадцатая.

Рассказ ветеринара Алексея Неведова

Алексей Неведов встретил нас приветливо — мне пожал руку, Альму погладил:

— Здравствуй Альма, красавица! Как наше самочувствие? Давай посмотрим, как заживает рана.

На этот раз нам предстояло наложить только четыре шва и, понятно, вторая операция закончилась гораздо быстрее. После операции, как и в первый раз, я отнёс Альму на заднее сиденье машины и, пока она отходила от наркоза, мы с Алексеем присели на лавку под топодем и разговорились.

Он жил с матерью в центре Истры, собирался жениться на девушке, которая «любит животных и тихую музыку», планировал поступить в Ветеринарную академию.

— Завидую вам, Алексей, — сказал я. — У вас такая благородная профессия. Как вы стали ветеринаром?

— Я с детства люблю животных, — начал Алексей. — Когда-то мальчишкой — просто так, чтобы проверить свою меткость, — подстрелил из рогатки воробья, подбежал, а тот барахтается в пыли, пытается встать на тонкие лапы, клюв в крови, а маленькие испуганные глаза смотрят на меня и просят о помощи. Долго я стоял над птахой, пока серый комок не затих. «И зачем я убил его? — подумал. — Летал он, чирикал, ловил разных букашек, а я взял и пульнул гольш ему в голову. А может, его ждут птенцы?»... Вот в тот день в моей душе и произошёл переворот, обозначивший судьбу... Подростком я сделал открытие: большинство животных в минуты опасности ищут у человека защиты. Однажды я сидел на берегу Пахры у костра. Вдруг сквозь дым пронеслась маленькая птица и упала прямо мне под ноги. А над костром пронёсся сокол. Хищник, вроде, улетел, а пичуга всё сидит у моих ног. Но тут я заметил, что сокол притаился в ветвях соседнего дерева. Получилось, птица спасалась около меня...

Помолчав, Алексей продолжил:

— В другой раз я шёл на лыжах по лесу и вдруг слышу за спиной шорох, похрустывание снега. Обернулся — за мной прыгает зайчонок. Подошёл к нему, а он и не думает убежать, припал к лыжне. Я осмотрелся и увидел: в стороне, между кустов, крадёт лисица...

Алексей посмотрел на меня, улыбнулся:

— Вот вам и несмышлёныш! Ну поднял я перепуганного зайчонка, спрятал за пазуху... А потом был случай. Осенью мы с отцом ездили за грибами. Набрали грибов, сели на опушке леса недалеко от платформы — ждали электричку. Неожиданно в кустарнике послышались треск, тяжёлое дыхание, и на опушку вышла лосиха. Подошла к нам вплотную, замотала головой. Потом снова ушла в кустарник и снова вернулась. «Что-то там стряслось», — сказал отец. Мы пошли за лосихой и увидели лосёнка, застрявшего между берёзок. Он перебирал ногами, но вылезти не мог. Отец отогнул деревья, лосёнок поднатужился и вылез. А лосиха всё это время стояла рядом, ждала, пока мы освободим её телёнка.

Алексей вновь улыбнулся, повёл в воздухе рукой.

— Повзрослев, я подумал: «А может, это неспроста судьба посылает мне животных? Может, неспроста человек изначально оказывается в той части мироздания, которая больше всего соответствует его наклонностям? Может, в этом есть намёк на предназначение»? Так я подумал и пошёл учиться на ветеринара, — Алексей засмеялся.

— Мне тоже в детстве судьба послала намёк, — проронил я. — Помню, поехал к приятелю на дачу и по пути нашёл ежа. Недалеко от дома приятеля, прямо на тропе. «Ещё раздавит какой-нибудь велосипедист», — подумал и отнёс ежа в кусты. Но через некоторое время, возвращаясь с дачи, снова увидел ежа на том же самом месте. Пригляделся, а у него на боку ранка. Ну я понял — он выполз на дорогу не случайно. Принёс ежа на дачу, мы с приятелем присыпали его ранку стрептоцидом. Ёжик посмотрел на меня, почмокал — вроде, сказал: «Становись ветеринаром». Но я, к сожалению, не стал.

— Ещё не поздно, — сказал Алексей, вставая.

На прощанье я подарил ему свою книжку с благодарностью от всех животных.

Глава тринадцатая. Новая встреча с Неждановым

Мы с Альмой почти выехали из Истры, как вдруг я увидел велосипедиста в рясе, с большой бородицей. Это был священник-поэт Владимир Нежданов (как выяснилось, он катил в Ново-Иерусалимский монастырь). После наших объятий, как и в прошлый раз, Нежданов начал было читать своё последнее стихотворение, но, заметив в машине Альму, осёкся.

— О-о! Это не та ли собачка?.. Молоденькая, красивая!

Я рассказал про операции, которые Альма перенесла. Пока рассказывал, моя подружка, высунувшись из машины, смотрела на священника-поэта, смотрела удивлённо, поскольку видела

очередного бородача. Но если у Тихона была хилая растительность, а у брата аккуратная «интеллигентная» бородка, то у Нежданова — большая седая борода «лопатой» и вся в завитках, как серпантин. Насмотревшись на такое чудо, Альма повернулась в мою сторону и протянула: — Замолви священнику обо мне словечко!

— Слушай, Володя, — спохватился я. — Ты ведь знаешь, я атеист, но ради Альмы, на всякий случай... Ты не мог бы помолиться за неё? Чтобы побыстрее зажила её рана. За собаку можно молиться?

— Можно. Есть святые Власий и Герасим Иорданский, покровительствующие животным. Бывший патриарх, Алексей Второй, у себя в Переделкино подбирал всех собак и кошек, держал их при церкви. И не волнуйся, обязательно помолюсь! А пока послушай стихотворение.

Когда он закончил читать, я сказал:

— Счастливый ты, служишь сразу и Христу, и Аполлону.

— Счастливый, но иногда такая горечь берёт, — вздохнул Нежданов. — Много ещё заблудших душ. Некоторые нарушают все десять заповедей. О них я написал стихотворение, послушай!

Нежданов прочитал стихотворение о «заблудших душах» — от его горьких строк у меня побежали мурашки. Я искренне похвалил старого приятеля и напомнил:

— Не забудь помолиться за Альму!

— Как можно забыть?! Сегодня же помолюсь! — священник-поэт дружески кивнул Альме и погладил свою роскошную бороду. — Рад был повидаться с тобой и познакомиться с Альмой.

Мы расстались так же тепло, как и встретились. Поворачивая в сторону участка, я приободрил Альму:

— Ну, теперь всё будет хорошо, Бог поможет тебе. Вернее, я помогу с его помощью.

Альма негромко гавкнула — мол, я тебе больше верю.

— Спасибо! — поблагодарил я. — Похоже, ты, вроде меня, атеистка, а в Бога веришь, только когда видишь священника.

— Ага! — откликнулась Альма.

Глава четырнадцатая. Наши игры

Дачный участок для меня — настоящий оздоровительный оазис. Во-первых, на даче я просыпаюсь не от шума машин, а от пения птиц. Во-вторых, там я не засиживаюсь за столом над своими писаниями, не залёживаюсь на тахте перед телевизором, как в городе, там я занимаюсь физическим трудом. А что может быть лучше, чем поднимать завалившийся забор, чинить протекающую крышу, пилить и колоть дрова — и всё под солнцем, под гомон птиц?! Не случайно в городе у меня постоянно что-нибудь болит, а там, на свежем воздухе, я забываю, где какие органы, и под вечер всегда испытываю радость от проделанной работы. Конечно, и усталость испытываю, но это приятная усталость, в отличие от усталости в городе, когда после работы за столом раскалывается голова.

Ну а для Альмы, как я уже говорил, мой загородный клочок земли представлялся целой страной. В самом деле, на небольшом пространстве множество разнообразной зелени, полно запахов, повсюду шелест, шуршанье, писк. То ёжик протиснется сквозь травы, то мышь прошмыгнет под сарай, то лягушка плюхнет в дренажную канаву, то белка проскачет по ветвям ели, то шмель с жужжаньем выпишет пирует в воздухе. И у каждого существа своя норка, гнездо — иногда лишь несколько прутиков, пучков травы, но, наверняка, каждому своё жилище кажется лучшим на свете.

Вы, друзья, конечно, догадываетесь, что у всех животных есть свои друзья и враги, дети и старики, свои горести и радости. В посёлке я не раз видел, как ворона таскает птенцов из гнезда трясогузки, как маленькие птахи летят за большой вороной, отчаянно пищат, нападают на хищницу, пытаются отнять своего птенца... Видел, как ёжик, взъерошив иголки, фыркал на гадюку, которая хотела схватить лягушонка... И видел, как пёс Вова отогнал кошку от задремавшей на солнце ящерики. Оказалось, этот доблестный Вова способен спасти не только тонущего мальчишку, но и всех, кому грозит опасность. Бесспорно, у Вовы врождённое чувство ответственности за всё живое на земле, он благороднейший из всех собак.

Забегая вперёд, скажу — Альма долгое время побаивалась Вову, уж очень серьёзным он был и слишком большим. Несколько раз, когда Вова появлялся на улице, Альма осторожно подходила к калитке, принюхивалась и приветливо виляла хвостом, но Вова не обращал на неё ровным счётом никакого внимания — будто она не живая собака, а тряпичная, набитая опилками. Вова оценил Альму только на следующее лето, когда Альма из девчонки превратилась в девушку. Но об этой романтической истории позднее, а пока нам с Альмой предстоял восстановительный период — некий санаторный режим в царстве зелени на участке.

Чтобы отвлечь Альму от всего пережитого, я первым делом разыскал в сарае большого плюшевого медведя — любимца моей внучки, которая к этому времени уже училась в седьмом классе и занималась танцами. Альма сразу полюбила медведя — похоже, приняла его за старшего брата, ведь он был выше её ростом и толще в два раза. Она притаскивала медведю еду, обнимала и целовала его, и что-то шептала ему в ухо.

Потом я попросил Мишку с Гришкой сбегать в алахновский магазин купить резиновый мяч, после чего мы ежедневно играли на участке в футбол. Первое время Альма без особого интереса относилась к этой шумной игре, тем более что Мишка с Гришкой, гоня мяч, орали изо всех сил, но постепенно Альма всё азартней включалась в игру. Главное, она почувствовала, что ребята добрые мальчуганы, и к ней относятся хорошо.

Во время игры ребята нахваливали Альму:

— Альма так прикольно бегает, прям не знаю! — восклицал Мишка.

— С ней наперегонки лучше не бегать, всё равно не догонишь! — вторил ему Гришка.

Бывало, и мне доставались комплименты:

— Ты, дядь Лёнь, старый, но шустрый, — говорил Мишка.

— И прикольно бьёшь по мячу. Ты был продвинутым футболистом? — подавал голос Гришка.

— Почему был?! — откликнулся я. — И сейчас играю. Я чемпион мира среди дедушек и бабушек.

— А как называется ваша команда?

— «Вперёд, старикашки!» Вы же знаете, после шестидесяти лет человек снова начинает молодеть. Разглаживаются морщины, мышцы становятся, как камень. Вон у меня волосы на лысине стали расти.

Ребята смеялись, никак не могли понять — шучу я или говорю серьёзно.

Долго в футбол мы не играли. Как только Мишка с Гришкой входили в раж и начинали ссориться, Альма поджимала хвост и деликатно отходила в сторону. У неё была тонкая душа, она избегала всяких ссор и вообще предпочитала более спокойные игры. Например, прятки. В этой игре она проявляла недюжинную смекалку и даже некоторое хитрованство. Случалось, я «вожу» — считаю до десяти, прислонившись к дереву, а Мишка с Гришкой и Альма прячутся. Ребята убегут за сарай или залезут под террасу, а Альма спрячется за бочку, только хвост виднеется. Я прохожу мимо, делаю вид, что никого не нахожу, «Где же Альма?» — спрашиваю. А она сзади подбегает и гавкает со счастливым выражением на мордахе, довольная, что удачно спряталась от меня.

Потом и ребята подбегают, тоже радуются, что ловко меня облапошили.

— Сдаюсь! — говорю им. — Мне вас никогда не найти, вы прячетесь, как настоящие разведчики. Пойду готовить обед, а вы поиграйте втроём.

Я колготился на кухне (или делал еще что-нибудь по хозяйству), ребята играли с Альмой, но то и дело подбегали ко мне

— Альма такая озорная! Такая игрунья! — восклицал Мишка.

— Куда ни спрячемся, всё равно нас находит. Круто! — пояснял Гришка.

— Она находит людей по запаху, правда, дядь Лёнь? — обращался ко мне Мишка.

Я подтверждал его слова, смотрел на «озорную игрунью» и думал: «Надо же, подойдёшь к собаке, погладишь — и ты уже для неё хороший человек, а если ещё покормишь и поиграешь с ней — замечательный.

По большому счёту, для собачьего счастья нужно совсем немного — всего-то, чтобы тебя кто-нибудь любил. Кстати, для счастья человека нужно то же самое.

Глава пятнадцатая. «Собачья школа»

Игры — играми, но я понимал, что главное — дать Альме хорошее образование. С этой целью каждое утро, после завтрака и зарядки (лёгкой пробежки до леса), я садился на крыльцо, Альма усаживалась на траву напротив меня, и мы начинали занятия на открытом воздухе.

Я учил Альму разным командам — показывал мелкие вещи и просил её принести их, учил писать лапой на песке буквы и считать до семи. Например, говорил: «два плюс три — будет пять», и по-собачьи лаял пять раз. Альма внимательно меня выслушивала, наклоня голову то в одну, то в другую сторону, потом гавкала пять раз. У неё был исключительный слух, необыкновенная зрительная память и потрясающая сообразительность — она всё схватывала на лету. Короче, Альма оказалась способной ученицей. Даже «способной» — не то слово, слишком маловыразительное для такой собаки. Сногсшибательно одарённой! — вот подходящие слова для неё.

Понятно, успехи Альмы я не оставил без внимания и, спустя несколько дней, расширил образовательную программу, ввёл урок музыки и танца: выносил на террасу проигрыватель с пластинками, и мы с Альмой разучивали всякие «па». Сразу скажу, в танцах Альма проявила не просто одарённость, а самый настоящий талант — врождённую музыкальность, чувство ритма, пластичность. Она танцевала на задних лапах, а передние раскачивала в такт музыке; танцевала, как профессиональная танцовщица — спина прямая, голова откинута назад — и при этом улыбалась, высунув язык. Танцы доставляли ей невероятную радость. Через неделю мы уже свободно исполняли вальс и танго.

Ну и, само собой, у нас были уроки труда. Как же без них, если физический труд вылечивает от всех болезней. На уроке труда я пилил и колол дрова, Альма относила поленья под навес у сарая. Или

я выкатывал из сарая тачку с баком, и мы резвым аллюром направлялись к водонапорной башне, а набрав воды, уже медленно, восстанавливая дыхание, возвращались на участок.

Однажды во время урока по математике, я заметил у изгороди дачницу с соседней улицы, рядом стояла её собака — коричневый дог. И женщина, и пёс со жгучим интересом наблюдали за нашими занятиями.

— Присоединяйтесь! — махнул я им рукой. — Лишние занятия не помешают.

— У меня совсем нет времени, — вздохнула дачница. — Меня ждут парники, грядки, а вот Эдик... Если он не будет для вас обузой... Он с удовольствием ходил бы на ваши занятия, правда, моя радость? — она обратилась к догу.

Пёс кивнул, но без особого энтузиазма — то ли считал себя достаточно образованным, то ли просто был лентяем.

Так у меня появился ещё один ученик. Эдик особыми способностями не блистал: за пять занятий он научился считать только до двух: один, два, а дальше уже просто много. Он приходил учиться только потому, что его заставляла хозяйка. На уроках он большей частью зевал и только что не говорил: «И чего я здесь высиживаю, убиваю время?» От уроков труда он вообще отлынивал, симулировал хромоту, а когда начинался урок музыки, сразу направлялся к калитке и там ждал хозяйку до конца занятий.

Позднее своих собак привели ещё двое дачников и один парень из деревни Алехново — он привёл дворняжку по кличке Эклер. Новые ученики занимались с охотой, усердно и добивались кое-каких успехов, но до Альмы им было далеко.

В общем, как вы, друзья, поняли, я открыл «Собачью школу» и был рад заниматься с необычными учениками. Согласитесь, приятно отдавать не только свои вещи, но и свои знания, свой опыт. Не раз хозяева собак предлагали мне деньги за обучение их питомцев, но я решительно отказывался:

— Об этом не может быть и речи, — говорил. — Даже не заикайтесь об этом. Отвратительно, что теперь в школах детей учат за деньги.

В моё время и в школах, и в техникумах, и в институтах учились бесплатно. Образование и медицина должны быть бесплатными, это яснее ясного.

Однажды на наши занятия пришли Гришка с Мишкой и, развалившись на траве, стали посмеиваться над учениками. Я сделал им замечание, они на время притихли, потом опять взялись за своё. Причём если Мишка только подсказывал ученикам правильные ответы, то сорванец Гришка просто-напросто вёл себя по-свински. Когда дог Эдик слишком долго соображал, сколько будет: один плюс два, Гришка захохотал и брякнул:

— Ну и придурок!

Тут уж я выпроводил мальчишек на улицу, сказав:

— Приходите только на урок труда. На участке всем работы хватит. Вот тогда посмотрим, кто над кем посмеётся.

И, действительно, как только я начинал колоть дрова, четвероногие ученики всё делали гораздо быстрее и лучше ребят: первыми хватали поленья и тащили их под навес, и складывали аккуратно в поленицу «колодцем», в то время как ребята просто кидали поленья в кучу. На этот раз и Эдик отличился. Забыв про свою «хромоту», он таскал в пасти самые большие поленья и бегал к навесу, как лось, а на обратном пути искоса посматривал на Гришку и усмехался.

За две недели мы с Альмой прошли школьную программу для ребят-первоклассников. То есть, по уровню знаний Альма сравнялась с Мишкой и Гришкой и уж точно превзошла их в старательном отношении к любому делу.

Теперь мы с Альмой вместе встречали рассветы, вместе выполняли работу по хозяйству, а по вечерам вместе слушали музыку по радиоприемнику или я читал ей что-нибудь вслух. И засыпали мы на одной тахте под кукование кукушки — далёкое «ку-ку» было для нас лучшей колыбельной. За прошедшее время Альма распрямилась, в её походке вновь появилась царственная осанка, которую я заметил когда-то в подъезде. Теперь, рассматривая что-либо за окном, она и в кресло садилась, как на трон.

Глава шестнадцатая. **Третий приезд в лечебницу**

Через две недели рана у Альмы окончательно затянулась, и необходимость в защитной клеёнке отпала. Без «воротника» и «фартука» Альма почувствовала свободу в движениях и развеселилась вовсю — стала носиться вокруг дома, то и дело подскакивала ко мне, теребила лапой, лаяла: — Давай, побегаем наперегонки! Я включался в игру, изображал отличного бегуна, но не успевал преодолеть и десяти метров, как Альма, обежав вокруг дома, с победоносным лаем пронеслась мимо меня. Я сядил на скамью, делал вид, что смертельно устал. Альма подскакивала и, невероятно довольная своей ловкостью, выдыхала: — Я победила!

После одного из забегов я сказал:

— Всё, дорогая. Надо ехать в лечебницу, снимать швы. Последний раз съездим, и всё.

Альма на минуту погрустнела, но потом вскинула голову — дескать, ладно, поехали к доктору Алексею, а когда вернёмся, побегаем ещё.

Алексей проводил очередную операцию, и нам пришлось больше часа сидеть на лавке под тополем. За это время к нам два раза подбежали Чубайс с Немцовым. На этот раз эти субчики Альму не облаивали — похоже, поняли, что она девчонка и довольно симпатичная. Пытаясь произвести на Альму впечатление, они взад—вперед вышагивали перед ней, демонстрировали свои хвосты. Но старались они напрасно — Альма была ещё слишком юной, чтобы видеть в них ухажёров, она всех собак воспринимала только как приятелей. Прижимаясь ко мне, она посматривала на Чубайса с Немцовым и застенчиво помахивала кончиком хвоста.

Потом к нам подсел старик с кошкой в корзине и, выяснив, что мы к Неведову, вздохнул:

— Хорошо, буду за вами.

Старик закурил и кивнул на шрам Альмы.

— Кто же её так?

Я коротко рассказал историю своей подружки.

— У меня в детстве тоже была собака, — снова вздохнул старик. — Джеком звали. Мы жили в Белоруссии, в деревне. Когда подходили немцы, все бежали на восток. Мы еле втиснулись в вагон. Джека оставили, да-а... В сорок четвёртом году вернулись. Соседка рассказала: «Пришли немцы. Джек лаял, охранял ваш дом. Немцы его пристрелили...» Больше я никогда не держал собак, да-а. Только кошек, — старик погладил кошку. — Конечно, не все немцы отличались жестокостью. После войны отец служил в Германии. И мы с матерью были при нём. Наш сосед-немец спас во время войны двух сестёр, девушек, угнанных в Германию с Украины, да-а. Их хотели отправить в концлагерь, а он пристроил их на работу. Когда пришли наши войска, его хотели арестовать, но за него вступились девчонки-украинки. Так вот было, да-а... Я помню, с местными мальчишками кидал камни. Баловались. И одному я попал в голову. Его отец-немец пришёл к моему отцу жаловаться. Отец стал меня лупить ремнём, а немец испугался, попросил простить меня...

Старик затянулся и, выпустив дым, продолжил:

— Да, все люди разные. И животные тоже... Вот Маруська... Их было шесть котят. И каждый со своим характером... Маруська была непоседой, самой шаловливой... Да вот второй день что-то приболела.

Из лечебницы вышла женщина с маленькой собачонкой на руках. Я извинился перед стариком, что прерываю его рассказ о своей любимице, и мы с Альмой пошли к ветеринару.

Алексей встретил нас, как близких родственников, и пока мы снимали швы на шее Альмы, расспрашивал, как нам живётся на даче. Потом вдруг сказал:

— Ваша книга помогла мне выздороветь. Два дня лежал с простудой. Прочитал вашу книгу — сразу выздоровел. Хорошо написано. Такое впечатление, что о собаках пишет собака.

Не скрою, его слова мне понравились, и главное, эти слова мне сказал профессионал, знаток собак.

Когда мы сняли все швы, Алексей вздохнул:

— Ну вот и всё, теперь шерсть отрастёт и скроет рубец, ничего не будет видно. Сейчас сделаем Альме прививку и выпишем паспорт.

Мы расстались с Алексеем, пожелав друг другу «всего только хорошего». Так закончилось лечение Альмы.

Самое интересное началось в последующие дни. Сердобольная Альма стала притаскивать на участок «раненых» животных, чтобы я лечил их. Принесла выпавшего из гнезда птенца, потом бельчонка, который неизвестно как оказался на нашей улице и ещё не умел ни бегать, ни прыгать. А потом вдруг приволокла тряпичного зайца с одним ухом.

Птенца и бельчонка я выхаживал в коробках, а зайца, незаметно для Альмы, отнёс в контейнер для мусора; своей четвероногой подружке объяснил, что заяц поправился и ускакал в лес.

Но самое смешное произошло летом, когда однажды я разрешил Альме вместе с Гришкой и Мишкой сбегать в алексновский магазин. Из деревни Альма привела за верёвку ... козу.

Первыми ко мне подбежали ребята и, еле переводя дыхание, выпалили: — Дядь Лёнь, идите скорей! Смотрите, кого Альма ведёт!

Я заспешил на главную улицу и увидел Альму с пленницей. Коза упиралась и отчаянно бляела, но Альма упорно тащила её к участку. Приглядевшись, я заметил, что на шее козы вместо ошейника широкая тряпка, и понял — Альма приняла её за «воротник», который сама ещё недавно носила. Понятно, мы с ребятами отвели козу на место, где она паслась, и я долго извинялся перед её хозяйкой.

А спустя год Альма принесла на участок чёрного котёнка с белым пятнышком на груди. У него не было никаких ран, похоже — он просто понравился Альме. Мне он тоже понравился. Так у нас появилась Маркиза. Но об этом позднее.

Глава семнадцатая.

Яркий представитель нашего посёлка

Альма всё больше входила в роль хозяйки участка: каждое утро обегала наши владения, дотошно заглядывала во все закутки. Увидит сухую упавшую ветку — отнесёт к канаве, где лежит хворост. Заметит желтеющие листья рябины — подтягивает поливочный шланг и зовёт меня полить дерево. Ну и, конечно, строго охраняла участок — лаяла

на всех, кто к нам приближался. Для наблюдения за дорогой облюбовала маленький клён; садилась в тени его листвы и зорко осматривала нашу улицу.

«Лаяла на всех» — это я преувеличил. В основном она только бурчала на всяких «подозрительных» — тех, кто шёл с палками и мешками, а также на велосипедистов и ребят на роликовых коньках, считала, что те просто валяют дурака. Лаяла она исключительно на незнакомых и бородатых (как вы понимаете, бородачи напоминали ей Тихона). Зато, увидев знакомых, радостно повизгивала и безудержно виляла хвостом. Особенно приветливо Альма встречала моего брата, священника Нежданова и Вадима Николаевича Рахманова, издателя церковной литературы, глубоко верующего человека. Кстати, как и священник Нежданов, издатель тоже писал стихи, но, в отличие от священника, никогда их публично не читал. Ну только, когда его уж очень упрашивали.

Рахманов жил в конце нашего посёлка; худощавый, усатый старикан, он слыл большим выдумщиком. Например, священника Нежданова прозвал «Благородной бородой Московской области», Гришку с Мишкой окрестил «Дуэтом сорванцов», а меня — «Главной лысиной посёлка» (я, действительно лысоват, полноват; говорят, и ворчлив, и имею массу вредных привычек, но смею вас, друзья, уверить — у меня есть и достоинства — дальше, по ходу повести, вы их увидите).

Свою дачу Рахманов поставил на железных трубах — издали она кажется огромным балконом, парящим в воздухе; к «балкону» ведёт винтовая лестница. На чердаке дачи Рахманов соорудил «курятник» — каждый полдень из чердака на крышу террасы выскакивал деревянный петух и, хлопая крыльями, кукарекал, причём драл глотку так, что пугал всю живность в посёлке. На участке Рахманов построил мини-чаговню — просто навесил крышу на кувшинообразные столбы и внутри поместил икону. Священник-поэт Нежданов освятил это сооружение.

Кстати, Нежданов часто приезжал к Рахманову на велосипеде. Как-то я спросил его:

— Слушай, Володя, как ты не устаёшь крутить педали, ведь путь-то неблизкий?

Он засмеялся:

— Знаешь китайскую поговорку: «Дорога к другу никогда не бывает длинной»? Да и велосипед — лучший транспорт, он позволяет мне держать спортивную форму. Об этом я сейчас пишу поэму.

Мы с Рахмановым познакомились много лет назад, когда наш посёлок ещё только строился, когда ещё не было мобильных телефонов, и, чтобы поддерживать связь, Рахманов придумал нечто необычное:

— Ты посылай мне бумажные кораблики, а я тебе буду посылать бумажных голубей, — сказал, и в тот же день ко мне на участок прилетела бумажная птаха (и как пролетела триста метров?), на ней было написано: «Приходи вечером. Поужинаем, поговорим. Прихвати, сам знаешь что». (Имелась в виду бутылка вина).

Я в свою очередь пускал в дренажную канаву бумажные кораблики с записками — ровно через час течение прибивало их к дому Рахманова. Так и переписывались, но потом голубей стали сбивать вороны, а на кораблики залезали лягушки и топили их. Похоже, и вороны, и лягушки видели в нашей бумажной почте неких пришельцев, которые хотят завоевать их среду обитания.

В Рахманове было много детства. Он, старикашка, каким-то странным образом сохранил способность всему удивляться: каждому растению, каждому живому существу. Здесь уместно вспомнить слова английского писателя, знатока животного мира, Дж. Даррелла: «Все животные прекрасны». В самом деле, все прекрасны: и те, которыми мы восхищаемся, и те, которые вызывают у нас неприязнь, пока мы не узнаем их поближе. Стоит, например, понаблюдать за жабой, как начинаешь понимать, что эта пучеглазая толстуха по-своему довольно красива. И удивительно спортивна — посмотрите на её головокружительные прыжки! А какая она отважная — пугает нас, надуваясь, привставая на задних лапах, издавая утробные звуки, а ведь мы для неё — немыслимые великаны, какими были бы мамонты для нас.

Многие животные так же, как и люди, грустят и радуются, обижаются, страдают и любят, и бывают верными, самоотверженными друзьями.

Но, не в пример людям, все животные бережно относятся к своей среде обитания, а в жилищах довольствуются только необходимым и никогда не делают запасов еды больше, чем нужно. Неплохо бы и всяким богачам вести скромный образ жизни и отказаться от чрезмерной роскоши. Для счастья надо не так уж и много — иметь любимую работу, крепкую семью и надёжных друзей.

Но вернусь к Рахманову. Так вот, он рассказывал:

— Животных я любил всегда. Особенно собак. Помню, в нашем пионерском лагере были две приبلудные собачонки. Маленькие, вертлявые. Внешне очень смешные, с белыми и жёлтыми пятнами и розовыми носами. Кажется, они были братьями. Одну звали Чеснок, другую Перец. Утром на линейке они вместе с ребятами вставали в строй. На зарядке тоже выделявали какие-то фигуры. Во время игры в футбол были членами команды... Мы их подкармливали... Из лагеря я привёз в город Чеснока, а мой друг — Перца... В юности я завёл ещё одну собаку. Я тогда учился в университете, жил в пригороде, ездил на электричках. Там по вагонам ходил пёс-побирушка. Уже немолодой, серо-чёрного окраса. Он был этакий наивный скромник. Подходил к пассажирам и просто заглядывал каждому в глаза. И все улыбались. Говорили: «Иван Иванович пришёл». Ему протягивали кусочек сыра, кружок колбасы. Он пройдёт вагон и на платформе выходит. Ждёт электричку в обратную сторону... Однажды я позвал его за собой. Он пошёл, и мы стали жить вместе. И сильно привязались друг к другу. Иван Иванович прожил у меня до глубокой старости...

За свою жизнь Рахманов держал немало собак. Собаки даже сыграли ключевую роль и в его женитьбе. Об этом рассказывала его жена Таисия:

—... Я студенткой проходила практику на одном заводе. Однажды выхожу из заводской столовой и вижу — на пригорке сидит пьяненький интеллигентный молодой человек и кормит свору собак... пирожными. Держит целый поднос пирожных и суёт их собакам. «Собакам нельзя давать сладкое», — говорю ему. А он: «Немного можно. В столовой же нет ни мяса, ни рыбы». А там, и правда, был какой-то

разгрузочный день... Ну я поняла, что у него доброе сердце и позднее вышла за него замуж...

К этим словам добавлю: Рахманов и сейчас подкармливает бездомных собак и держит бойкого кобелька Баксика, которого, по моим наблюдениям, любит больше, чем жену.

— Я чувствую состояние собаки, — говорил он мне. — Знаю, о чём собака думает в тот или иной момент, что собирается делать. Ты, вроде, тоже знаешь. И ты, как и я, знаешь собачий язык. Но я знаю его в совершенстве, а это посложнее, чем выучить немецкий или английский... В будущей жизни мы с тобой будем собаками. Или были собаками в прошлой жизни. Но, вообще-то, я не оборачиваюсь назад и не заглядываю в будущее, я живу настоящим. В настоящем встречаются прошлое и будущее. Наше настоящее — самое лучшее время.

Рахманов был первым из моих друзей, с кем я познакомил Альму.

Глава восемнадцатая.

«Самые высокие деревья и самая зелёная трава».

«Маленький отважный путешественник»

Мы зашли к Рахманову в полдень, как раз, когда его горластый деревянный петух орал во всю мочь, чем немного испугал Альму — она поджала хвост и, пока не смолкло «кукареканье», не решалась ступить на участок.

— Не пугайся, малышка! — засмеялся Рахманов. — Наш Петя добрый. И знает своё дело, увидел вас, даёт знать — «К нам идут гости!»

— Мы всегда рады гостям, — откликнулась Таисия, жена Рахманова. — Мы любим гостей. Некоторые говорят: «Очень рады, проходите», а про себя думают: «И чего притащились, скорее уходили бы». А мы искренне любим гостей, и никого не отпускаем без баночки варенья.

Рахманов поддержал супругу:

— Как говорил Линкольн: «Лучшее в жизни человека — его дружба с другими людьми».

Что правда, то правда — супруги Рахмановы славились своим гостеприимством и щедростью. Этим же славился и Баксик, ведь собака

перенимает характер хозяев. Завидев Альму, Баксик поспешно залез под скамью и вытащил резиновое кольцо, кеглю, тряпичную черепаху — он готов был подарить гостю все свои игрушки.

Будучи общительной от природы, теперь, после выздоровления Альма всех принимала в друзья, тем более маленького весёлого Баксика. Они сразу понравились друг другу и начали незатейливые собачьи игры, а супруги учинили мне допрос:

— Откуда Альма? Почему до сих пор не заходил с ней?

Особенно дотошно выспрашивал Рахманов; его, истинного собачника, интересовало абсолютно всё. Понятно, я обстоятельно рассказывал, что Альме пришлось пережить, и как я ухаживал за ней после операции; упомянул и о «собачьей школе» и пригласил Баксика в неё.

Рахманов с женой близко к сердцу приняли судьбу моей подружки, то и дело подходили к Альме, гладили её, рассматривали шрам, сочувственно вздыхали.

— Аль-ма! Звучит красиво, — произнёс Рахманов и закатил глаза, давая понять, что вот-вот улетит в небо, но всё же остался на земле: — Под Симферополем есть речка Альма. Красивая такая речушка. Я в ней купался.

Супруги похвалили ветеринара Неведова и священника-поэта Нежданова, который «наверняка помолился за Альму, и Бог помог ей». Моё участие в операции и лечение Альмы на даче супруги почему-то пропустили мимо ушей. Рахманов даже с некоторым вызовом пробормотал:

— То, что ты сразу не взял Альму к себе, а стал её куда-то пристраивать — большой грех! Бог тебя накажет.

— Поздравляем тебя с новым верным другом! — торопливо сказала Таисия, сглаживая страшное предсказание мужа. — Спасибо за приглашение Баксика в «школу», но он у нас и так учёный. Всё знает и всё умеет, как наш папа, — Таисия нежно посмотрела на Рахманова, и он засиял от счастья.

После этого супруги заговорили о своём участке. Подобревший Рахманов, обращаясь ко мне, со смешком заявил:

— Я мастер лопаты и граблей. В саду и огороде всегда много работы, но пока работаешь руками, голова свободна, можно сочинить стишок.

— А я мастер прополки и поливочного шланга, — сообщила Таисия. — Я с удовольствием работаю в огороде. Утром выхожу из дома и здороваюсь с деревьями и кустами, с помидорами и огурцами... На мою любовь и они отвечают любовью. Потому у нас большой урожай. И самые высокие деревья, и самая зелёная трава.

В этот момент деревянный петух заорал снова — к забору Рахмановых на велосипеде подъезжал Нежданов. Я уже говорил, что он дружил с Рахмановым, ведь людей ничто так не связывает, как общие взгляды и увлечения.

Нежданов выглядел расстроенным. Оставив велосипед у калитки, он, вместо приветствия, только всем кивнул, устало сел на скамью перед дачей и покачал головой:

— Ну и приключение выпало мне сегодня! Представляете, рано утром еду по шоссе в Истру, вдруг вижу — по тропе вдоль обочины катит мальчуган на детском двухколёсном велосипеде. Ребёнку лет восемь—десять. Вокруг ни посёлка, ни деревни, а он едет неизвестно куда. Голова понуро опущена, рубашка и штаны в комьях земли — видно, падал. Я притормозил, крикнул: «Мальчик, остановись!» Он остановился, я подошёл, спрашиваю: «Как тебя зовут, сынок?» Он говорит: «Алёша». Лицо у него чумазое, глаза от пыли воспалились, на руках ссадины. «Куда же ты едешь, дорогой мой?» — спрашиваю. «К бабушке», — говорит. «А где бабушка живёт?». «В деревне». «А как называется деревня?» «Степаново». А я знаю, эта деревня за тридцать километров от Истры.

Нежданов на минуту замолчал, перевёл дух и продолжил:

— Я понял, с ребёнком что-то случилось, и решил его прежде всего накормить, а потом уже выяснять что и как. «Я знаю деревню твоей бабушки и отвезу тебя туда, — говорю. — Но вначале давай приедем в Истру и поедим. Есть хочешь?» Он кивнул. Я привязал его велосипед к багажнику, его самого посадил на раму, и мы поехали. По пути он рассказал: «Папка погиб на стройке, мамка умерла». Его отдали

в детдом. А когда родители были живы, его на лето отправляли к бабушке в деревню. Он помнил собаку Зину... «В детдоме плохо, — говорил. — Хочу жить с бабушкой... И Зина по мне скучает»...

— Бедный мальчик, — обеспокоенно вздохнула Таисия.

— Как я выяснил, он сбежал из детдома, — продолжил Нежданов. — «После завтрака сел на велосипед и незаметно уехал» — так Алёша сказал. Ехал уже третий день, представляете? Ночевал у дороги в кустах, бедняга...

— Смелый парнишка, — заметил Рахманов.

— Но как он определял дорогу? — вставил я.

— Помнил, что надо доехать до Истры, а дальше собирался спросить у кого-нибудь, — пояснил Нежданов и возобновил рассказ: — В Истре, в монастыре, Алёшу накормили, нам выделили машину, и я отвёз его к бабушке... Она обрадовалась внуку... Она хорошая, ходит в церковь... Но пенсия у неё маленькая. Вот теперь надо помочь ей с опекуном, с пособием на внука, надо устроить Алёшу в школу...

— Хорошо, что так закончилось, — вздохнула Таисия.

А я вдруг заметил, что Альма с Баксиком давно не играют и, разинув рты, внимательно слушают священника-поэта. Рассказ об Алёше произвел на них сильное впечатление.

— Я, пока ехал к вам, сочинил про Алёшу стихотворение, — снова заговорил Нежданов. — Называется «Маленький отважный путешественник». Послушайте!

— Я послушаю из дома. Пойду накрывать на стол, — Таисия поспешно встала со скамьи (похоже, она уже устала от стихов мужа).

За обедом Нежданов сказал:

— А в церкви у нас приключения другого рода. Представляете, недавно кто-то икону утащил. Небольшую иконку, но намоленную, дорогую для прихода. И кто до такого святотатства дошёл?!

Альма с Баксиком, лопавшие кашу у крыльца, одновременно встрепенулись. Баксик что-то буркнул, Альма завыла.

— Негодует, — уточнил я.

— Вот и прихожане мои возмущены, — сказал Нежданов. — Они люди хорошие, совестливые.

— Милицию вызывал? — спросил Рахманов.

— Участковый приезжал, сказал: «Будем искать». Я об этом случае тоже написал стихотворение, послушайте!

Глава девятнадцатая.

Кое-какие горькие мысли.

Альма спасает мне жизнь

Наш посёлок окружает лес. Не очень дремучий, но всё же в нём можно заблудиться, если потеряешь ориентировку, ведь известно, что в лесу человек ходит по кругу. Когда посёлок только строился, из леса не раз прибегали всякие животные. Однажды, когда мы с братом ставили забор, на нашу улицу вбежало семейство лосей. Заметив нас, лосиха сразу повернула обратно в лес, а лосёнок прижался к отцу, большому рогатому быку. Некоторое время сохатый с телёнком наблюдали за нами, потом развернулись и заспешили вслед за лосихой.

Бывало, на улице появлялась лисица или увидишь зайца — стоит «столбиком», крутит головой в разные стороны; услышит лай собаки, драпает в лес.

Сейчас в посёлок никто не забегает. Всех животных перестреляли охотники — «люди без души», как их называет Нежданов.

В ту осень добивали последнюю живность — белок в лесу и уток на озёрах. После каждого выстрела Альма пряталась под террасу и тряслась от страха. А я думал: «Дикари в Африке убивают животное по необходимости и просят у него прощения. А так называемые цивилизованные охотники убивают ради адреналина, устраивают себе развлечение и потом хвастаются трофеями. Некоторые большие начальники, и даже мэры и губернаторы, совсем обнаглели — охотятся с вертолёта в заповедниках, убивают животных, занесённых в Красную книгу! Об этих преступлениях говорят по телевидению, но ни одного из «власть имущих» не посадили. Можно ли спокойно на это смотреть?!»

Что ещё исчезло в нашей местности, так это цветы. Раньше в лесу было множество цветов, и все крупные: колокольчики — с кофейную чашку, ромашки — с блюдце. Сейчас цветов почти нет, а те редкие, которые встречаются, — мелкие и блёклые. Всё оттого, что «любители букетов» рвали самые крупные и красивые экземпляры, и постепенно цветы выродились. Некоторые, вроде ландышей и лесных купав, исчезли совсем. Такие дела, друзья, такие дела.

Всех, устраивающих вылазки на природу, можно разделить на два сорта: на племя варваров — то есть тех, кто в лесу бросает полиэтиленовые пакеты, бутылки, банки, кто может сломать живое деревце, пнуть муравейник, и на «зелёных», тех, для кого лес — заповедное место красоты, владения животных. Надеюсь, друзья, вы из числа «зелёных». Мы с Альмой самые что ни на есть «зелёные». «Зеленей» не бывает.

Кстати, именно «зелёные» считают, что никто иной, как человек уродует нашу планету: вырубает леса, строит плотины, возводит заводы, загрязняет моря, отравляет атмосферу. От этой деятельности пересыхают реки, тают ледники, вымирают животные. Говорят, сейчас

стали бережней относиться к природе. Не знаю, как вы, друзья, но я особых сдвигов не вижу. Вроде, где-то что-то делается, но больше на словах, а если и делается, то из рук вон плохо. Факт остается фактом: каждый день на земле исчезают десятки растений и животных. Исчезают навсегда! Только на вас, друзья, надежда. Уверен, вы постараетесь, сделаете всё, чтобы сохранить нашу планету, какой она ещё остаётся.

Но вернёмся в посёлок. Несколько раз мы с Альмой ходили за грибами. На первых «дарах природы» я объяснил юной грибнице, какой гриб ценный, какой так себе. Альма всё поняла и начала носиться меж деревьев, как слаломистка. Найдёт сыроежку — лает один раз, заметит подосиновик — лает два раза, ну а если попадётся боровик, заливаётся на весь лес. Я подойду, срежу гриб, а Альма вертится рядом, улыбается, ждёт, когда её похвалю. Так и собирали грибы — Альма находила, а я срезал. И всегда возвращались с полной корзиной, хотя отправлялись в лес позже всех. Некоторые грибники вставали чуть свет и часами бродили по лесу, но набирали всего ничего, а мы днём заглянем на полчаса — всё! — корзина доверху.

Как и многие животные, Альма предчувствовала опасность. Однажды в лесу нас застала гроза. Мы сильно промокли и уже направились к посёлку, как вдруг Альма остановилась и, гавкнув два раза, кивнула на поляну, где виднелось несколько подосиновиков. Я тоже остановился в раздумье — собирать грибы или не тратить на них время, корзина и так была почти наполнена. Внезапно Альма прыгнула на меня, схватила за рубашку и потащила в сторону. В ту же секунду на место, где мы только что стояли, рухнула огромная сухая ель. Не было слышно ни треска, ни шума ветвей соседних елей, которые задевало падающее дерево, но Альма каким-то непонятным образом почувствовала угрозу за нашей спиной.

И был ещё случай, когда Альма спасла мне жизнь. В тот день мы пошли в лес под вечер. Быстро набрали полную корзину, и тут — сам не знаю с чего — я вздумал пройти весь лес насквозь, узнать его получше, набрести на «интересные места», которые непрестанно расписывал заядлый грибник Рахманов.

— Лес простирается всего на три километра, — говорил он. — За ним интересные места: деревня и озеро — красотища, глаз не оторвёшь! Там — шоссе и ходит автобус до Истры. Он идёт и мимо нашего посёлка. Можно спокойно подъехать к нашим домам.

Так я и решил — посмотреть «интересные места» и вернуться на автобусе. Не знаю почему — возможно, мы с Альмой немного поплутали, но лес тянулся больше, чем три километра. Незаметно село солнце, стало темнеть, а лес всё не кончался. Альма, которая вначале с радостью встретила мою затею, теперь недовольно сопела и тревожно посматривала по сторонам; раза два вообще останавливалась и, поскуливая, звала меня назад, к посёлку. Наконец, я и сам решил вернуться, но в этот момент заметил — впереди деревья поредели, и за ними открывается ровная поляна со светлой травой и какими-то цветами, похожими на свечи. «Действительно, интересное местечко», — подумалось.

— Всё, Альма, лес кончился! — бодро возвестил я. — Где-то здесь должна быть деревня, сядем в автобус, с комфортом вернёмся домой. Вперёд, дорогая!

Я устремился к поляне, но, сделав несколько шагов, внезапно по пояс ушёл в тёмную топь. Да, друзья, светлая травка оказалась лишь приманкой для доверчивых грибников, на самом деле поляна была болотом-ловушкой. Очутившись в хлипком месиве из трухи и гнили, я сразу повернул назад, кинул корзину в сторону земли и попытался выбраться на твёрдую почву, но не тут-то было! Топь и не думала меня отпускать. Чуть шевельну ногой — ещё глубже ухожу в вязкую жижу. Я словно попал в капкан.

Альма бросилась мне на выручку; ещё секунду и она вслед за мной, увязла бы в трясине, но я успел крикнуть:

— Стой! Назад! Ищи толстую ветку и протяни мне!

Альма забегала вдоль болота, но, как назло, подходящей ветки поблизости не было. А меня уже засосало по грудь, несмотря на то, что я старался не двигаться и цеплялся за травы, торчащие из хляби.

Наконец, Альма нашла сосновую ветку и протянула один конец мне, другой схватила зубами и уперлась лапами в землю, готовая

тащить меня «на буксире». И, наверняка, вытащила бы — она не из слабых, но ветка оказалась сухой, она обломилась, как только я за неё ухватился.

— Ищи ветку с листьями! — крикнул я. — Или сломай тонкое деревце!

Между тем у меня на поверхности уже оставалась одна голова, я только что не пускал пузыри. Последнее, что я помню — мне в лицо тычутся ветки с листвой. Как я за них ухватился и как Альма вытащила меня — не помню. Очнулся я уже на твёрдой земле. Альма, отчаянно пыхтя, рывками давила мне лапами на грудь — делала искусственное дыхание. Заметив, что я открыл глаза, Альма лизнула меня в нос и облегчённо вздохнула. Я приподнялся и обнял свою спасительницу.

А сумерки всё сгущались, нас стали донимать комары, мы оба дрожали — я от прилипшей мокрой одежды, Альма — от страха перед темнотой; она всё время прислушивалась к лесным звукам и пугливо озиралась (вы же помните, с темнотой у неё связаны страшные моменты). В общем, мы оказались в положении — хуже не придумаешь. Но надо было что-то делать. Я поднялся, нашёл корзину с несколькими грибами (большинство выпали после того, как я отшвырнул её) и сказал Альме:

— Где-то здесь должна быть деревня, надо обойти болото.

Альма принялась и покачала головой — дескать, я не чувствую никакого жилья, за болотом снова начинается лес.

Присмотревшись, я и в самом деле разглядел за «полянкой» деревья.

— Пойдём назад через лес, я найду дорогу к посёлку, — пролаяла Альма. Мне ничего не оставалось, как подчиниться ей.

Мы углубились в ночной лес. Я брел за Альмой и видел перед собой только её жёлтый пушистый хвост. То и дело меня по лицу хлестали ветки, руки обжигала крапива; несколько раз я спотыкался о корни и падал — тогда Альма останавливалась и поджидала меня.

Через час с небольшим, чётко выдерживая направление, словно по компасу, Альма привела меня к посёлку, именно к нашей улице,

где мы входили в лес. Но гораздо больше меня поразило не это, а мужество Альмы — то, что она в трудной ситуации преодолела страх перед темнотой. И не паниковала, а действовала трезво, решительно. Это, скажу вам, качество настоящих героев.

Глава двадцатая. **Чудеса в нашем посёлке**

Вы, друзья, заметили, что нашим поселъчанам свойственно чувство прекрасного? Гришка с Мишкой построили дворец из глины, бухгалтерша посёлка сочинила стишок, сторож нарисовал Альму, мастеровитый Рахманов сотворил часовню и деревянного петуха. А поскольку в нашей местности маловато полевых цветов, поселъчане разводят садовые. Чтобы восполнить прекрасное. Некоторые палисадники попросту ломаются от напора цветов. Кое-кто и себя украшает цветами: женщины прикалывают их к волосам, мужчины носят в петлицах рубашек. Всё понятно — красота устанавливает хорошее настроение.

Вообще, скажу вам, наш посёлок можно назвать цветочным. Посудите сами, в дренажных канавах полно кочек с незабудками, пожарный водоём покрывают розовые цветы водяной гречихи — водоём похож на плавающий сад. На одном участке, словно десятки солнц, красуются жёлтые корзинки подсолнухов, на другом и вовсе происходят чудеса: на крапиве и лопухах каким-то странным образом вдруг появляются... тюльпаны. Одни говорят, что хозяин участка, ради шутки, привязывает благородные цветы к диким растениям, другие уверены, что хозяин вывел новый сорт флоры, и ему, как гениальному ботанику, надо дать Нобелевскую премию.

Впрочем, чего-чего, а чудес в нашем посёлке хватает. Правда, здесь оговорюсь — как правило, чудеса видят те, кто хочет их видеть.

Рядом с домом Рахманова стоит маленький ветхий домишко, в который уже много лет никто не приезжает. Говорят, старики, хозяйева дачи, умерли, а их детям неприглядное старое жильё не нужно. Домишко весь оплетён плющом, зелёные «змейки» оплетают и стены, и крышу; в середине лета, когда плющ разрастается, строение полно-

стью скрывается за листвой, не видно ни окон, ни крыльца, дача похожа на таинственный терем. Считается, заросший дом — плохой знак. Не знаю, не знаю. Но Гришка с Мишкой не раз говорили мне, что на даче живёт летающий дракон.

— Он по ночам облетает посёлок, — шёпотом сообщал Гришка.

— У него маленькая голова и длинный хвост, — объяснял Мишка.

Как-то они меня допекли этим драконом — стали говорить, что он таскает кошек и может напасть на Альму.

— Ладно, — сказал я. — Пошли, выясним, кто живёт в том доме.

Мы пришли к Рахманову, и я спросил приятеля напрямик:

— Это правда, что оттуда по ночам вылетает дракон?

— Абсолютная правда, — серьёзно подтвердил Рахманов. — Но я его заарканил. Сейчас принесу.

Он ушёл в сарай и вернулся с большим бумажным змеем. Впереди у змея висела, похожая на птичью голову, гайка, сзади болтался длинный хвост из мочалок.

— Вот он, красавчик, дружок моего петуха, — с гордостью заявил Рахманов. — Перед грозой я запускаю его на тонкой проволоке, и привязываю к штырю, — он кивнул на железный прут в огороде. — Чтобы молния уходила в землю. А то ещё шархнет в телевизионную антенну. Здорово я придумал, что скажете, ребята?

Мои спутники смущённо закивали.

Но случаются у нас и настоящие чудеса. Ну разве не чудо — во время дождя в посёлке появляются заколдованные места, куда не попадают водяные струи. Представьте себе — вокруг льёт, как из ведра, а вы словно под стеклянным колпаком, стоите абсолютно сухой, на вас не падает ни капли. Гришка с Мишкой знали такие места и, как только начинался дождь, звали нас с Альмой под «невидимый зонт».

После дождя в посёлке стоит мутная тишина, приветствуя солнце, распускаются цветы, вновь начинают петь птицы. Но всё это происходит и в других посёлках, а вот где увидишь сразу три радуги? А у нас они в порядке вещей. Маленькая радуга над канавами, средняя — над посёлком, гигантская — над всем Истринским районом.

Вы не поверите, но у нас случаются и миражи. В знойный полдень, когда от земли струятся горячие испарения, неожиданно над посёлком появляется его зеркальное отражение. Со стороны Алехново отчётливо видно, как в воздухе висят дома, деревья, машины. Представляете это незабываемое зрелище? Однажды мы с Альмой даже видели бегущего по небесной улице Баксика — Альма поприветствовала его лаем.

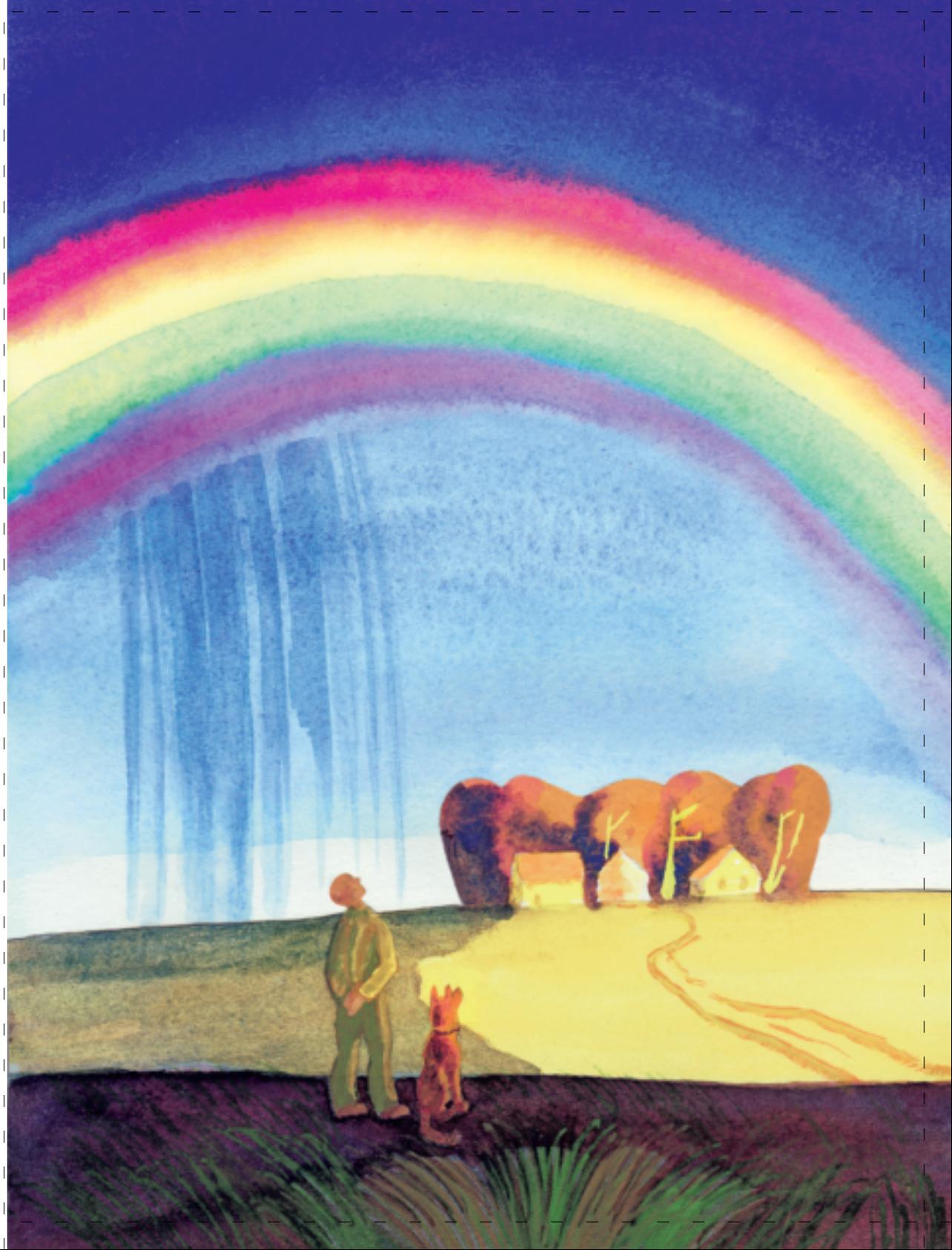
Есть в нашем посёлке выбитая площадка, где подростки на скейтбордах выделывают всякие трюки. На том клочке земли нет ни одной травинки, но время от времени ребята сталкиваются с необъяснимым — приходят на площадку со своими досками, а там густая трава, как будто кто-то постелил зелёный ковер. Каким-то странным образом на следующий день трава исчезает, а потом внезапно появляется снова. Это повторяется каждую неделю как по расписанию.

И есть в нашем посёлке загадочное место — там всегда стоит туманное облако. Представляете, идёт человек по дороге и вдруг становится невидимкой. Исчезает, словно растворяется в воздухе. Пройдёт то место, опять появляется.

И наш пожарный водоём — не что иное, как оздоровительный бассейн. Он сильно прогревается на солнце, но в нём бьют мощные ключи. Представляете, горячая вода через каждый метр, чётко, как на огромной шахматной доске, чередуется с холодным водяным столбом! И это две среды не перемешиваются! Получается лечебная ванна с гидромассажем, не надо ехать к врачам. Допустим, прихватил тебя радикулит, искупался в водоёме, «принял контрастный душ», как говорят наши купальщики, и порядок — вылезашь из воды здоровый, посвежевший, помолодевший и так далее.

И луна у нас неправдоподобно яркая. Тени от неё, как днём от солнца. И каждую ночь у нас звездопад — можно загадывать желания без конца, и самое удивительное — они все сбываются!

Да полно у нас чудес! Но, понятно, для меня самым необыкновенным чудом стала Альма. Она оказалась не только красавицей и умницей, но и отважной.

Глава двадцать первая. Прощай, лето!

До конца лета Альма жила на даче с братом. Я приезжал только в выходные, и каждый приезд удивлялся, как быстро Альма растёт. От её большой раны остался рубец — он покрылся рыжей шерстью и, как и говорил Алексей Неведов, стал незаметен.

Лето, лето! Не знаю, как вам, друзья, а мне всегда кажется, что оно проходит слишком быстро. Не успеешь и глазом моргнуть, как уже желтеют листья, жухнут травы, наступают холода.

Как известно, наш великий поэт Пушкин не любил лето, он любил осень. В возрасте Гришки с Мишкой я был категорически не согласен с поэтом. Он возмущал меня до глубины души. Я рассуждал: «Эх, если бы Пушкин был жив, я пришёл бы к нему в гости и сказал бы приблизительно так:

— Александр Сергеевич, ну как вы не понимаете, что лето — лучшее время года. Лето — это солнце, тёплая река, горячий песок, цветы. Это жизнь, полная приключений... Вы пишете, что любите осень. Вам что, больше нравятся дожди, слякоть, грязь? Бросьте, Александр Сергеевич! Осенью одни животные умирают, другие заваливаются в спячку, а у людей на душе тоска... Ну есть, конечно, летом комары да мухи. Ну и что? Подумаешь, пожужжала муха, укусил вас комарик. Зато сколько вокруг бабочек, кузнечиков, стрекоз, которые и не думают кусаться, которые только радуют глаз. Почему вы о них забыли?

Я был уверен, что, выслушав меня, Пушкин пожал бы мне руку со словами:

— Ты абсолютно прав, мой юный друг, в том стихотворении я дал маху, сегодня же его выкину в корзину для мусора.

Теперь-то, в старости, я люблю все времена года. И любую погоду. Но, признаюсь вам, друзья, как и в детстве, особенно люблю лето. Тёплые долгие летние дни мне, честное слово, кажутся раем на земле. Альме тоже больше всего нравилось лето, ведь с остальными временами года у неё связаны одни неприятности.

В середине лета петух Рахманова сломался, но зато в посёлке стало раздаваться кукареканье настоящего петуха — один из дачников привёз из деревни несколько кур и красавца петуха. С того дня мы с Альмой просыпались от его звонкого голоса. Проходя мимо участка дачника, я не раз видел, как петух царственно вышагивает среди кур; найдёт зёрнышко, сам не ест, зовёт своих подружек. Время от времени петух привставал на носки, хлопал крыльями и, вытянув шею, изо всей мочи пел свою бесхитростную песню.

Но в конце лета однажды утром не раздалось привычного кукареканья. Альма долго прислушивалась, вопросительно смотрела на меня; я и сам был удивлён до крайности. В тот же день Гришка с Мишкой сообщили, что дачник съехал с дачи, а перед отъездом и кур, и петуха забил.

— Он отрубал им головы на пне, который называл «плахой», — торопливо рассказывал Гришка. — И кидал кур в сторону. Некоторые куры кувыркались в воздухе, а потом падали на землю.

— А петух даже пролетел несколько метров, — добавил Мишка с дрожью в голосе.

Нам всем было жалко петуха и кур. Альма так просто ушла за сарай, чтобы мы не видели её слез. Не очень уверенно я сказал ребятам, что постараюсь уговорить Вадима Николаевича Рахманова, чтобы он завёл петуха и кур, поскольку он почти круглый год живёт на даче.

— Настоящий петух лучше его деревянного, — выдал «умную» мысль Гришка.

— А мы будем петуху и курам приносить крупу, — воодушевился Мишка.

Кроме этого неприятного дня, остальные последние дни лета протекали мирно. И даже забавно-примечательно. Ну разве не примечательно, что у нас под террасой поселились ежи? Каждый вечер, шелестя опавшей листвой, сопя, урча и похрюкивая, они уходили к соседям, где под кустами смородины ползали слизняки — лакомство зверьков. Ежи шествовали один за другим, как солдаты в строю, а наевшись, возвращались под террасу таким же строем.

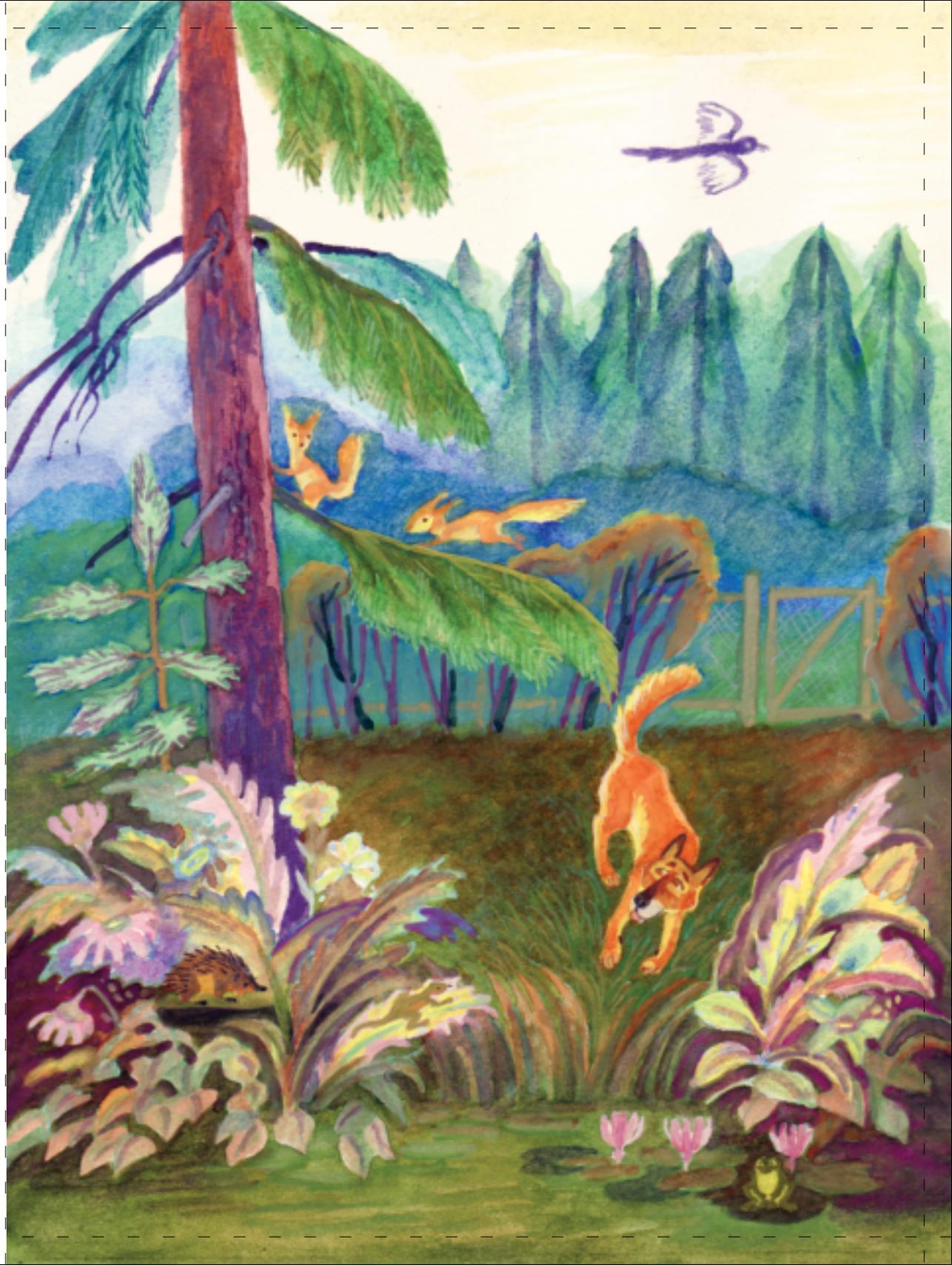
Альма с огромным любопытством рассматривала колючих зверьков, а они её, вроде, и не замечали — так были заняты своим делом. Правда, первые дни иногда поднимали колючки и сворачивались в клубки, но быстро привыкли к моей подружке и топали прямо перед её лапами.

Чтобы разнообразить меню ежей, я на ночь ставил у террасы миску с кашей — по утрам миска оказывалась пустой. Альма, умница, к миске не подходила, только издали принюхивалась — прекрасно знала, для кого я оставляю еду, и перед сном всегда проверяла — не забыл ли я положить кашу?

А на наших елях появились десятки шустрых белок. Словно язычки пламени, они носились по ветвям с шишками в зубах — делали запасы на зиму. Некоторые из белок собирали упавшие шишки на участке — спрыгивали на землю с нижних ветвей дерева, хватали шишку и стремглав неслись по стволу в гущу еловых веток.

Альма прямо-таки любовалась ловкостью белок — то и дело задира-ла голову и кивала мне, указывая, где находится тот или иной зверёк. А когда белки перепрыгивали с дерева на дерево, прищёлкивала языком от восторга и, оборачиваясь ко мне, подавала голос: — Видал, какие трюки?! Мы с тобой такое не смогли бы исполнить. Альма обладала редким качеством — умела ценить чужое мастерство. Поверьте мне, друзья, не многие это умеют. Большинство ценит своё мастерство. Некоторые даже переоценивают. А вот ценить чужое мастерство и восхищаться им могут только самые одарённые. Я называю это «щедростью таланта». Ну, то есть, я хочу сказать, что моя Альма — очень одарённая собака. Собственно, вы, наверняка, и сами уже в этом убедились.

Но я отвлекся, хотел-то сказать ещё несколько слов о белках. По моим наблюдениям, они обживались в посёлке, потому что наши сосны и ели более питательные, ведь в посёлке больше солнца, чем в лесу. Но я уверен, не только поэтому. Наверняка, белки рассматривали посёлок как некий зоопарк с разными животными: опасными (в лице кошек) и добрыми (в лице людей). К тому же, в «зоопарке» было полно аттракционов — можно сколько хочешь бегать по заборам, прыгать по крышам домов и сараев, взбираться на телевизионные антенны, качаться на бельевых верёвках.

Под жильё белки использовали чердаки, а некоторые, особо смышлёные, и скворечники. Белкам я тоже оставлял еду — раскладывал на террасе грибы и орехи. Альма бдительно следила, чтобы на террасе постоянно лежало угощение для белок — как только оно исчезало, звала меня. Она заботливо относилась ко всем животным. Случалось, из своей миски вынимала самые лакомые куски мяса и относила в миску у террасы. Она прежде всего думала о других, а потом уж о себе. Даже со мной во время завтрака, обеда или ужина она никогда не начинала есть первой; подходила к миске и косилась боковым зрением, поглядывала на меня — ждала, когда я сяду за стол; и не прикасалась к еде, пока я не начну есть. Такая оказалась воспитанная собачонка. Кто её воспитывал, я не представлял, поскольку не знал её родителей. Девчонка, которая её подобрала — не в счёт. Вряд ли она могла чему-то научить щенка за два дня. Про «птичницу» и Тихона и говорить нечего. Но вскоре мне открылась тайна рождения Альмы.

Глава двадцать вторая. Наш двор

Я живу в Тушино, недалеко от кольцевой дороги на улице Свободы, самой длинной в городе. Свободы у нас полно — большой парк и Москва-река с пляжем и речным вокзалом на противоположной стороне. Но и шума у нас хватает — по улице катит немало машин. Хорошо ещё, что дорогу обрамляют липы, они немного поглощают шум.

Наш дом — обычная пятиэтажка; перед домом тополя и берёзы, а между ними — сирень, достающая до моего второго этажа; весной я нюхаю цветы прямо с балкона. И во дворе у нас тополя и берёзы и есть детская площадка с качелями, и хоккейная коробка, и площадка для «тусовки» собак. Но, как и во всех дворах, у нас десятки «ракушек», которые, понятно, не украшают, а уродуют двор. И какой безмозглый чиновник додумался ставить эти железные сараи?! Куда приятней видеть разноцветные машины, чем серые саркофаги. Разве не так, друзья?

Ну, да ладно, пойдём дальше. Квартира у меня двухкомнатная, маленькая, немного захламлённая, приятели всё спрашивают, «когда я сделаю ремонт?» А меня вполне устраивает и такое жильё.

Альме моя квартира понравилась. Конечно, пространство не то, что на участке, и воздух не тот, и звуки не те, но зато в холодные дни не надо топить печку, и в слякоть после прогулки можно вымыть лапы тёплой водой, и выход на прогулку всего через два лестничных пролёта, и хороший обзор улицы с балкона, и магазин под боком, а не в Алехново. Ну и, конечно, хвостатых собратьев, кошек и птиц не меньше, чем в посёлке.

Кошки обитают в подвале нашего дома, а голуби — на чердаке. И тех, и других подкармливают сердобольные старушки и старички вроде меня. Кошки в основном вылезают из подвалов с наступлением темноты, а голуби, понятно, весь день летают и разгуливают вокруг дома; доверчивые, беспечные птицы, наевшись, устраивают игры в воздухе — планируют, кувыркаются и, сложив крылья, падают вниз. Случается, некоторые слишком увлекаются и не успевают у земли расправить крылья, и разбиваются.

Одного такого полуживого летуна я подобрал и лечил несколько месяцев в ящике на балконе. Когда он поправился, я «окольцевал» его — обвязал одну из лап мягкой зелёной ниткой — и выпустил на свободу. Странное дело, больше я не видел его. Сколько ни разглядывал голубиные стаи, своего пациента не находил. А поздней осенью довольно далеко от дома Альма подвела меня к вороху опавшей листвы. Среди листьев я заметил голубиные перья и чуть в стороне скелет птицы, на одной из лап была зелёная нитка. Как погиб мой голубок, не знаю. Возможно, всё же разбился, ведь он любил поиграть в воздухе.

Как и раньше, но теперь уже с Альмой, по утрам, выходя из дома, я брал с собой пару сосисок — для бездомных собак, кусочки рыбы — для кошек, хлеб или пшено — для голубей и воробьёв. Птицы обычно меня уже поджидали на деревьях и балконах, но первое время побаивались Альму; потом привыкли, даже подлетали к ней, думали, что и она может угостить зерном.

Кошки, как я уже сказал, чаще всего появлялись к вечеру, поэтому я оставлял им еду около вентиляционных отдушин. А при вечерней прогулке кормил из рук, предварительно попросив Альму отойти в сторону, чтобы не пугать кошачью братию.

Что касается бездомных собак, то они, в большинстве своём, долго в нашем дворе не задерживались — одни, как все бродяги, искали лучшее место обитания, других отлавливали собаколовы — чаще всего по вызову разных ненавистников животных. А таких ненавистников немало, друзья, немало, поверьте мне. Да наверняка вы сами были свидетелями жестокого отношения к животным. А всё отчего? У нас слишком мягкие наказания для таких негодяев. Представляете, в Америке за убийство кошки дают до двадцати лет тюрьмы! А у нас — штраф, да и то не всегда.

Крайне редко, но всё же случается, бездомная собака находит себе хозяина. Всё оттого, что любители животных, как правило, уже имеют собак, а равнодушные к животным не хотят усложнять свою жизнь. Немало людей, которые и завели бы собаку, но сейчас, сами знаете, всё решают деньги. Я уже говорил, сколько стоит осмотр у ветеринара. Не всем это по карману. А раньше, повторяю, друзья, раньше все услуги ветеринаров были бесплатными. Такие дела.

Но вернёмся к собакам. Безусловно, в городе у собак постоянная борьба за выживание, они всё время рискуют жизнью. Лучше всего собакам жить в пригороде или в деревне, но, естественно, не сидеть на цепи, а иметь тёплую будку и любящего хозяина — из тех, кто «в плохую погоду собаку на улицу не выпускает».

Глава двадцать третья. Друзья и соперники

Первыми городскими приятелями Альмы стали доберман-пинчер Тимошка и овчарка по кличке Боец. Маленький, прямо игрушечный, Тимошка был ровесником Альмы и, понятно, им нравились одни и те же игры. Они носились кругами: Альма резво бежала впереди, её вприпрыжку догонял Тимошка. Время от времени Альма останавли-

валась и, как только Тимошка подбегал, перескакивала через него. Но иногда Тимошка успевал первым перелететь через Альму, при этом искоса посматривал на неё — явно хвастался своей ловкостью.

Шустрый Тимошка напоминал Альме Баксика, и потому она сразу к нему привязалась. Она вообще любила маленьких собак и детей, общение с ними считала более интересным и безопасным. И маленькие собаки, и дети любили Альму. Да и как её было не любить, ведь с ними она была и весёлой, и выдумщицей — всякий раз придумывала новую игру.

Забегая вперёд, сообщу печальную вещь — спустя год Тимошка погиб. Его хозяева прошляпили — не заметили, как он во время «собачьей свадьбы» увязался за какой-то приبلудной собакой, и впоследствии выяснилось — его, крохотулю, загрыз кто-то из крупных «женихов».

Хозяева Тимошки, бездетные супруги средних лет, были, в общем-то, хорошими людьми. Каждый вечер, взявшись за руки, они гуляли вокруг нашего дома. И Тимошка никогда от них далеко не отбегал. Он вообще боялся чужих людей и незнакомых собак, а дружил и вовсе только с Альмой. И вот однажды случилось такое несчастье. Кстати, супруги взяли Тимошку, чтобы легче пережить потерю предыдущей собаки — борзой Люси, самой великовозрастной во дворе. Люся отличалась необычным кремовым окрасом и независимостью. Она никогда ни на кого не лаяла, ни с кем не общалась. Ей было очень много лет, но держалась она по-королевски: вышагивая за хозяевами, высоко поднимала лапы и никогда не смотрела по сторонам. Позднее супруги рассказывали:

— ... Мы взяли её щенком и вместе прожили, кажется, целую жизнь. Вначале она была для нас дочкой, потом — сестрой, а под старость — беспомощной матерью. Она тяжело умирала: её парализовало, она ходила под себя, стонала. Чтобы не мучилась, мы решили её усыпить и принесли в лечебницу. И вот... пока ждали очереди, она на руках у нас умерла... Чтобы мы не брали грех на себя, чтобы нас не мучила совесть. Такая умница была!.. После её смерти мы прямо потеряли часть души...

Они не знали, что впереди их ждёт ещё потеря Тимошки.

Старого больного Бойца выгуливал его хозяин Виктор, парень-афганец. Было известно, что Виктор бывший сапёр и на афганской войне с Бойцом разминировал мины, что когда закончилась война, Виктор не смог расстаться с собакой и взял её с собой в Москву. От запаха взрывчатки у Бойца были поражены все органы, он ходил с трудом, попросту волочил задние лапы. Обычно он брёл за Виктором, тускло посматривал на собак, только при встрече с Альмой в его глазах появлялись живые искорки, он ложился в траву и, глядя на мою подружку, улыбался, улыбался, улыбался. Альма подбегала к ветерану, почтительно склоняла голову, подгибала лапы — делала «реверанс» (она не раз слышала рассказы о подвигах Бойца).

В соседнем доме проживал пёс Кузя. Он выглядел довольно смешно: низкорослый, лохматый, серо-бурого окраса, с узкой мордой и чёрным носом-набалдашником; его маленькие чёрные глаза еле виднелись под нависавшими бровями. Кузя всех собачников поражал своей преданностью хозяину. Между тем этот хозяин постоянно шпынял и бил Кузю — срывал на нём злость за «опостылевшую жизнь». Никто ни разу не видел этого типа трезвым, соседи называли его «позорищем всего дома». Случалось, хозяин Кузи пропадал на несколько дней, и всё это время пёс ждал его у подъезда, а спал у своей двери. Нередко соседи приводили Кузю к себе, кормили, стелили коврик-подстилку и вообще были готовы оставить собаку у себя, но Кузя непременно уходил к своей двери.

Как-то хозяин Кузи потерял ключи от квартиры, долго дебоширил в подъезде, лупил Кузю, наконец уснул прямо на лестничной клетке. Соседи вызвали милицию, но когда приехали стражи порядка, чтобы забрать «позорище», Кузя стал на них лаять, всем своим видом давая понять, что никого к хозяину не подпустит. Соседи с трудом оттащили Кузю в сторону, но он всё-таки вырвался и пытался помешать милиционерам запикивать хозяина в «Газик», а потом ещё долго бежал за машиной. К счастью, он не потерялся и к вечеру прибежал к дому. А спустя несколько дней вернулся и его хозяин. Как всегда нетрезвый.

Однажды во дворе появилась чёрная пугливая сучка с двумя щенками. Эта мамаша ревностно оберегала своих детей от общения с собаками, только Альме разрешала с ними играть — видимо, сразу почувствовала добросердечие моей подружки.

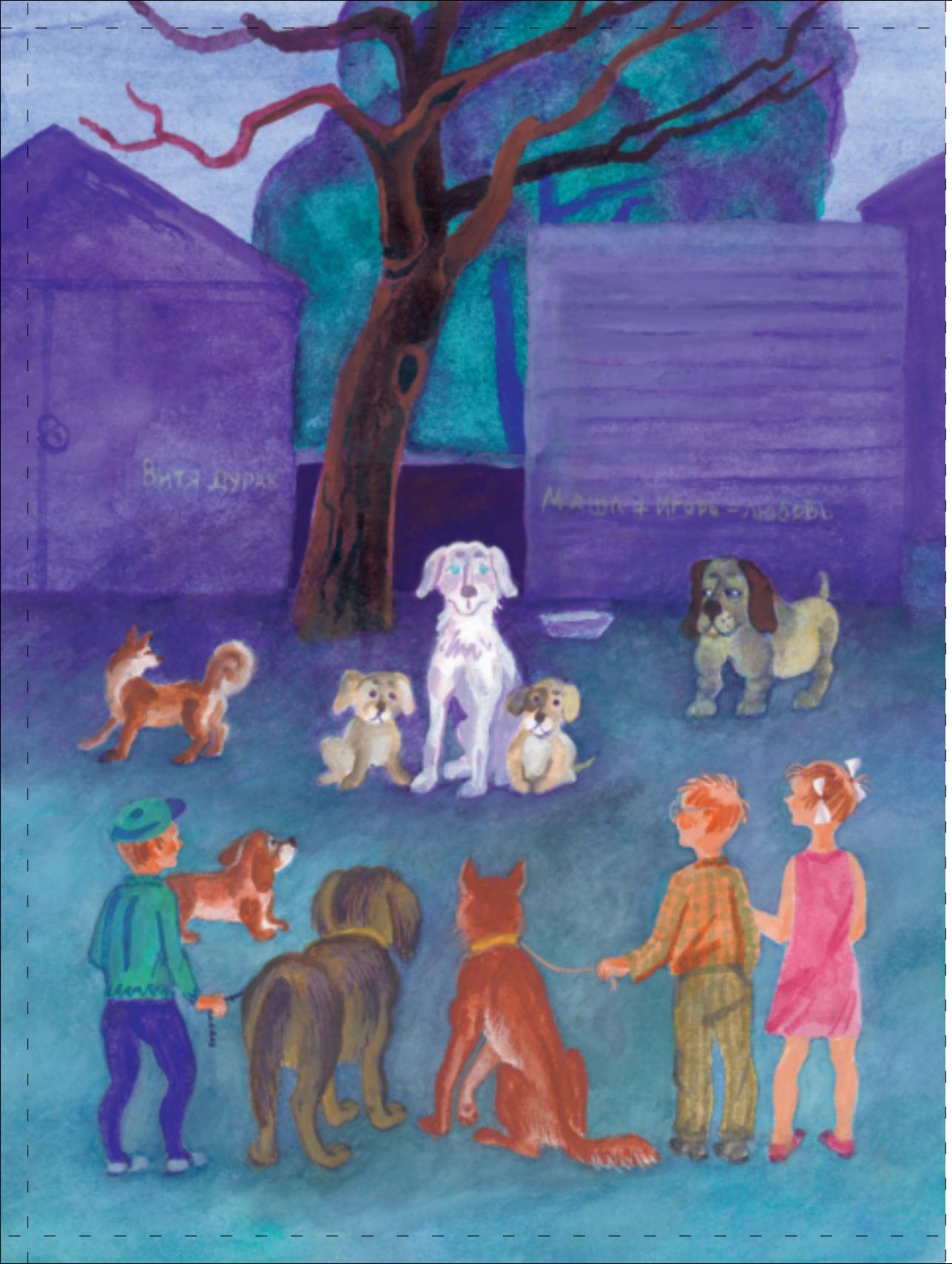
Ночевало бездомное семейство между «ракушек». Их подкармливали, кое-кто пытался пристроить щенков в «хорошие руки», но, как я уже говорил, это непростое дело. Слишком много бездомных собак в городе, а желающих взять их к себе слишком мало, тем более сейчас, когда многие обеднели и еле сводят концы с концами.

Так получилось, что вскоре сучка пропала. Говорили, что её сбила машина. С неделю щенки, жалобно поскуливая, выглядывали из-за «ракушек». Мы с дворником соорудили им навес из досок, под ним постелили старое одеяло, принесли миски, куда клали еду наши любители животных.

А потом вдруг в наш двор забежал очередной бродячий пес — молодой, двух—трех лет. У него были гладкая белая шерсть и голубые глаза. Представляете, ребята, — ангел, а не пёс. И вот этот ангел, увидев щенков, сразу остался с ними, стал для них настоящим отцом. Надо было видеть, как он, сам ещё совсем молодой, заботится о своих приёмышах: приносил им еду, которую оставляли у домов для кошек, выводил щенков на прогулку и следил, чтобы они не отбежали далеко от своей конуры, всячески оттеснял от них взрослых собак, а на ночь взбивал одеяло под навесом, чтобы щенкам было помягче лежать, а сам ложился перед навесом — охранял жилище. Позднее, с наступлением холодных дней, он укладывался спать со щенками, чтобы согреть их своим теплом.

За свою жизнь я не раз видел у бездомных собак крепкие «семьи» с «супружеской» верностью. Видел «семьи» с изменами и ревностью. И видел сучек, которые воспитывали не своих щенков. Но чтобы бродячий пёс усыновил чужих щенков, видел впервые. Естественно, этот благородный пёс вызывал у меня уважение и восхищение. И не только у меня.

Альма к этому странному семейству относилась с огромной симпатией. И пёс-ангел, так же, как и мать щенков, доверял Альме, она была

единственной собакой, которую он подпускал к навесу. А щенки принимали её за няньку или старшую сестру, не знаю, что у них было в голове. Альма ежедневно приносила им подарки — в основном игрушки, которые находила в детской песочнице, а дома откладывала для них что-нибудь вкусненькое. Я положу в её миску две котлеты — она одну съест, а вторую спрячет под табуретку. Только соберёмся на прогулку, она сразу котлету в зубы, а выйдя из подъезда, спешит к конуре-навесу, причём делит котлету на две части, чтобы досталось каждому из щенков. Щенки слопают угощение и затевают игру — прыгают и виснут на Альме, вцепившись зубами в её холку. А зубы у них резались, были мелкими и острыми, но Альма всё терпела. Только когда малышня кусала её за уши, трясла головой. Пёс-ангел смотрел на эти игры со стороны, смотрел то радостно, то печально. Трудно было понять, о чём он думал. Возможно, жалел щенков, что они с детства лишены материнской любви.

Но однажды эти замечательные собаки пропали. Говорили, пёс-ангел куда-то увёл щенков, но куда и почему, никто не знал.

Появилась у Альмы и соперница — взрослая беспородная толстуха из соседнего подъезда. Во дворе её звали Найда, но её хозяин, парень студент, то ли в шутку, то ли всерьёз, требовал называть её Эльза Францевна. Говорили, что так зовут его тётку, на которую Найда очень похожа. А себя студент называл «меломаном». В самом деле, из его квартиры постоянно неслась музыкальная канонада. Соседи студента не раз писали письма в милицию, что «от сумасшедшей музыки нет житья», но власти только разводили руками.

У студента совсем не было времени гулять с Найдой, он только выпускал её из подъезда и тут же возвращался к своей музыке. Найда считалась «особенной» собакой. Её «особенность» заключалась в том, что она была домоседкой и выходила из дома только по нужде. Она никогда не заглядывала на собачью площадку, не общалась ни с собаками, ни с их хозяевами. Выскочив из дома, словно ошпаренная, разгоняя голубей и кошек, она приседала в определённом месте и вновь подбегала к подъезду. И подавала студенту голос, чтобы он открыл дверь. Но её голос тонул в громких звуках «канонады». Обычно

ей открывал дверь кто-нибудь из жильцов их подъезда. Одни из собачников (в основном пожилые люди) говорили, что Найда «давно оглохла от жуткой музыки безответственного студента», другие (в основном молодые люди) наоборот, были уверены, что «она любит музыку хозяина» и что «у неё классный музыкальный вкус».

Найда с первого взгляда невзлюбила Альму. Увидев соседку-толстуху впервые, Альма пошла было знакомиться с ней, но Найда брезгливо отвернулась и, фыркнув, побежала по своему маршруту. И в последующие дни она демонстративно не замечала Альму. А однажды даже напакостничала — справила нужду у нашего подъезда, давая понять Альме, кто хозяйка в доме. Думаю, она просто завидовала молодости и красоте моей подружки.

Из тех собак, кто имел хозяев, во дворе постоянно прогуливался красавчик медалист далматинец Гоша, который на всех собак смотрел насмешливо, с ироничной ухмылкой. Было ясно, Гоша немного спятил от своих медалей. Ну а главенствовал среди собак полупородный Дик, крутолобый пёс с мощной грудью и суровым взглядом. Об этих молодчиках ещё расскажу.

Глава двадцать четвёртая.

Брат Альмы

Осенью начались дожди. Альма тоскливо смотрела в окно, её тянуло в посёлок, где, как ей казалось, круглогодичное лето, участки, полные цветов, где Гришка с Мишкой, Баксик, приятели по «собачьей школе», где яркая насыщенная жизнь, как вечный карнавал. Альма то и дело подходила ко мне, теребила лапой, звала в посёлок.

Однажды на выходные мы поехали, чтобы «законсервировать» дом. Уже наступил ноябрь, в посёлке было пустынно. Альма озиралась по сторонам, прислушивалась, надеялась увидеть знакомых собак или услышать их лай, но в ветвях только слышалась трескотня сорок. А тут ещё пошёл дождь, и Альма совсем загрустила. Чтобы немного её развеселить, я приготовил вкусный ужин. Наевшись, Альма потянулась и рыгнула. Я пристыдил её:

— Альма, ну как тебе не стыдно? Веди себя прилично, ведь ты же девушка.

Моя подружка смутилась, стыдливо опустила голову, но тут же приосанилась и, выпятив грудь, хмыкнула: — Это у вас, у людей, рыгать неприлично, а у нас, у собак, означает: «Спасибо, хорошо поела, больше не лезет!»

В доме было холодно, и на ночь я затопил железную печурку. Мы выпались неплохо, а проснулись от перезвона колокольчиков. Я сразу подумал — кто-то из дачников приехал на тарантасе. Летом, бывало, кое-кто из любителей шикануть прикатывал из Истры на лошади с бубенцами и колокольчиками. Но, оказалось, ночью ударил мороз, на ветвях образовались сосульки и, раскачиваясь, они издавали мелодичные звуки.

По пути в город я объяснял Альме, что у каждого времени года своя жизнь, что зима пройдёт быстро, начнётся наше любимое лето, и мы снова будем жить в посёлке.

Однажды, во время утренней прогулки, мы с Альмой увидели двоих в поношенной одежде: сутулого небритого мужчину и симпатичную женщину с усталым лицом. Они копались в мусорных контейнерах, выискивали бутылки и банки из-под пива и складывали их в большие сумки. Странную пару сопровождал молодой кобель, долговязый, худой, но поразительно похожий на Альму. Конечно, моя подружка выглядела упитанной, и шерсть у неё была чистой, блестящей, а у него — грязной, в колтунах. И взгляд у Альмы лучился, а у кобелька был потухший. Но по строению и масти они были похожи, как две капли воды. Я подивился такому сходству, а тут ещё Альма вдруг подбежала к кобельку и поцеловала его в ухо. И он ответил ей тем же. Как бы подчёркивая важность момента, женщина подошла к собакам.

— Неужели Трезор встретил свою сестрицу? Надо же, они так похожи! — улыбнувшись, она повернулась ко мне: — Вы, случайно, не подобрали свою собачку? У школы в прошлом году?

— Подобрал не я, а девчонки. Но, действительно, зимой у школы.

— Это мы её там оставили, — тихо произнесла женщина. — Решили, кто-нибудь из школьников возьмёт. И вот, слава богу, взяли.

Помолчав, женщина рассказала:

— Всего было пять щенков. Четверых разобрали, а эта осталась сиротой.

— Как сиротой? А её мать?

— Она попала под машину. Там, — женщина показала на дома у кольцевой дороги. — Мы оттуда... Их мать была овчаркой. Служила на складе.

— А отец? — я решил узнать всю родословную Альмы.

Женщина усмехнулась:

— Да один приبلудный хвостатый. Любовь с первого взгляда.

— У вас не найдётся покурить? — обратился ко мне мужчина.

Мы закурили, и я, чтобы завести разговор, несколько бестактно, спросил:

— Сколько сейчас платят за бутылки и банки?

Мужчина назвал цены и вдруг спешно заговорил:

— Вы не думайте, что мы какие-то опустившиеся пьяницы. Мы по образованию инженеры, но сейчас, вы же знаете, везде сокращения. Нас уволили, жить было не на что, и мы решили поменять квартиру на меньшую с доплатой, но нас обманули. Фирма, которая делала обмен, оказалась фальшивой. Мы остались без жилья. Теперь мы бомжи, живём в заброшенном сарае.

— Мы подали в суд на тех аферистов, — пояснила женщина, — но уже три года их не могут найти. И никто не может нам помочь, мы никому не нужны. Вот только Трезор и скрашивает нашу жизнь...

Попрощавшись, мужчина с женщиной направились со двора. Трезор побежал за ними. Я смотрел им вслед и размышлял: «Сколько хороших, доверчивых людей пострадали за последние годы от разных мошенников. И как понять — в газетах свободно печатают объявления всякие сомнительные фирмы, создатели «пирамид», а власти почему-то их не проверяют, хотя это проще простого. Только когда аферисты обманут сотни людей, власти начинают раскачиваться».

А о Трезоре я подумал: «Какая разная судьба у него и у Альмы. А ведь он мог быть на её месте, а она на его. И ходила бы сейчас моя

подружка по помойкам и ночевала бы в сарае. А Трезор жил бы у меня припеваючи. Да, друзья, многое в жизни зависит от случая.

Вот так я узнал о происхождении Альмы и даже познакомился с её братом. Кстати, вам, друзья, тоже надо знать свои корни — кто были выши деды, бабки. Есть старая истина: если знаешь, откуда идёшь, всегда легче найти свой путь, свою цель.

Глава двадцать пятая.

У Альмы открываются новые таланты

Большинство домашних животных не любят оставаться одни в доме, у них возникает чувство покинутости, а иногда и паника. Особенно в первые дни, когда им кажется, что хозяин ушёл навсегда. Потом-то они привыкают к тому, что хозяин время от времени уходит из дома, но всё равно в одиночестве сильно скучают. Как известно, домашних животных нельзя оставлять одних больше, чем на четыре часа.

Альме было слишком хорошо знакомо чувство одиночества, ведь она всё детство просидела на привязи, ни с кем не общаясь, видя хозяина лишь от случая к случаю. Именно поэтому она очень болезненно переживала, когда я уходил. На участке всё было проще — если я или брат ненадолго отправлялись к соседям, Альма, во-первых, видела, куда мы пошли, а во-вторых, на участке оставались «Москвич» или «Ока», и Альма отлично знала, что без неё мы никуда не уедем. Другое дело в городе.

Первое время в квартире Альма ходила за мной, как привязанная: я шёл из комнаты в комнату — и она за мной по пятам; я направлялся на кухню или в ванную — и она следом. А когда я работал за столом, непременно ложилась на тахту напротив и не спускала с меня глаз, следила, чтобы я никуда не ушёл. Причём ложилась на то место, где я иногда днём на часик прикладывался, чтобы ощущать мой запах (стоит ли говорить, что я для неё значил много, очень много. Как и она для меня).

Бывало, на тахте Альму одолевала дремота, она долго боролась со сном, но потом не выдерживала, уходила в коридор и укладывалась у входной двери — не дай бог, я уйду незаметно. Как только я заикался,

что должен уйти по делам, Альма начинала скулить — Возьми и меня с собой! Я объяснял ей, что никак не могу её взять, что скоро вернусь и принесу ей чего-нибудь вкусненького, но она недовольно шмыгала носом. Ну а возвращаясь, я ещё издали видел — Альма сидит на балконе и нетерпеливо вглядывается в улицу.

Но вскоре всё изменилось — Альма нашла себе занятие в моё отсутствие. Однажды, когда я пришёл домой, она встретила меня радостным лаем и кивнула на комнаты — дескать, посмотри, как я прибралась! Я оглядел квартиру и ахнул — пол был натерт до блеска, на стульях и тумбочке ни соринки, ни пылинки, моя обувь не валяется кое-как, а расставлена аккуратно, ботинок к ботинку, тапка к тапке. Вдобавок, и на балконе, где у меня всегда был кавардак, скопище разного барахла, Альма навела порядок. Словом, она показала себя образцовой домохозяйкой, превратила мою захламлённую квартиру — ну не в номер люкс, конечно, но уж точно — в номер первого класса. Я похвалил свою подружку от всей души.

Дальше — больше. Поскольку Альма свободно ходила на задних лапах, ей не составляло труда открывать кран в раковине, набирать воду в кружку и поливать фиалку на подоконнике. Этот цветок в горшке мне подарила одна знакомая.

— У тебя жуткий характер, — сказала она. — Фиалка будет тебя радовать, и твой характер станет помягче.

Фиалка меня радовала, но мой характер, по словам приятелей, не помягчал. Некоторые из них даже говорили, что я стал ещё более ворчливым, чем был. Я на них не обижался. Они, дедули, страшно боятся старости, избегают разговоров о болезнях, всем улыбаются, пытаются шутить — молодятся, одним словом. Чудаки! А моё ворчанье... Я, в самом деле, иногда ворчу, но только когда сталкиваюсь с несправедливостью или вижу, как что-то делается плохо, без души. Моё ворчание — это призыв к совести, к улучшению работы.

Но хватит о себе, рассказываю-то я об Альме. Так вот, оставаясь дома без меня, Альма не теряла времени даром — не только прибиралась в квартире, но и занималась самообразованием: просматривала

книги о животных, слушала музыку по радио и танцевала. Если вы, друзья, помните, она блестяще показала себя в танцах под пластинки в «Собачьей школе», и теперь только совершенствовала мастерство, даже разучила горячий танец в стиле «фламенко». Этот танец она танцевала особенно зажигательно.

Альма вообще была очень эмоциональной: веселилась так веселилась — казалось, из её глаз брызжут искры, а если грустила, то, честное слово, вокруг всё тускнело, и даже солнечный день казался пасмурным.

Но, скажу вам, друзья, это ещё не всё. Как-то я случайно заметил, что Альма подпевает певице по радио. У неё оказался очень приятный голос и абсолютный музыкальный слух. Разумеется, она пела без слов, напевала только мотив, но и это выглядело чудом. Известно, есть поющие собаки, но, согласитесь, они не поют, а воют, совершенно не попадая в мелодию. И вдруг — точное повторение песни! Я так изумился, что чуть не грохнулся на пол.

— Да ты, Альма, прирождённая певица! — воскликнул. — И почему ты раньше не пела?

Моя подружка смущённо зажмурилась — стеснялась.

С того дня соседи при встрече меня спрашивали:

— Вы женились? Поздравляем! У вашей жены красивый голос, она певица?

Приходилось объяснять:

— Это поёт Альма.

— Шутите? — вопрошали соседи.

Я подтверждал, что поёт не кто иной, а именно Альма.

— Обалдеть можно! — таращили глаза соседи, но некоторые усмехались, подмигивали друг другу и за моей спиной крутили согнутым пальцем у виска — мол, старикашка (я, то есть) немного свихнулся.

Иногда я думал: «Ну не может собака иметь столько талантов, такое богатство души! И при всём том оставаться вполне земной, простой в общении. Но тут же вспоминал, что все самые талантливые люди, которых я встречал в жизни, держались на редкость просто,

никого из себя не строили, не выпячивались, не хвастались своими делами и вообще о себе говорили мало — больше слушали других».

Здесь уместно добавить ещё вот что — красивые представительницы слабого пола, как правило, имеют неважные характеры — они привыкли нравиться, и чуть что им не по нраву, капризничают, а то и, задрав нос, грубят. Но Альма, казалось, и не замечала своей красоты, и со всеми была приветлива и доброжелательна. О таких, как она, говорят: «У неё золотой характер».

Что касается пения, признаюсь, я люблю попеть. Особенно в компании с приятелями. Да, друзья, русскому человеку никак нельзя без песни. И русской собаке тоже. Как вы догадываетесь, по вечерам мы с Альмой частенько пели дуэтом.

Глава двадцать шестая.

Половодье. Мы с Альмой в ледяной воде.

Художник Валерий Дмитриук

Весной Альма сбросила шубу — проще говоря, полиняла, и сразу, вроде бы, похудела. На самом деле, стала изящней. Весна вселила в неё радостное беспокойство: она то и дело выходила на балкон, прислушивалась к гомону птиц, принималась к запахам сохнувшей земли; во время прогулки оживлённо рассматривала первые травы, жуков и бабочек и, глядя на меня, вопрошала: «Когда мы поедем на дачу?»

А у меня была срочная работа. Только в конце апреля мы выехали из города. По пути я решил заехать в Снегири, где жил мой закадычный приятель художник Валерий Андреевич Дмитриук — давно его, старикашку, не видел, да и Альму хотел познакомить с ним, тем более что по телефону уже рассказывал о ней. Свернув с шоссе, мы покатили по размытой, ухабистой дороге вдоль реки Истры, на которой уже началось половодье — точнее, оно было в самом разгаре. Мы уже почти подъехали к дому художника, осталось преодолеть не больше километра, как вдруг увидели — по реке медленно плывёт... летний дом! Наполовину затопленный щитовой дом с дымящейся трубой! Его можно было принять за какой-то комичный пароходишко, но рядом

с домом на крыше своей будки в панике топтался и выл маленький лопухий пёс. Он был на цепи, а вода уже почти скрыла его жилище.

— Надо спасти бедолагу. Да и в доме топится печь, там могут быть люди, — сказал я Альме, резко останавливая машину.

Альма кивнула — мол, кто-нибудь там спит или больной!

Мы выскочили из машины и побежали наперерез подплывающему дому. У реки я сбросил ботинки, скинул одежду и ринулся в воду. Альма, не колеблясь, прыгнула за мной. Холодная вода прямо-таки обжигала, но дом находился всего в пяти—семи метрах от берега, мне даже не пришлось плыть, я подобрался к нему, когда воды было лишь по грудь. Но Альме, конечно, пришлось потрудиться. Я-то ухватился за оконную раму и стал подтягивать дом к берегу, а моя подружка всё это время барахталась около будки собаки, пытаюсь отодрать цепь. Бедняга лопухий уже не выл, только поскуливал; он был весь мокрый и дрожал от холода и страха. Только теперь я заметил, что будка приколочена к стене дома, и понял, почему она до сих пор не утопила собаку, хотя было ясно — это произойдёт, как только дом ещё больше погрузится в воду. Но у нас ещё было немного времени.

— Альма, надо расстегнуть ошейник! Я сам это сделаю! — отдуваясь, бормотал я.

Альма попыталась залезть на будку, но у неё не получилось, и она продолжила возиться с цепью, не отплывая от конуры, готовая в любую минуту прийти лопухому на помощь.

Вскоре мы очутились на мелководье, и дом уткнулся в песок. Вы, друзья, спросите, как мне удалось справиться с такой махиной? Отвечаю: пришлось приложить максимум усилий. Но, как вы наверняка знаете, в воде все становится намного легче своего веса. В воде мы с вами могли бы развернуть и теплоход, не только какой-то летний домишко. Так что нам с Альмой всё усложняла только ледяная вода.

Ну а потом я первым делом открыл дверь дома. К счастью, в нём никого не было. На полу от хлеставшей воды шипела железная печурка.

Вторым делом я отстегнул цепь от ошейника собаки. Пёс сразу прыгнул в воду и скачками понёсся к берегу, а когда и мы с Альмой

выбрались из воды, подбежал и лизнул мне руку, а Альму чмокнул в ухо (если вы, друзья, не знаете, сообщаю: собаки целуют друг друга в уши).

Третьим делом я нашёл в доме сухую скатерть и как следует вытер Альму и лопухого. Затем и о себе позаботился — у меня от холода уже зуб на зуб не попадал. И только я оделся, как послышались крики — по берегу с верховья реки бежал мужчина без шапки в распахнутой телогрейке. Ему навстречу бросился спасённый нами пёс. Подбежав, мужчина швырнул на землю верёвку с железным крюком и, задышавшись, прерывисто заговорил:

— Вот... колोल дрова в сарае... И на моих глазах жилище соскользнуло с фундамента в воду... Пока делал «кошку», — он кивнул на верёвку, — его уже понесло...

Отдышавшись, мужчина пожал мне руку:

— Не знаю, как тебя и благодарить.

— О чём ты говоришь, — отмахнулся я. — Дом всё равно прибило бы к берегу.

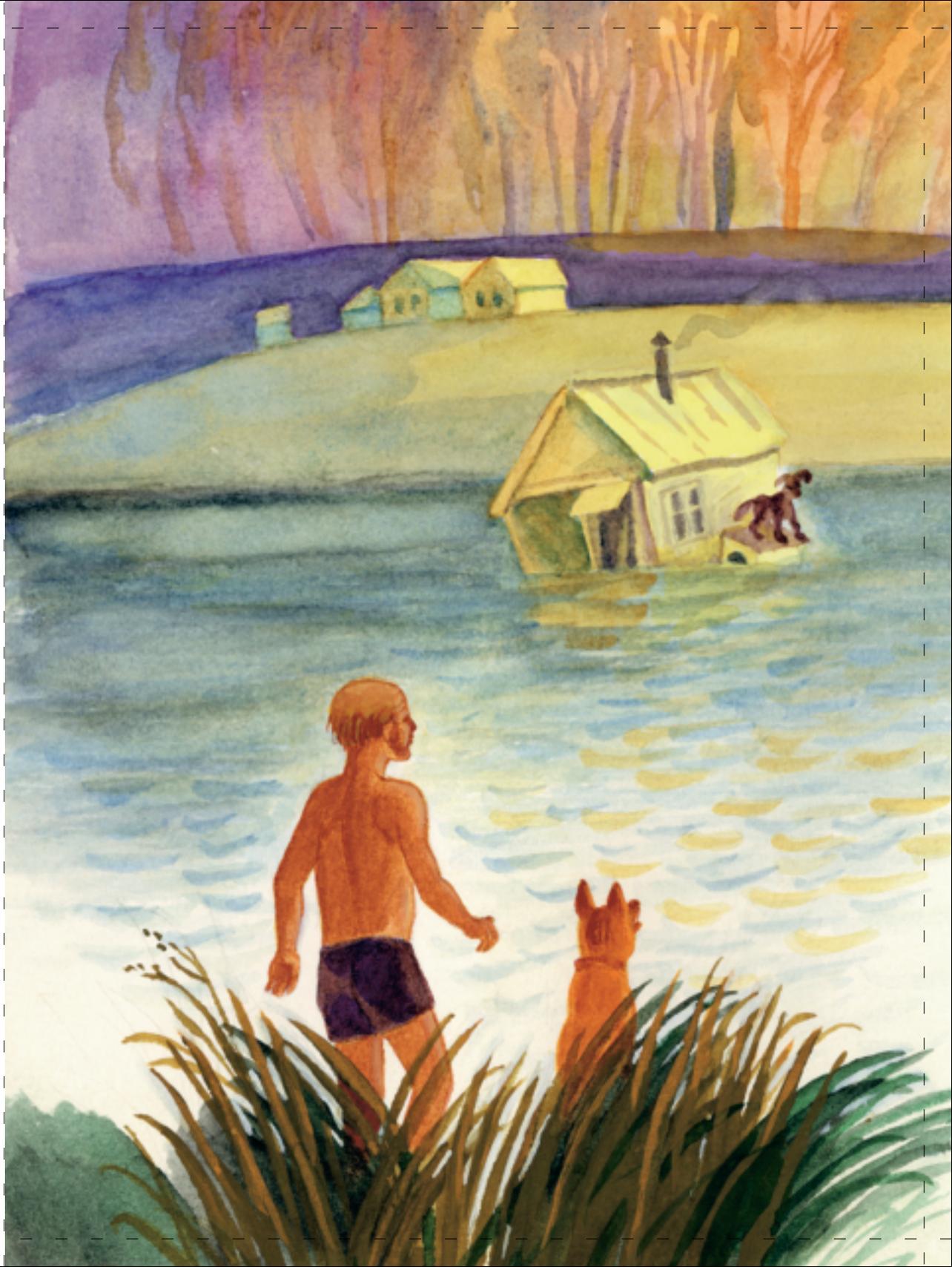
— Может, и прибило бы. А скорее, затонул бы посреди реки. И Тузик захлебнулся бы, — мужчина погладил лопухого, который, повизгивая, крутился у ног хозяина. — Так что огромное тебе спасибо!

Альма гавкнула — Я тоже спасала Тузика. И это было правдой, друзья. Пусть она не справилась с цепью, но её упорство многого стоит, верно? Ведь готовность к подвигу равна подвигу.

— И ей большое спасибо! — поспешно сказал мужчина, когда я пояснил ему значение Альминого гавканья, — он поднял брошенную верёвку и крепко привязал дом к ближайшему дереву.

— Ну вот, теперь никуда не денется... Сейчас пойду в деревню, соберу мужиков, подгоним кран, обвяжем тросом и на трайлер.

Само собой, мы отвезли мужчину с Тузиком в деревню, причём Тузик не хотел лезть в машину, несмотря на уговоры, мотал головой — мол, мне привычней на своих четырёх, очень надо нюхать бензин в железной коробке! Но Альма всё же его уговорила — спрыгнула с сиденья и что-то шепнула ему, и он сразу полез в машину.

Когда мы въехали в деревню, мужчина показал на сарай под огромной ивой:

— Вон мой участок. Теперь дом поставлю подальше от реки и на сваях... Приезжай, всегда буду рад. Ещё раз благодарю!

Мы с Альмой вернулись в Снегири, и у нас была замечательная встреча с Дмитриюком. Особенно замечательной она была для Альмы, ведь у моего друга жили три собаки: маленький старый, весь белёсый, с седыми усами Трофим и две овчарки среднего возраста Гуля и Марья. Дачу Дмитриюка редко посещали гости, а тут я, которого собаки давно знали и, чего скрывать, любили, да ещё не один, а с красоткой подружкой. Понятно, собаки встретили нас радостным лаем и, пока мы шли к дому, крутились вокруг нас и так и сяк.

— Хм, какая необычная собака! — удивился Дмитриюк, рассматривая Альму. — Надо же, такая рыжуха! И вся светится! Даже на участке стало светлее. Солнечная собака — не иначе!

Дмитрюк напоил меня горячим чаем с малиновым вареньем, Альму угостил ливерной колбасой. Пока я рассказывал, как мы спасали плывущий дом, мой друг то и дело удивлялся:

— Ну и ну! Да вы с Альмой настоящие «моржи»! Небось, по утрам холодной водой обливаетесь?!

— Все мы должны помогать друг другу, — важно произнёс я.

Подтверждая мои слова, Альма подала голос — В жизни надо думать не только о себе.

— Мне нравится полёт ваших мыслей, — со значением провозгласил Дмитриюк. — Я тоже недавно кое-кого спас... Недалеко от молочной фермы увидел собаку... с бидоном на голове. «Сметанки захотела, залезла с башкой, а вылезти не может», — решил я. Подошёл, начал стаскивать бидон с головы попавшего впросак пса. Он упирается, помогает мне. Но тут я заметил необычно пушистый хвост, а стянув бидон, увидел узкую морду, перепачканную сметаной. Смотрю — да это лисица! Секунду мы с ней смотрели друг на друга, потом она отпрыгнула в сторону и дунула к лесу. Такой случай...

Пока мы чаёвничали в доме, хвостатая команда Дмитриюка нетерпеливо топталась у террасы, заглядывала в окна, подавала голос — мол,

Альма выходи, поиграем! Альма не заставила себя ждать, дослушав рассказ Дмитрюка, открыла дверь и выбежала к собратьям.

Часа два она с новыми друзьями бегала по участку, а он был большущий, и там имелось немало примечательного: высоченные сосны с толстыми корнями, как пожарные рукава, множество кустов с неопавшей листвой, беседка и ручей с перекинутыми через него досками — ручей пересекал весь участок и впадал в Истру. Там было где развернуться для собачьих игр.

Я изредка посматривал в окно. Альма, Гуля и Марья скачками носились меж кустов и деревьев, перепрыгивали через ручей. Старый Тимофей еле поспевал за ними — пыхтел, высунув язык, останавливался отдыхать, ручей не перепрыгивал, а переходил по доскам. Альма была главной заводилой в этой компании, веселье в ней било через край. Я смотрел на неё и думал — как хорошо, что она почти забыла о своём ужасном детстве, что моя забота о ней и наша дружба смогли излечить её душевную травму.

Собаки играли, а Дмитрюк показывал мне свои последние работы и воодушевлённо рассуждал:

— ...В творчестве главное что?

— Вдохновение! — вставлял я.

— Это само собой. Это и мои собаки знают. Но вдохновенно можно создавать и неважные произведения. Главное — вкус автора. Его чутье, вот что главное. И надо вкладывать в работу всю душу. Только тогда она затронет других... Вот почему один и тот же пейзаж художники пишут по-разному? Одну и ту же историю один писатель опишет хорошо, а другой так себе, почему?

— Один талантливый, другой не очень, — снова отзывался я.

— Это яснее ясного. Это и мои собаки знают. Но вся загвоздка — в нюансах. Мастер любую слабую картину расцветит, облагородит. Добавит два—три мазка, и вещь заиграет. Мастер вставит в слабый рассказ несколько словечек, и всё оживляется. Такое волшебство!.. В нюансах всё дело, в оттенках, полутонах, интонациях. И со стороны кажется — такая работа сделана легко и просто, без особых усилий.

Но это кажущиеся лёгкость и простота. Чтобы достичь этого, мастеру понадобился весь опыт, вся жизнь. Дело в том, что настоящего мастерства не видно — в этом весь фокус!

— Ну, это каждому известно, — протянул я. — Это и моя Альма знает.

В заключение нашей встречи Дмитрюк подарил мне один из своих пейзажей, в котором было полно оттенков, полутонов и прочих тонкостей. Вот так, друзья. Будем считать, что мы с вами побывали на уроке по искусству.

Глава двадцать седьмая. У Рахманова

На даче за зиму всё отсырело. Мы с Альмой прежде всего растопили нашу прожорливую печурку и вынесли на солнце постельные принадлежности. Потом я готовил обед, а моя подружка придирчиво обследовала участок и, убедившись, что всё находится на своих местах, стала всматриваться в участки соседей, подзывать Гришку с Мишкой. Пришлось ей объяснять, что ребята ещё не приехали, у них ещё не начались летние каникулы.

— Тогда пошли к Баксику, — Альма кивнула в сторону дома Рахманова. Ей не терпелось пообщаться с друзьями, которых она не видела полгода.

— Баксика навестим обязательно. Сразу после обеда, — заверил я Альму.

Рахманов и Баксик встретили нас с ликованием. Баксик, привстав на задние лапы, поцеловал Альму в ухо; после взаимного обнюхивания и приветствий они уселись в тени дома, и Альма стала что-то рассказывать своему дружку (наверняка, как мы спасали дом и Тузика). Со стороны они выглядели смешной парочкой — большая гладкошёрстная девушка и маленький пушистый паренёк.

Рахманов, обняв меня, сразу повёл в сарай (огромный, с автобус), где, по его словам, «мастрячил нечто интересное». Кстати, он, мастеровитый, никогда не сидел без дела, но в те весенние дни поразил меня — он строил дельтаплан!

— Вот осталось пристроить мотоциклетный моторчик, и аппарат готов, — с гордостью произнёс мой приятель.

— Ты решил ловить молнии новым способом? — пошутил я.

Рахманов напыжился и храбро объявил:

— Я решил слетать на ту сторону водохранилища. Ты видел, какие там дворцы себе отгрохали всякие эстрадники, разные певички и всякие бизнесмены? Вокруг особняков высоченные ограждения. Эти «новые русские» живут по принципу: «лучшее добрососедство — это высокий забор». Теперь к тем пляжам не подойдёшь — частная собственность! И это на берегу водохранилища, где вообще запрещено строительство! Я пролечу над особняками и сброшу записки: «Господа богатеи! Вам не стыдно купаться в роскоши, когда в соседних деревнях люди бедствуют?!»

— Им не стыдно, они давно потеряли совесть, — сказал я, когда мы повернули к дому. — Твоя задумка не имеет смысла. Плюнь на этих богачей, слетай лучше в Истру и купи нам с Альмой шампанское и торт, мы сегодня заслужили королевского подарка.

Мы присели на лавку, и я подробно рассказал, как мы с Альмой спасали дом и собаку. Рахманов слушал меня безучастно, что-то чертил палкой на земле (по-моему, моторчик для дельтаплана). Не в пример своему хозяину, Баксик продолжал слушать Альму предельно внимательно.

Когда я закончил рассказ, Рахманов медленно произнёс:

— Это, конечно, тебе зачтётся на небесах, но это не поступок, а лишь небольшое действие. Так поступил бы каждый нормальный человек. Это не тянет на шампанское, но могу тебя угостить квасом. Альме вместо торта дам сырник. Таисия перед тем, как мне ехать сюда, много их напекла. Мы с Баксиком любим сырники, — с этими словами он принёс бутылку кваса и сырники и посвистел собакам. Когда они подбежали, он сунул им по творожной лепешке и почтительно обратился к моей подружке:

— Ты, Альма, молодец, девушка скромная, а вот твой хозяин любит похвастаться, выставить себя героем, — он повернулся ко мне и с воодушевлением затараторил:

— Я заметил, с тобой вечно случаются водные приключения. В прошлом году залез в болото, сегодня искупался в холодной реке. Тебя тянет к воде, потому что по гороскопу ты скорпион, водный знак. Потому же у тебя и характер скверный.

Рахманов разлил квас по стаканам, отхлебнул напиток, крякнул и продолжил, но уже миролюбиво:

— Дом и собака на реке напомнили мне случай на море. О нём рассказывал отец, он во время войны служил на подводной лодке... Однажды они торпедировали немецкий транспорт. Всплыли и видят — судно уходит под воду, а вокруг плавают коровы. Оказалось, транспорт перевозил животных... У них на глазах коровы захлебывались и тонули, а один бык направился к подлодке, решил забраться на нее, спастись. Командир дал команду уходить. Включили двигатели, лодка стала удаляться, а бык ещё долго плыл за ней...

Рахманов допил квас и вновь заговорил, уже тихим голосом:

— Во время войны чего только не было. Что касается собак... Я где-то читал — тысячи собак забирали у хозяев. Их обучали искать мины, бросаться под танки с взрывчаткой. Иногда хозяевам писали о погибшей собаке, но чаще не сообщали... Ты же знаешь, многие собаки были и санитарями, вытаскивали раненых с поля боя. Но, может, не знаешь, что после войны оставшихся собак демобилизовали вместе с солдатами. Собаки, искавшие мины, даже прошли по Красной площади. А вот собак-санитаров всех отправили на опыты в медицинские институты. Так их отблагодарили за мужество и верную службу. Позорище!

В словах Рахманова было много горечи. Естественно, это горечь передалась и мне, ведь у нас общая любовь к собакам. Остроглазая, наблюдательная Альма сразу заметила моё состояние, встревожилась и, чтобы поднять мой слабеющий дух, подбежала с палкой в зубах — Давай поиграем! Баксик, подражая Альме, принёс своему хозяину щепку. Мы с Рахмановым повеселели, стали кидать палку и щепку к забору, а собаки снова притаскивали их к дому; они бегали взад—вперед с невероятной радостью.

— Для Баксика играть со мной — высшее счастье, настоящий праздник, — сказал Рахманов. — Жена Таисия ко мне только хорошо относится, а Баксик не может жить без меня. Я для него — всё, как Пушкин для меня.

— Альма меня тоже сильно любит, — сказал я и вспомнил Габриэля Маркеса: «В этом мире ты всего лишь человек, но для кого-то ты — весь мир».

— Альма удивительно талантливая, — продолжил я. — Ты не пове-ришь, но она поёт.

— Что поёт, верю, — пропыхтел Рахманов. — В посёлке, где я жил студентом, был целый собачий хор. Только зазвонит церковный колокол, начинают петь. Вернее, выть. А дело в том, что до этого был пожар, и колоколом собирали людей на тушение...

Провожая нас, Рахманов сказал:

— Я здесь недавно, всего три дня. Здесь ещё холодновато, но мне не терпится доделать дельтаплан... В посёлке ещё пустовато, но Нежданов вчера приезжал. Заглянул по пути из монастыря... У него неприятность, опять в церкви кража. Стащили подсвечники. Он подозревает одного типа, но нет доказательств. У церкви часто околачивается какой-то Тихон. Прихожане видели, как на прошлую Пасху этот Тихон своровал кулич из церкви...

Услышав слово «Тихон», Альма сердито залаяла.

Глава двадцать восьмая.

На рынке в Истре

На следующий день мы с Альмой поехали на рынок в Истру — я решил купить толь, чтобы починить крышу в сарае-мастерской. Мы подъехали к рынку, вышли из машины, я взял Альму за поводок, и тут с ней случилось невообразимое. Задрав голову, она принюхалась, уловила в воздухе какой-то запах и вдруг, вздыбив шерсть на загривке и рыкнув, потащила меня в гущу посетителей рынка. Лавируя меж покупателей, продавцов и просто ротозеев, она напористо тащила меня мимо лавок с одеждой и лотков с овощами, и «пятак», где продавали

саженцы и цветы в горшках. Она даже пронеслась мимо магазина «Стройматериалы», ради которого мы и приехали на рынок. В отличие от профессиональных ищеек, Альма вела меня не по следу, а по запаху в воздухе — по какому-то единственному запаху из сотни других. Высунув язык, нетерпеливо повизгивая, она настойчиво тянула меня к чему-то крайне важному по её мнению. Я еле поспевал за ней; несколько раз натыкался на людей, извинялся; вслед мне летели ругательства. А когда я чуть не сшиб старушку с кочаном капусты, послышались крики:

— Держите его! Милиция!..

За нами погнался охранник рынка, но мы уже успели проскочить насквозь весь рынок. Альма остановилась у «барахолки», где на ящиках и прямо на земле лежал слесарный инструмент, всевозможные трубы и краны, мотки проволоки, гайки, болты. Все эти штуковины были «не первой свежести» (то есть, уже побывали в деле, местами «цвели» — попросту ржавели), но зато продавались дёшево.

Остановившись, Альма прищурилась, завертела головой в разные стороны, потом вдруг с невероятной прытью ринулась к бородатому мужчине, покуривающему на табурете. Это был... Тихон. Перед ним на газете я увидел чайную посуду, уют, фонарь и... сверкающие бронзой подсвечники!

Подбежав к Тихону, Альма яростно гавкнула и, обернувшись ко мне, лапой указала на подсвечники и провыла — Это он украл! На них запах священника Владимира Нежданова!

— Эти вещи из церкви в Зеленограде! — твёрдо заявил я, глядя прямо в глаза Тихону.

Он посмотрел на меня исподлобья и замахнулся на Альму:

— А ну пошли отсюда куда подальше! — прохрипел и с отвращением сплюнул. Он явно нас не узнал.

— Собирай вещички, пойдём в милицию! — ещё более твёрдо сказал я.

И в этот момент мне на плечо легла чья-то тяжёлая рука. За мной стоял запыхавшийся охранник.

— Документы! — потребовал он грозным голосом.

Альма стала возбуждённо лаять на охранника, объясняя ему, что к чему.

— Не волнуйся, дорогая, — сказал я. — Сейчас во всём разберёмся. Протянув охраннику водительские права, я кивнул на Тихона:

— Этот человек вор! Моя собака не может ошибаться.

— У вас есть доказательства? — резко спросил охранник, рассматривая моё удостоверение.

— Эти подсвечники из церкви в Зеленограде. Это подтвердит священник Владимир Нежданов.

— Отца Владимира знаю, — меняя тон на более мягкий, сказал охранник и, вернув мне документ, обратился к Тихону: — Собирай вещички, пойдём в отделение, выясним, откуда у тебя товар.

Тихон начал было артачиться, говорил, что ему «пора заступать на работу», пожаловался на большие ноги...

— Собирайся! — приказал охранник, хватая Тихона за плечо.

— Собирайся! — рывкнула Альма — горькая память, обида и злость не на шутку распалили её. Когда Тихон, ворча и ругаясь, наконец, уложил в сумку вещи и поднялся, Альма попыталась цапнуть его за ботинок, но я удержал её на поводке.

Немного успокоившись, Альма сообщила мне — Тихон и в посёлке воровал вещи и прятал их за моей коробкой в «огороде».

Позднее это подтвердил и Нежданов. Он сказал нам с Рахмановым:

— Альма молодец, вывела на чистую воду этого Тихона. У него провели обыск и обнаружили нашу икону и немало чужих вещей. Даже нашли ордена фронтовиков, представляете? Выяснилось, он воровал и в посёлке, где работал сторожем. Теперь будет замаливать грехи за решёткой.

Глава двадцать девятая.

Маркиза. Мечты Мишки и Гришки

С наступлением тёплых дней мы с Альмой приезжали на дачу в пятницу, а возвращались в город в понедельник. Как вы, друзья, помните, прошлым летом Альма притаскивала мне «для лечения» птенца, бельчонка, и, конечно, вы поняли — у неё повышенное чувство сострадания, жалости к другим животным. Вот и в эти первые дни лета она принесла котёнка — маленькое существо, которое умещалось у меня на ладони. Котёнок был чёрный с белой отметиной на груди. Он жалобно мяукал, его жёлтые глаза выражали страх. Только очутившись у меня на руках, он успокоился, уткнулся в мою шею и стал лизать мне ухо.

Под участливым взглядом Альмы я осмотрел котёнка и понял — его надо не лечить, а кормить, и предложил ему четыре блюда: молоко, творог, геркулесовую кашу и кусочки сосиски. Чёрный комок стал жадно поглощать еду и прямо на глазах раздуваться. И что вы думаете? Он слопал всё! А наевшись, полез ко мне на руки и, только я взял его, как он заурчал и уснул.

— Ну, что Альма, придётся нам с тобой этого найдёныша оставить у себя. Не выбрасывать же его на улицу, — сказал я, укладывая котёнка на тахту.

— Конечно, оставим, я буду заботиться о нём, — откликнулась Альма. Котёнок оказался девичьей, и я стал придумывать ей имя. В это время, как нельзя кстати, в посёлок привезли Гришку с Мишкой. Понятно, они сразу бросились обнимать и гладить Альму. И она, соскучившись по своим приятелям, всячески выказывала радость встречи.

— Альма стала такая большая, прикольная, — приговаривал Гришка.

— Большая и классная, — вторил ему Мишка, тиская Альму, и вдруг, в порыве чувств, заявил: — Ты, дядь Лёнь, не обижайся, но Альму я люблю больше, чем тебя.

Я засмеялся:

— Чего ж тут обижаться? Прекрасно всё понимаю. Я в детстве тоже больше всех любил собак. Даже больше родителей. Они постоянно заставляли меня работать. Поливать и полоть огород, а с собаками я носился по двору, играл в разные игры.

В этот момент Альма позвала ребят в дом.

— У нас там новая зверюшка, — пояснил я. — Альма принесла. Котёнок девочка. Ещё не придумал ей имя. Может, вы придумаете?

Ребята вбежали в дом и уставились на спящего котёнка.

— Её надо назвать Муркой, — выпалил Гришка.

— Ну, Мурка уж очень обычно, — заявил я. — Такой красивый котёнок достоин красивого имени.

— Назовите Маркизой, — предложил Миша. — У бабушки была кошка Маркиза.

— Красивое имя, — согласился я. — Правда, Альма?

Альма кивнула и звучно протянула — Мар-ки-за!

Так у нас появился новый член семьи.

Маркиза всё время ходила за Альмой и во всем ей подражала. В общем, они крепко подружились и полюбили друг друга, даже целовались по двадцать раз на день. Альма отнеслась к Маркизе, как к младшей сестричке: вылизывала её, обучала правилам поведения в доме и на участке, оберегала от неприятностей.

Однажды Маркиза решила поймать осу и в прыжке пыталась зацепить насекомое лапой. Альма тут же схватила «охотницу» за загривок

и унесла в дом. В другой раз Маркиза увидела на улице какую-то разгуливающую собаку и, решив познакомиться, полезла под изгородь. Альма еле успела её схватить и потом долго бурчала — объясняла несмышлёной сестричке, к кому можно подходить, а к кому нельзя. Похоже, даже наверняка, Маркиза ничего не поняла из того, что ей толковывала Альма, потому что всё же несколько раз выбегала на улицу. Случалось, заглядывала и на соседние участки, она была очень любопытная. Заметив её исчезновение, я говорил Альме:

— Ищи Маркизу!

Исполнительная Альма бросалась на поиски и в два счёта находила сестричку. И, как всегда, не только по следам, но и по запаху в воздухе.

Здесь надо сделать отступление: кошка, живущая вместе с собакой, часто и других собак принимает за друзей, и, случается, это приводит к трагедиям. То же самое происходит и с дикими животными, которых приручил человек, а потом выпустил на свободу — они не боятся людей, даже тянутся к ним и становятся лёгкой добычей охотников.

В городской квартире Маркиза освоилась сразу: быстро поняла, что кошачья еда не на кухонном столе, а под столом в блюде, что её лоток в туалете, а спать можно на тахте со мной и Альмой.

По вечерам мы втроём смотрели телевизор. Маркиза уже через пять минут начинала зевать, потом и вовсе забиралась на телевизор и грелась на тёплом корпусе. Ещё через несколько минут она засыпала. Во сне потягивалась и сваливалась на пол. Альма тут же подбегала, обнюхивала сестричку — всё ли с ней в порядке? Но Маркиза всегда приземлялась на лапы и, осмотревшись и сообразив что к чему, снова запрыгивала на телевизор. Кстати, иногда ночью она сваливалась и с тахты — мы с Альмой просыпались от громкого шлепка. Честное слово, она была чемпионкой по паданию во сне.

Альма обычно долго сидела со мной перед телевизором, но смотрела не на экран, а на стену, где висели фотографии Челкаша и Дыма. Надо сказать, я часто рассказывал Альме о своих лохматых «братьях», показывал ей альбомы с фотографиями наших путешествий,

и думаю, она представляла нас великими путешественниками и гордилась Челкашом и Дымом, как гордятся знаменитыми родственниками.

Перед сном я непременно гладил своих четвероногих девчонок — и чтобы им снились приятные сны, и чтобы снять своё напряжение, накопившееся за день. За этими поглаживаниями и Альма, и Маркиза ревностно следили, и если я слишком долго гладил одну, другая начинала «бодать» мою руку — мол, не забывай обо мне!

Как и на участке, в квартире Маркиза то и дело отправлялась «на прогулку» — на этот раз на смежный балкон, владения соседних кошек: серой Марыси и разноцветной Кассандры. Хвостатые соседки вначале встретили появление чёрного котёнка по-разному. Строгая Марыся даже решила устроить Маркизе взбучку, но вскоре поняла, что маленькая новоявленная соседка — неравноценный противник и стала относиться к ней снисходительно-равнодушно. Правда, иногда всё же играла с Маркизой в «салки» — кто кого первым шлёпнет по лапе.

Тихоня Кассандра сразу восприняла Маркизу как приятельницу-малолетку, как пополнение в их кошачьем обществе. Кассандра с Маркизой играли в «догонялы» — бегали по балконам и квартире соседней. В нашу квартиру Кассандра не забегала — побаивалась Альмы. И Марыся, и Кассандра прекрасно знали, что Альма — телохранитель Маркизы и, общаясь с котёнком, не забывали поглядывать на нашу балконную дверь. Стоило Маркизе тревожно мяукнуть, как на балкон выскакивала Альма и грозно посматривала на соседок. Понятно, они сразу улепётывали в комнаты.

Я тоже играл с Маркизой в «салки» и «догонялы» и водил по полу «мышку» — скомканный клочок бумаги на нитке. На эту последнюю игру Альма смотрела с усмешкой, было ясно — она считает Маркизу глупой, а меня обманщиком, который выдаёт бумагу за живую мышь и тем самым дурачит её сестричку. Несколько раз Альма даже подбегала и легонько покусывала меня за пятку.

Когда Маркиза немного повзрослела, мы стали троём играть в «волейбол»: я выполнял роль подающего игрока, Маркиза — бьющего, Альма — ловящего. Это был цирковой номер. Маркиза пряталась

за спинку стула, я подкидывал к ней шарик из фольги. Маркиза мгновенно выглядывала из-за спинки и лапой била по шарик, да так сильно, что шарик летел через всю комнату. Альма подпрыгивала и ловила его. Раз десять я кидал шарик, и Маркиза с Альмой ни разу не промахивались. Что и говорить, у игроков моей команды была отменная реакция. И азарта — хоть отбавляй! Надо было видеть, как в ожидании моего броска, притаившись, Маркиза вся дрожала от нетерпения, даже выпускала когти из подушечек лап, а попав по «мячу», прямо задыхалась от восторга. Альма играла не менее страстно. Ей приходилось особенно трудновато — попробуй угадай, куда Маркиза запулит «мяч»! В страшном возбуждении Альма топталась на месте, вертела головой из стороны в сторону, но, куда бы «мяч» ни летел, ловила его и с победоносным видом вручала мне.

Как и в предыдущее лето, на участке мы играли в футбол — Гришка с Мишкой и мы с Альмой. Маркиза была зрителем, забиралась на дерево и сверху наблюдала за игрой. За прошедшее время Альма окрепла и в игре демонстрировала ещё большую ловкость, чем прежде. Можно сказать, она играла сама с собой, а мы бегали за ней и любовались её трюками.

После футбола купались в пожарном водоёме или просто сидели на лавке перед домом, и Гришка с Мишкой рассказывали о школе и как вообще провели минувший год. Однажды мы засиделись до темноты, когда уже появились ночные мотыльки, зажглись первые звёзды. Альма, задрав голову, долго смотрела на далёкие огоньки и вдруг завывала.

— Подаёт сигналы в космос, — тревожно произнёс Мишка.

— Возможно, возможно, — согласился я.

— Когда вырасту, стану космонавтом, — помолчав, добавил Мишка.

Альма с восхищением взглянула на мальчишку и одобрительно кивнула.

— А я хочу стать прикольным спортсменом, — сказал Гришка. — Или буду работать в банке.

— Зачем? — спросил я.

— Там много денег, — объяснил Гришка.

— Но их же нельзя брать.

— А я буду понемногу. На мороженое.

Альма изобразила презрительную гримасу и фыркнула.

Глава тридцатая.

У Альмы появляются поклонники

Альме исполнилось два с половиной года, у неё заканчивался подростковый возраст, она становилась девушкой. Красивой девушкой с рыже-палевой искрящейся шерстью и карими глазами. Теперь она часто задерживалась перед зеркалом, пытливо осматривала себя, прихорашивалась, украшала голову лентами, но, будучи застенчивой барышней, проделывала это, когда меня не было поблизости. Заметив, что я подхожу, быстро прятала ленты и отбегала от зеркала.

Теперь во время прогулок нас постоянно сопровождали поклонники Альмы. В городе у подъезда ежедневно «дежурил» Дик, имевший неважную репутацию — задиристого и зловредного пса. С большими собаками он частенько дрался, маленьких пугал — подкрадывался сзади и, оскалившись, клацал зубами. Кривоногий, губастый, с большой гривой, он обычно развязно шастал по двору без хозяев; его выпускали с наказом — не покидать пределы двора. Кроме львиной гривы, у Дика и взгляд был, как у льва — холодный и грозный. Перед его взглядом и гривой не могла устоять ни одна собака-девица.

Уверенный в своей неотразимости, Дик долго пялился на Альму, гипнотизировал её взглядом, а потом подошёл и положил лапу ей на загривок. Понятно, Альме не понравилась такая бесцеремонность, она нахмурилась и показала наглцу зубы, давая понять, что она порядочная и строгая девушка, а не какая-то там вертихвостка. Дик отошёл, но как только мы с Альмой направились к лужайке выгула, поплёлся за нами и всё норовил понюхать Альму сзади. Он вёл себя непристойно, можно даже сказать, нахально.

Здесь замечу — Альма вообще не любила, когда её обнюхивали, а обнюхивание под хвостом считала верхом наглости. Вот и тогда она обернулась и рявкнула, отгоняя настырного ухажёра. Дик застыл от

неожиданности. Он привык к победам, и вдруг такое поражение да на глазах всего собачьего общества. Со злости он плюнул — Тоже мне недотрога! — и униженный и оскорблённый заковылял к дому.

Второго поклонника, далматинца Гошу, по двору водила хозяйка, которая постоянно меняла платья и шляпы с «огородом» (с бумажными цветами), на ней всегда висело килограммов пять украшений. По слухам, эта дамочка мечтала жить в Англии. Но «скромно»: «иметь небольшой особнячок и маленький личный самолёт, чтобы завтракать в Париже, обедать в Риме, а ужинать в Лондоне». Такие «скромные» мечты.

Гоша, под стать хозяйке, щеголял шикарным ошейником и медалями и не ходил, а величаво вышагивал. Со слов хозяйки было известно, что он внимательно относился к своему здоровью: больше, чем надо, не ел, опасался сквозняков, на реке, не зная глубины, в воду не входил, только любовался своим отражением.

Увешанный наградами за экстерьер (то есть, за внешность), утомлённый славой, Гоша непомерно гордился своим происхождением и ни с кем из собак не общался — считал ниже своего достоинства. На лужайке выгула он обычно сидел и со скучающей физиономией поглядывал на играющих собак. Только когда появлялась Альма, он оживал — привстав, начинал вертеть хвостом, топтаться, облизываться, при этом и так и сяк выпячивал грудь, стараясь поразить Альму медалями. Хозяйка спускала его с поводка со словами:

— Иди, поиграй с Альмой! Она, кажется, неплохая собачка.

Но Альма не изъявляла никакого желания играть с этим Гошей. — Вот ещё, играть с ним! — говорила мне. — Только и знает хвастаться медалями. И вообще, что за пёс, который слишком много времени уделяет своей внешности!

В общем, Гоша ходил за Альмой, заигрывал, поскуливал, выпячивал грудь, показывая награды, но Альма оставалась безучастной. А когда Гоша стал особенно назойливо приставать, развернулась и ударила его попой (в дальнейшем она не раз применяла этот приём). Понятно, самовлюблённый Гоша обиделся на Альму. Но ещё больше обиделась его хозяйка. До этого она не раз говорила мне:

— Гоша кавалер видный. И Альма на вид симпатичная. Я уверена, они подружатся, Гоша улучшит породу Альминых щенков.

И вдруг эта хозяйка возмущённо кричит:

— Гоша, отойди от этой нахалки! Она должна считать за честь, что ты обратил на неё внимание! Дура набитая! Не знает, где её счастье! Пойдём, дорогой, домой! Пусть теперь она льёт по тебе слёзы!

Часто за Альмой увивались ещё два воздыхателя из числа «элитных» собак: шарпей Макс — пёс со множеством складок на морде, и, похожий на тыкву, бульдог Босс. Оба, завидев Альму, спешили к ней и улыбались, распустив слюни. Но, если у Макса улыбка была как улыбка, то у Босса получался оскал — казалось, того гляди цапнет. Как ухажёры, и шарпей, и бульдог показали себя не лучшим образом. Макс то и дело подпрыгивал перед носом Альмы, пытаясь поразить её прыжками, а Босс всякий раз предлагал моей подружке бодаться. Эти балбесы не понимали, что подобными штучками Альму не заинтересовать.

В посёлке у Альмы тоже поклонников хватало. Прежде всего, ими стали бывшие ученики «Собачьей школы». С утра эта гвардия топталась у нашей калитки. Появлялся и малыш Баксик. Он был раз в пять меньше Альмы — пробегал под её животом, тем не менее Рахманов называл его «Альминым женихом». Жизнерадостный весельчак Баксик раньше воспринимал Альму как товарища по играм, а теперь вдруг ему стало не до игр — словно замороженный, он смотрел на мою подружку и на все попытки Альмы поиграть с ним, робко вилял хвостом, вздыхал и отходил в сторону. При встрече Рахманов стыдил Альму:

— Что ты сделала со своим женихом? Он страдает от неразделённой любви, потерял аппетит...

Альма в замешательстве опускала голову — Баксик мой хороший друг. Ни Рахманов, ни я, не знали, кто был её тайным избранником. И сам избранник не знал. Не знал, что именно ему принадлежит сердце Альмы. Сердце первой красавицы посёлка. Ему вообще не было дела до какой-то там любви, он не тратил время на пустяки, всякие ухаживания, поцелуйчики. Он занимался серьёзным делом — «работал» спасателем на водохранилище и надзирал за порядком в нашем посёлке. Заметит

мусор у дома, сердито лает хриплым басом — требует, чтобы хозяева убрали. Вы, друзья, конечно, поняли, что этим парнем был деревенский здоровяк Вова, немолодой пёс с больным глазом.

Вова не был красавцем и не следил за своей внешностью, на его сбитой шерсти висела водяная ряска, торфяная труха, колючки — ведь он не только плавал на водохранилище, но и залезал в дренажные канавы, крапиву, репейник, выискивал всякие пакеты, полиэтиленовые бутылки и относил их на помойку. У него было повышенное чувство ответственности за экологическую чистоту местности. И за спокойствие на наших улицах. Случалось, собаки или коты затеют потасовку, послышатся рычание или визг — Вова сразу направляется в «зону конфликта» и разнимает драчунов. Обычно хватало одного его появления, чтобы бойцы разбежались.

Вова никогда никого не обижал, никогда не ругался, всегда пребывал в ровном состоянии духа — всё это говорило о некоем врождённом благородстве. С посельчанами он держался приветливо, но никому не

навязывался в друзья, он как бы говорил — пусть я бездомный и не отказываюсь от угощений, но у меня есть своя гордость. В общем, можно сказать — Вова, простой деревенский парень, имел душу дворянина. Глядя на Вову, я думал: мы все должны быть ответственны за своё жизненное пространство, за всё, что происходит вокруг нас. Должны не только делать красивым и гармоничным местожительство, но и бороться с несправедливостью, и помогать тем, кто нуждается в нашей помощи.

Я догадывался, что многие собаки-девушки мечтают о киногероях, а то и о принцах, но Альме, наоборот, не нравились собаки-медалисты — она считала, что они избалованы вниманием. Альма хотела встретить скромного хвостатого парня, увлечённого своей работой, отважного и честного. Именно таким она представляла себе Вову, который, по её понятиям, «был не такой, как все». Я внимательно следил за «личной жизнью» своей подружки и заметил — Альма с каждым днём становилась всё более задумчивой, всё чаще поглядывала в сторону Алехново. Было ясно — она влюбилась.

Каждый раз, когда Вова появлялся на улице, Альма испытывала радостное волнение. Подбежав к изгороди, она, больше обычного виляла хвостом, игриво наклоняла голову в разные стороны, при этом в её глазах появлялся такой блеск, которого раньше я никогда не замечал. Но Вова безучастно проходил мимо. Демонстрируя полное пренебрежение к Альме, проходил мимо, лишь искоса взглянув на мою влюблённую подружку. Ну ладно, раньше, когда Альма была девчонкой, он не замечал её, но теперь не замечать такую красавицу — это уж было слишком. Бесчувственный Вова доставлял Альме немало переживаний.

Глава тридцать первая.

Авиакатастрофа.

Наконец Вова обращает внимание на Альму

Однажды мы с Альмой пошли купаться на водохранилище. Там, как обычно, на берегу, на выбеленных солнцем камнях, сидел Вова и зорко наблюдал за пловцами, при этом хмурился и бурчал, если кто-то заплывал слишком далеко.

Мы с Альмой сделали затяжной заплыв и, чтобы обсохнуть, расположились недалеко от Вовы. Внезапно со стороны нашего посёлка послышался сухой треск мотоциклетного моторчика. Треск становился громче, уходил куда-то ввысь — казалось, какой-то безумный мотоциклист, разогнавшись, взлетел в небо. И вдруг из-за деревьев, уже с грохотом, вылетела гигантская доисторическая птица. Она закрыла тенью весь берег, где мы сидели. Собаки, задрав голову, прижались к земле. Не скрою, я тоже на всякий случай пригнулся — кто знает, что втемяшится в башку этому чудищу, верно? Перед глазами сразу возник эпизод из фильма — кондор в когтистых лапах уносит пятнадцатилетнего капитана. Но, приглядевшись, я увидел, что над нами медленно пролетает... дельтаплан. А под его огромным треугольным крылом восседает... Да, друзья, Рахманов! Я сразу понял — он решил осуществить свой план — забросать листовки над особняками на противоположной стороне водохранилища. Только это ему не удалось.

А случилось вот что. Ровно на середине акватории его моторчик стал чихать, потом и вовсе заглох, и наш дорогой авиатор резко спланировал в воду, причём огромное крыло полностью накрыло его. Можно сказать, прихлопнуло, как крышка западни. А, как выяснилось позднее, он был привязан! И попробуйте под водой отвязать себя и выбраться из-под огромного навеса, плавающего над вами! А если вы ещё потеряли сознание при ударе о воду, ведь грохнулись с приличной высоты! Что и говорить, ситуация была страшноватой.

Короче, я вбежал в воду и заработал кролем к месту падения приятеля. Одновременно со мной в воду плюхнулся Вова и хорошим «собачьим» стилем поплыл рядом со мной. Но на полпути нас опередила... Альма. Она неслась, как моторная лодка — не только быстро гребла лапами, но и винтообразно крутила хвостом! Не знаю, видели вы подобное собачье плавание или нет, но я видел впервые. Разумеется, моя подружка первой оказалась у плавающего крыла, нырнула под него и вскоре на поверхности появилась вместе с Рахмановым. Мой друг нахлебался воды, но был в сознании. Когда подплыли мы с Вовой, он уже

отчихался, отдышался и даже рассказал, как Альма освободила его от ремней, которыми он был привязан к сиденью своего аппарата.

Ну а потом мы вчетвером, толкая перед собой дельтаплан, направились к берегу. На берегу Рахманов вынул из кармана брюк мокрые листовки и бросил их на песок.

— Жаль не долетел. Моторчик подвёл. Но я приведу его в порядок и в следующий раз обязательно долечу. А тебе, Альма, огромное спасибо. Если бы не ты...

— Угу-у! — прогудел Вова, соглашаясь с Рахмановым. Всегда невозмутимый, он вдруг расчувствовался, засопел и поцеловал Альму в ухо. От неожиданности Альма застеснялась и опустила голову, но я-то видел, как ей приятно, что Вова наконец-то обратил на неё внимание.

А Вова не просто обратил внимание, он стал сбивчиво что-то говорить Альме. Я не слышал, что именно, но это было похоже на объяснение в любви. Во всяком случае, Альма так смутилась, что наклонила голову до земли и, вроде, немного всплакнула.

Ну что вам ещё сказать, друзья? Их романтические отношения развивались на виду у всех поселчан и, по теперешним понятиям, выглядели старомодно. Посудите сами — Вова ухаживал за Альмой по-рыцарски: каждое утро подходил к нашей калитке с полевым цветком в зубах. Альма выходила на улицу, и они бок о бок гуляли по посёлку, при этом Вова не отрывал глаз от Альмы и шевелил губами — было похоже, читал ей стихи. Ну и, конечно, они целовались в каждом укромном местечке. Случалось, на пути им попадалось упавшее сухое деревце или внезапно из закоулка выбегал незнакомый пёс-чужак, Вова сразу выступал вперед, оберегая свою возлюбленную от всяких опасностей и случайных знакомств. Вова задерживался у каждого красивого палисадника и обращал внимание Альмы на цветы. Вытянувшись, он принюхивался к запахам, причмокивал и, повернувшись к Альме, как бы говорил: мои чувства к тебе расцветают так же ярко и пышно, как эти цветы.

Понятно, сейчас так за девушками не ухаживают. Согласитесь, сейчас редко встретишь молодого человека, идущего на свидание с цветами.

Редко увидишь влюблённых в кафе-мороженом или просто гуляющих по улицам. Обычно они проводят время на дискотеках, где пьют вино под оглушительные ритмы и визг танцующих. У современной молодёжи отношения упростились, стали примитивными.

А между тем, в старомодных отношениях есть особая прелесть, особая красота чувств. Посмотрите, как всё происходит в природе. Как трогательно ухаживает воробей за воробьиной — распушив оперенье, выпятив грудь, показывая своё чёрное пятнышко, уверенный, что оно самое красивое на свете! А как танцует и воркует голубь перед голубкой! А какие серенады поёт кот своей возлюбленной! И, конечно, каждый влюблённый пёс ухаживает за своей подружкой. Быть может, не так галантно, как Вова, но всё же ухаживает. Так предназначено природой, когда одно существо тянет к другому. То же самое и у людей. Именно красивое ухаживание является прелюдией к серьёзным отношениям, к тому, что называется любовью.

Простите меня, друзья, за это отступление, но, понимаете, я такой человек — все устоявшиеся обычаи мне гораздо дороже всяких новшеств. Возможно, потому что я старый. Возможно. Но это касается не только отношений между людьми. Например, после того, как я побываю на выставке современной живописи, где не пейзажи, а цветные кубики, не портреты, а какие-то маски — после этого я иду в Третьяковку и с огромной радостью смотрю картины старых мастеров. И сразу вижу огромную разницу между великим и посредственным. Или когда я слышу по радио не песни, а какой-то грохочущий набор звуков, да ещё с дурацкими словами, я выключаю приёмник и ставлю пластинку с мелодичными песнями.

В общем, хочу сказать вам, друзья, вот что: читайте, смотрите и слушайте классические произведения! Классика — это вечные, проверенные временем ценности. Классика делает нашу жизнь прекрасной. И прекрасными делает наши отношения с людьми.

Но вернусь к нашим влюблённым. Наверняка, вы, друзья, увидели эту парочку со стороны и, может быть, некоторые из вас усмехнулись — ещё бы! — пожилой, с седой мордой и одним невидящим глазом пёс

и рядом молодая, изящная собачонка. Между тем, усмехаться можно только над теми парочками, у которых нет любви. В нашем посёлке над Вовой и Альмой никто не усмехался, но, завидев их, все улыбались. «Ромео и Джульетта», — говорили.

Глава тридцать вторая.

Альма участвует в конкурсе красоты

В конце лета Альма ещё больше похорошела, хотя куда уж больше хорошеть — и так была красоткой: стройная, длинноногая, прямо собачка-модель. Однажды в подмосковной газете «Истринские вести» я прочитал объявление: «В Доме культуры» проводится конкурс красоты среди собак Истринского района.

— Не хочешь поучаствовать? — спросил я свою подружку.

Альма скривилась — Не очень.

— В газете написано, что конкурс не только на красивую внешность, но и на таланты, а ты хорошо танцуешь и поёшь, — продолжал я. — И премия нам не помешает. Здесь написано: «Премия — заграничный, светящийся в темноте, ошейник и большой пакет «Сарри».

Альма пожала плечами — Ну, если ты хочешь... Могу поучаствовать...

Платье для Альмы я сделал из занавески в синий горошек — просто вырезал круг для головы посреди полотна, и вышло платье-накидка. А к вырезанному кругу пришил бечёвки — получился отличный берет. Конечно, этот наряд выглядел немного старомодно, но я уже говорил вам, друзья, что люблю всё старомодное. В новомодных вещах полно всяких украшательств, а в старомодных нет ничего лишнего. Старые мастера считали «красиво то, что удобно, полезно». Именно полезно, ведь платья и рубашки шили из хлопка и льна, а не из синтетики, которая, как известно, вредна. К тому же, современные одежды чрезмерно открытые, и те, кто их носят, теряют тайну, а если нет тайны, нет и красоты. В платье-накидке Альма сразу стала очень таинственной и, естественно, особенно красивой.

Конкурс проводился в воскресенье. В Доме культуры собралось два десятка собак и их хозяев. Все собаки были породистыми, многие

с медалями. На сцене за столом, где записывали участниц конкурса, восседало жюри, известные в области кинологи: две дамы с предельно строгими лицами и старичок с доброжелательной улыбкой. Мы с Альмой подошли к столу, и я протянул паспорт своей подружки. Заглянув в него, обе женщины немало удивились:

— В паспорте написано «беспородная»!

— Неужели вы на что-то рассчитываете? — обратилась ко мне одна из женщин.

— Поймите, у собаки должен быть породный экстерьер, определённые внешние данные, — заявила другая женщина. — Посмотрите на наших участниц. Они все породные. Можно сказать, «с голубой кровью». А ваша... как её... — женщина взглянула в Альмин паспорт, — ваша Альма не поймёшь что.

При этих словах Альма отвернулась, её губы задрожали, она еле сдерживалась, чтобы не заплакать.

— Давайте, в порядке исключения, допустим собачку к конкурсу, — вдруг произнёс старичок. — Порода и внешность крайне важны, но не менее важны душевные качества и таланты. И потом, главное ведь не победа, а участие, не так ли? Собачка очень даже симпатичная, — старичок улыбнулся нам с Альмой.

Женская часть жюри нехотя согласилась и записала нас последними из выступающих.

Пока зрители шумно усаживались в зале, участницы конкурса и их хозяева в страшном волнении толпились за кулисами сцены. Одни собаки, высунув языки и нервно зыряка по сторонам, испуганно прижимались к хозяевам, другие придирчиво разглядывали наряды соперниц и, если что-то нравилось, пускали слюни от зависти, а если не нравилось, пренебрежительно отворачивались. Но несколько представительниц собачьего «слабого пола» (в основном медалистки) вообще ни на кого не обращали внимания. Точнее, безразлично смотрели куда-то вдаль. Они держались совершенно спокойно, и было ясно — им уже наскучили подобные мероприятия, они уже устали от славы.

Среди медалисток выделялась догиня по кличке Афродита, выделялась не только ростом и количеством медалей, но и нарядом. Она была в красном платье, с красным бантом на хвосте и огромной, с таз, красной шляпе — она выглядела, как гигантский мухомор. Афродита выступала одной из первых. Выйдя из кулис, она безудержно завертела хвостом, «состроила глазки» членам жюри и, пока шла по сцене, кому-то из публики подмигнула, кому-то помахала лапой. Её встретили и проводили громкими аплодисментами.

Затем появилась толстая, коротконогая бассет, которая так тяжело и шумно топала, что казалось, по сцене катит грузовик. Но и ей хлопали от души. Впрочем, в дальнейшем хлопали всем участницам, что и понятно, ведь не каждый день увидишь такой парад красоток.

В первом туре участницы должны были всего лишь пройти по сцене, чтобы жюри и зрители оценили их экстерьер, походку, наряд и прочее. Когда очередь дошла до Альмы, я подтолкнул её:

— Давай, Альма, вперёд!

Но она попятилась — Я боюсь!

— Не бойся! У тебя всё получится, ты всё умеешь!

Альма робко вышла из кулис и на секунду растерялась, затопталась на месте, потом обернулась и стала взглядом разыскивать меня среди стоящих за кулисами.

— Давай Альма! Покажи класс! — подал я голос, подбадривая свою подружку.

Альма встала на задние лапы, приосанилась — спину прогнула, вскинула голову и пошла по сцене. Она двигалась так пластично и мягко, что её «непородная» красота сразу превратилась в выразительную красоту. Честное слово, моя подружка прошла лучше всех, и не случайно её наградили особенно горячими аплодисментами.

Во втором туре участницам надо было продемонстрировать своё умение выполнять команды и свои таланты. Команды «сидеть», «лежать», «принести тот или иной предмет» неплохо выполнили все участницы, но, когда дело дошло до талантов, выяснилось, что из всех собак только половина умеет танцевать, а спеть смогли и вовсе лишь

четверо. Но как они пели? Просто выли и визжали, хрипели и стонали. Афродита вообще едва вытянула две ноты. От её низкого баса конкурсантки за кулисами вздрогнули, а некоторые задрожали от страха. Было ясно, в смысле музыкального слуха Афродите «медведь на ухо наступил». Тем не менее она покинула сцену страшно довольная собой — видимо, посчитала, что продемонстрировала немислимые вокальные способности. У всех этих певуний не было главного — мелодии!

Предпоследней выступала Виолетта, колли — медалистка, с серьгами в ушах и браслетами на лапах. В кулисах её поджидал не только хозяин, но и телохранитель — кавказская овчарка; видимо, пёс охранял драгоценности опекаемой клиентки. Виолетта более-менее сносно изображала танцовщицу и, в отличие от выступавших до неё, попыталась спеть песню «Ландыши». Она всё время коверкала мелодию, а под конец и вовсе «дала петуха», но слушатели были в восторге, ей хлопали так азартно, как хлопают только победителям конкурса. Виолетта и сама была уверена в победе и долго раскланивалась, посылая в зал воздушные поцелуи, и не уходила со сцены, пока старичок из жюри вежливо, но настойчиво не увел её за кулисы.

Зал ещё не успокоился, когда вышла Альма и начала вальсировать по сцене. Изящно выгибаясь, полузакрыв глаза, с мечтательной улыбкой она кружилась плавно, непринуждённо, легко. Казалось, она совершенно забыла о конкурсе и зрителях и танцует только для себя. И для меня, конечно. Зал сразу притих.

Закончив вальсировать, Альма, словно вспомнив о конкурсе, внезапно преобразилась — в зажигательном ритме исполнила «румбу».

— Ух-х ты! — выдохнул зал.

А моя подружка остановилась посреди сцены и запела. Чисто и звонко спела «Во поле берёзка стояла». Спела душевно и безошибочно, а закончив мелодию, поклонилась и быстро убежала со сцены. Вслед ей раздался шквал рукоплесканий и крики:

— Талант! Умница! Молодец, утёрла нос медалисткам!

Даже женщины из жюри, как ни крепились, выдали по два—три хлопка, а старичок и не думал сдерживать свои чувства — с первой минуты

появления Альмы на сцене он улыбался и кивал в такт её движениям, а когда Альма закончила песню, первым крикнул «Браво!». Именно старичок, подводя итоги конкурса, объявил Альму победительницей.

Это было зрелище что надо! Представляете, на сцене все конкурсантки, старичок вешает Альме на шею светящийся ошейник, зал аплодирует, а наша героиня, потупив взгляд, смущённо улыбается. Я смотрел на неё и думал: какая в ней хорошая девичья скромность. Да, друзья, сейчас, когда многие стали раскованными, а то и развязными, скромность — главное украшение не только собаки, но и человека. Об этом надо помнить, друзья, об этом!

К тому же, что ни говорите, а победа в конкурсе всё-таки не шла ни в какое сравнение с настоящими подвигами Альмы — спасением моей и рахмановской жизнью, спасением лопухого пса и поимкой гнусного вора Тихона, поднявшего руку даже на церковную икону.

Увенчанная светящимся ошейником, Альма под гром оваций уже хотела убежать со сцены, как вдруг раздался голос одной из женщин членов жюри:

— Минуточку внимания! Минуточку внимания!

Овации стихли, а женщина продолжила:

— Произошла ошибка! Мы сейчас просмотрели заявки на участие в конкурсе и выяснилось, что Альма проживает в Москве, а у нас конкурс, как вы знаете, только тех, кто проживает в нашем Истринском районе!

Зрители зашумели. Старичок подошёл к столу жюри, стал что-то говорить женщинам. Они явно с ним не соглашались. Наконец, одна из женщин решительно подошла к Альме, сняла с неё ошейник и надела его на колли, а в зал отчеканила:

— Победила наша, истринская Виолетта!

Вбежав за кулисы, Альма забилась в угол и, обхватив голову лапами, заплакала. Она расстроилась не на шутку, слёзы ручьём текли по её мордахе. Я успокаивал её как мог, говорил, что всё равно она лучше всех, и это доказали зрители, что конкурсы проводятся и в Москве, и там-то она победит обязательно...

— Это нечестно! Это нечестно! — всхлипывала моя несчастная подружка.

Внезапно за кулисами появился член жюри доброжелательный старичок.

— Понимаете, дорогие мои, — начал он предельно вежливо, даже сердечно, — вне всякого сомнения, Альма самая красивая и самая талантливая из всех, кого мы просмотрели. Она заслужила первую премию. Но такая штука... Правила есть правила. Так что извините нас...

Глава тридцать третья. Мы спасаем Вову, и не только его

Однажды рано утром нас с Альмой разбудили Гришка с Мишкой:

— Дядь Лёнь! — кричали они. — Вову забрали собаколовы!

Пока я одевался и заводил машину, Гришка с Мишкой наперебой рассказывали, что обо всём узнали от алексновских ребят — те ребята видели, как на Вову набросили петлю из проволоки, затащили его в зелёный фургон и куда-то увезли.

Я знал, что бездомных собак привозят на «станцию по борьбе с бродячими животными» и догадывался, что такие станции имеются в каждом районном центре. Действительно, как только мы с Альмой примчали в Истру, первый же постовой указал нам на окраину, где начиналось Пятницкое шоссе.

На станции нас встретил сторож, тщедушный мужичок с лиловым носом. Оставив Альму в машине, я подошёл к нему.

— Слушай, мне сказали, что собаколовы забрали моего друга, — в двух словах я описал Вову.

— Вроде, есть один долговязый с бельмом на глазу, — нетвёрдо протянул «лиловый нос». — Но без начальства отдать тебе, дед, не могу.

— А где начальство?

— Уехали на отлов.

— Когда будут?

— Кто ж их знает... Приезжай к вечеру... Ты, дед, того... Не суетись. Собак тут держат по три дня.

— А потом?

— Потом... Ежели хозяин не объявляется... Больных усыпляют, а здоровых отправляют на опыты...

— Вот что, давай тебе заплачу за своего друга, — я достал деньги.

— Ну, это того... С этого бы и начинал. Пойдём! — «лиловый нос» кивнул на дверь в обшарпанном строении.

Мы спустились в тёмный подвал, где в большой железной клетке находились четыре собаки и среди них... Вова. Сокамерники Вовы, низкорослые дворняжки, нервно бегали по клетке, тяжело дышали, скулили; Вова сидел неподвижно и понуро смотрел себе под лапы. Когда мы подошли к клетке, дворняжки с лаем бросились на железные прутья, они жадно смотрели на меня, смотрели, как на спасителя, прямо умоляли выпустить их на свободу. Вова, увидев меня, вскочил, отряхнулся и, завивая хвостом, прохрипел — У-у! Наконец-то!

— Этот кобель? — спросил «лиловый нос».

Я кивнул.

Открыв клетку, «лиловый нос» отогнал дворняжек от выхода, а Вова скомандовал:

— Иди, за тобой пришли!

Вова вышел, привстал на задние лапы и лизнул меня в лицо.

Поднимаясь по ступеням подвала, я обернулся. Прижавшись друг к другу, дворняжки смотрели мне вслед, в их глазах была безнадежная тоска.

— Слушай! — обратился я к «лиловому носу». — Выпусти и этих собак, хорошо тебе заплачу! — я протянул ему все деньги, какие были.

— Ну, дед, не знаю... — «лиловый нос» почесал затылок. — Мне ж за это того... Влетит... Ежели только с начальством поделиться...

Он открыл клетку и выпустил дворняжек, а мне пробубнил:

— Зря, дед, стараешься... Их всё одно отловят.

Выскочив из подвала, дворняжки понеслись по шоссе в сторону дальних посёлков, и я подумал: Может быть, судьба смилуется над

ними, и их больше не поймают, ведь теперь они будут осмотрительней и постараются спрятаться, завидев зелёный фургон.

Мы с Вовой подошли к машине, и он запрыгнул к Альме на заднее сиденье, чмокнул её в ухо, а когда я сел за руль, положил мне лапу на плечо и пропыхтел — Я знал, что вы не оставите меня в беде...

Весь путь до посёлка Вова с Альмой не отрывали взгляда друг от друга.

Но, друзья, в жизни всё рядом: радость и печаль, смех и слёзы, счастье и несчастье. Особенно мы это почувствовали осенью, когда в очередной раз приехали в посёлок. Альма, Маркиза и я. Осень была необыкновенно яркой. В посёлке на деревьях зелёные листья соседствовали с красными и даже с бордовыми. Представляете, это буйство цвета! И вот в эти красочные дни мы узнали, какие события произошли в наше отсутствие.

Рахманов всё-таки перелетел водохранилище и, разбросав листовки над особняками, благополучно вернулся в посёлок, даже приземлился на своём участке.

Нежданова перевели в Спасскую церковь Солнечногорска, но он по-прежнему приезжал на велосипеде к Рахманову.

А вот Вова, наш дорогой Вова, погиб. В тот день он как обычно сидел на берегу водохранилища и вдруг увидел тонущего мальчишку, и бросился его спасать. Он проплыл метров двадцать, как в него на полном ходу врезался гидроцикл. Всё произошло нелепо. Во-первых, мальчишка и не тонул вовсе, а дурачился — вскидывал руки и переворачивался в воде. На пляже было много отдыхающих, но они сразу поняли, что к чему. А простодушный Вова бросился на выручку. Во-вторых, парень на гидроцикле ехал задом наперёд, «демонстрировал класс» девушкам на пляже. Этот лихач и сбил нашего Вову. Его похоронили где-то на берегу, где именно — никто из поселковых не знает.

Гибель Вовы стала для нас с Альмой большой потерей. Думаю, вы, друзья, догадываетесь, как мы переживали. Альма ежедневно урядкой плакала, у меня настроение было — хуже нельзя придумать.

Даже Маркиза припечалилась. Что и говорить, Вова для нас был почти родным. Короче, в ту осень все краски для нас сразу пожухли.

Считается, что время всё лечит. Но я знаю точно, что это не так. В моей жизни было немало потерь, от которых до сих пор щемит сердце. И что странно, эти потери напоминают о себе именно в тот момент, когда у меня всё складывается неплохо. Вероятно, нечто подобное происходило и у Альмы после гибели Вовы. Во всяком случае, я не раз замечал, как она, развеселившись, вдруг впадала в какую-то затаённую грусть.

Глава тридцать четвёртая. Театральная студия

На следующий год мы с Альмой и Маркизой приехали на дачу в начале июня. Только въехали на участок, как прибежали Гришка с Мишкой — помогать разгружать машину. Пока носили вещи, Гришка хвастался:

— Дядь Лёнь, мне отец обещал купить прикольный квадроцикл. Вот погоняем с Мишкой!

— А мы с бабушкой недавно ходили в наш Дом культуры, — говорил Мишка. — Смотрели представление. «Сказку про Емелю». Ох и посмеялся я!.. Дядь Лёнь, там висит объявление, что открывается «Собачий театр». Записывают всех, кто хочет. Запишите Альму, ведь она любит танцевать.

Услышав Мишкино сообщение, Альма вопросительно посмотрела на меня и протянула — Я с удовольствием выступала бы в таком театре.

Руководила театральной студией молодая, энергичная Анна Калугина. Она крепко пожала мне руку, Альму потрепала по холке и сразу вдохновенно рассказала, что уже два года ведёт детскую театральную студию, но решила осуществить свою «пламенную мечту» — создать театр, где ребята будут играть вместе с собаками, поскольку «собаки естественней и искренней, чем люди».

— ...У меня дома очень одарённая лайка, интеллектуал Сократ, а у соседки даровитый пудель Филя, — торопливо говорила Анна. —

И у вашей собачки хорошие внешние данные и талантливая мордочка. Чувствуется, она интеллектуалка. Наверняка, её душа тянется к сцене. У нас подбирается отличная труппа...

Всё это Анна выпалила азартно, поводя в воздухе рукой и пританцовывая, энергия от неё брызгала, как шампанское из бутылки. Я сразу понял, что у неё горячее сердце, и был уверен — она осуществит свою «пламенную мечту».

— До студии я работала наездницей в цирке, — продолжала Анна. — Животные в цирке — это ужасно. Я постоянно была в шоке. Несчастные животные всю жизнь проводят в клетках. Англичане запретили выступать в Англии циркам с животными. И правильно сделали... Надо запретить все клетки и в зоопарках. Только вольеры... Ну вот, а после цирка я работаю здесь. Как вам сказала, веду детскую студию. И решила создать «Собачий театр». Вернее, у меня в одном спектакле будут играть и дети, и собаки. Это необычный большой проект. Все будут в шоке. Но, как вы понимаете, успех большого дела зависит от множества мелочей. То есть придётся много репетировать, трудиться не покладая рук и лап.

Нам с Альмой понравилась Анна. С того дня два раза в неделю я подвозил свою «актрисулю» к Дому культуры; она бежала на занятие, я в ожидании, пока она освободится, копался в машине (в ней вечно что-нибудь барахлило) или почитывал в сквере «Истринские вести». Иногда тайно, чтобы не мешать «творческому процессу», через чуть приоткрытую дверь вместе с хозяевами собак наблюдал за Анной и её учениками. Что я заметил? Все ученики (и дети, и собаки) смотрели на своего преподавателя, как на бога, просто пожирали её глазами и слушали, разинув рты и пасти.

Но что поражало, так это необычный стиль работы Анны. Во-первых, репетируя, она невероятно заводилась — прямо сжигала себя. И, естественно, опалила своих подопечных — те тоже заводились и проявляли всё лучшее, что в них было заложено. Во-вторых, Анна почему-то особенно придирчиво относилась

к способным ученикам, часто даже отчитывала их за малейшие промахи. Даже не щадила своего «одарённого» Сократа и «даровитого» Филю своей соседки, и моей «талантливой» Альмы. А вот менее способных учеников всячески нахваливала. Стоило какой-нибудь туго соображающей собаке выполнить пустяковое задание, как от Анны слышалось:

— Умничка! Всё замечательно и удивительно! Бесподобно и восхитительно!

Вначале меня удивлял такой несправедливый подход к ученикам, но потом я понял, что к талантливым и надо относиться с повышенными требованиями. Как говорится, кому много дано, с того и больший спрос. И, вообще, строгость и резкость оправданы, если они для пользы дела. Это касается и собак, и детей. А у взрослых даже грубость простибельна, если за ней стоит правота. Другое дело — слабые ученики. Для них выполнение и пустяковых заданий стоит немалых усилий, и потому их надо всячески поощрять.

Позднее это подтвердила и сама Анна. Как-то после занятий она распекала своего Сократа за лень и несобранность, за то, что он постоянно пялится на Альму и забывает, что ему надо делать в тот или иной момент. Сократ слушал Анну, кивал после каждого её слова, виновато вилял хвостом, но продолжал зыркать в сторону Альмы.

— Он исправится, — вступился я за Сократа.

— Посмотрим, — вздохнула Анна. — У талантливых часто сложные характеры. С ними нелегко. Приходится быть строгой. Сократ одарённый, умный, но жутко упрямый. Я прямо измучилась с ним... А слабых учеников я поддерживаю. Вон, смотрите, сёстры Жучка и Жулька, — она показала на двух дворняжек, бегающих за Домом культуры. — Они живут у гаражей. Здесь, на сцене, многого не понимают, но как стараются! Нельзя от животного требовать больше, чем оно может дать.

— И от человека тоже, — вставил я.

— Разумеется, — улыбнулась Анна.

На первых же занятиях Альма показала себя исполнительной, прилежной ученицей. Анна не могла на неё нарадоваться.

— Я в шоке, — говорила мне. — У Альмы явный актёрский талант. Её пластика, мимическое и вокальное дарование завораживают. У неё всё получается замечательно и удивительно! Бесподобно и восхитительно!

Но давно подмечено, чем талантливей человек, тем больше у него завистников. Тем более в театре, который некоторые актёры называют «террариумом единомышленников». В «Собачьем театре» у Альмы тоже нашлась завистница. Одна из дворовых сестёр Жулька вначале только копировала «балетную» походку Альмы, но однажды на глазах у всех «артистов» подсыпала песок в тапочки моей подружки, после чего Анна устроила Жульке показательную взбучку:

— Ах ты, зловредная bestия! Как ты можешь так мерзко поступать?! Ещё раз такое устроишь, отчислю из театра!

Жулька поджала хвост, завалилась на спину, показывая, что полностью признаёт свою вину, и плаксиво пропищала: — Альма, прости, я больше не буду.

Чтобы осуществить «пламенную мечту», Анна решила поставить «Приключения Буратино». Половину главных ролей отдала ребятам, а вторую половину распределила так: на роль Пуделя, естественно, назначила Филю, на роль Кота — Сократа, на роль Лисы — само собой, Альму — кого ж ещё, если моя подружка была вылитой Лисой?!

Репетиции уже были в самом разгаре, как вдруг в «собачьей труппе» появилась новенькая — сеттер Нелли. Её привёз на «джипе» хозяин, наголо бритый громадный мужчина. Размахисто прошагав по сцене, он зычно представился Анне:

— Фиолетов! Директор крупной фирмы! Прослышал про ваш театральный кружок и решил вам помочь. Готов оплатить ваши декорации, костюмы и прочую музыку!

— Мы будем вам благодарны, — радостно сказала Анна. — Мы, действительно, нуждаемся в помощи. Городские власти нам не выделяют деньги, мы держимся на одном энтузиазме. На постановки немного денег собирают родители детей...

— Всё оплачу! — Фиолетов поднял руку. — Но с условием! Мою Нелли возьмёте в труппу и дадите первую роль.

— Хорошо, — согласилась Анна. — Подберём ей какую-нибудь роль.

— Не какую-нибудь, а главную! — нахмурился Фиолетов. — Она чемпионка по экстерьеру, блестяще знает все команды. Даже по-английски. Умеет танцевать и петь, уже снималась в кино. Она легендарная собака!

— Ну хорошо, хорошо, — кивнула Анна.

Когда Фиолетов удалился, Анна устроила Нелли экзамен: попросила её что-нибудь станцевать и спеть. Нелли скорчила насмешливую гримасу и какой-то изломанной походкой продефилировала на сцену.

Она в самом деле умела танцевать, но слишком показно и манерно, слишком выпячивая себя, слишком красуясь перед Анной. И петь она умела. Правда, у неё был не очень приятный, дребезжащий голос, но она явно так не считала — закончив пение, высокомерно посмотрела на «артистов» и щёлкнула языком — вот, мол, как надо петь! «Артисты» поняли, что у Нелли «звёздная болезнь» и сразу прозвали её «воображалой». Тем не менее Анна похвалила Нелли, а на следующей репетиции сказала нам с Альмой:

— Должна вас огорчить. Я решила отдать роль Лисы Нелли. Я понимаю, что такое решение меня не украшает, но войдите в мое положение. Мы же бедные, а хозяин Нелли уже дал деньги на декорации и костюмы. У нас будет замечательный красочный спектакль. Я столько об этом мечтала.

От неожиданности у Альмы перехватило дыхание. Некоторое время она обеспокоенно смотрела на своего преподавателя, потом насупилась и побежала к выходу из Дома культуры.

— Обещаю вам, — продолжила Анна. — В следующей постановке Альма будет играть самую главную роль. Я планирую поставить «Бременских музыкантов».

— Мне-то всё понятно, — огорчённо кивнул я. — Теперь деньги решают всё. Но для Альмы это ещё одна несправедливость после конкурса красоты...

Я повернулся, чтобы пойти за Альмой, но Анна взяла меня за руку.
— Подождите! Я отдам Альме роль Продавца пивков. Это маленькая, но интересная и сложная роль. Продавец пивков должен петь красивую песню «Далеко, далеко за морем...». Альма её исполнит лучше всех, я уверена в этом.

— Я поговорю с ней, — только и смог я произнести.

Глава тридцать пятая. «Спектакль для пап и мам»

Альма лежала в сквере у скамьи и горестно смотрела на траву перед собой. Я подошёл, погладил её и нарочито бодрим голосом сообщил, что Анна предлагает ей роль Продавца пивков. После роли Лисы такое предложение Альма посчитала оскорбительным; она взглянула на меня и выдохнула — Уйду из этого театра!

— Альма, дорогая, не горячись. Любую, даже самую маленькую роль, можно сыграть прекрасно. Анна сказала, что Продавец пиявок должен петь красивую песню и что ты споёшь её лучше всех. А в следующем спектакле она обещала тебе самую главную роль.

С немалым трудом мне всё-таки удалось вернуть Альму на сцену.

Ну, а вам, друзья, я скажу вот что — можно получить хорошую роль, правильно спеть песню и неплохо станцевать, можно даже при этом изобразить всякие чувства, но если артист всё делает бездушно, с холодным сердцем, нас не затронут ни песня, ни танец. Только искренние переживания артиста, его горение и страсть заставят нас радоваться и огорчаться, смеяться и плакать. И вообще, только с горением и страстью можно сделать что-то значительное. А чтобы «гореть» и заражать других своим «горением», нужен талант. И талант всегда заметен. Даже в небольшой роли, в одном куплете песни, в двух—трех танцевальных движениях. Талантливый человек всё делает чуть-чуть лучше других. Но в этом «чуть-чуть» всё дело.

Ладно, пойдём дальше. На деньги Фиолетова Анна заказала декорации и костюмы. Альме сшили чёрный брючный костюм и чёрную шляпу. С марлевым сачком и стеклянной банкой, в которой плавали... — не пиявки, конечно, — нитки! — Альма выглядела настоящим Продавцом пиявок.

Как и в каждом театре, перед премьерой Анна устроила прогон — так называемый «спектакль для пап и мам». Зрителями были работники Дома культуры, родители детей-«актёров» и хозяева собак-«актёров». Я пригласил драматурга Шашина, чтобы он, как профессионал, оценил талант Альмы. До этого я не раз говорил ему о необыкновенных способностях своей подружки. Он слушал меня недоверчиво, хмыкал что-то себе под нос, морщился. А однажды рассмеялся:

— Ты мне все уши прожужжал про свою Альму. Так расхваливаешь её. Может, тебе на ней жениться? — его смех перешёл в хохот. Он долго прыскал и, задыхаясь, всхлипывал, а когда, наконец, успокоился, серьёзно сказал: — Возможно, у Альмы и есть кое-какие

способности, но, чтобы петь — не верю! Хватит меня дурачить! Ты всегда умел загибать, но хотя бы сейчас, под старость, уймись. Сколько можно мне лапшу на уши вешать?!

Вот такие у меня «вежливые» приятели. Но никуда от них не деться — сами знаете, «ищущий друзей без недостатков, останется одиноким».

Как вы, дорогие читатели, догадываетесь, свой маленький эпизод Альма сыграла блестяще, особенно душевно спела песню, но на сцене она пробыла всего несколько минут, и те минуты находилась в тени исполнителей главных ролей, поскольку они играли на переднем плане, а Альма в глубине сцены. Многие в зрительном зале и не рассмотрели Продавца пиваков, заметили лишь чёрный силуэт и услышали прекрасный голос — подумали, какая-то известная певица. Но профессионал видит всё.

— Ты прав, у Альмы налицо талантище, — толкнул меня в бок Шашин, когда Альма исчезла в кулисах. — Она выше всяких похвал, всех переиграла, от всех ушла далеко вперёд. Хотя, думаю, может продвинуться ещё дальше. Чувствуется, у неё огромные возможности. Пожалуй, напишу специально для неё пьесу.

Бесспорно, по таланту Альма была выше своих партнёров, но после спектакля больше всего аплодисментов досталось исполнителям главных ролей: мальчишкам и девчонкам, и, конечно, Филе, Сократу и Нелли.

Да, друзья, для успеха в жизни одного таланта недостаточно, нужна ещё удача, случай. И такой случай вскоре Альме представился.

Глава тридцать шестая. **Пьеса для Альмы**

Теперь я хочу вам, друзья, кое-что сказать. Обратите внимание — почему-то удача, как правило, сопутствует трудолюбивым, одержимым, неугомонным. И случай, в большинстве своём, представляется тем, кто не опускает руки от неудач, не отчаивается, а упорно идёт к цели. Короче, если вам чего-то очень хочется — добивайтесь!

Так вот, Шашин сдержал слово — написал пьесу для Альмы. Её сюжет был предельно прост: бездомная дворняжка в глухом посёлке с детства мечтала стать актрисой. Девушкой она прибегает в большой город и после долгих мытарств осуществляет свою мечту — становится знаменитой актрисой. Пьесу Шашин назвал «Браво, Альма!»

Прочитав пьесу, Анна воскликнула:

— Я — в шоке! Всё замечательно и удивительно! Бесподобно и восхитительно! У меня есть знакомый композитор, он напишет к пьесе музыку, и у нас получится красочный мюзикл!

Фиолетов, узнав про новую постановку Анны, заявил ей:

— Всё оплачу, но расклад такой: главную роль сыграет Нелли, и пьеса будет называться «Нелли — суперзвезда!»

Но Анна решительно отвергла это условие:

— Нет, главную роль исполнит Альма. Пьеса написана для неё. Нелли сыграет что-нибудь другое. Прошлый раз я вам уступила, но больше этого не будет, не вводите меня в шок!

— При таком раскладе на постановку не дам ни рубля! — гаркнул Фиолетов. — Посмотрю, как вы без меня выкарабкаетесь!

За помощью Анна обратилась к родителям детей и хозяевам собак. Деньги собирали всем миром, в этом благородном деле участвовали даже сторож и пожарный Дома культуры, и участковый милиционер. Несколько костюмов сшили родители ребят, в основном используя старую одежду, но кое-какие ткани всё же прикупили.

Внесли свой вклад в постановку и мои приятели. Нежданов написал стихи к пьесе, Рахманов из фанеры сколотил часть декораций, а Дмитрюк живописно расписал их и придумал эффектную афишу. Ну а я усердно, не жалея своего живота, помогал им. Разумеется, помогал «сколачивать» и «расписывать», а не писать стихи, хотя всё-таки Нежданову дал ценный совет — рифмовать «Альму с пальмой».

В один из дней Анна познакомила нас с композитором. Кем он оказался, как вы думаете? Моим давним приятелем! Это был бард

Александр Николаевич Жуков. Выяснив, что от него требуется, Жуков раскинул руки:

— Только и всего?! Нет вопроса. Всё сделаю как надо, для меня это несложно. Сочинение запишем на диск, музыку в зал запустим на полную катушку, все вздрогнут. Надеюсь, не забудете поставить мою фамилию на афишу. И покрупнее.

— Не забудем, — заверила Анна композитора. — Но, Александр Николаевич, мы не сможем вам заплатить.

— О деньгах не может быть и речи, — отмахнулся Жуков. — Мои сочинения стоят больше всяких денег.

— Главное, в работу вложить душу, — вставил Нежданов. — Мои стихи лирические, и хотелось бы, чтобы музыка к ним была задушевной, вышибающей слезу.

— Не беспокойтесь, всё сделаю как надо, — успокоил священника-поэта Жуков.

— И учтите, Александр Николаевич, — встревожилась вдруг Анна. — В первой части главная героиня — весёлая, беззаботная собачонка. Для неё мир — замечательный и удивительный. Здесь нужна жизнерадостная музыка. Но потом героиня попадает в город и сталкивается с непониманием и даже с жестокостью. Здесь музыка должна быть печальной. Но, как говорится, мир не без добрых людей. Героиня встречает человека, который разглядел её таланты. Ну и всё заканчивается триумфом героини. И здесь музыка должна быть торжествующей, восхитительной. Тогда у нас будет бесподобный мюзикл, все будет в шоке!

— Совершенно уверен в этом, — кивнул Жуков. — Давайте текст!

Музыку Жуков написал уже на следующий день. Вернее, не написал, а сочинил и держал её в голове, поскольку написать не мог — он не знал нотной грамоты. И «сочинил» не совсем точно — он попросту взял свои старые песни и исполнил их на гитаре одну за другой, но без слов. Получился музыкальный коктейль, или мелодичный винегрет, не знаю, как лучше сказать. Слушатели встретили это сочинение с ликованием.

— Всё удивительно и восхитительно! — праздничным голосом возвестила Анна.

— Угу! — прогудели «артисты»: мальчишки, девчонки и собаки.

Рахманов с Дмитриюком зашептали:

— Гений! Гений! Всего за один день создал такое произведение!

А Нежданов всё-таки робко пролепетал:

— Но где же песни на мои стихи?

— Сейчас сделаем, пожалуйста, — невозмутимо бросил «маэстро».

Пролистав пьесу, он нашёл стихи и тут же пропел их под гитару — опять-таки на одну из своих «коронных мелодий».

Дальше около месяца проходили репетиции. Питомцы Анны трудились в поте лица, увлечённо, вдохновенно. Особенно старалась Альма, свою роль она исполняла с «горением и страстью», с «огоньком», как говорила Анна. Моя подружка настолько вошла в образ своей героини, что и дома перед зеркалом проигрывала отдельные эпизоды мюзикла. А случалось, и во сне начинала дёргать лапами и заливисто петь.

В день генерального прогона, чтобы «артисты не перегорели», Анна разрешила присутствовать в зале только тем, кто создавал мюзикл, то есть, моим приятелям. Ну и мне, который помогал «сколачивать» и «раскрашивать», а главное, как сказала режиссёр, «воспитал необыкновенную собачку-артистку».

Несмотря на однообразное бречанье гитары, мюзикл получился первоклассным. Во-первых, поражали яркие, живописные декорации. Во-вторых, и дети, и собаки играли так естественно и искренне, что вызывали сопереживание, а это явный признак настоящего искусства. В-третьих, Альма превзошла саму себя — её эмоциональность, умение танцевать и петь выглядели, как чудо. Во время действия мои приятели то и дело шептали:

— Ну, Альма даёт! Поразительно! Громадный талант! Нет слов!..

Глава тридцать седьмая, последняя

Через несколько дней состоялась премьера. Зал Дворца культуры был переполнен — на первый детский мюзикл собралось всё малолетнее население Истры. Разумеется, на представление я привёз и Гришку с Мишкой — как же не взять ближайших дружков Альмы?! И, само собой, прикатила вся наша команда создателей мюзикла: Шашин, Жуков, Дмитрюк, Рахманов и Нежданов. И приехал мой брат. А вот появление ветеринара Алексея Неведова стало для меня неожиданностью. Он подошёл ко мне в зале, когда мы с Гришкой и Мишкой усаживались в первом ряду на места «для почётных гостей». Поздоровавшись, Неведов представил стоящую рядом симпатичную девушку:

— Вот познакомьтесь. Моя жена. Мы увидели на афише имя Альмы и решили посмотреть спектакль.

Для Неведова и его жены Анна распорядилась поставить стулья у сцены, «как для самых почётных гостей». Как потом выяснилось, ветеринар когда-то лечил Сократа от кашля.

А теперь, друзья, немного полетайте на крыльях воображения, представьте себе, как после открытия занавеса перед вами появляется гигантский калейдоскоп — множество разноцветных пятен. Всё, что мы видели на генеральной репетиции — и декорации, и костюмы актёров — и без того яркие, стали ещё ярче, прямо горящими, от них даже чувствовался жар. Зрители были ошеломлены, по залу прошёл вздох восторга. Оказалось, это волшебство произошло от лучей софитов, которые раньше Анне не разрешали включать ради экономии электричества.

Но это не всё. Неожиданно и музыка зазвучала по-новому. Раньше все репетиции проходили под маловыразительное треньканье гитары, а тут вдруг в зал полилось множество красивейших звуков. Позднее Анна призналась, что «оживил» сочинение Жукова оркестр народных инструментов при Доме культуры.

— Мне не пришлось уговаривать музыкантов, — пояснила она. — Они сами предложили. И записали музыку на диск. Получилось бесподобное, восхитительное благозвучие.

Описывать весь спектакль я не стану. Вы, друзья, просто вспомните прекрасный генеральный прогон и представьте, что на премьере всё было ещё лучше — так вдохновенно играли и дети, и собаки. А выступление Альмы... Она творила что-то неземное, честное слово. Казалось, на сцене собака-инопланетянка. Короче, мюзикл прошёл потрясающе. Только на этот раз со мной сидели не приятели, а Гришка с Мишкой, и они во время действия ничего не шептали, они вскакивали и кричали:

— Альма — супер! Альма — круто! Альма — прикольно!

Собственно, это же кричали все ребята в зале. Ну и как вы догадываетесь, когда представление закончилось, долго не смолкала овация. Все бросились к сцене и завалили Альму полевыми цветами.

Альма выбежала ко мне невероятно возбуждённая; она ещё не отошла от своей роли, дышала тяжело, её глаза были полны слёз. Счастливых слёз. Но вдруг она уткнулась в мои колени и еле слышно проговорила:

— Как жаль, что Вова не увидит этот спектакль...

Вот так, друзья. В этот момент она думала о Вове.

Ну а на выходе из Дома культуры нас поджидали мои приятели. Они были настолько потрясены, что онемели и тарасились на Альму, как на божество. А оборачиваясь ко мне, только разводили руками, давая понять, что стали свидетелями нечто фантастического. Лишь Шашин сказал мне:

— Альма, действительно, необыкновенная собака. Теперь её слава взлетит до небес. Ты должен написать о ней повесть. Сам знаешь, в пьесе я многое присочинил, а ты напиши, как всё обстояло на самом деле. Вряд ли у тебя получится лучше, чем в моей пьесе, но попробуй!

Леонид Сергеев. Мои собаки

Я попробовал. Повесть перед вами, друзья.

В заключение, скажу вот что. В том месте, где расположен наш посёлок, всегда красивые закаты. Вечером после премьеры, когда мы подъезжали к посёлку, закат был особенно красив. Лучи заходящего солнца веером расходились по всему небу; прямо на наших глазах они искрились и таяли. А из-за леса по лучам, словно серебристые шары, наплывали облака.

Говорят, тот, кто видел красивый закат, будет счастливым. Приезжайте в наш посёлок, друзья! Полюбуйтесь закатами. И будьте такими же счастливыми, как мы с Альмой.

2009 г.

СОДЕРЖАНИЕ

САМЫЙ ДРУЖЕЛЮБНЫЙ ПЁС НА СВЕТЕ	5
ЖЕЛЕЗНЫЙ ДЫМ	105
МОЯ ПРЕКРАСНАЯ ПОДРУЖКА	251

Литературно-художественное издание
для детей среднего и старшего школьного возраста

Сергеев Леонид Анатольевич

Мои собаки

Самый дружелюбный пёс на свете

Железный Дым

Моя прекрасная подружка

*Повести для подростков и взрослых,
которые любят животных*

Подготовлено при участии
НО «Издательский центр «Московведение»
125252, Москва, ул. Зорге, 15. Тел.: (495) 727-2069
Генеральный директор — *Ю.Н. Курнешов*

Книга подготовлена
редакционно-издательской группой «Наша школа»
125252, Москва, ул. Зорге, д. 15, влад. 9а.
Тел.: (499) 195-1632; 195-1732; доб. 2-61, 2-62

Главный редактор — *Е.А. Александрович*

Вёрстка — *В.В. Брызгалова*

Технический редактор — *А.И. Немальцина*

Корректор — *Т.П. Игнатова*

Подписано в печать 01.04.2011.
Формат 70х90/16. Бум. офсетная.
Гарнитура Букварная. Печать офсетная.
Печ. л. 24,0. Тираж 3000 экз. Заказ 5931.

ISBN 978-5-905118-02-9

9 785905 118029

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ЗАО «ИПК Парето-Принт», г. Тверь,
www.pareto-print.ru